ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЛАСТЬ

№ 03 (т. 28) /2020
МАЙ–ИЮНЬ

ИЗДАЕТСЯ С АВГУСТА 1993 ГОДА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Михаил ГОРШКОВ – *академик РАН, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (председатель совета)*

Борис БАЗАРОВ – *академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (заместитель председателя совета)*

Владимир БУРМАТОВ – *к.пед.н., глава комитета Государственной Думы РФ по экологии и охране окружающей среды*

Оксана ГАМАН-ГОЛУТВИНА – *чл.-корр. РАН, д.полит.н., профессор, зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, президент Российской ассоциации политической науки, член Общественной палаты РФ, председатель ФУМО «Политические науки и регионоведение», председатель Экспертного совета РФФИ*

Александр А. ГОРБУНОВ – *д.полит.н., профессор, директор Гуманитарного института Московского государственного университета путей сообщения*

Александр П. ГОРБУНОВ – *д.э.н., кандидат исторических наук, профессор, ректор Пятигорского государственного университета, заслуженный работник высшей школы РФ, вице-президент Российского союза ректоров, председатель Совета ректоров вузов СКФУ*

Руслан ГРИНБЕРГ – *чл.-корр. РАН, научный руководитель Института экономики РАН*

Алексей ГРОМЫКО – *чл.-корр. РАН, директор Института Европы РАН*

Александр ДЕГТЯРЕВ – *д.и.н., профессор, советник Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ*

Виктор ДЗОДЗИЕВ – *к.э.н., шеф-редактор журнала «Власть»*

Владимир ДИНЕС – *д.и.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ*

Александр ЕВЛАХОВ – *к.и.н., зам. председателя правления общества «Знание» России*

Мария ЗАХАРОВА – *к.и.н., директор департамента информации и печати МИД РФ*

Рустам ИДРИСОВ – *д.юр.н., профессор, директор Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук (ЦИПБ РАН)*

Аркадий ЛАПШИН – *к.и.н., главный редактор журнала «Власть», член Президиума Академии политической науки*

Александр НЕКИПЕЛОВ – *академик, директор МШЭ МГУ им. М.В. Ломоносова*

Жанна НИКОНОВА – *д.фил.н., доцент, ректор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова*

Олег ПОЛУХИН – *д.полит.н., профессор, ректор Белгородского государственного национального исследовательского университета*

Анатолий ПУЮ – *д.соц.н., профессор; директор Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ, заведующий кафедрой международной журналистики, профессор факультета журналистики МГУ*

Константин СИМОНОВ – *к.полит.н., доцент; проректор, профессор департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ*

Олег ШАБРОВ – *д.полит.н., профессор, президент Академии политической науки*

Александр ШОХИН – *д.э.н., профессор, президент НИУ-ВШЭ, президент Российского союза промышленников и предпринимателей*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Аркадий ЛАПШИН
1-й заместитель главного редактора
Сергей БЕЛОКОНЕВ
Заместители главного редактора
Юрий ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ГРОМАКОВ
Татьяна КАЩЕНКО
Сергей КУЛЕШОВ
Аркадий МАРШАК
Редактор интернет-сайта
Юрий ЕЛЕЕВ
Редактор
Наталия ГАЛКИНА
Заведующий редакцией
Валентина АТРОШЕНКО

Андрей АЛЕЙНИКОВ,
Николай АСОНОВ,
Валентин БАБИНЦЕВ,
Василий БЕЛОЗЕРОВ,
Виктор БЕЛОУСОВ,
Олег БЕЛЬКОВ,
Максим ВИЛИСОВ,
Владимир ВОЛОХ,
Камалудин ГАДЖИЕВ,
Марина ГАЛАС,
Андрей ДАХИН,
Елена ДЕМИДОВА,
Евгений ДУГИН,
Татьяна КОБЗЕВА,
Сергей КОРНИЕНКО,
Андрей КОШКИН,
Леонид КУРАС,
Владимир ЛАРЧЕНКОВ,
Валерий МАРКИН,
Сергей МЕЛЬКОВ,
Александр НИКОЛАЕВ,
Георгий ПЕЩЕРОВ,
Александр ПИРОГОВ,
Александр ПОНЕДЕЛКОВ,
Яков ПЛЯЙС,
Роман ПЫРМА,
Павел РАЗОВ,
Марина РЫБАКОВА,
Дмитрий РУБВАЛЬТЕР,
Леонид СМОРГУНОВ,
Александр СОЛОВЬЕВ,
Илья ТАРАСОВ,
Лидия ТИМОФЕЕВА,
Сергей УСТИНКИН,
Виктор ФИЛОНЕНКО,
Олег ФОМИН,
Василий ХАРИТОНОВ,
Олег ЯНИЦКИЙ

EDITORIAL COUNCIL

Mikhail GORSHKOV – *Academician of RAS, Director of the Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences*

Boris BAZAROV – *Academician of RAS, Director of Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences*

Vladimir BURMATOV – *Cand.Sci. (Ped.), Russian State Duma member*

Oksana GAMAN-GOLUTVINA – *Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Prof., Head of Comparative Political Science Department, Moscow State Institute of International Relations, University of Russian Ministry of Foreign Affairs, President of the Russian Association of Political Science (Russia), member of the Public Chamber of the Russian Federation, Chairman of the Federal Educational and Methodical Association (UMO) «Political Sciences and Regional Studies», Chairman of the Expert Council of RFBR*

Aleksandr A. GORBUNOV – *Dr.Sci. (Ped.), Prof., Director of the Institute for the Humanities, Moscow State University of Railway Transport*

Aleksandr P. GORBUNOV – *Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Hist.), Professor, Rector of Pyatigorsk State University, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Vice-President of the Russian Union of Rectors, Chairman of the Council of Rectors of North-Caucasian Federal University*

Ruslan GRINBERG – *Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences*

Alexey GROMYKO – *Corresponding Member of RUS, Acting Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*

Aleksandr DEGTYAREV – *Dr.Sci. (Hist.), Prof., Advisor to the Chairman of the Federation Council, Federal Assembly of the Russian Federation*

Viktor DZODZIEV – *Cand.Sci. (Econ.), Chief-Editor of "Vlast' (Power)"*

Vladimir DINES – *Dr.Sci. (Hist.), Prof., Honored Scientist of the Russian Federation*

Aleksandr EVLAKHOV – *Cand.Sci. (Hist.), Deputy Chairman of the Board, "Znanie (Knowledge)"*

Rustam IDRISOV – *Dr.Sci. (Legal), Professor, Director of the Security Studies Centre, Russian Academy of Sciences*

Arkadiy LAPSHIN – *Cand.Sci. (Hist.), Editor-in-Chief of "Vlast' (Power)", General Director of the LLC "The Editorial Board of "Vlast" (Power)", Presidium member of the Academy of Political Science*

Aleksandr NEKIPELOV – *Academician, RAN, Director of Moscow School of Economics, M.V. Lomonosov Moscow State University*

Oleg POLUKHIN – *Dr.Sci. (Pol.Sci.), Prof., Acting Rector of Belgorod National ResearchUniversity*

Anatoly PUYU – *Dr.Sci. (Soc.), Prof., Director of the School of Journalism and Mass Communications, Saint Petersburg State University, Head of International Journalism Department, Moscow State University*

Oleg SHABROV – *Dr.Sci. (Pol.Sci.), Prof., President of the Academy of Political Science*

Aleksandr SHOKHIN – *Dr.Sci. (Econ.), Prof., President of National Research University – Higher School of Economics, President of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs*

Konstantin SIMONOV – *Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Vice Rector, Professor of the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation*

Maria ZAKHAROVA – *Cand. Sci. (Hist.), Director of Information and Press Department, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Arkadiy LAPSHIN, *Cand.Sci. (Hist.) Editor-in-Chief of «Vlast» («Power»), General Director of the LLC «The Editorial Board of "Vlast" (Power)», Presidium member of the Academy of Political Science*
First Deputy Editor-in-Chief
Sergey BELOKONEV, *Cand. Sci. (Pol. Sci.), Ass. Prof.*
Deputy Editor-in-Chief
Yuriy VASILIEV, *Dr.Sci. (Hist.), Prof.*
Anatoliy GROMAKOV, *Cand.Sci. (Hist.), Prof.*
Tatiana KASHCHENKO, *Cand.Sci. (Philos.), Ass. Prof.*
Sergey KULESHOV, *Cand.Sci. (Hist.)*
Arkadiy MARSHAK, *Dr.Sci. (Philos.), Prof.*
Editor of the Website
Yury ELEEV, *Cand. Sci. (Tech.)*
Editor
Natalia GALKINA
Head of the editorial office
Valentina ATROSHENKO

Andrey ALEINIKOV,
Nikolay ASONOV,
Valentin BABINTSEV,
Vasiliy BELOZEROV,
Oleg BEL'KOV,
Viktor BELOUSOV,
Andrey DAKHIN,
Elena DEMIDOVA,
Evgeny DUGIN,
Victor FILONENKO,
Oleg FOMIN,
Kamaludin GADZHIEV,
Marina GALAS,
Vasiliy KHARITONOV,
Tatiana KOBZEVA,
Sergej KORNIENKO,
Andrey KOSHKIN,
Leonid KURAS,
Vladimir LARCHENKOV,
Valeriy MARKIN,
Sergey MEL'KOV,
Aleksandr NIKOLAEV,
Georgiy PESHEROV,
Aleksandr PIROGOV,
Aleksandr PONEDELKOV,
Jakov PLYAYS,
Roman PYRMA,
Pavel RAZOV,
Marina RYBAKOVA,
Dmitriy RUBVALTER,
Leonid SMORGUNOV,
Aleksandr SOLOV'EV,
Iliya TARASOV,
Lidiya TIMOFEYEVA,
Sergey USTINKIN,
Maksim VILISOV,
Vladimir VOLOKH,
Oleg YANITSKIY

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) «Власть» включена в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал рекомендован для публикаций по следующим отраслям науки: 23.00.00 – политология; 07.00.00 – исторические науки и археология; 22.00.00 – социологические науки.
Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

СТАТЬИ, ПУБЛИКУЕМЫЕ В ЖУРНАЛЕ «ВЛАСТЬ» ИНДЕКСИРУЮТСЯ И РЕФЕРИРУЮТСЯ В БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ АГЕНТСТВАХ И БАЗАХ ДАННЫХ

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира – Россия.

ERIH PLUS

Международная база данных, содержащая библиографическую информацию о научных журналах в области гуманитарных и социальных наук. Штаб-квартира – Норвегия.

Google scholar

Поисковая система по полным текстам научных публикаций, вобравшая в себя данные из большинства рецензируемых онлайн-журналов, выпускаемых основными научными издательствами Европы и Америки. Штаб-квартира – США.

DOAJ DIRECTORY OF OPEN ACCESS JOURNALS

Международный мультидисциплинарный каталог журналов открытого доступа. Содержит более 10000 названий научных журналов и метаданные статей этих журналов.
Штаб-квартира – Великобритания.

WorldCat

Крупнейшая в мире библиографическая база данных, насчитывающая свыше 240 млн записей о всех видах произведений на 470 языках мира. Штаб-квартира – США.

CYBERLENINKA

Российская научная электронная библиотека открытого доступа, основными задачами которой является популяризация науки и научной деятельности, а также общественный контроль качества научных публикаций. Насчитывает более 1 млн статей.
Штаб-квартира – Россия.

МЕДИАЛОГИЯ

Автоматизированная система, осуществляющая мониторинг СМИ и медиаанализ. Входит в тройку лидеров рынка. В базе данных более 37000 СМИ. Штаб-квартира – Россия.

Journal TOCs

JournalTOCs – крупнейшая международная онлайн-база данных, включающая в себя оглавления и метаданные около 30000 научных журналов по всему миру.
Штаб-квартира – Великобритания.

crossref

CrossRef – международная некоммерческая ассоциация, основанная и управляемая издателями. Является официальным регистрационным агентством DOI для образовательных и профессиональных научных публикаций. Штаб-квартира – США.

Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации РФ.Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–19000.

Содержание

ЮБИЛЕЙ

О. Бельков Апология Победы: 75 лет спустя 9

ПОЗИЦИЯ

В. Петров, М. Петрова О новом подходе к подготовке профессиональных аналитиков 17

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО

Б. Зеленко, Э. Шиманская О специфике политического в российском цифросетевом пространстве 24
Т. Каминская, А. Чаусов Национальные проекты и медиасфера: продвижение и восприятие 31
Л. Чалдаева, А. Килячков, А. Якорев К вопросу о формировании государственных функций по обеспечению безопасности в виртуальном пространстве России 37
А. Носиков К концепции цифровых институтов: как посредством технологии блокчейна можно модернизировать институциональные практики 47

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ПРАКТИКИ

С. Расторгуев Взаимозависимость угроз национальной безопасности и качества жизни в России 53
Е. Карсанова, Р. Гуршумов Диаспора как политический ресурс 63
Л. Яськова Закон партийного спроса 68
Н. Красовская Этнокультурная идентичность 75
О. Рыбкина Некоторые аспекты развития системы местного самоуправления в крупных городских агломерациях: транспортная проблема и перспективы ее решения 81
Н. Сабирова Национальная политика современной России в контексте межэтнических взаимодействий внутри государства 87

МОЛОДЕЖЬ РОССИИ: XXI ВЕК

С. Воронцов, А. Понеделков Об отношении российской молодежи к Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. 92
А. Маршак, Л. Рожкова Политический и гражданский потенциал молодежи Поволжья и Крыма в современных условиях 98

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: НОВАЯ АНАЛИТИКА

И. Гладков Внешнеторговые связи Европейского союза: накануне новых испытаний 110

ЭКСПЕРТИЗА

Ю.Волобоева, М. Горбачев, М. Ян Модели идентификации проектов Нового шелкового пути 117
Е. Рудакова Международная дискуссия по проблеме защиты прав человека до рождения 123
С. Евенко, И. Попов Государственные стратегии управления рисками социальной адаптации российских военнослужащих, уволенных в запас 129
И. Васильев Теоретическая модель системы мобилизационной подготовки в Российской Федерации 135
А. Комбаев, И. Доржиева, Э. Цыремпилова Образы Монголии в региональных СМИ приграничных территорий России как отражение «мягкой силы» Монголии 142

ИДЕИ И СМЫСЛЫ

В. Дягилев, Т. Замиралова Мифические ценности современного мира: куда мы идем? 148
Ч. Цыренов Монархи и канцлеры эпохи Восточная Цзинь (317–420 гг. н.э.) и ранний китайский буддизм 153

СОЦИОЛОГИЯ

Е. Макаренко Субъектность отечественной технической интеллигенции в осуществлении задач информатизации 158
А. Покида, Н. Зыбуновская Самозанятые граждане и социальные гарантии 165
М. Шулепин, В. Воронов Образовательные модели модернизации современного института дополнительного профессионального образования в правоохранительной сфере 173
В. Шилов Историко-социологический аспект понятия «великая держава» 181

ПОЛИТОЛОГИЯ

И. Помигуев, Д. Алексеев Законодательный процесс и законодательные технологии как предмет исследования в российском политологическом дискурсе 190
В. Николаев, К. Николаев К вопросу о содержании термина «государство» 196
Г. Юсупова Концептуализация категории «этнополитическая безопасность» в современном политологическом дискурсе 202

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

С. Кислицын Пиррова победа И.В. Сталина 208
Е. Шаповал О роли национального представительства в развитии образования в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-е гг. 214
Т. Курас, С. Курас Деятельность судебных палат Российской империи и органов тюремного ведомства на страницах памятных книжек 219
И. Гурлев Обеспечение безопасности на транспорте в Российской империи (1797–1917) 224
И. Волков Об отчуждении земель под железнодорожное строительство в Русском Туркестане 231

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ли Сюй Исследование политической позиции студентов университетов в эпоху Интернета 237

ПЕРСОНЫ

В. Дзюбан Влияние личности Петра I на решение социальных вопросов в России 248
Ю. Васильев, А. Касанова Торрес В.О. Ключевский как основоположник экономической истории России 255
С. Осипенко Правовая школа М.М. Сперанского: становление отечественной модели специализированной юридической подготовки 260

ПОЛИТИКА В ФОКУСЕ

Е. Красина «Соседей не выбирают»: взгляд на взаимоотношения России и Евросоюза 264
А. Шогунц Современное измерение миграционной политики Италии 270
И. Баракат Вооруженный конфликт в Сирии и проблема урегулирования: политический реализм Г. Моргентау по-прежнему актуален 275
Цуй Чжен Политэкономический анализ китайско-российских всесторонних отношений стратегического взаимодействия и партнерства в новую эпоху 280

КНИГИ

Н. Медушеский Рецензия на книгу «Countering Sectarianism in the Middle East» 280

Table of Contents

JUBILEE

O. Bel'kov Apology of Victory: 75 Years Later 9

POSITION

V. Petrov, M. Petrova To a New Approach to Professional Analysts Training 17

GLOBALIZATION AND THE DIGITAL SOCIETY

B. Zelenko, E. Shimanskaya On the Specifics of the Political in the Russian Digital Network Space 24
T. Kaminskaya, A. Chausov National Projects and Media: Promotion and Perception 31
L. Chaldaeva, A. Kilyachkov, A. Yakorev On the Formation of State Functions to Ensure Security in the Virtual Space of Russia 37
A. Nosikov On the Concept of Digital Institutions: How Blockchain Technology Can Upgrade Institutions 47

POLITICAL PROCESSES AND PRACTICES

S. Rastorguev The Interdependence of Threats to National Security and the Quality of Life in Russia 53
E. Karsanova, R. Gurshumov Diaspora as the Political Resource 63
L. Yas'kova The Law of the Party Demand 68
N. Krasovskaia Ethnocultural Identity 75
O. Rybkina Some Aspects of the Development of the Local Government System in Urban Complex: the Transport Problem and Prospects for Its Solution 81
N. Sabirova National Policy of Modern Russia in the Context of Interethnic Interaction within the State 87

YOUTH OF RUSSIA – XXI CENTURY

S. Vorontsov, A. Ponedelkov On the Attitude of Russian Youth to the Great Patriotic War (1941–1945) 92
A. Marshak, L. Rozhkova Political and Civil Potential of Youth of the Volga Region and the Crimean Republic in the Modern Situation 98

WORLD ECONOMY: NEW ANALYTICS

I. Gladkov Foreign Trade Relations of the European Union: on the Eve of New Shocks 110

EXPERTISE

Yu. Voloboeva, M. Gorbachev, M. Yang The New Silk Road Project: between Civilizational and Transcontinental Dimensions? 117
E. Rudakova International Discussion on the Problem of Human Rights before Birth 123
S. Evenko, I. Popov Government Risk Management Strategies for Social Adaptation of Russian Soldiers Retired 129
I. Vasil'ev Theoretical Model of the System of Mobilization Training in the Russian Federation 135
A. Kombaev, I. Dorzhieva, E. Tsyrempilova Images of Mongolia in the Regional Media of the Border Territories of Russia as a Reflection of Mongolia's Soft Power 142

IDEAS AND MEANINGS

V. Dyagilev, T. Zamiralova Mythical Values of the Modern World: Quo Vadis? 148
Ch. Tsyrenov Monarchs and Chancellors of the Eastern Jin Era (317–420 AD) and Early Chinese Buddhism 153

SOCIOLOGY

E. Makarenko Subjectivity of the Russian Technical Intelligentsia

in the Implementation of Computerization Tasks 158
A. Pokida, N. Zybunovskaya Self-Employed Citizens and Social Guarantees 165
M. Shulepin, V. Voronov Educational Models of Modernization of the Modern Institute of Additional Professional Education in the Law Enforcement 173
V. Shilov Historical and Sociological Aspect of the Concept of Great Power 181

POLITICAL SCIENCE

I. Pomiguev, D. Alekseev The Legislative Process and Legislative Technologies as a Subject of Research in the Russian Political Science Discourse 190
V. Nikolaev, K. Nikolaev On the Meaning of the Term «State» 196
G. Yusupova Conceptualization of the Category of Ethno-political Security in Modern Political Science Discourse 202

DOMESTIC EXPERIENCE

S. Kislitsyn Pyrrhic Victory by I. V. Stalin 208
E. Shapoval On the Role of the National Representation in the Development of Education in the Buryat-Mongol ASSR in 1920s–1930s 214
T. Kuras, S. Kuras The Activities of the Judicial Chambers of the Russian Empire and Bodies of the Prison Department on the Pages of Commemorative Books 219
I. Gurlev Ensuring Transport Security in the Russian Empire (1797–1917) 224
I. Volkov On Alienation of Land for Railway Construction in Russian Turkestan 231

FOREIGN EXPERIENCE

Li Xu Study of the Political Position of University Students in the Internet Age 237

PERSONS

V. Dzyuban Influence of the Personality of Peter I on the Solution of Social Issues in Russia 248
Yu. Vasil'ev, A. Kasanova Torres V.O. Klyuchevsky as the Founder of the Economic History of Russia 255
S. Osipenko M.M. Speransky Law School: Formation of the National Model of Specialized Legal Training 260

FOCUS ON POLITICS

E. Krasina «They Don't Choose Neighbors»: a Look at the Relations between Russia and the European Union 264
A. Shogunts The Current Dimension of Italy's Migration Policy 270
I. Barakat The Armed Conflict in Syria and the Problem of Settlement: Political Realism of Morgenthau is Still Relevant 275
Cui Zheng Political Economic Analysis of Sino-Russian Comprehensive Relations of Strategic Interaction and Partnership in the New Era 280

BOOKS

N. Medushevsky Book Review «Countering Sectarianism in the Middle East» 285

Журнал «Власть» сегодня

Общенациональный научно-политический журнал «Власть» издается с августа 1993 года. На его страницах выступают отечественные и зарубежные ученые-аналитики, государственные и общественные деятели, предприниматели и финансисты, дипломаты и военные публицисты. С журналом сотрудничают ведущие аналитические центры и академические институты России.

Издание отражает широкий спектр мнений по проблемам внутренней и международной политики современной России и ее истории.

Интеллектуальным сосредоточием журнала является жизнь россиянина – человека и гражданина своего Отечества. Власть со всеми ее институтами и реальной деятельностью, функционирование политических элит и противоречия глобализации – все эти и другие актуальные темы в центре нашего внимания.

Читателями журнала являются представители органов государственного управления в центре и на местах.

Издание пользуется авторитетом в экспертном и бизнес-сообществах, в среде профессорско-преподавательского состава вузов России и стран СНГ.

Журнал выходит при сотрудничестве с Финансовым университетом при Правительстве РФ, департамент политологии и массовых коммуникаций

Журнал выходит 6 раз в год объемом до 12 п. л., его индекс в каталоге «Роспечать» – 72997.

В начале статьи для связи с автором указывается E-mail.

Международный экспертный совет / International Expert Board

Хайнрих БЕСТ, профессор университета г. Йены, Германия / **Heinrich BEST,** Dr.Sci. (Philos.), Prof., University of Iena (Germany)

Николай ГЕНОВ, доктор социологических наук, профессор, сотрудник Международного института социальных исследований, Болгария / **Nikolai GENOV,** Dr.Sci (Soc.), Prof., Institute of Global and Regional Development, School for Advanced Social Studies, Slovenia (Bulgaria)

Пан ДАВЭЙ, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук, почетный доктор Института социологии РАН, КНР / **Pan DAVEY**, Director, Center for Studies of Russia, Academy of Social Sciences (Shanghai, Chinese People's Republic), Honorary Doctor, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (China)

Гэлэгпил ЧУЛУУНБААТАР, академик, Первый вице-президент, Академия наук Монголии, Монголия / **Gelegpil CHULUUNBAATAR,** Academician, First Vice President, Mongolian Academy of Sciences, Mongolia

Маурицио КОТТА, директор Центра по изучению политических изменений университета г. Сиены, Италия / **Maurizio COTTA**, Prof.(Pol.Sci.), Department of Social, Political and Cognitive Sciences, University of Siena (Italy)

Данила Ж. МАРКОВИЧ, доктор экономических наук, профессор Белградского университета, Сербия / **Danilo J. MARKOVITCH**, Dr.Sci. (Econ.), Prof., University of Belgrade (Serbia)

Ричард САКВА, профессор факультета политологии и международных отношений Кентского университета, научный сотрудник российских и европейских программ Королевского института международных отношений, Великобритания / **Richard SAKWA**, Professor of Russian and European Politics, University of Kent, Associate Fellow of the Russia and Eurasia Programme, Royal Institute of International Affairs, Chatham House (Great Britain)

Пал ТАМАШ, профессор, директор Института социологии Венгерской академии наук, Венгрия / **Pal TAMÁS,** Dr.Sci. (Soc.), Prof., Director, Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest (Hungary)

Джон ХИГЛИ, директор Центра университета в г. Остине, США / **John HIGLEY,** Director of the Center, University of Texas, Austin (USA)

Цуй Чжэн – кандидат политических наук, доцент, зам. директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета, Китай / **Cui Zheng** – Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Deputy Director of the Center for Economic and Political Studies of Transition Economies, Liaoning University, China

БЕЛЬКОВ Олег Алексеевич – *доктор философских наук, профессор, действительный член Академии военных наук (belkovole@yandex.ru)*

АПОЛОГИЯ ПОБЕДЫ: 75 ЛЕТ СПУСТЯ

Аннотация. *Избирательный подход к истории Второй мировой и Великой Отечественной войн сегодня стал одним из основных средств сдерживания России. Фальсификация истории войны тотальна: лживо и непременно в антироссийском и русофобском духе интерпретируется все. В статье рассматриваются основные концептуальные парадигмы недоброжелателей России, раскрывается их лживость, теоретическая несостоятельность и политическая заданность. Автор обосновывает необходимость дальнейшего развертывания и организационного обеспечения противодействия фальсификации истории Великой Отечественной войны.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Советский Союз, Победа, творцы Победы, идеологическая борьба, фальсификация и фальсификаторы истории Великой Отечественной войны*

Апология (греч. *apologia*) (книжн.) – устная или письменная защита, восхваление кого-, чего-либо.
Словарь русского языка. В 4 т. М.: Русский язык. 1981. Т. 1. С. 42.

75 лет тому назад завершилась самая жестокая и кровопролитная битва в истории человечества. Главным творцом Победы явились Советский Союз и его Красная армия. Эта победа, по оценке В.В. Путина, навсегда останется героической вершиной в истории нашей страны[1].

Во время войны и сразу после нее весь мир знал, что гитлеровский Третий рейх разгромил именно Советский Союз. Это признавали руководители всех государств антигитлеровской коалиции. «Именно русская армия, – подчеркивал У. Черчилль в послании И.В. Сталину 27 сентября 1944 г., – выпустила кишки из германской военной машины»[2]. «Мы, – писал 8 мая 1945 г. президент США Г.С. Трумэн И.В. Сталину, – высоко ценим великолепный вклад, внесенный могучим Советским Союзом в дело цивилизации и свободы»[3]. Шарль де Голль в декабре 1944 г. говорил: «Французы знают, что... именно Советская Россия сыграла главную роль в их освобождении» [Великая Отечественная... 1984: 503-504].

Но практически сразу после мая 1945 г. наши союзники по антигитлеровской коалиции, прежде всего США и Великобритания, откровенно и грубо заявили о себе как о геополитическом антагонисте СССР. В фултонской речи 5 марта 1946 г. У. Черчилль открыто назвал Советский Союз причиной «международных трудностей» и обосновывал необходимость сдерживать его «под эгидой Объединенных Наций и на основе военной силы англоязычного содружества»[4] (эта речь стала сигналом к началу «холодной войны»).

Впрочем, это было новой вербализацией извечной враждебности «коллективного Запада» к России – имперской ли, советской или современной. 23 июня 1941 г. сенатор и будущий президент США Г. Трумэн заявил: «Если мы увидим,

---

[1] Выступление Президента России на военном параде 9 мая 2015 г. Доступ: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49438 (проверено 24.05.2020).

[2] *Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* М.: Воскресение. 2005. С. 242.

[3] Там же. С. 584.

[4] Фултонская речь Уинстона Черчилля в Вестминстерском колледже. – *Российское историческое общество*. Доступ: https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/archives/fultonskaya-rech-uinstona-cherchillya-1946-goda.html (проверено 24.05.2020).

что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше»[1]. В декабре 1941 г., когда Красная армия развернула широкомасштабные наступательные действия под Москвой, У. Черчилль заявил, что Великобритания и США «не должны принимать никакого участия» в войне СССР и Германии (за исключением обещанных поставок). А в октябре 1942 г. он утверждал, что именно Россия, а не Германия является истинным врагом Европы [Кожинов 2010: 19].

После войны одним из инструментов «сдерживания» России стал избирательный подход к истории, прежде всего к истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. В «новом прочтении» истории, вначале антисоветском, затем «естественно» приобретшем антироссийский характер, большое место заняли спекуляции, призванные снизить уровень значения Советского Союза в Великой победе.

На ее обесценение работают политики и идеологи «коллективного Запада». В последние полтора-два десятилетия использование истории в политических целях, по словам Лаврова, «превратилось в государственное дело в целом ряде стран»[2]. Очень усердны в этом отношении и их отечественные подпевалы, говоря о которых С.К. Шойгу заявил, что внутри страны существует проблема «пятой колонны», действует прозападный информационный дивизион, регулярно обучаемый за рубежом[3].

«Никогда бы на Западе, – считает Н.А. Нарочницкая, – не посмели так беззастенчиво менять трактовку истории, если бы первыми не стали топтать нашу Победу наши же собственные либералы. Именно они начали, и этический барьер был сорван[4]. Думается, это не совсем так. Выше уже было сказано, что наши геополитические антагонисты начали менять трактовку истории войны сразу же по ее окончании. Атаки на героические страницы и высшие символы Великой Отечественной войны со стороны отечественных либералов начались в конце 1980-х – начале 1990-х годов[5]. Цель всей идеологической кампании по демонизации России двоякая. С одной стороны, лишить ее и каждого ее гражданина самоуважения (национальной гордости). С другой стороны – сформировать в мире убеждение в том, что Россия – «империя зла», извечная и страшная угроза демократическому миру, и обосновать объективную необходимость ее «переформатирования», а также внедрить в общественное сознание идею, что при «при правильной организации дела» возможна и военная победа над Россией.

Клевета на нашу Победу достигла таких масштабов, что нельзя быть по отношению к этому толерантными. Как написал историк Юрий Жуков,

---

[1] Сахаров Н.А. Трумэн. – *Большая российская энциклопедия*. М. 2016. Т. 32. С. 460.

[2] Лавров С.В. Трагедия Второй мировой: кто виноват? – *Российская газета*. 2009. 1 сен. Доступ: http://peacekeeper.ru/ru/?action=view&id=9697&module=news (проверено 24.05.2020).

[3] Шойгу: Внутри России действует НАТОвская «пятая колонна». Доступ: https://newsland.com/community/7451/content/shoigu-vnutri-rossii-deistvuet-natovskaia-piataia-kolonna/7071337 (проверено 24.05.2020).

[4] «Первыми топтать наш жертвенный подвиг начали наши же ниспровергатели». Беседа с историком и политиком Наталией Нарочницкой. – *Столетие*: информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы. Доступ: http://www.stoletie.ru/obschestvo/pervymi_toptat_nash_zhertvennyj_podvig_nachali_nashi_zhe_nisprovergateli_754.htm (проверено 24.05.2020).

[5] Лутовинов В.И. Великая Победа в зеркале особенностей и проблем современной России. Доступ: http://isgi.ru/article/lutovinov-vi-velikaya-pobeda-v-zerkale-osobennostey-i-problem-sovremennoy-rossii (проверено 24.05.2020); Литвиненко В.В. Черные мифы о Великой Победе. – *Советская Россия*. 2020. 28 янв.

«нашу Победу пора спасать»[1]. На это нацеливает и предлагаемая поправка к Конституции: «Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается».

Именно в этом смысл настоящей статьи. Остановимся на измышлениях концептуального характера.

Война есть политическое действо средствами и методами военного насилия. Соответственно, победа в ней имеет двоякое содержание. Ее политический смысл заключается в восстановлении или сохранении суверенитета и территориальной целостности собственной геополитической субъектности (суверенитета и территориальной целостности страны) и ликвидации или изменении геополитической субъектности противника. Агрессия Германии, заявил И.В. Сталин в выступлении 3 июля 1941 г., поставила вопрос «о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР». Условием положительного решения этого вопроса была военная победа – полный разгром агрессора и его капитуляция.

Победы не было бы, если бы Красная армия прекратила военные действия по выходе на государственную границу страны, за что задним числом ратуют некоторые историки. Ведь это означало бы, что агрессор не разбит, у него сохранилась, хотя и значительно ослабленная, военная мощь и, следовательно, возможность реванша. К тому же это было бы предательством по отношению к союзникам, в июне 1944 г. открывшим второй фронт. Красный флаг, водруженный над рейхстагом 1 мая 1945 г., и маршал Г.К. Жуков, принявший безоговорочную капитуляцию Германии, стали неоспоримыми символами того, что Великую Отечественную войну СССР завершил политическим и военным триумфом.

Между тем многие недруги России пересматривают смысл и содержание Победы в Великой Отечественной войне. Одни заявляют, что «Сталин проиграл Вторую мировую», другие задаются вопросом, не была ли та победа «последним приливом сил умирающего», третьи сожалеют, что не Германия победила в 1945, еще лучше – в 1941 г.; четвертые вещают, будто козыряние России участием во Второй мировой давно наскучило, а декларации о полной победе над фашизмом стали забавными; пятые обвиняют ветеранов в том, что у них не хватило ни интеллекта, ни мужества выступить против уже отжившей социальной системы России; шестые чествование Победы и победителей называют глумливым словом «победобесие»[2] и т.д. [Винтер 2012: 4; Солонин 2011: 455; Попов 2005].

Творцы и популяризаторы черных мифов о Великой Победе ныне доминируют в российском информационном пространстве, о чем свидетельствует множество книг фальсификаторов на полках книжных магазинов. Только за последние 3 года книги, очерняющие и принижающие подвиг народа в Великой Отечественной войне, опубликовали Марк Солонин (11 книг, из них 6 – в 2019 г.); Борис Соколов – 8 книг; Владимир Бешанов – 5 книг. Кроме того, в этот период опубликованы книги Владимира Резуна, Андрея Зубова и др.[3] Измышления ненавистников Победы способны переформатировать истори-

---

[1] Историк Юрий Жуков: «Нашу Победу пора спасать. Ложь должна быть уголовно наказуемой». Доступ: http://pravoclavie.info/1986-istorik-yuriy-zhukov-nashu-pobedu-pora-spasat-lozh-fdolzhna-byt-ugolovno-nakazuemoy.html (проверено 24.05.2020).

[2] Минкин. Чья победа? – *Московский комсомолец*. 2005. 22 июня; Особенности национальных пропагандистов. Александр Невзоров. Доступ: https://zen.yandex.ru/media/id/5daadf4b74f1bc00b0479645/osobennosti-nacionalnyh-propagandistov--3-aleksandr-nevzorov-5ddcf1b4e488001108118129 (проверено 24.05.2020).

[3] Литвиненко В.В. Черные мифы о Великой Победе. – *Советская Россия*. 2020. 28 янв. № 8.

ческую память населения, прежде всего молодежи. Они не должны оставаться безответными. Попробую раскрыть ущербность названных выше идеологем.

«А вдруг было бы лучше, если бы не Сталин Гитлера победил, а Гитлер – Сталина? ‹...› Погибла бы не Россия, а режим. Сталинизм... Мы освободили Германию. Может, лучше бы освободили нас?» – так написал А. Минкин. Другие рассуждают о том, что если бы Россия не сопротивлялась, то мы «сейчас бы пили баварское пиво». Подобная пораженческая позиция не является откровением современных переписчиков истории. Почти 250 лет тому назад ее сформулировал отрицательный герой романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» Смердяков: «Я всю Россию ненавижу.. В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы, умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки».

Однако, во-первых, причины войны, навязанной Советскому Союзу, лежали не только и даже не столько в идеологических различиях стран, сколько в богатстве сырьевыми ресурсами, мощи и цивилизационном своеобразии России, являющейся по некоторым вопросам антагонистом западной цивилизации. Рассуждения о том, что это была война двух тиранов, двух тоталитарных режимов, что главной целью Германии в ней было уничтожение сталинского режима, свидетельствуют либо об интеллектуальной убогости, либо идеологической враждебности. Целью было уничтожение не Сталина и не сталинского режима, а России как государства и славян как национальной группы.

Идеологи «нового видения» истории Великой Отечественной войны стремятся упразднить, вытравить из сознания людей само это понятие, ставя вместо него «нацистско-советская война». Такое ее определение проникло даже в учебники [История России... 2009]. При этом «советскость» рассматривается как характеристика не геополитического субъекта, а режима в нем, и делается вывод, что в войне двух тираний победа любой из них означает поражение страны и народа.

Семантическая бессмыслица словосочетания «советско-нацистская война» заключается в том, что абстрактный самодостаточный политический режим вне территории (страны) и без людей (народа) невозможен в принципе и, по определению, не способен вести войну. Но это не терминологический спор, а смысловое столкновение, имеющее политическое содержание. Если война представляет собой столкновение двух тираний, то победа любой из них означает поражение страны и народа. Из этой логики вытекает, что коль скоро воюет режим, представляющий собой абсолютное зло, то само зло и его служители должны быть наказаны. «Презрение потомков, – так написал А. Подрабинек, – самое малое из того, что заслужили строители и защитники советского режима»[1].

Во-вторых, мягко говоря, очень спорно, было бы Советскому Союзу лучше, если бы он, подобно Дании, отказался от сопротивления. Что бы случилось, если бы Третий рейх одержал победу над СССР? Какая судьба ждала советское население? Ответ на этот вопрос дал Гитлер, указав, что предстоящая война будет войной на уничтожение, и план «Ост», предусматривавший выселение 85% коренного советского населения в Западную Сибирь, Северный Кавказ и Южную Америку. Для общего сокращения населения внедрялась программа «Голод»[2].

---

[1] Подрабинек А. Как антисоветчик антисоветчикам... Доступ: https://introvertum.com/kak-antisovetchik-antisovetchikam-statya-aleksandra-podrabineka/ (проверено 24.05.2020).

[2] «Пили бы сейчас баварское...» Что Гитлер планировал сделать с СССР после победы? Доступ: https://zen.yandex.ru/media/history_of_wars/pili-by-seichas-bavarskoe-chto-gitler-planiroval-sdelat-s-sssr-posle-pobedy-5cc36191589ccd00b228707f (проверено 24.05.2020).

Поэтому Победа – безоговорочное и великое благо. Ценой подвига, страданий и жертвенной смерти многих миллионов людей она предотвратила уничтожение страны и народа, прекращение их истории. Любая альтернатива ей являлась гибельной для страны и народа. Ведь в той войне, как отметил В.В. Путин, «речь шла не только о существовании нашей страны, речь шла о существовании самого нашего народа как этноса»[1]. Так что в случае военного поражения Советского Союза на его территории баварское пиво пили бы, но отнюдь не русские.

Военный разгром и политическое уничтожение фашизма оказали глубочайшее воздействие на ход мирового развития. Защитив себя, Советский Союз спас мир от фашистского мракобесия, преградил путь германскому фашизму к мировому господству, ликвидировал опасность распространения агрессии на другие страны и континенты. Нюрнбергский процесс, ставший одним из важных итогов войны, сыграл особенную роль в освобождении мира от «коричневой чумы». Он стал правовым, моральным и политическим разоблачением фашизма, его планов завоевания мирового господства и уничтожения целых государств и народов.

Победа восстановила попранный фашистами суверенитет европейских государств. Сейчас в странах Балтии, Польше, некоторых других государствах муссируется идея, будто разгром фашистского захватчика не принес их народам свободу, а лишь заменил германскую оккупацию на советскую. Так, МИД Болгарии сделал официальное заявление, что вход Красной армии в Болгарию в 1944 г. не был освобождением от немецко-фашистской оккупации, но стал началом навязывания болгарам чуждых им советских порядков[2]. Как заявила президент Эстонии К. Кальюлайд, Вторая мировая война для страны закончилась всего 25 лет назад, когда в 1994 г. Эстонию покинули «последние вагоны с техникой оккупационных войск», имея в виду вывод подразделений бывшей советской, а на тот момент – российской армии[3].

Но так ли это? Захваченные Германией территории были превращены в бессубъектные рейхскомиссариаты и протектораты, последовательно освобождаемые от местного населения. Не будь советской Победы, все эти лимитрофы прекратили бы свою национальную историю вообще. По нацистскому плану, они должны были едва читать на немецком языке географические указатели в «Ингерманландии».

В результате же так называемой советской оккупации одни, как, например, Польша или Литва, не только восстановили свой государственный суверенитет, но обрели новые территории; Чехословакия (ныне – Чехия) вновь распространила свой суверенитет на Судетскую область. Другие – те же Эстония, Латвия – из захудалых аграрных задворок Европы превратились в индустриально развитые государства. И верхом цинизма является требование, например, Латвии, к России компенсировать издержки от оккупации, не ставя вопрос об оплате советских вложений (за счет России) в ее экономическое, социальное и культурное развитие.

Формой дискредитации Победы является замалчивание или даже отрицание решающего вклада СССР в разгром армий фашистского блока. Так, некоторые авторы разделяют Вторую мировую и Великую Отечественную войны, умаляя

---

[1] Торжественный прием по случаю Дня Победы. 9 мая 2017 г. Доступ: http://kremlin.ru/events/president/news/54469 (проверено 01.06.2020)

[2] https://zen.yandex.ru/media/history_russian/pretenzii-bolgarii-k-rossii-ili-chem-bolgary-obiazany-rossiiskoi-imperii-5ddb6a99f2c2912a0dd2a83d?&dbr=1 (проверено 29.11.2019).

[3] https://aif.ru/politics/world/okkupaciya_do_1994_goda_prezident_estonii_vydumala_novuyu_istoriyu_voyny (проверено 25.05.2020).

значение второй. Резун, выступая против вычленения Великой Отечественной войны из Второй мировой войны, заявляет: «Великая Отечественная война – это пропаганда», и добавляет: «Была Вторая мировая война, в которой Советский Союз участвовал с самого первого дня как агрессор и завершил Вторую мировую как агрессор»[1]. В поздравительном сообщении, опубликованном администрацией США 9 мая 2020 г., сказано, что 8 мая 1945 г. Америка и Великобритания «одержали победу над нацистами... Дух Америки всегда победит». Советский Союз в публикации не упоминается[2]. Бывший министр иностранных дел Украины Павел Климкин заявил, что у России нет права отмечать 9 мая, и День Победы над нацизмом ей не принадлежит. Москва незаконно приватизировала Победу[3].

Однако во время войны мир считал иначе. Приведу несколько цифр в подтверждение того, что Советский Союз внес решающий вклад в разгром фашистской военной машины. На протяжении почти 4 лет советско-германский фронт приковывал к себе основную массу сил и средств фашистской Германии и ее союзников. Против советских войск одновременно действовало от 190 до 270 наиболее боеспособных дивизий фашистского блока – более 3/4 их общего числа (англо-американским войскам в Северной Африке в 1941–1943 гг. противостояли от 9 до 20 дивизий, в Италии – от 7 до 26, в Западной Европе после июня 1944 г. – от 56 до 75 дивизий). На советско-германском фронте были разгромлены и пленены 607 дивизий противника (западные союзники разгромили и пленили 176 дивизий). За время войны советскими войсками уничтожены и захвачены более 75% всего оружия и военной техники врага[4]. И после открытия второго фронта потери немецко-фашистской стороны на советско-германском фронте были в 4 раза больше, чем на западном и адриатическом вместе взятых[5].

Если бы было иначе, послевоенный мир стал бы совсем другим. Два факта говорят об этом. Факт первый. По указанию У. Черчилля, к 22 мая в исключительной секретности был разработан план операции «Немыслимое». Согласно ему, наши союзники совместно с 10–12 нерасформированными и неразоруженными дивизиями вермахта должны были 1 июля развернуть военные действия против Красной армии. План остался на бумаге. До войны дело тогда не дошло[6]. Факт второй. В фултонской речи 5 марта 1946 г. У. Черчилль открыто назвал Советский Союз причиной «международных трудностей» и обосновывал необходимость сдерживать его «под эгидой Объединенных Наций и на основе военной силы англоязычного содружества».

Впрочем, и в наши дни есть головы, трезво оценивающие ситуацию. Глава МИДа Польши Я. Чапутович заявил, что между Польшей и Россией нет расхождений в трактовке победы над фашизмом: СССР сделал решающие и главные шаги для разгрома гитлеровской Германии[7].

Много спекуляций на тему цены Победы. С одной стороны, наши недруги как бы соревнуются, кто большее число жертв назовет, «уличив» полити-

---

1 Суворов В. Никакой Великой Отечественной войны не было. Доступ: https://awoxx-2207.livejournal.com/53954.html (проверено 24.05.2020).

2 https://lenta.ru/news/2020/05/09/dom/ (проверено 24.05.2020).

3 https://zen.yandex.ru/media/oboz/klimkin-zaiavil-chto-rossii-nelzia-dat-prisvoit-pobedu-vo-vtoroi-mirovoi-5eb8e4468a06122feefeecdc (проверено 26.05.2020).

4 *Военная энциклопедия*. В 8 т. 1994. М.: Воениздат. Т. 2. С. 314.

5 Скороход Ю. Что мы знаем и чего мы не знаем о Великой Отечественной войне. Доступ: https://dom-knig.com/read_218617 (проверено 25.05.2020).

6 Операция «Немыслимое». Доклад Штаба объединенного планирования. Доступ: http://www.coldwar.ru/bases/operation-unthinkable.php (проверено 24.05.2020).

7 В МИД Польши признали ведущую роль СССР в победе над фашистской Германией. Доступ: https://www.gazeta.ru/army/news/2020/03/11/14145883.shtml (проверено 24.05.2020).

ческое руководство и военное командование в бесчеловечности ведения войны. Подтасовывая факты в своих интересах, фальсификаторы истории Великой Отечественной войны говорят, что цена победы СССР была столь велика, что эту победу впору считать пирровой[1].

Но, во-первых, цена войны (число погибших и умерших во время и вследствие войны) и цена Победы (число безвозвратных потерь комбатантов) – разные вещи. Первая названа официально – 27 млн чел. Из них 16 млн умерли вне боевых действий. Во-вторых, боевые потери наши и противника вполне сопоставимы (соотношение 1,3 : 1,0). Превышение советских потерь объясняется в т.ч. гибелью военнопленных.

М. Солонин задается вопросом: «Не надорвались ли духовные силы народа на сверхчеловеческом напряжении тех четырех лет?» [Солонин 2011: 455]. Пассаж этот провокационен: автор в форме вопросительного высказывания вбивает в голову читателя уничижительную оценку Победы. Но жизнь ответила: война не только не подорвала, но прояснила и возвысила духовные силы народа. Из войны Советский Союз в военном отношении вышел более могущественным, чем был до нее, и Победа сделала невозможной еще одну войну. В подтверждение можно напомнить, что операция «Немыслимое» осталась только планом в силу того, что Объединенный комитет начальников штабов установил: «Если начнется война, достигнуть быстрого ограниченного успеха будет вне наших возможностей, и мы окажемся втянутыми в длительную войну против превосходящих сил»[2].

Немало спекуляций по поводу того, кто был творцом Победы. Одна из самых расхожих – победа достигнута не благодаря, а вопреки Сталину, советскому руководству и в какой-то мере военному командованию. Но это утверждение является абсолютной нелепицей. Вооруженные люди без командира – это просто толпа, не способная вести систематические и согласованные военные действия. Государственный комитет обороны, Ставка Верховного главнокомандования и лично Сталин и были тем «командиром», что вел народ и армию к Победе.

Своеобразным признанием решающей роли государственного руководства, лично Сталина в организации отпора агрессору являются слова их принципиальных противников. Так, Г.Х. Попов в насквозь антисталинской работе вынужден признать: «Звездный час Сталина – не парад 1945-го. И даже не парад 1941-го. Это тот час, когда русские люди признали в нем лидера русского народа в смертельной схватке, в Отечественной войне за спасение Родины, за спасение русской нации» [Попов 2005].

Войну вел и в ней победил советский народ. Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 г., 9 мая был установлен как «Праздник победы (с маленькой буквы) Красной Армии и советского народа над нацистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Да и ныне День воинской славы России 9 мая дословно называется День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Эту мысль В.В. Путин дважды повторил в выступлении на церемонии возложения цветов к Могиле Неизвестного Солдата 9 мая 2020 г.: «Мы отдаем дань бесконечного признания великому, жертвенному подвигу советского народа, и этот мир отстоял, сберег советский солдат»[3]. В этом контексте советский народ – не гео-

[1] Пиррова победа – победа, доставшаяся слишком высокой ценой; победа, равносильная поражению. По словам древнегреческого историка Плутарха, царь Эпира Пирр после своей победы над римлянами под Аускулумом в 279 до н. э. воскликнул: «Еще одна такая победа, и мы погибли».

[2] Операция «Немыслимое». Доклад Штаба объединенного планирования.

[3] 75-летие Победы. Доступ: http://kremlin.ru/events/president/news/63329 (проверено 24.05.2020).

графическая характеристика, а социально-политическая категория, общность, сущность и черты которой определял государственный и общественный строй.

Заявив о себе как о правопреемнике Союза ССР и, следовательно, Победы советского народа в Великой Отечественной войне, Российская Федерация взяла на себя ответственность за сохранение правды о ней. Но вот что интересно. В.В. Путин сказал, что предпринимаются попытки «украсть у нас победу», указав на необходимость активно этому противостоять. В ответ в Интернете появилась масса возмущенных откликов типа: «путинская РФ не имеет к Победе наших отцов никакого отношения»[1]. Согласиться с такой реакцией невозможно. «Путинская Россия» в человеческом измерении – это, к сожалению, уже немногочисленные ветераны, а также родные погибших и ушедших из жизни после войны защитников Отечества, их дети и внуки. Они не имеют отношения к Победе? Отторжение современной России от Победы – это антиисторичный вызов здравому смыслу. Скорее наоборот, упрекать государство следует не в том, что оно признает за Россией наследника победителей, а в том, что умалчивает источники и факторы Победы и в дни торжеств скрывает ее символы.

Список литературы

Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945: Краткая история. 1984. М.: Воениздат. 560 с.

Винтер Д. 2012. *Виктор Суворов прав! Сталин проиграл Вторую мировую войну. Запретная правда о Победе*. М.: Яуза-Пресс. 286 с.

История России. XX век: 1939–2007 (под ред. А.Б. Зубова). 2009. М.: Астрель; АСТ. 829 с.

Кожинов В.В. 2010. *Великая война России. Почему непобедим русский народ?* М.: Эксмо. 540 с.

Попов Г.Х. 2005. *Три войны Сталина*. М.: Агентство «КРПА Олимп». 189 с.

Солонин М. 2011. *22 июня: Анатомия катастрофы*. М.: Яуза; Эксмо. 477 с.

***BEL'KOV Oleg Alekseevich**, Dr.Sci. (Philos.), Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences (belkovole@yandex.ru)*

APOLOGY OF VICTORY: 75 YEARS LATER

***Abstract.** The selective approach to the history of World War II and the Great Patriotic War has become one of the main means of containment of Russia today. The falsification of the history of war is total: everything is interpreted in a false and indispensable manner and the anti-Russian and Russophobian spirit. The article discusses the basic conceptual paradigms of the detractors of Russia and reveals their deceit, theoretical insolvency and political assignment. The author substantiates the necessity of further deployment and organizational support to counter the falsification of the history of the Great Patriotic War.*
***Keywords:** Great Patriotic War, Soviet Union, victory, creators of victory, ideological struggle, falsification and falsifiers of history*

[1] Путин заявил о «краже у России победы и Берлина»: россиян разозлило притворство. Доступ: https://www.obozrevatel.com/russia/putin-zayavil-o-krazhe-u-rossii-pobedyi-i-berlina-rossiyan-razozlilo-pritvorstvo.htm (проверено 24.05.2020).

ПЕТРОВ Вячеслав Константинович – кандидат философских наук, главный редактор сайта «Политическое образование», заместитель руководителя Школы молодого этнополитолога в РБ (vp230754@mail.ru)

ПЕТРОВА Марина Юрьевна – кандидат психологических наук, член редколлегии сайта «Политическое образование», соавтор программы экспериментального курса по подготовке оперативных сотрудников на основе компетентностного подхода в Академии ФСБ России (mp210260@mail.ru)

О НОВОМ ПОДХОДЕ К ПОДГОТОВКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ АНАЛИТИКОВ

Аннотация. *Статья посвящена ситуации с подготовкой профессиональных аналитиков, сложившейся сегодня в образовательном пространстве России. Авторы предлагают принципиально новый подход к обучению, основанный на базовых принципах, разработанных ими в результате многолетней научной, аналитической и преподавательской практики в ведущих вузах страны, преимущественно в системе ДПО. Авторы показывают, что внедрение данного подхода в виртуальную образовательную сферу (на основе компетентностного подхода и с упором на индивидуальный подход к каждому потенциальному аналитику) позволит не только создать среду активного знания для аналитиков на основе совместного решения сложных прикладных аналитических задач, но и сформировать встречное движение со стороны управленцев в их понимании профессионального мировоззрения аналитиков и ценности их аналитических продуктов.*

Ключевые слова: *информация, аналитик, аналитика, управление, управленческое решение, управленцы, проектное мышление, индивидуальный творческий подход к обучению, совместное решение прикладных аналитических задач*

Сегодня на наших глазах мир неузнаваемо меняется и стремительно усложняется. Очередной проект глобализации (а их за всю историю человечества было несколько) после десятилетий триумфального шествия начинает пробуксовывать. Серьезным испытанием стало стремительное распространение коронавируса с малопредсказуемыми последствиями. Связность, являющаяся основой глобализации, начинает рушиться. Вновь закрываются границы; они теряют функцию фильтра, превращаясь, как это уже было ранее, в непреодолимые препятствия. Россия отстает в своем технологическом развитии от ведущих стран, и, если не предпринять решительные меры, этот процесс станет необратимым. На этом фоне резко возрастает потребность в глубокой аналитике, в понимании набирающих остроту и динамизм процессов и явлений во всем мире, ибо только на этой основе возможна выработка упреждающих управленческих решений.

На чем строить это понимание, каким критериям должны соответствовать субъекты аналитической деятельности? Как (и можно ли вообще) взращивать аналитиков, отвечающих сложности и изменчивости современной ситуации? Вопросы эти далеко не праздные.

Еще в 2013 г. созданная по инициативе Общественной палаты РФ рабочая группа в рамках работы над проектом создания Аналитического общества и разработки «Азбуки аналитики» пришла к выводу о завершении экстенсивного этапа развития аналитики, о необходимости перевода аналитической деятельности, осуществляемой различными государственными органами, негосударственными аналитическими организациями и отдельными аналитиками, на системную профессиональную основу [Будущее науки... 2013]. Еще одним важным результатом деятельности группы стал вывод о сущности нового цикла развития аналитики – о смене существующей узковедомственной парадигмы

организации аналитической деятельности на межведомственную. Это связано с тем, что современный настоящий аналитик должен мыслить не только логично, но и широко.

По справедливому мнению авторов проекта, новый этап в развитии аналитической деятельности должен был обеспечить осуществление аналитической обработки больших массивов информации в интересах повышения качества управления и снятия множества затруднений, повсеместно возникающих в реальной действительности. Для достижения этой цели предполагалось создать общепризнанную теорию аналитической деятельности, разработать единые стандарты и технологии аналитической деятельности, а также профессиональные стандарты; организовать систему подготовки кадров аналитиков; сформировать систему аналитических центров, что в целом должно привести к появлению профессионального аналитического сообщества для осуществления масштабных общественно значимых прикладных проектов.

Все эти выводы были, безусловно, правильными и своевременными. Однако сегодня на календаре уже 2020 г., а ни по одному из этих направлений работа еще даже не началась или находится в зачаточном состоянии. Единой теории аналитической деятельности нет даже в проекте, профессиональное аналитическое сообщество не складывается (более того, часть высококлассных аналитиков фактически самоустранились, усмотрев в подходах инициаторов проекта оторванность от насущных вопросов существования аналитики), единые стандарты не разработаны, по числу и качеству отечественные аналитические центры значительно уступают мировым лидерам в этой области, и это отставание не сокращается, несмотря на некоторые достижения[1].

Мы по-прежнему видим, что аналитика по большей части замещается анализом и/или интерпретацией увиденного или прочитанного. На всех уровнях констатируется крайне низкая эффективность аналитической деятельности, наличие нерешенных научных, организационных и кадровых проблем, не позволяющих выработать адекватную государственную политику в области ее развития. Недостаток компетенции нужного уровня у большей части аналитиков напрямую связан с отсутствием социального заказа и хроническим недофинансированием этой сферы деятельности со стороны государственной власти и бизнеса. Как следствие, аналитики зачастую не располагают достаточными знаниями и опытом, что не позволяет им реально чувствовать внутреннюю динамику сложных процессов, переводить ее на язык, понятный для лиц, принимающих решения. К сожалению, приходится все чаще сталкиваться с произвольным жонглированием терминами, попытками списать логические противоречия сомнительных выводов на некую специфику рассматриваемых проблем. И это касается не только начинающих аналитиков, но и людей с большим практическим опытом и научными степенями.

В конечном счете, дело дошло до того, что вновь приходится переосмысливать само понятие «аналитик» и его предназначение. Так, с одной стороны, аналитика должна присутствовать в публичном пространстве, в котором действуют законы жанра (сошел с экрана или со страниц СМИ – и ты уже никто), следовательно, такая аналитика подвержена конъюнктуре. С другой – произошло определенное «окукливание» (институционализация) аналитики: практически все государственные, экономические, общественные и т.д. структуры «обзавелись» собственными аналитиками, призванными учитывать в своей работе прежде всего специфику и функционал самих организаций, оправдывать необ-

[1] *Атлас российских «фабрик мысли»*. М.: Центр изучения кризисного общества. 2018. 48 с. Доступ: https://mastersprogram.politiq.ru/wp-content/uploads/2018/11/atlas_03_046561.pdf (проверено 17.05.2020).

ходимость их существования перед вышестоящими начальниками, а если речь идет о социальной сфере, медицине и образовании, – то и перед обществом. Однако такие формы институционализации аналитики оказались неспособными создать эффективную государственную систему аналитического обеспечения выработки и принятия эффективных управленческих решений как на государственном уровне, так и на уровне бизнеса.

В поисках решения этих проблем предпринимаются разные шаги. Так, некоторые специалисты прилагают усилия для возвращения к разработкам Московского методологического кружка (интеллектуально-практическая школа Георгия Петровича Щедровицкого). Но эти усилия остаются лишь попытками, в которых, кроме всего прочего, не учитывается снижение общего уровня интеллектуальной культуры, образования и знаний в обществе. Следует отметить, что сам подход – один из продуктивных, но при этом отсутствует «транслятор», который взял бы на себя функцию перевода сугубо научного (на уровне методологии) знания в практическую плоскость. Потребность же в подобного рода деятельности велика, и она будет только возрастать.

Например, вряд ли кто из лиц, принимающих решения, и их окружения удосужился прочесть глубокую книгу профессора Александра Ивановича Селиванова «Развитие общества. Наука управления будущим» [Селиванов 2016]. А ведь в ней содержатся идеи, очень важные для понимания протекающих в мире и России процессов и управления ими, конструирования будущего. Основной посыл книги заключается в том, что для прорисовывания будущего необходима идея, желательно, объединяющая, которой сегодня в России нет. Кстати, этим можно объяснить отсутствие у нас качественной научной фантастики.

В рамках устоявшихся в России схем и подходов, а также навязанных западных политологических и экономических теорий (которые в массе своей либо устарели, либо вместо понимания нагоняют наукообразный туман, либо являются не теориями вовсе, а обобщением эмпирической практики той или иной страны в ту или иную эпоху) принимать выверенные управленческие решения невозможно, т.к. велик риск совершить роковые ошибки, ведущие к непоправимым последствиям. В силу целого ряда объективных, и в первую очередь субъективных причин наука удалена из сферы управления, а где-то и самоустранилась ввиду невостребованности.

Как результат – в аналитическом сообществе произошло решительное размежевание на «сверхпрофессионалов» (концептуалистов), своеобразную крайне малочисленную касту «просвещенных» и на всех остальных, разбавленных всевозможными комментаторами и обозревателями, толпящимися в очереди на участие в бесконечных ток-шоу.

Если бы государство, бизнес и общество были удовлетворены современным уровнем аналитической деятельности, то не существовало бы такого числа всевозможных курсов и школ подготовки (обучения) аналитиков: по запросу в Яндексе мы находим 17 млн ссылок на разного рода ресурсы, а если добавить поисковые слова «аналитика» и «аналитическая деятельность» – это еще 10 млн. Просматривать все эти сайты непродуктивно, однако даже поверхностное ознакомление с содержанием материалов показывает следующее. Их абсолютное большинство рассчитано на начинающих – тех, кто хочет, чтобы аналитика стала их повседневной деятельностью, но имеет весьма смутное представление о ее содержании, при этом с обязательной специализацией (финансовый аналитик, бизнес-аналитик, аналитик данных, *IT*-аналитик, аналитик в сфере безопасности и т.д.). Оставшиеся ориентированы на повышение квалификации сотрудников по направлению их работодателей и носят плановый характер. И

не факт, что после их окончания слушатель приобретет новые знания, необходимые ему для улучшения качества своей работы.

Если в учебные программы и включены вопросы, относящиеся к базовым понятиям аналитической деятельности, то часы на них сведены к минимуму, поскольку существующим и будущим работодателям это неинтересно. В 70-х гг. прошлого века в среде аналитиков (правда, тогда их так не называли; априори считалось, что если ты работаешь на компьютере, то ты уже аналитик) даже бытовала такая фраза: «засунул свинью, получил сосиски», характеризовавшая отношение среднестатистического руководителя, не желающего вникать в суть их (аналитиков) работы. Поразительно, но и сегодня подобные факты встречаются.

Так кто же такой аналитик? По мнению В.В. Летуновского, аналитик – это «человек, освоивший культуру логического мышления, опираясь на которую, он анализирует огромное разнообразие фактографического материала и синтезирует сложную причинно-следственную модель предметной области» [Летуновский 2013]. Собственно, в этом определении раскрыто то, чем должен владеть современный аналитик: анализом и синтезом на базе информационной культуры и культуры логического мышления. И этим необходимо руководствоваться при разработке программ для обучения аналитиков и создании соответствующих образовательных площадок.

Но есть еще один очень важный аспект, который не нашел отражение в определении В.В. Летуновского. Это тесная связь науки, аналитики и практики. В самом деле, аналитика является неотъемлемой частью и прикладным продолжением науки, а сама наука – это только часть аналитики, если принять во внимание прикладной характер последней, особенно при выработке управленческих значений.

Многолетний опыт научной, аналитической и педагогической деятельности позволяет авторам выделить ряд принципиальных моментов, которые необходимо учесть при выработке подходов к формированию образовательных площадок, ориентированных на взращивание высококлассных аналитиков.

Отдельные из них известны в науке и педагогике, в частности из представления знаний в контексте неклассической научной рациональности, например, в работах Майкла Полани [Полани 1985]. Знания, которые составляют основу индивидуальной картины мира аналитика, не могут быть оторванными от познающих и действующих субъектов, от их субъективных реальностей. В любом случае – соблюдается это правило или нет – частные в*и*дения мира образуют своеобразную сеть по типу Интернета. Однако при невыполнении данного условия получить адекватную интерпретацию полученных аналитиками знаний невозможно.

Еще один момент. Серьезным недостатком в подготовке аналитиков является полное отсутствие селекционной работы. Считается, что если аналитик выдает на-гора более-менее сносные материалы, то и работать над повышением уровня его подготовки незачем. Невостребованными остаются целые поколения талантливых магистров, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. Коллективные формы обучения в плановом порядке для прохождения очередной аттестации, написание статьи (для этого же) не способствуют их росту как аналитиков. Даже возникают сомнения в том, могут ли они вообще что-либо написать, помимо научных статей.

Вместе с тем именно это является питательной средой для выращивания высокопрофессиональных аналитиков, обладающих научной методологией познания, широким кругозором, практическими навыками аналитических исследований. Отсюда и появилась идея в качестве эксперимента сформиро-

вать образовательную площадку, исходя из следующих требований к учебному процессу.

Во-первых, индивидуальный подход к каждому слушателю с учетом знаний и опыта последних, их личностными и деловыми качествами.

Во-вторых, постоянный контакт слушателей с опытными аналитиками, имеющими богатый опыт как аналитической, так и педагогической (и, по возможности, научной) работы.

В-третьих, приобщение слушателей к неявным (личностным) знаниям и навыкам наставников с целью создания возможности для проникновения во внутренний мир носителей и творцов знаний. На определенный промежуток времени наставник становится вторым «Я» слушателя, последний как бы растворяется в нем. Взаимное познание позволяет более полно задействовать в образовательных целях творческий потенциал как наставника, так и слушателя.

В-четвертых, разъяснение слушателям важности работы с заказчиком (в ходе обучения таким заказчиком выступает сам наставник, дающий конкретные задания и оценивающий качество их выполнения). Аналитики без конкретного заказчика не бывает, она вырождается в самодеятельность, в самолюбование своим «творчеством».

В-пятых, развитие познаний слушателя в таких областях знания, как теория систем, теория управления, методы анализа, формирование и управление информационными потоками, психологические особенности отбора, накопления, обработки и представления информации и пр., в качестве обязательных дисциплин отдельного учебного модуля (самого продолжительного по времени и разнообразного по содержанию). Слушатели должны научиться на основе междисциплинарного подхода выявлять факторы среды, обусловливающие необходимость выработки управленческого воздействия, и прогнозировать их влияние на настоящее и будущее состояния системы с выработкой научно обоснованных предложений по их использованию или локализации негативных последствий и т.д.

Кроме того, будущих аналитиков планируется обучить профессионально структурировать и грамотно вербализировать информацию, компетентно оформлять конечный аналитический продукт, при этом постоянно имея в виду конкретного заказчика.

Шаги в этом направлении сегодня предпринимаются, но их недостаточно. Например, в 2016 г. журнал «Россия в глобальной политике» совместно с НИУ ВШЭ создали школу «Учи ученого», слушатели которой (молодые ученые-международники) обучаются написанию «хороших текстов в разных жанрах»[1].

Другой пример: центр «Аналитик» открыл онлайн-школу по специальности «Аналитик политических конфликтов», в которой слушатели с использованием так называемого аналитического конструктора обучаются технологии анализа и выработки решений в конфликтных ситуациях.

Можно еще отметить Русскую аналитическую школу, созданную усилиями доктора философских наук Ю.В. Курносова[2]. Основной идеей провозглашена «разработка и реализация программы построения высокоэффективной самоструктурирующейся иерархической многоцелевой системы, предназначенной для подготовки высокопрофессиональных аналитиков, способных участвовать в аналитической работе в сфере государственного и муниципального управления».

Вместе с тем до настоящего времени должности руководителей департамен-

1 https://school.globalaffairs.ru (проверено 17.05.2020).

2 http://ранш.рф (проверено 17.05.2020).

тов «Подготовка аналитиков» и «Фундаментальные исследования, организация и методология НИР» остаются вакантными, и это о многом говорит.

В-шестых, применение основных принципов компетентностного подхода к обучению, что позволит усилить его личностную направленность, нацелить слушателей на решение социально значимых и жизненно важных задач путем освоения новых видов и способов деятельности, сориентировать их на саморазвитие личности, активно прибегая к самоанализу, самооценке и рефлексии.

При разработке идеи площадки индивидуальной подготовки аналитиков авторы использовали опыт участия в эксперименте по подготовке оперативных сотрудников на основе компетентностного подхода, который был успешно организован на базе Академии ФСБ России в 2010–2011 гг.

Следует обратить внимание на следующий принципиально важный момент: необходимо обеспечить перенос знаний, умений и навыков из сферы науки и аналитики в плоскость выработки управленческих решений. Речь должна идти о создании среды активного знания на основе совместного решения сложных прикладных аналитических задач. При этом наставник должен уметь оперативно и профессионально входить в сферу научных и практических интересов слушателя, поскольку на первых порах именно эта сфера становится учебным полем, на котором слушатели убеждаются в эффективности предложенной методики преподавания и общения.

На подобных площадках на всех этапах – от проектирования учебного процесса до выбора модели, методов, форм, приемов и средств обучения – предполагается широко задействовать когнитивные образовательные технологии с постепенным переходом к предметно независимой индивидуально ориентированной образовательной технологии. В этих целях в процессе обучения необходимо постоянно иметь в виду природу познавательных процессов у слушателей, выработанный у них соответствующий стиль решения задач и познания мира как способа достижения результата, осуществлять диагностирование исходного и последующих состояний слушателей, фиксировать происходящие изменения для своевременной корректировки курсов.

В случае положительного результата эксперимента по созданию подобной образовательной площадки было бы целесообразно приступить к распространению накопленного опыта, созданию встречного движения со стороны управленцев в их понимании профессионального мировоззрения аналитиков. Сегодня управленцы (особенно высокопоставленные), с одной стороны, буквально купаются в многочисленных информационных потоках, становясь носителями ценной информации, с другой же – они зачастую сами не в состоянии сделать необходимые выводы. Только плодотворное сотрудничество между аналитиками и лицами, принимающими решения, позволит устранить это несоответствие.

Статья подготовлена в рамках работы Школы молодого этнополитолога в Республике Башкортостан.

Список литературы

Будущее науки: от азбучных истин к системе аналитических центров (авт. колл. под рук. В.В. Летуновского). 2013. М.: Научный эксперт. 115 с.

Летуновский В.В. 2013. От азбуки аналитики к системе аналитических центров. – *Будущее науки: от азбучных истин к системе аналитических центров*. М.: Научный эксперт. С. 8-27.

Полани М. 1985. *Личностное знание. На пути к посткритической философии*. М.: Прогресс. 344 с.

Селиванов А.И. 2016. *Развитие общества. Наука управления будущим*. М.: ТД «Алгоритм». 848 с.

PETROV Vyacheslav Konstantinovich, *Cand.Sci. (Philos.), Editor-in-Chief of the website «Political Education», Deputy Head of the School of Young Ethnopolitologist in Bashkortostan (vp230754@mail.ru)*
PETROVA Marina Yuryevna, *Cand.Sci. (Psich.), member of the website «Political Education» editorial board, co-author of the pilot course on training operational officers based on the competence approach at the Academy of the FSB of Russia (mp210260@mail.ru)*

TO A NEW APPROACH TO PROFESSIONAL ANALYSTS TRAINING

Abstract. *The article is devoted to the situation with the training of professional analysts that exists today in the educational space of Russia. The authors propose fundamentally new approach to teaching, based on the basic principles developed by the authors of the article for many years of research and analytical and teaching practice in the leading universities of the country, mainly in the system of additional professional education. The paper shows that its implementation into the virtual educational sphere (using the competency-based approach with an emphasis on an individual approach to each potential analyst) will create an active knowledge environment based on the joint solution of complex applied analytical tasks. It also will form a counter movement on the part of managers in their understanding of the professional outlook of analysts and the value of their analytical products.*
Keywords: *information, analyst, analytics, management, management decision, managers, project thinking, individual creative approach to learning, joint solution of applied analytical tasks*

ЗЕЛЕНКО Борис Иванович – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; b.i.zelenko@rambler.ru)

ШИМАНСКАЯ Эльвира Степановна – старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; elvira.shimanskaya@mail.ru)

О СПЕЦИФИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО В РОССИЙСКОМ ЦИФРОСЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. *В статье продолжается развитие идей привнесения политического смысла в сетевое российское пространство. Речь идет о специфике политического уже в цифросетевом пространстве. Обосновывается своеобразное целеполагание российского политического дискурса, стремящегося к возможной трансформации от протестно-конфронтационных запросов к созидательной доминанте, которая могла быть создана в цифросетевом поле. Фиксируется позиция власти, что это развитие как бы нацелено на овладение властными приоритетами. Показано, что, напротив, сущность целеполагания сетевого сообщества выражается в основном в овладении политическими смыслами. Главная идея: минимизировать коммуникативное отчуждение власти и социума, используя цифровые технологии и гражданские инициативы. Первые реализуются через политический редукционизм, т.е. появление новых технологий и их экстраполяцию на политическую сферу. Гражданские же инициативы воплощаются через политический активизм граждан, в т.ч. в протестном контексте. Предпринята попытка выявить механизм мобилизации и самоорганизации внутри протестных виртуальных сообществ через онлайн-сетевой функционал. Прослеживается связь сетевой активности и коммуникаций с децентрализацией информативных потоков, увеличивающих тренд на расширение политического участия. Фиксируется критический настрой по поводу экономико-политического развития страны.*

Ключевые слова: *специфика политического, цифросетевое пространство, паттерны, аттракторы, коммуникационное разотчуждение (деалиенация)*

Теория вопроса

Усиливающийся рост влияния современной цифросетевизации актуализирован появлением новых измерений политического. Они, в свою очередь, представлены самой цифровой средой. Сформированная технологическая среда уже становится политическим проявлением. Это согласуется с оценкой политической науки в последнее время, что дает возможность говорить о специфике политического и/или особенностях политического дискурса в данной области. Что касается конституирования этой дефиниции, то оно еще не завершено. Но, по сути, политическое существует там и тогда, где есть и функционируют сетевые политические отношения.

В 2018 г. в журнале «Власть» нами сделана попытка понять, что из себя представляет привнесение политического смысла в сетевую среду. Последующий текст является продолжением этих рассуждений.

В политической науке уже стало константой то, специфика политического детерминирована прежде всего онтологической двойственностью цифрового [Иоселиани 2019]. Последнее существует и объективно, и субъективно. Выступает одновременно и как субстанция, и как модус субстанции и характеризуется определенным соотношением естественного и искусственного. Ее амбивалентность выступает как поле для функционирования технологических инноваций и как своего рода целостный, глобализирующийся виртуальный организм. Иллюстрацией этому служит характеристика функциональной амбивалентности пользователя. Будучи одновременно «сетевиком» и «цифро-

виком», он сам является «медиа» со своим контентом и тиражом, со своей собственной платформой, чаще становится и «политическим пользователем».

Аналитика исходит из того, что цифросетевизация – это новая форма социализации и даже приобретаемой идентичности, когда онлайновый социальный капитал и его быстрое накопление переходит в качественные формы гражданского и политического участия [Гвоздиков 2019]. Осуществляется это через систему онлайн-участия, выступающую аттрактором для разрозненных действий и поведенческих цепочек. Система заставляет работать на себя, преобразовывая политические паттерны реальности в цифросетевые паттерны. Политическое проявляется здесь уже в конвенциональном смысле. Механизм положительной обратной связи формирует политические и гражданские конвенции цифросетевой среды. Ориентация на существующий политический мейнстрим способствует вовлеченности в систему онлайн-участия, а также ведет к воспроизводству политических образов. В результате происходит политическое тиражирование паттерна. Примерно таким же образом, на наш взгляд, осуществляется генерация политических отношений в цифросетевом пространстве.

Из сказанного вытекает, что в процессе дигитализации специфика политического обусловлена встроенностью в электронный формат. Характерно то, что посредством новых медиа формируется политический дискурс именно в процессе сетевой интеракции в цифровой среде, где выстраиваются собственные информационные потоки. Современные сетевые медиапроекты не требуют непосредственного участия в создании контента в постоянной коммуникации. Все фрагменты уже заложены в электронную программу. Пользователь лишь собирает из них новую комбинацию с политическим содержанием. Вместе с этим зарождаются сообщества акторов, поддерживающих создание таких комбинаций на постоянной основе. Акторы продуцируют такого рода информацию и осуществляют онлайн- и офлайн-коммуникацию [Кашпар 2019].

В будущем внедрение в дигитализационный процесс когнитивных систем позволит использовать непрерывное перепрограммирование пользователя и эффективнее прогнозировать политические последствия тех или иных действий.

Изложенное подводит нас к когнитивистике рассматриваемого вопроса, а именно, в чем выражается целеполагание политического дискурса в этой сфере. В Российской Федерации это обусловлено актуализацией социально-политических отношений между властью и социумом вообще и властью и цифросетевым пространством в частности. Здесь все, как свидетельствует фактическая реальность и реальность виртуальная, взаимно детерминировано. Общественная потребность заключается в стремлении к желательной трансформации от протестно-конфронтационных запросов к созидательной доминанте, которую можно было бы создать в цифросетевом поле. Но власть не уверена, что в этом случае такого рода развитие не нацелено на овладение властными приоритетами, если не на их захват. Однако сущность целеполагания сетевого сообщества выражается в основном в овладении именно политическими смыслами.

Подобного рода позиция власти актуализирует необходимость преодоления создавшегося в современной России так называемого коммуникационного провала между властью и гражданским обществом. Когнитивистика позволяет здесь формулировать более точно: это «коммуникационного отчуждение», т.е. коммуникационная алиенация. Такой подход укладывается в логику генерации неинституционализированных сетевых акторов, происходящей под воздействием ризомной сетевой самоорганизации. В коммуникативной онлайн-среде создаются ризомные (неявные, обладающие способностью развиваться в

любом направлении и принимать произвольную форму, некорневую конфигурацию) дискурсивные сети. Ризомная коммуникативная онлайн-среда способствует формированию автономных от вертикали власти сетевых сообществ вне политического представительства и участия.

Механизм ризомной сетевой самоорганизации содействует появлению как принципиально новых политических акторов, так и нового политического дискурса в связке «власть – социум», что позволяет коммуницировать с властью на равных и способствовать процессу коммуникативного разотчуждения (деалиенации). В этом качестве ризомный принцип выступает реальным деалиенатором в коммуникативных отношениях власти и социума.

Это как раз вписывается в процесс коммуникативного разотчуждения, т.к. использует коммуникационные возможности цифросетевых акторов путем различных электронных практик, что достаточно полно отражено в литературе. Вместе с тем политическая наука обосновывает и необходимость встраивания сетевых гражданских инициатив в современные политические отношения, что позволит структурировать неиерархическое пространство сетевых коммуникаций.

Минимизация данного отчуждения учитывает специфику политической активности цифросетевых акторов. В концентрированном виде уже обозначился соответствующий тренд. Вначале он был интернет-активизмом, сейчас уже рассматривается активизм гражданский и политический. Такое разделение можно считать искусственным, поскольку, исходя из сущего, и тот и другой активизм во многом тождественны. Императивы государства и социума культивируют активизм гражданина, влияют на него, т.е. это субъект-объектные отношения, при которых гражданское самосознание перетекает в политическое сознание до превращения человека из объекта в субъект. Иначе говоря, политически осознавший себя индивид – уже субъект гражданственности и наоборот [Михайленок, Щенина 2018].

Практика политического активизма в цифросетевую эпоху: протестный контекст

В данном ракурсе активизм политического сетевого гражданина вполне реально может способствовать коммуникативному разотчуждению власти и общества. В этих условиях трудно переоценить значимость информационного пространства в подготовке и координации коллективных действий при отсутствии централизованной организации. Если до некоторого времени управление информационными потоками осуществлялось исключительно властью, то с развитием сетевой активности и коммуникаций в Интернете происходит децентрализация информационных потоков, что в значительной степени увеличивает шансы на расширение политического участия. Одновременно интенсифицировалось, однако, и противодействие сетевым политическим протестам со стороны властных структур, например, такие стратегии, как игнорирование либо уступки, силовые действия, уголовное преследование, дискредитация лидеров протестного активизма, хакерские атаки, усиление контроля за деятельностью в Интернете.

С учетом данных обстоятельств представляется важным обратить внимание на процессы, протекающие в России внутри виртуальных сообществ протестной направленности, а также попытаться выявить механизмы их мобилизации и самоорганизации посредством социальных онлайн-сетей. В этих целях применяются различные технологии, базирующиеся на достижениях цифровизации, в т.ч. широко используется платформа Интернета и сети мобильной связи. Это свидетельствует о трансформации традиционных форм коллективного дей-

ствия и конструировании коллективной идентичности, что значительно повышает результативность при достижении поставленных целей.

С изменением способов организации протестной активности (имеется в виду организация протестов по сетевому принципу) одновременно происходит трансформация форм ее проявления, хотя нельзя списывать со счетов по-прежнему существующие традиционные формы организации протестных движений.

Создаваемые протестующими информационная среда и инфоконтент определенным образом оказывают влияние на восприятие гражданами функционала органов власти, их решений и политику в целом. Отсюда вывод: сетевая протестная активность неизбежно приобретает политическую направленность.

В политологических исследованиях можно встретить определение сетевого политического протеста как формы коллективного действия, ориентированного на оспаривание социальных норм, устранение сформировавшихся дисбалансов в общественно-политических отношениях посредством различных инструментов мобилизации ресурсов на основе сетевого взаимодействия с использованием цифровых технологий и новых медиаформатов [Тимофеева 2014]. С нашей точки зрения, можно добавить и такие отличительные особенности функционала сетевого политпротеста, как равноправие, добровольность, гибкое лидерство, личная вовлеченность, взаимообмен ресурсами во имя достижения общих целей и, естественно, горизонтальная коммуникация.

Принято считать, что в России Интернет и социальные сети впервые сыграли политически важную роль в ходе предвыборной кампании 2011–2012 гг., когда в режиме реальности произошло ценностное разделение российского общества. Именно использование Интернета, а с его помощью – сетевых коммуникаций и технологий организации коллективного действия явилось одним из факторов, способствующих этому разделению. Политические требования не стали актуальными для большинства граждан, которые не желали перемен в сложившемся социальном порядке, поэтому поддерживали власть. К тому же социологические опросы не выявили связь между уровнем протестных настроений и политической протестной активностью.

Со временем все большую значимость в жизни российского общества приобретают новые ценности. Это качество жизни, справедливость, право на самовыражение, охрана окружающей среды. Именно в их защиту формируется сетевой политический активизм последнего десятилетия. Ярким свидетельством этому явились протестные акции 2019 г. как в различных регионах России, так и в мире. Можно говорить о возрастающей социально-политической активности и даже агрессии. Отличительная особенность их всех состоит в том, что они происходят в новой информационно-коммуникационной среде; почти повсеместно лишены выраженного лидерства и системы требований и не имеют внятной повестки; выражают общее недовольство происходящим. Определенное значение имел и повсеместный рост имущественного неравенства, неудовлетворенность качеством жизни, устаревание национальных и мировых элит, разрушение системы социализации и достижения социального согласия.

Однако в 2019 г. протестный потенциал в нашей стране был неоднозначным, в каждом регионе протест шел по своему уникальному сценарию. Митинги и протестные акции прошли в 50 регионах страны и своей массовостью вызвали у власти, так скажем, удивление. Однако российский сетевой политический протест не вошел в стадию радикализации. В какой-то степени это был урок гражданской ответственности.

Отмечалось, что в некоторых субъектах РФ жители стали охотнее и активнее заявлять о своих проблемах и несогласии с действиями властей; была обо-

значена необходимость социально-политических перемен, есть осознание очевидного – модели социально-экономического и политического развития исчерпали себя. Например, московские протесты 2019 г. показали, что граждане полны решимости вернуть себе право быть соучастниками политического процесса. В России протестовала не только столица. И снова повод исходил от власти – недовольство было вызвано планами проведения мусорной реформы, экологической политикой.

Наблюдение за протестными акциями в современной России, начиная с перестроечных времен, показывает, что их стихийный характер (митинги и пр.) приобретает все более организованные формы. По меткому замечанию О.Н. Яницкого, мы становимся свидетелями возникновения логистики массового протеста [Яницкий 2013].

Это стремление проявилось повсюду в мире: на Западе – те же протесты «желтых жилетов» или выступления профсоюзов во Франции с требованием пересмотра пенсионной реформы; в странах Латинской Америки, в Гонконге или на Ближнем Востоке, т.е. везде, где сосредоточены ресурсы. Характерным для нынешнего этапа политического активизма явилось то, что у протестующих нет лидеров, но есть силы, оказывающие влияние. Пространство недовольства не едино, но показателен рост запроса на перемены, политические свободы и равенство перед законом, а также то, что обществу необходимы каналы выхода для недовольства и протеста, который имеет легитимность. Самоорганизация протестного активизма представляет собой пусть еще несовершенную, но сетевую структуру.

Тренды развития общественно-политической и социально-экономической ситуации последних лет привели к созданию накопительного эффекта недовольства и протестного настроения в современном обществе как в России, так и во всем мире. Динамика политической сетевой протестной активности зависит от конкретной политической обстановки в стране и заинтересованности инициативных групп граждан в выступлении по политическим вопросам.

В России по мере приближения выборов 2021 г. и 2024 г. политическая ситуация будет, возможно, турбулентной. Еще рано свидетельствовать о наличии взаимозависимости между постепенным «накопительным» ростом протестных настроений и нарастанием политической протестной активности. Политический сетевой протест еще широко не поддержан большинством населения России. Однако можно говорить о таком явлении, как радикализация политического процесса в российском обществе, который мы наблюдаем со второй половины 2018 г. (после принятия пенсионной реформы).

Ответные меры со стороны государства последовали незамедлительно: ужесточен режим функционирования НКО, введен статус «иностранного агента» для физических лиц, определен регламент пользования интернет-ресурсами, названы регионы, чьи руководители не справляются с работой по линии внутренней политики.

Под влиянием этих факторов политическая социология фиксирует примеры политического антиактивизма, влияющие на нормальное течение коммуникативного деалиенационного процесса. Наиболее значимые из них – это политическая бедность, абсентеизм, утрата доверия и др. Перепады в социально-экономическом положении моделей, порождающие коммуникационное отчуждение от власти, реально отразились в появлении политической бедности. В политологии она трактуется как неспособность группы граждан эффективно участвовать в демократическом процессе и их очевидная незащищенность перед последствиями намеренно или ненамеренно принятых решений. Политическая бедность коррелирует с материальной бедностью, выводит

граждан из публичной сферы. Их пассивность воспринимается как согласие с проводимой политикой. Так, социологи в США и России выявили, что «политическим бедным» в обеих странах является каждый третий гражданин, что не может не сказываться на их политическом активизме.

В РФ институты политического участия, сетевого активизма контрастируют с офлайн- и онлайн-абсентеизмом всех возрастных групп россиян, что усугубляет конфликт формальных и неформальных практик.

В условиях глобального падения доверия к институтам власти спрос на ее легитимность особенно высок. Согласно опросу *Edelman Trust Barometer*, общий уровень доверия к власти в мире в 2019 г. составил 50%, в РФ – 29%.

Специфика политического в рассмотренной сфере достаточно рельефно проявляется в гражданском активизме акторов цифросетевого пространства. Тем не менее последнее пока не сформировало ясные контуры, по которым можно было бы судить о возникновении нового качества политических отношений в виртуальном поле. Аналитика свидетельствует, что сам по себе перенос политического активизма в цифровое пространство не приводит автоматически к увеличению демократических акторов. Цифросетевой активизм отчасти лишь гарантирует развитие сетевой, прямой демократии. Поэтому формулировать то, каким будет новый политический дискурс в цифросетевом пространстве, можно весьма условно. Это зависит от политического редукционизма, т.е. экстраполяции новых цифровых технологий на политическую сферу.

Кроме того, углубленный когнитивизм в понимании специфики политического, его опредмечивания влияет на смыслосодержащий контент сетевых политических отношений. Из этого будет произрастать политическое будущее РФ.

Цифросетевизация – вопрос времени. Основная проблема в меняющимся дискурсе связана с ролью государства: будет ли оно способно сохранять устойчивое положение в политической системе либо же позволит социуму в полной мере опираться и на новых, неинституциональных акторов, политический активизм которых складывается в условиях трансформирующейся информационно-коммуникационной среды.

Список литературы

Гвоздиков Д. 2019. Развитие систем действия коммуникативных сред в процессах цифровизации. – *Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина:* сборник материалов XIII Международной научной конференции «Сорокинские чтения – 2019. М.: МАКС Пресс. 2019.

Иоселиани А. 2019. Социокультурная рефлексия технологизации и цифровизации общественной жизни. – *Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина:* сборник материалов XIII Международной научной конференции «Сорокинские чтения – 2019. М.: МАКС Пресс. 2019.

Кашпар В. 2019. Особенности дигитализации средств массовой коммуникации в цифровом обществе. – *Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина:* сборник материалов XIII Международной научной конференции «Сорокинские чтения – 2019. М.: МАКС Пресс. 2019.

Михайленок О., Щенина О. 2018. Антропологическое измерение политики: новый «сетевой человек». – *Вестник МГОУ*: электронный журнал. № 2. С. 155-168.

Тимофеева Л. 2014. Конфликтогенность взаимоотношений власти и оппозиции в условиях политической модернизации: риски и возможности их гармонизации. – *Конфликтология*. № 4. С. 82-93.

Яницкий О.Н. 2013. Протестное движение 2011–2012: некоторые итоги. – *Власть*. № 2. С. 14-19.

ZELENKO Boris Ivanovich, *Dr.Sci. (Pol.Sci.), Chief Researcher at the Sociological Institute – branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; b.i.zelenko@rambler.ru)*

SHIMANSKAYA Elvira Stepanovna, *Senior Researcher at the Sociological Institute – branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; elvira.shimanskaya@mail.ru)*

ON THE SPECIFICS OF THE POLITICAL IN THE RUSSIAN DIGITAL NETWORK SPACE

Abstract. *The article continues the development of ideas for bringing political meaning to the Russian network space. The authors shows the specifics of the political already in the digital network space. The paper substantiated, that peculiar goal-setting of the Russian political discourse is striving for a possible transformation from protest-confrontational requests to a creative dominant that could be created in a digital network field. The position of the authorities is that this development is aimed at mastering, if not at seizing the power priorities. On the contrary, it is shown that the essence of the goal – setting of the network community is expressed mainly in the mastery of political meanings. The main idea is to minimize the communicative alienation of power and society, using digital technology and civic initiatives. The former are realized through political reductionism, i.e. the emergence of new technologies and their extrapolation to the political sphere. Civic initiatives are embodied through political activism of citizens, including in a protest context. An attempt was made to identify the mechanism of mobilization and self-organization within protest virtual communities through online network functionality. The connection of network activity and communications with the decentralization of informative streams that increase the trend towards increased political participation is traced. The authors trace a critical attitude towards the economic and political development of the country.*

Keywords: *political specificity, digital network, patterns, attractors, communication exclusion (dealienation)*

КАМИНСКАЯ Татьяна Леонидовна – *доктор филологических наук, доцент; профессор департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, 49; tlkam1@mail.ru)*

ЧАУСОВ Александр Игоревич – *кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры журналистики Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (173003, Россия, г. Великий Новгород, ул. Санкт-Петербургская, 41; aleshausov@mail.ru)*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ И МЕДИАСФЕРА: ПРОДВИЖЕНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ

Аннотация. *Статья представляет итоги мониторинга информации, касающейся национальных проектов России в русскоязычной медиасфере: в информационных проектах власти, в ведущих СМИ, социальных сетях и мессенджерах, в новых медийных форматах. Актуальность исследования связана с тем, что от восприятия населением планов власти и его вовлеченности в контроль и обсуждение их исполнения во многом зависит реализация национальных проектов. Использование популярных среди различных целевых аудиторий медиаформатов для донесения позитивной повестки власти представляется неэффективным и неравномерным по отношению к нацпроектам.*

Ключевые слова: *национальные проекты, медиа, целевая аудитория, социальные сети, новые медиаформаты*

Появление масштабных проектов в середине 2010-х гг. воспринималось населением с большим интересом. Это связано с ностальгией у общества, пережившего турбулентные 1990-е гг., по масштабным планам развития и устремленности в позитивное будущее. До кризиса 2008 г. при росте ВВП продвигать позитивную повестку власти посредством медиа было достаточно легко.

Проблемы дальнейшего продвижения связаны со снижением темпов реализации проектов. Здесь сыграли роль как финансовые кризисы (2008–2009, 2014, 2020 гг.), санкции, так и бюрократизация самих проектов. Кроме того, информационное сопровождение и восприятие проектов населением усложнилось тем, что из временных и точечных они превратились в постоянные и масштабные, и в сознании людей перемешались с базовым функционалом профильных министерств и партийными проектами «Единой России». Однако, подводя итоги развития страны за последнее десятилетие, ученые возлагают надежды именно на проектное управление, которое «позволяет обеспечить концентрацию и рациональное использование ограниченных ресурсов (финансовых, инвестиционных, человеческих, управленческих и др.)» [Кожевников 2020: 69].

Текущий момент представляется поворотным моментом для трансформации всей системы информационного и организационного сопровождения нацпроектов, необходимость которой подогревается коммуникативными практиками во время пандемии. Рассмотрим ведущие существующие каналы продвижения нацпроектов в новой медийной реальности.

Следует сразу заметить, что все масштабные медиапроекты, созданные под эгидой власти, отличаются, как правило, однонаправленной коммуникацией и отсутствием прямого вовлечения пользователей в обсуждение и соучастие в создании контента, но при этом имеют ряд неоспоримых плюсов.

1. Несомненным позитивным моментом информационного портала «Будущее России. Национальные проекты»[1], оператором которого выступает ТАСС, является простая и доступная для понимания инфографика – визуализация не

[1] https://futurerussia.gov.ru/ (проверено 12.05.2020).

только статистических показателей, но и лиц, персонально ответственных за реализацию нацпроектов.

2. Первый видеоблог «Время, вперед!»[1], посвященный достижениям современной России, выходящий на *YouTube* каждое воскресенье (за редким исключением) с 2012 г., использует современные тренды визуализации, новые мультимедийные технологии и при предъявлении позитивной повестки имеет хороший аудиторный показатель (213 тыс. подписчиков). Ресурс справедливо декларирует, что демонстрирует новости, «на которые другие СМИ не любят обращать внимание». То, что СМИ «не любят хорошие новости», авторы видеоблога объясняют тем, что их «трудно «продать», а «аудиторию приучили к потреблению негатива». Действительно, дискурс позитивных изменений, тем более информация о ежедневной рутине: зарплатах, дорогах, детских садах и школах, а также заводах-самолетах-атомоходах и воспринимается, и создается с бóльшими сложностями, чем ужасы про катаклизмы и коррупцию.

3. К достоинствам проекта на сайте «Российской газеты» относится представление ситуации по нацпроектам из регионов[2]. И действительно, идея о продвижении нацпроектов в режиме нон-стоп и с привлечением региональной повестки – самая продуктивная. Однако тут возникает другая проблема: федеральные СМИ не приветствуют региональную повестку, а реализация нацпроектов – это и есть конкретные километры дорог местного значения, конкретные поликлиники и ФАПы в условном городе.

При этом федеральные медиа, традиционно входящие в топ-10 по версии Медиалогии[3], такие как «КоммерсантЪ», «Новая газета», «Эхо Москвы», выдают в поиске по ключевым словам от 500 до 1 000 публикаций, связанных с нацпроектами, за последний год. Контент-анализ публикаций показывает, что ньюсмейкерами чаще всего в них выступают высокопоставленные официальные лица, а жанр их – преимущественно новости об освоении средств, форумах, перестановках во власти. Таким образом, приближенность контента нацпроектов к реальным запросам населения на местах крайне мала.

При этом поиск с помощью любых новостных агрегаторов из общего онлайн-медиаконтента (не только зарегистрированные СМИ) выдает как самое частотное слово, связанное со словом «нацпроект», – слово «распил». Массовое недоверие к освоению средств иллюстрируют и популярные мемы на темы нацпроектов, ведущие концепты которых «деньги», «неудачи», «обман»[4]. То, что мемы являются важной частью политической коммуникации, не раз подтверждалось современными исследователями различных стран и политическими решениями. Приводя примеры таковых, С.А. Шомова указывает, что мем представляет собой «реальный идеологический, пропагандистский инструмент, осознанную технологию политического влияния. В очередной раз это зримо продемонстрировали президентские выборы в России 2018 г., в коммуникативной составляющей которых обнаруживаются определенные отличия от всех предыдущих выборных кампаний [Шомова 2019: 158]. Понятно, что создать популярные мемы по заданию нельзя, и алгоритм популярности мема до сих пор не существует, однако пренебрегать такой практикой коммуникации с населением при продвижении национальных проектов – непродуктивно.

Как недостаток продвижения следует отметить отсутствие какого-либо упо-

---

1 https://www.youtube.com/user/ShkolaFaberlic (проверено 12.05.2020).

2 https://rg.ru/sujet/6234/ (проверено 12.05.2020).

3 https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/ (проверено 13.05.2020).

4 https://go.mail.ru/search_images?fm=1&rf=https%253A%252F%252Fe.mail.ru%252F&q=%D0%BC%D0%B5%D0%BC%D1%8B%20%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%8B&frm=web (проверено 13.05.2020).

минания о целях и ходе национальных проектов на популярных политических или специализированных онлайн-медиаресурсах. Дело в том, что специализированные ресурсы обладают влиянием на узкие целевые аудитории по интересам, и на них эффективно продвигать отдельные проекты. Так, например, нацпроект «Наука» мог бы быть интересен целевой аудитории раздела *PRO SCIENCE* сайта Полит.ру[1] или в различных форматах проекта Постнаука.ру[2], аудитория которых исчисляется в сотнях тысяч. Кстати сказать, вовлечение российского научного сообщества в обсуждение, исследование хода реализации нацпроектов и реакции населения крайне мало́. Научные публикации (более 300 за последние 3 года, по данным базы РИНЦ) по исследованиям в сферах статистики и законодательства не входят в поле зрения широкой общественности и власти, не актуализируются в публичном дискурсе.

Особенно следует подчеркнуть недостаточное использование социальных сетей и мессенджеров в информационной работе по нацпроектам. В социальной сети ВКонтакте, например, по ключевым словам «национальные проекты», «нацпроекты» можно найти всего не более десятка сообществ – как относительно многочисленных (например, «Нацпроекты глазами родителей» – 23 тыс. подписчиков)[3], так и региональных – с несколькими сотнями участников[4]. При этом контент этих групп однотипен и предсказуем (от поздравлений власти с праздниками до информационных сообщений о строительстве объектов).

Только изредка можно увидеть в социальных сетях отдельные интересные сообщения и инициативы по нацпроектам. В частности, в Инстаграме анонсировано создание нового журнала «Будущее России. Национальные проекты»[5].

Новые медийные роботизированные платформы и продвижение нацпроектов

В отношении новых платформ следует назвать прежде всего 3 платформы, получившие особую популярность в России в последние 2 года и влияющие на политическую и социальную ориентацию, прежде всего молодежи. Это Яндекс. Дзен, Тик.Ток и мессенджер Телеграм. Что касается молодежной аудитории, то отсутствие интереса у большинства представителей к политическим темам в онлайне не раз подчеркивалось масштабными исследованиями медиапредпочтений и медиаактивности молодежи [Домбровская, Пырма, Батанина 2019].

Поэтому не случайно в Дзене практически полностью отсутствует достоверная информация по нацпроектам с какими-то экспертными и статистическими данными, особенно у молодых авторов каналов. Однако зачастую тема нацпроектов представлена трактовками их как угрожающих привычной жизни, масонскими планами власти. Вот характерный пример предъявления этой тематической повестки (пунктуация автора сохранена): «Прямо сейчас, когда нас умело отвлекли всемирной пандемией, реализуются многомиллиардные национальные проекты. Есть люди, кто хотят от нас получить все личные данные, хотят чтоб мы были максимально понятны им, хотят чтоб мы были управляемы и хотят прогнозировать свой бизнес, то есть понимать, что такое нужно сделать для нас, чтоб мы купили, проголосовали, легли спать, пошли на работу, хотят манипулировать нашим сознанием и хотят воспитать из наших детей поколение потребителей и рабов... Поэтому этой статьей я призываю Вас

[1] https://polit.ru/rubric/proscience/ (проверено 13.05.2020).
[2] https://postnauka.ru/ (проверено 15.05.2020).
[3] https://vk.com/public184623434 (проверено 13.05.2020).
[4] https://vk.com/np29novodvinsk (проверено 13.05.2020).
[5] https://www.instagram.com/p/B-_Z_MTjOu8/?igshid=166v12jo66xgw (проверено 12.05.2020).

каждого прочитать о национальном проекте "Образование", который реализуется уже сейчас, прочитали про цифровую образовательную среду. Да, нам не говорят об этом в СМИ, многие даже не подозревают, что сейчас происходит и к чему все это может привести, потому что это невыгодно крупным "игрокам" нашего мира. Мой муж юрист и в силу свои профессиональных связей, мы знаем чуть больше, чем большинство, поэтому я пишу об этом, хочу, чтоб как можно больше простых людей, таких как мы, тоже [знали]»[1].

С нашей точки зрения, необходимо наладить предоставление информации по нацпроектам на Яндекс.Дзене путем создания авторских каналов, приняв во внимание следующие моменты.

1. По сравнению со многими прочими платформами политика и алгоритмы Яндекс.Дзена направлены на обеспечение максимальных показов авторского взгляда, исходя из схожих интересов пользователей по предлагаемой теме. Важно и то, что использование данной платформы является бесплатным.

2. Число пользователей платформы постоянно увеличивается, что делает возможность монетизации канала все более вероятной.

3. Показы данной платформы присутствуют практически во всех сервисах Яндекса. Данное свойство позволяет получать максимальный приток показов и дочитываний на авторском канале.

4. Появляется возможность практически неограниченного размещения ссылок на другие ресурсы автора, что в итоге только увеличивает популярность использования авторами данной платформы и возможности продвижения, а также позволяет привлекать дополнительную аудиторию на другие ресурсы.

5. Отсутствие ограничения на объем авторских статей позволяет выдать максимум полезного контента.

Другая популярная платформа отличается от Дзена не только информационными форматами, но и аудиторией. Если в Дзене более половины аудитории – люди старше 45 лет, то здесь в основном находится молодежь (от средних классов школы до первых курсов вузов). Это *TikTok*, который стал популярным из-за коротких, быстрых видео, легких для восприятия: их просмотр затягивает учащуюся молодежь (в мире – более 500 млн, а в России – 8 млн пользователей). При этом видео можно выбрать по интересам. Немногочисленные исследования данного феномена связаны именно с аудиторным фактором и подчеркивают его популярность среди молодежи. Отмечается, что «прежде всего пользователи выбирают *TikTok* для того, чтобы находить развлекательный контент (59%) и заполнять свободное время (53%). Возможность делиться своими видео с другими пользователями лишь на третьем месте (30%)» [Епишкин, Исакова, Лаврик 2019: 65].

Феномен Телеграма интересен, прежде всего, параллельной реальностью, которую создали авторы каналов в мессенджере (преимущественно анонимные). Статистика (РБК и *Mediascope*) демонстрирует увеличение числа ежедневных пользователей в 2019 г. на 31%, что исследователи связали с эффектом Стрейзанд – феноменом, при котором попытка удалить информацию (блокировка канала Роскомнадзором) приводит к росту ее популярности. Сегодня российская аудитория приложения, по данным *TGStat*, составляет более 15 млн чел. Телеграм стал заметным инструментом влияния на общественное мнение. Основным читателем телеграм-каналов остается молодежь: возрастные группы 18–24 года (27%) и 25–34 года (38%) суммарно составляют более половины всей

[1] https://zen.yandex.ru/media/id/5d9329abd7859b00b1182ad8/seichas-realizuiutsia-mnogo-milliardnye-nacionalnye-proekty-o-kotoryh-mnogie-daje-ne-znaiut-5eb6367ff2aa0073ed976eb5 (проверено 15.05.2020).

опрошенной аудитории мессенджера[1]. По меткому замечанию главы ВЦИОМа Валерия Федорова, «телеграм-каналы заменили россиянам советские кухни»[2].

В отношении продвижения нацпроектов следует отметить отсутствие в Телеграме популярных каналов с позитивной повесткой. Показательный пример: телеграм-канал «Национальные проекты. Комитет АМПР» имеет всего 50 подписчиков, телеграм-канал «Нацпроектный ревизор» – 873 подписчика. Все, что пишут в Телеграме о нацпроектах, можно прочитать в канале НАЦПРОЕКТЫ (1,4 тыс. подписчиков), который работает по принципу новостного агрегатора, собирая контент со словом «нацпроекты» (преимущественно из таких, как Незыгарь, Зеленый змий и подобных «раскрученных» каналов). Кстати сказать, наиболее активно в мессенджерах обсуждают нацпроект «Экология» за счет беспрецедентной коммуникативной активности экологических активистов. Об эффективности медиапродвижения экологической повестки в России писалось ранее [Каминская, Помигуев, Назарова 2019].

И хоть по масштабу просмотров и подписок мессенджер в разы уступает Яндекс.Дзену, но в совокупности своих каналов по влиянию на умы сопоставим с любым популярным медиа. Вообще научного осмысления феноменов указанных новых платформ крайне мало, в базе РИНЦ на начало 2020 г. содержатся не более двух десятков публикаций об их особенностях.

Пандемия *COVID*-19 и новые коммуникативные практики: опыт трансформации

Пандемия явилась на протяжении весны главным информационным поводом для всех без исключения медийных и офлайн-коммуникативных платформ. Применительно к нацпроектам ситуация свела обсуждение к их возможному срыву или секвестированию[3]. Это еще больше подорвало доверие населения к возможности реализации нацпроектов. Во время пандемии появился большой объем фейковой информации, медиасфера патологически разрослась, многочисленные адресаты стали авторами, и на фоне этого масштабного информационного шума стала очевидной необходимость использования новых коммуникативных практик. Коронавирус во всем мире предоставил многим гражданам возможность реализовать себя как медиа, усилить общественный контроль над правительствами со стороны медиасообществ и продемонстрировал важность краудсорсинговых платформ.

Заключение

Основная идея улучшения информационного и организационного сопровождения нацпроектов сегодня связана, во-первых, с возникновением специализированных ресурсов в социальных медиа, специализированных СМИ и на новых медийных платформах и, во-вторых, с вовлечением в создание контента целевых аудиторий (прежде всего молодежи).

Такой многоканальный подход позволит сегментировать продвижение проектов к заинтересованной целевой аудитории, а также вовлечь аудиторию (преимущественно это касается молодежи) в соучастие, хотя бы медийное.

Перспективным представляется также создание единого информационного ресурса, который бы использовал технологии *big data* для анализа хода выполнения нацпроектов и репрезентации этих данных в удобной инфографике.

---

[1] Исследование аудитории Telegram 2019. Доступ: https://tgstat.ru/research (проверено 01.05.2020).

[2] Валерий Федоров: Телеграм-каналы заменили россиянам советские кухни. – *ВЦИОМ*. Доступ: https://wciom.ru/index.php?id =238&uid=9774 (проверено 01.05.2020).

[3] Меры по борьбе с коронавирусом могут привести к срыву национального проекта «Здравоохранение». – *Эхо Москвы*. 30.04.2020. Доступ: https://echo.msk.ru/news/2634809-echo.html (проверено 15.05.2020).

Важное место должен занимать разбор результатов прошлой волны проектов. Такая транспарентность была бы лучшей формой продвижения проектов для ныне недоверчивой аудитории. Самая же большая опасность в продвижении – возврат к советской методике и риторике «пятилеток».

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

Список литературы

Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Батанина И.А. 2019. Профессиональные стратегии российской молодежи в условиях цифровизации и их репрезентация в социальных медиа: результаты комплексного прикладного анализа. – *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. № 5. С. 162-182.

Епишкин И.И., Исакова Е.Б., Лаврик А.А. 2019. Анализ интересов и предпочтений российской аудитории социальной сети TikTok. – Вестник Московского гуманитарно-экономического института. № 4. С. 62-67.

Каминская Т.Л., Помигуев И.А., Назарова Н.А. 2019. Экологический активизм в цифровой среде как инструмент влияния на государственные решения. – *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 5. С. 382-407.

Кожевников С.А. 2020. Проблемы развития проектного управления в публичном секторе в ракурсе достижения национальных целей – *Проблемы развития территории*. № 1(105). С. 64-77.

Шомова С.А. 2019. Выборы президента РФ – 2018 в зеркале мемов: новые реалии политической коммуникативистики. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 157-173.

KAMINSKAYA Tatyana Leonidovna, *Dr.Sci. (Philol.), Associate Professor; Professor of the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993; tlkam1@mail.ru)*

CHAUSOV Aleksandr Igorevich, *Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor; Associate Professor of the Chair of Journalism, Novgorod State University (41 St. Petersburgskaya St, Veliky Novgorod, Russia, 173003; aleshausov@mail.ru)*

NATIONAL PROJECTS AND MEDIA: PROMOTION AND PERCEPTION

Abstract. *The article presents the results of monitoring of information on national projects of Russia in the Russian-speaking media sphere: in federal information projects, in leading media, social networks and messengers, as well as in new media formats. The relevance of the study is due to the fact that the implementation of national projects largely depends on the population's perception of long-term power plans and people›s involvement in monitoring and discussing their implementation.*

The authors show how unevenly various national projects in the media sphere are represented, what perceptual features are associated with them. Content analysis of media resources shows that a positive news agenda is much more difficult to promote in popular new media formats. The article sees the prospects for the effective promotion of national projects by author's channels in messengers and involving the population in communication in media formats. It is also promising to create a unified information resource that would use the big data technology to analyze the progress of national projects and represent this data in a convenient infographics.

Keywords: *national projects, media, target audience, social networks, new media formats*

ЧАЛДАЕВА Лариса Алексеевна – *доктор экономических наук, профессор; профессор кафедры экономики организации Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, 49; Chaldaeva45@mail.ru)*

КИЛЯЧКОВ Анатолий Анатольевич – *кандидат технических наук, старший научный сотрудник; эксперт Центра исследования проблем безопасности РАН (119334, Россия, г. Москва, ул. Гарибальди, 21-б; AAKil@mail.ru)*

ЯКОРЕВ Анатолий Александрович – *директор Института международного сотрудничества, комплаенса и защиты бизнеса (123007, Россия, г. Москва, 2-й Хорошевский пр-д, 9, корп. 1); заместитель председателя по международному сотрудничеству МОО «Национальный комитет общественного контроля»; независимый эксперт (cybericle@mail.ru)*

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Аннотация. *В работе рассмотрены признаки формирования государственных функций РФ по обеспечению безопасности в киберпространстве. Вопросами защиты государственных интересов занимаются все госструктуры, а также специально созданные для этого институты. В кредитно-финансовой сфере вопросами кибербезопасности занимается департамент Банка России. Остальной корпоративный сегмент обеспечивает свою кибербезопасность самостоятельно, так же как и население России. Переход программно-аппаратного обеспечения на отечественные разработки происходит неравномерно с серьезным отставанием аппаратного сегмента.*

Ключевые слова: *цифровое пространство, формирование виртуального государства, обеспечение безопасности населения и государства, формирование функций государства в киберпространстве*

Наряду с выполнением экономико-организационных функций, формирование которых в виртуальном пространстве РФ было рассмотрено в предыдущей статье [Чалдаева, Килячков, Якорев 2020], государство выполняет функции по охране общественного порядка, а также по обеспечению безопасности населения и собственной безопасности как института политической системы общества[1]. В настоящей работе будут рассмотрены признаки формирования у Российской Федерации этих государственных функций в киберпространстве. Необходимость изучения данного процесса адекватно оценивается высшим руководством страны. Так, премьер-министр России М.В. Мишустин, выступая в конце января на форуме *Digital Almaty* в Казахстане, сказал, что происходящая в мире цифровая трансформация требует переосмысления роли государства и органов власти[2].

Внутренняя функция государства по обеспечению безопасности и охране общественного порядка предполагает защиту прав и законных интересов граждан, юридических лиц и государства. При рассмотрении признаков формирования государственных функций в виртуальном пространстве необходимо ответить на следующие вопросы: 1) что является объектом охраны в цифровом пространстве; 2) какой государственный институт выполняет эти функции и 3) как эти функции осуществляются.

---

[1] Автономов А. С., Попов В. А. 2007. Государство. – *Большая российская энциклопедия*. Т. 7. М. С. 542. Доступ: https://bigenc.ru/ethnology/text/2373590 (проверено 24.05.2020).

[2] Едовина Т. 2020. Деньги на цифру. Куда ведет цифровая трансформация в России. – *Деньги*. Приложение № 1. 13 февраля 2020. С. 14. Доступ: https://www.kommersant.ru/doc/4243128 (проверено 24.05.2020).

Объект охраны в цифровом пространстве. Очевидно, что в цифровом пространстве основной ценностью является информация. Актуальность данного вопроса получила неожиданную и мощную поддержку в результате пандемии коронавируса, противоэпидемическая защита от которого потребовала тотального перехода сотрудников компаний к работе с удаленных рабочих мест.

Для граждан несанкционированный доступ к персональному компьютеру, электронной переписке[1] или кража информации влечет за собой в лучшем случае назойливую таргетированную рекламу[2] или несанкционированное использование вычислительных ресурсов[3]. Возможны существенно более негативные варианты последствий кибератак, когда похищенные данные используются для вымогательства[4], присвоения финансовых средств[5], компрометации личности[6] или шпионажа. В 2019 г. выяснилось, что популярный мессенджер *WhatsApp* является одним из наиболее опасных приложений[7]. Неизвестные лица заражали телефон жертвы, используя уязвимость этого приложения, просто позвонив ему на телефон. После этого злоумышленники могли получить от телефона зашифрованные данные, изображение на экране, личные сообщения, местоположение и т.п. Кроме того, преступники могли включить на телефоне камеру или микрофон. Следует отметить, что значительная часть выявленных жертв этого мошенничества являлись высокопоставленными государственными чиновниками и военачальниками различных государств[8].

Для юридических лиц кража информации сопряжена с финансовыми и имиджевыми потерями, хищениями коммерческой информации, промышленным кибершпионажем и т.д. Так, по результатам исследований[9], проведенных в 2019 г., в 59% опрошенных российских компаний происходила утечка данных. Причем чаще всего похищалась коммерческая (35%), техническая (25%) и финансовая (19%) информация, а также персональные данные (23%). Причем 63% опрошенных компаний скрыли инцидент, 27% сообщили о нем пострадавшим и принесли извинения, 15% сообщили регулятору, но ни одна компания не сделала официального заявления в СМИ. В качестве вопиющего примера подобной утечки можно привести продажу в начале 2020 г. базы данных обо

---

1 Joseph Cox. How Big Companies Spy on Your Emails. Motherboard. – *VICE*. 10.02.2020. URL: https://www.vice.com/en_us/article/pkekmb/free-email-apps-spying-on-you-edison-slice-cleanfox (accessed 24.05.2020).

2 Перкалин А. Самые распространенные мобильные угрозы в 2019 году. – *Лаборатория Касперского*. 25.02.2020. Доступ: https://www.kaspersky.ru/blog/mobile-virusology-2019/26401/?utm_source=newsletter&utm_medium=Email&utm_campaign=kd%20weekly%20digest (проверено 24.05.2020).

3 Булавас В., Лопатин Е. Майнеры на подъеме. – *SL SecureList. Лаборатория Касперского*. 04.09.2017. Доступ: https://securelist.ru/miners-on-the-rise/80257/ (проверено 04.04.2020).

4 Mamedov O., Sinitsyn F., Ivanov A. Bad Rabbit ransomware. – *SL SecureList. Лаборатория Касперского*. 24.10.2017. Доступ: https://securelist.com/bad-rabbit-ransomware/82851/ (проверено 24.05.2020).

5 Дементьева К. ЦБ придаст переводам обратную силу. – *Коммерсантъ*. № 31. 20.02.2020. С. 7. Доступ: https://www.kommersant.ru/doc/4260923?utm_source=newspaper&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter (accessed 24.05.2020).

6 Secret Sharing app Whisper Left Users' Locations Fetishes Exposed on the Web. – *Washington Post*. 10.03.2020. URL: https://www.washingtonpost.com/technology/2020/03/10/secret-sharing-app-whisper-left-users-locations-fetishes-exposed-web/ (accessed 31.03.2020).

7 Кадочникова С. Звонит по тебе. – *Информационный канал Subscribe.Ru*. 27.11.2019. Доступ: https://subscribe.ru/digest/inet/protection/n260382991.html?utm_source=subscribe-newsletters&utm_medium=email&utm_campaign=subscribe-newsletters (проверено 04.04.2020).

8 Bing C., Satter R. Exclusive: Government officials around the globe targeted for hacking through WhatsApp-sources. – *Reuters*. 31.10.2019. Доступ: https://www.reuters.com/article/us-facebook-cyber-whatsapp-nsogroup/exclusive-whatsapp-hacked-to-spy-on-top-government-officials-at-u-s-allies-sources-idUSKBN1XA27H (accessed 04.04.2020).

9 Исследование уровня информационной безопасности в компаниях России и СНГ за 2019 год. – *СерчИнформ*. Доступ: https://searchinform.ru//research-2019/ (проверено 24.05.2020).

всех экспортно-импортных операциях российских компаний за 2012–2019 гг. Она содержала полные декларации всех участников внешнеэкономической деятельности России с указанием ИНН, информации о товарах и страны их происхождения, номеров транспортных средств и персональных данных представителей компаний – физических лиц[1].

В масштабах государства кража информации, искажение управленческих решений и другие кибератаки сопряжены с большими экономическим и имиджевыми потерями, снижением обороноспособности, снижением устойчивости работы телекоммуникационных сетей, нарушением внутренней стабильности и гражданского мира, дискредитацией политических деятелей и государственных чиновников[2] и т.п. Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, выступая осенью 2019 г. перед студентами и профессорско-преподавательским составом МГИМО и Дипломатической академии МИД РФ, заявил: «У нас тоже есть основания, причем более солидные, подозревать, что западные коллеги проявляют повышенное внимание к нашим интернет-ресурсам... И это не раз проявляется. Об этом говорили и представители Центрального банка России, Сбербанка, и других государственных структур»[3]. В качестве яркого примера использования виртуального пространства в шпионских целях можно привести сообщение, появившееся в печати в начале 2020 г., что авторитетный и пользовавшийся хорошей репутацией производитель шифровального оборудования *Crypto AG* передавал американской и германской разведке секретную переписку официальных лиц из разных стран мира[4]. Другим примером использования цифрового пространства против суверенных государств являются кибератаки, совершенные в 2019 г. группировкой *Calypso,* на государственные учреждения различных стран. На Россию пришлось 12% общего числа выявленных атак, на Индию – 34%, Бразилию и Казахстан – по 18%, Таиланд – 12%, Турцию – 6%. Основной целью атаки был шпионаж[5]. Хакерские группировки различных стран, наиболее известные из которых приведены в табл. 1, зачастую работают в интересах или по заданию национальных спецслужб. Необходимо отметить, что в интернет-протоколах государственных структур РФ для защиты информации применяются отечественные алгоритмы криптозащиты, прошедшие стандартизацию ФСБ[6].

---

1 По требованию Северного транспортного прокурора суд признал информацию, размещенную в сети Интернет, запрещенной. – *Московская региональная транспортная прокуратура*. 12.03.2020. Доступ: http://www.mmtproc.ru/news/1/13308/ (проверено 04.04.2020).

2 Stanton C. How Should Countries Tackle Deepfakes? – *Carnegie Endowment for International Peace*. 28.01.2019. URL: https://carnegieendowment.org/2019/01/28/how-should-countries-tackle-deepfakes-pub-78221 (accessed 24.05.2020).

3 Лавров: Россия подозревает Запад во вмешательстве в работу сайтов российских госструктур. – *ТАСС*. 02.09.2019. Доступ: https://tass.ru/politika/6831491 (проверено 04.04.2020).

4 Miller G. The Intelligence Coup of the Century. – *The Washington Post*. 11.02.2020. URL: https://www.washingtonpost.com/graphics/2020/world/national-security/cia-crypto-encryption-machines-espionage/ (accessed 04.04.2020).

5 Тишина Ю. Хакеры встроились в госструктуры. Атакам группировки из Азии подверглись российские организации. – Коммерсантъ. № 200. 31.10.2019. С. 1. Доступ: https://www.kommersant.ru/doc/4142712?utm_source=newspaper&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter (проверено 04.04.2020).

6 Тишина Ю. Россвязь прозванивает «Кузнечика». Отечественную криптозащиту протестируют на виртуальных сим-картах. – Коммерсантъ. № 31. 20.02.2020. С. 1. Доступ: https://www.kommersant.ru/doc/4260869?utm_source=newspaper&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter (проверено 04.04.2020).

Таблица 1

Краткая характеристика наиболее известных хакерских группировок

Страна локализации	Хакерские группы	Регион (страна) киберактивности				
		США и Латинская Америка	Европа	Юго-Восточная Азия	Ближний Восток и Африка	Россия
США	*Slingshot, Equation*			+	+	+
Китай	*APT15, Thrip, TEMP, Periscope, Tick, APT17, PutterPanda, APT10, PlugX, MustangPanda*	+	+	+		+
Россия	*APT28, Dragonfly, Turla, BlackEnergy*	+	+	+		+
КНДР	*Lazarus, DarkHotel, Andariel, Kimsuky, APT37*	+	+	+	+	
Иран	*Charming Kitten, Team, MuddyWater, Chafer, OilRig, APT34, APT33*	+		+	+	
Вьетнам	*APT32*			+		
Индия	*Sidewinder*			+		
Пакистан	*Gorgon Group*	+	+			
Украина	*Prikormka*					+

Источник: [Грунтов 2019: 4].

Виртуальное пространство государств может быть использовано для совершения диверсионных атак. Так, по сообщению газеты *The New York Times,* еще с 2012 г. спецслужбы США занимались глубоким внедрением вредоносного программного обеспечения на объектах российской энергетической системы. Целью подобных действий является отключение некоторых элементов энергетической системы России при возникновении серьезного конфликта[1]. Именно поэтому в феврале 2020 г. на расширенном заседании коллегии ФСБ Владимир Путин поручил ведомству расширять возможности государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак. «Сейчас в ряде стран уже созданы специальные центры для проведения таких акций, разрабатываются стратегии превентивного применения киберсредств. По мере бурного развития цифровых технологий мощность такого информационного оружия, безусловно, будет только нарастать. Нам нужно это не просто учитывать, а соответствующим образом, с опережением строить свою работу по защите интересов России», – сказал президент[2].

Таким образом, в цифровом пространстве основной ценностью является

[1] U.S. Escalates Online Attacks on Russia's Power Grid. – *The New York Times*. 15.06.2019. URL: https://www.nytimes.com/2019/06/15/us/politics/trump-cyber-russia-grid.html (accessed 04.04.2020).

2 Заседание коллегии ФСБ. – *Президент России. Официальный сайт*. 20.02.2020. Доступ: http://kremlin.ru/events/president/news/62834 (проверено 04.04.2020).

информация, которую необходимо не только аккумулировать, хранить и обрабатывать, но и обеспечивать ее безопасность. Причем термин «информация» следует понимать в широком смысле – не только как данные, но и как управленческие решения, информационные потоки, медиаконтент и т.п.; а безопасность информации – это не только ее защита от хищения, но и предотвращение искажений и компрометации.

Структуры, обеспечивающие безопасность киберпространства. Защита существующего политического строя и правовой системы государства включает в себя борьбу с негативным влиянием виртуального пространства на события, происходящие в реальном мире. Она включает в себя борьбу с распространением ложной и панической информации, с призывами свержения существующей политической и правовой системы. Возможность использования медийного пространства в качестве нового театра военных действий продемонстрировало Министерство обороны США, которое приступило к разработке новой стратегии боевых действий, предполагающей координацию протестного потенциала «пятой колонны» для дестабилизации общества с одновременным нанесением ударов по наиболее важным объектам страны[1]. История «цветных революций» показывает, что для этого активно используются возможности медийного цифрового пространства. Поэтому Стратегия национальной кибербезопасности Соединенных Штатов Америки формулирует требование открытого Интернета как одного из основных стандартов, обеспечивающих продвижение американского влияния в мире[2]. Эти обстоятельства заставили высшее военное руководство РФ заявить о переносе военных действий в информационную сферу[3].

Само цифровое пространство может быть не только театром военных действий, но и объектом нападения. Летом 2014 г. соответствующие ведомства во главе с Минкомсвязью провели киберучения. Целью учений было выявление угроз внешнего воздействия на Рунет и оценка вероятности потери его целостности и работоспособности (другими словами, суверенитета и территориальной целостности российского виртуального пространства). Кроме того, оценивалась защищенность отечественных ресурсов от внешних киберугроз. В результате учений была выявлена недостаточная устойчивость работы Интернета на территории РФ в случае внешнего воздействия. Таким образом, в нашей стране могла возникнуть ситуация, подобная сирийскому инциденту 2012 г., когда в результате подобного внешнего кибервоздействия была нарушена маршрутизация трафика, что на двое суток заблокировало работу Интернета на территории страны[4]. В результате принятых мер, включающих в т.ч. и выполнение требований закона «о суверенном Интернете»,[5] Россия в 2019 г. заняла 11-е

---

[1] Генштаб России объяснил суть американского «Троянского коня». – *РИА Новости*. 02.03.2019. Доступ: https://ria.ru/20190302/1551501526.html (проверено 04.04.2020).

[2] National Cyber Strategy of the United States of America. September 2018. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf (accessed 01.04.2020).

[3] Генштаб предупредил о переносе военных действий в информационную сферу. – *РИА Новости*. 02.03.2019. Доступ: https://ria.ru/20190302/1551498511.html (проверено 04.04.2020).

[4] Анненков А. Еще к вопросу об устойчивости Рунета к неблагоприятным внешним воздействиям. – *D-russia.ru:* онлайн-издание. 16.09.2014. Доступ: http://d-russia.ru/eshhe-k-voprosu-ob-ustojchivosti-runeta-k-neblagopriyatnym-vneshnim-vozdejstviyam.html (проверено 04.04.2020); Анненков А. Игорь Щеголев: «Учения подтвердили недостаточную устойчивость Рунета при недружественных «целенаправленных действиях». – *D-russia.ru:* онлайн-издание. 17.10.2014. Доступ: http://d-russia.ru/ucheniya-podtverdili-nedostatochnuyu-ustojchivost-runeta-pri-nedruzhestvennyx-celenapravlennyx-dejstviyax.html (проверено 04.04.2020).

[5] Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"». Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/ (проверено 02.04.2020).

место (из 224) в рейтинге устойчивости национальных сегментов Интернета[1]. Для дальнейшего повышения устойчивости функционирования Рунета в 2020 г. было запланировано проведение четырех учений[2], однако в связи с эпидемией коронавируса мартовские учения были отложены[3].

Помимо Минкомсвязи и других «соответствующих ведомств», отвечающих за целостность и работоспособность информационно-коммуникационного пространства, в РФ создана система по противодействию кибератакам на информационные системы объектов, наиболее важных для функционирования государства. Ключевым объектом этой структуры является Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам (НКЦКИ), который отслеживает инциденты, направленные против значимых объектов критической информационной инфраструктуры[4]. НКЦКИ является составной частью сил, предназначенных для обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак и реагирования на компьютерные инциденты. Реестр значимых объектов критической информационной инфраструктуры ведет Федеральная служба по техническому и экспортному контролю[5].

На уровне отдельных компаний и организаций вопросами киберзащиты в централизованном порядке занимается только Департамент информационной безопасности Банка России (ФинЦЕРТ), осуществляющий мониторинг и реагирование на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере[6]. Компании, профессионально занимающиеся информационной безопасностью (например, *Group-IB, Positive Technologies* и *Solar JSOC*), работают с инцидентами в корпоративном сегменте на коммерческой основе. Остальные крупные российские компании самостоятельно решают возникающие перед ними проблемы информационной безопасности. Однако 70% респондентов считают, что программно-аппаратные решения, которые их компании применяют для защиты систем, устарели, и только 1/4 (26,6%) респондентов полностью уверены в их надежности[7]. При этом малые и средние предприятия чаще всего выбирают максимально простые и дешевые защитные средства, которые далеко не всегда адекватны возникающим угрозам. Но даже при наличии современных инстру-

---

[1] Интернет. – *Компания TAdviser*. 06.09.2019. Доступ: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет (проверено 04.04.2020).

[2] Приказ Минкомсвязи России № 839 «Об утверждении графика проведения плановых учений по обеспечению устойчивого, безопасного и целостного функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сети связи общего пользования в 2020 году». – *Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. Официальный сайт*. Доступ: https://digital.gov.ru/ru/documents/7002/ (проверено 04.04.2020).

3 Минкомсвязь отложила из-за коронавируса учения по обеспечению устойчивой работы Рунета. – *ТАСС*. 20.03.2020. Доступ: https://tass.ru/ekonomika/8032625 (проверено 04.04.2020).

[4] Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (проверено 04.04.2020); приказ ФСБ России от 24.07.2018 № 366 «О Национальном координационном центре по компьютерным инцидентам». Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_306334/ (проверено 04.04.2020).

[5] Приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 06.12.2017 № 227 «Об утверждении Порядка ведения реестра значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». – *Федеральная служба по техническому и экспортному контролю*. Доступ: https://fstec.ru/normotvorcheskaya/akty/53-prikazy/1587-prikaz-fstek-rossii-ot-6-dekabrya-2017-g-n-227 (проверено 30.03.2020).

[6] ФинЦЕРТ. – *Официальный сайт Банка России*. Доступ: https://cbr.ru/information_security/fincert/ (проверено 25.05.2020).

[7] Жукова К. Киберзащита не успевает обновляться. Компании опасаются устаревания решений. – *Коммерсантъ*. № 123. 16.07.2019. С. 10. Доступ: https://www.kommersant.ru/doc/4032484?utm_source=newspaper&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter (проверено 04.04.2020).

ментов защиты в компаниях имеет место острая нехватка квалифицированного персонала[1].

Что касается населения РФ, то, к сожалению, в государстве нет инфраструктуры, которая занималась бы оперативной работой по предотвращению киберинцидентов и защите населения от них. Для исправления сложившейся ситуации Генпрокуратура России подготовила концепцию создания программно-аппаратного ресурса для сбора информации о кибермошенничестве в финансовой среде, совершенном против гражданского населения[2]. А пока граждане вынуждены сами заботиться о своей безопасности в виртуальном пространстве, используя для этого различные системы антивирусной защиты, наиболее известными из которых являются программные продукты российской компании «Лаборатория Касперского».

Справедливости ради следует отметить, что немногие страны выделяют ресурсы на защиту собственных граждан от массированного кибермошенничества. Так, согласно статистике британской полиции, жертвы киберпреступности теряют в Великобритании более 190 000 фунтов в день. Причем более 1/3 жертв в этот период стали жертвами взлома социальных сетей и почтовых ящиков[3]. Так как киберпреступления носят трансграничный характер, то должна вестись совместная работа по их пресечению. Но даже внутри Европейского союза этого не происходит. Только для того чтобы осознать, что большая часть преступлений совершается в виртуальном пространстве, британскому правительству потребовалось 10 лет[4]. Можно только предполагать, сколько времени потребуется для достижения практических результатов.

Упомянутые выше государственные структуры решают различные вопросы по защите российского киберпространства. Однако есть еще группа проблем, которые требуют системного решения. Наиболее важной из них является недостаточно широкое использование отечественного программного обеспечения и отсутствие элементной базы, произведенной в России, что влечет за собой риск программно-аппаратных закладок в информационно-коммуникационных системах. Пока эта проблема не будет решена, нельзя говорить о том, что безопасность российского виртуального пространства будет обеспечена на должном уровне. Руководство государства осознает риск того, что при обострении ситуации нам могут либо не продать, либо отключить уже приобретенное нами ранее электронно-коммуникационное оборудование. Однако практические действия по изменению сложившейся ситуации в течение длительного времени не предпринимались. Серьезной заявкой на изменение сложившегося положения стало утверждение премьер-министром РФ М.В. Мишустиным Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации в период до 2030 года[5], которая наметила меры по разработке и производству российской электроники. Согласно этому документу, уже на 1-м этапе (2020–2021 гг.) пла-

---

[1] Шалыто А.А. К вопросу о «цифровом ополчении. – *D-russia.ru:* онлайн-издание. 05.07.2019. Доступ: http://d-russia.ru/k-voprosu-o-tsifrovom-opolchenii.html (проверено 02.04.2020)

[2] Дементьева К. Мошенники одного окна. Информацию о киберпреступлениях соберут через портал госуслуг. – *Коммерсантъ.* № 18. 03.02.2020. С. 1. Доступ: https://www.kommersant.ru/daily/2020-02-03 (проверено 04.04.2020).

[3] Lee J. «We lost nearly £10k to TV licence scammers». – *BBC News.* 07.01.2019. URL: https://www.bbc.com/news/uk-47016671 (accessed 25.05.2020).

[4] The Guardian view on cybercrime: the law must be enforced. – *The Guardian.* 03.06.2019. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/jun/03/the-guardian-view-on-cybercrime-the-law-must-be-enforced (accessed 09.04.2020).

[5] Стратегия развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 17.01.2020 № 20-р. Доступ: http://government.ru/docs/38795/ (проверено 29.03.2020).

нируется производить часть необходимой элементной базы для внутреннего рынка и национальных проектов, а в дальнейшем все основные компоненты будут производиться в нашей стране.

Следует отметить, что программное и аппаратное обеспечение неразрывно связаны, поэтому развитие отечественного аппаратного обеспечения должно происходить согласованно с развитием программного обеспечения. Для поддержки отечественных разработчиков программного обеспечения Минкомсвязи издало приказ, согласно которому госкомпании и госкорпорации должны использовать преимущественно отечественное программное обеспечение (ПО)[1]. В развитие этой тенденции Минпромторг России предложил при госзакупках присваивать статус отечественной только той промышленной продукции, в производстве которой применялось российское ПО[2].

Есть и другие факты, подтверждающие изменение отношения к использованию программного обеспечения, созданного российскими разработчиками. Так, на портале общественных обсуждений опубликован проект приказа Федеральной службы по техническому и экспортному контролю о внесении изменений в требования по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры (КИИ) Российской Федерации[3]. Изменения направлены на использование в КИИ РФ преимущественно отечественного программного обеспечения и оборудования в целях гарантии ее технологической независимости и безопасности. Казначейство России объявило конкурс на закупку российской СУБД, планируя отказаться от СУБД *Oracle*[4]. Компании, входящие в группу «Ростех», начинают выпуск защищенных российских мобильных устройств для корпоративного сегмента, на которых планируется установить российские средства криптографической и антивирусной защиты, обмена сообщениями и пр.[5] В ноябре 2019 г. был принят закон, согласно которому при продаже отдельных видов технически сложных товаров (смартфоны, компьютеры и телевизоры с функцией «смарт-ТВ» и т.п.) на них должно быть установлено российское программное обеспечение[6]. Перечень подобных фактов можно продолжить.

Отметим, что сформулированная выше проблема стоит практически перед всеми странами, которые зависят от элементной базы, подавляющий объем

---

1 Приказ Минкомсвязи России от 20.09.2018 № 486 (ред. от 18.04.2019) «Об утверждении методических рекомендаций по переходу государственных компаний на преимущественное использование отечественного программного обеспечения, в том числе отечественного офисного программного обеспечения». Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314283/ (проверено 02.04.2020).

2 Степанова Ю., Никитина О. Российский софт запустят в производство. – *Коммерсантъ*. № 30. 19.02.2020. С. 7. Доступ: https://www.kommersant.ru/doc/4260012?utm_source=newspaper&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter (проверено 04.04.2020).

3 Проект приказа ФСТЭК России «О внесении изменений в Требования по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, утвержденные приказом Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 25 декабря 2017 г. № 239». Доступ: https://regulation.gov.ru/projects#npa=99311 (проверено 29.03.2020).

4 Заявка № 0895100000120000026. Оказание услуг по передаче неисключительных прав на программное обеспечение для нужд Федерального казначейства. – *Единая информационная система в сфере закупок*. Доступ: https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ea44/view/documents.html?regNumber=0895100000120000026 (проверено 04.04.2020).

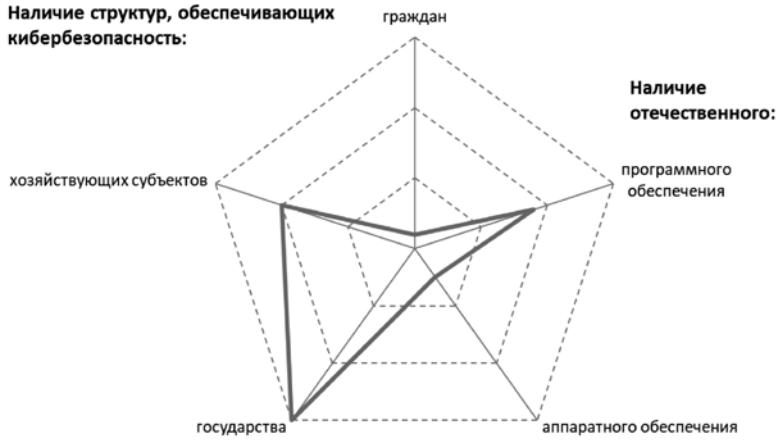
5 Тишина Ю. Смартфоны пересоберут в России. Mobile Inform Group и «Ростех» локализуют производство мобильных устройств. – *Коммерсантъ*. № 19. 04.02.2020. С. 7. Доступ: https://www.kommersant.ru/doc/4242123?utm_source=newspaper&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter (проверено 04.04.2020).

6 Закон о предустановке российского софта на смартфоны принят в третьем чтении. – *Государственная Дума ФС РФ. Официальный сайт*. 21.11.2019 Доступ: http://duma.gov.ru/news/47043/ (проверено 29.03.2020).

которой произведен в Китае[1], и внешних библиотек программных кодов, используемых при отображении веб-страниц, бóльшая часть которых связана с узлами *Google, Cloudflare и Facebook*, расположенными на территории США[2].

Таким образом, приведенная выше информация говорит о том, что риски, порождаемые развитием цифровых технологий, угрожают основам экономики, общества и самого государственного строя России. При этом вопросами защиты государственных интересов занимаются все государственные структуры, начиная Министерства обороны, ФСБ и Минкомсвязи и заканчивая специально созданными для этого институтами (НКЦКИ). В кредитно-финансовой сфере вопросами кибербезопасности занимается департамент Банка России (ФинЦЕРТ). Остальной корпоративный сегмент обеспечивает свою кибербезопасность самостоятельно, так же как и население РФ. Концепция Генпрокуратуры России о создании системы сбора информации о кибермошенничестве, совершенном против гражданского населения, еще не реализована и ограничена финансовой сферой. Переход программно-аппаратного обеспечения на отечественные разработки происходит неравномерно, с серьезным отставанием аппаратного сегмента.

Выводы. Результаты рассмотрения вопроса о признаках освоения Россией (как государством) виртуального пространства для обеспечения безопасности, охраны общественного порядка, обеспечения суверенитета и территориальной целостности, а также защиты существующего политического строя и правовой системы представлены на рис. 1 в виде лепестковой диаграммы.

Источник: Составлено авторами.

Рисунок 1. Степень освоения Россией виртуального пространства в сфере безопасности

На основании проведенного анализа функций, выполняемых Российской Федерацией в виртуальном пространстве по обеспечению безопасности, можно сделать следующие выводы.

1. В киберпространстве основной ценностью является информация, под которой следует понимать не только данные, но и управленческие решения,

[1] Почему вся электроника производится в Китае? – *EXPRO*. Доступ: https://chinaexpro.ru/blog/pochemu-vsya-elektronika-proizvoditsya-v-kitae/ (проверено 09.04.2020).

[2] Венедюхин А. Централизованный Интернет. – *D-russia.ru:* онлайн-издание. 13.03.2019. Доступ: http://d-russia.ru/tsentralizovannyj-internet.html (проверено 09.04.2020).

информационные потоки, медиаконтент и т.п., которую необходимо защитить как от хищений, так и от искажения и компрометации.

2. Риски, порождаемые развитием цифровых технологий, угрожают основам экономики, общества и самого государственного строя России. Поэтому защитой государственных интересов в виртуальном пространстве занимаются как государственные структуры, так и специально созданные для этого институты.

3. В кредитно-финансовой сфере вопросами кибербезопасности занимается департамент Банка России (ФинЦЕРТ). Корпоративный сегмент обеспечивает свою кибербезопасность самостоятельно, так же как и население РФ.

4. Переход программно-аппаратного обеспечения на отечественные разработки происходит неравномерно, с серьезным отставанием аппаратного сегмента.

Список литературы

Грунтов А. 2019. Информационная безопасность бизнеса: самые эффективные решения. – *Выступление на XIV ежегодной конференции «Комплексная безопасность бизнеса и противодействие хищениям»*. 9–10 октября 2019 г. М.: Ассоциация «Объединение сертифицированных специалистов по расследованию хищений». Доступно по запросу: info@acfe-rus.org (проверено 03.04.2020).

Чалдаева Л.А., Килячков А.А., Якорев А.А. 2020. К вопросу о становлении экономико-организационных функций государственного управления в виртуальном пространстве России. – *Власть*. Т. 28. № 2. С. 63-73.

CHALDAEVA Larisa Alekseevna, Dr.Sci. (Ec.), Professor; Professor of the Chair of Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993; Chaldaeva45@mail.ru)

KILYACHKOV Anatoliy Anatol'evich, Cand.Sci. (Techn.Sci.), Senior Scientific Researcher; Scholar of Security Problems Studies Centre of the Russian Academy of Sciences (21b Garibaldi St, Moscow, Russia, 119334; AAKil@mail.ru)

YAKOREV Anatoliy Aleksandrovich, Director of the Institute for International Cooperation, Compliance and Business Protection (bld. 1, 9 Khoroshevsky Pas, Moscow, Russia, 123007; cybericle@mail.ru); Vice-Chairman for International Cooperation of INGO «National Public Control Committee»; Independent Expert

ON THE FORMATION OF STATE FUNCTIONS TO ENSURE SECURITY IN THE VIRTUAL SPACE OF RUSSIA

Abstract. *The paper considers the signs of the formation of the Russian Federation state functions to ensure security in cyberspace. The internal function of the state to ensure security and public order presupposes the protection of the rights and legitimate interests of citizens, legal entities and the state. When considering the signs of the formation of state functions in the virtual space, it is necessary to answer the following questions: (1) what is the object of protection in the digital space, (2) which state institution performs these functions, and (3) how these functions are implemented. In the digital space, the main value is information, which is necessary not only to accumulate, store and process, but to ensure its security. Information security is not only its protection against theft, but also the prevention of distortion and compromise. The risks posed by the development of digital technologies threaten the foundations of the economy, society and the very state system of Russia. At the same time, all state structures are involved in protecting state interests. In the credit and financial sector, the Department of the Bank of Russia (FinCERT) deals with cyber security issues. The rest of the corporate segment provides its cyber security on its own, as well as the population of the Russian Federation. The transition of hardware and software to domestic developments is uneven with a serious lag in the hardware segment.*

Keywords: *virtual space, formation of virtual state, ensuring safety of population and state, formation of state functions in virtual space*

НОСИКОВ Андрей Андреевич – соискатель ученой степени в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82, стр. 1; a.a.nosikov@gmail.com)

К КОНЦЕПЦИИ ЦИФРОВЫХ ИНСТИТУТОВ: КАК ПОСРЕДСТВОМ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙНА МОЖНО МОДЕРНИЗИРОВАТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Аннотация. *Статья посвящена возможности применения технологического подхода при модернизации политических и государственных институтов. Исходя из технологических особенностей блокчейна автор предлагает модельный проект 5 этапов модернизации институтов, предусматривающих внедрение технологии блокчейна в качестве технологической основы для обеспечения деятельности политических и государственных институтов. Автор выделяет особенности и гипотетические положительные эффекты от внедрения каждого из этапов.*

Ключевые слова: *блокчейн, смарт-контракт, политические институты, государственные институты, модернизация, цифровые институты*

Сегодняшняя РФ сталкивается с институциональным кризисом. Так, индексы институционального доверия практически всем институтам – от судов до выборных представительных органов власти (за исключением президента, спецслужб и армии) – находятся в отрицательном значении уже не первый год[1]. Консалтинговые агентства также отмечают тотальное недоверие граждан РФ к государственным институтам[2]. Этим процессам сопутствует рост бюрократии: численность чиновников, обслуживающих государственные органы и органы местного самоуправления, возросла с 1,1 млн чел. в 2000 до 2,1 млн в 2018[3]. Синхронно с ростом обслуживающей институты бюрократии РФ продолжает опускаться в рейтинге восприятия коррупции с 82-го места в 2000 до 137-го в 2019 г.[4] Одновременно с этим возникают такие технологии, которые потенциально способны радикальным образом преобразовать институциональные практики. И одной из таких технологий является блокчейн, предполагающий в своей основе на техническом уровне транспарентность и неизменность результатов [Iansiti, Lakhani 2017: 123; Crosby et al. 2016: 9] (невозможность подмены данных и осуществления иных фальсификаций), обеспечение актуальной версии данных для всех членов блокчейн-сети, возможность децентрализованного хранения и обработки данных [Zheng et al. 2018: 357], а также возможность обеспечения полной анонимности пользователей, что требуется при проведении выборов и иных плебисцитов. И особенно актуальной данная проблематика является именно в контексте РФ как страны одновременно с достаточно высоким уровнем проникновения Интернета и с критически низким уровнем доверия к существующим политическим институтам.

---

1 Институциональное доверие. – *Левада-Центр*. Доступ: https://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4/ (проверено 25.05.2020).

2 2019 Edelman trust barometer: global report. – *Edelman*. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2019-02/2019_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report.pdf (accessed 25.05.2020).

3 Государство, общественные организации. – *Федеральная служба государственной статистики*. Доступ: https://www.gks.ru/folder/11191 (проверено 25.05.2020).

4 Россия в Индексе восприятия коррупции-2019: 28 баллов и 137 место. – *Transparency International Россия*. Доступ: https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2019-28-ballov-i-137-mesto.html (проверено 25.05.2020).

Стоит особо отметить, что представленные в данной статье модели являются скорее предварительным модельным эскизом, дающим основу для широкой, невозможной в рамках одной статьи дискуссии относительно цифровизации институтов в целом и особенностей применения отдельных технологических решений, таких как блокчейн, в частности.

Этап 1. Перевод государственных реестров, баз данных и государственного документооборота на блокчейн. Перевод государственных реестров и баз данных на технологию блокчейна позволит значительно повысить как качество предоставления государственных услуг, так и качество государственных институтов в целом. Во-первых, у всех пользователей баз данных на блокчейне всегда будет актуальная версия данных. Во-вторых, будет невозможна подмена данных в базах постфактум, что продиктовано самой архитектоникой блокчейна. В-третьих, децентрализованное хранение данных позволит обеспечить стратегическую устойчивость инфраструктуры в случае наступления чрезвычайных ситуаций. В-четвертых, снизится влияние человеческого фактора на процессы ведения документооборота и хранения данных, как следствие, понизится коррупциоемкость данных процессов[1].

В качестве успешного примера частичной реализации данного этапа можно привести опыт совместного сотрудничества таможенных органов Азербайджана и корпорации *IBM* по переводу баз данных таможенной системы на блокчейн. Данная мера позволит таможенным органам по умолчанию иметь всегда актуальную информацию о грузах без каких-либо дополнительных обращений или запросов[2]. Помимо этого, применение блокчейна в данной отрасли «исключает возможность подмены или записи задним числом данных», что «минимизирует коррупционные риски и гарантирует неизменность информации, а также позволяет отследить все взаимодействия»[3]. Очевидно, что это лишь начало глобальной цифровой трансформации реестров и баз данных, а также методов взаимодействия госорганов и институтов с информацией. Несложно представить реестр с информацией о гражданах или единую базу данных на блокчейне, которую невозможно фальсифицировать, или базу, в которую в реальном времени стекаются все голоса на выборах (минуя при этом УИКи, ТИКи и человека в качестве арбитра и посредника).

Этап 2. «Токенизация»[4] гражданства. Так как блокчейн – это в первую очередь реестр, хотя и устроенный особым образом, необходимо перевести привычные нам категории в соответствие с цифровой логикой, сделав их пригодными для записи в блокчейн-реестр. И именно токенизация является таковой процедурой. Токенизация, в свою очередь, – это процесс наделения реальных ценностей (например, права владения имуществом, деньги, ценные бумаги и т. д.) соответствующими им токенами, отражающими эти ценности в блокчейн-реестре. У граждан существует ряд ценностей, являющихся гражданскими правами, а также ряд ценностей, предоставляемых им государством в рамках социальной защиты граждан. Для того чтобы включить эти права в систему, где институциональные правила исполняются посредством смарт-контрактов,

[1] Отчет с круглого стола «Применение блокчейн-технологий в антикоррупции». – *Высшая школа экономики*. 31.05.2017. Доступ: https://lap.hse.ru/news/206331766.html (проверено 25.05.2020).

[2] В Баку обсуждают внедрение современных технологий в таможенной сфере. – *Sputnik*. Азербайджан. Доступ: https://az.sputniknews.ru/economy/20190612/420729837/tamozhnja-informacionnye-tehnologii-blokchejn.html (проверено 24.05.2020).

[3] Лапшина А. 2019. Блокчейн и таможня: как технология меняет международную торговлю. – *LetKnow News*. Доступ: https://letknow.news/publications/blokcheyn-i-tamozhnya-kak-tehnologiya-menyaet-mezhdunarodnuyu-torgovlyu--24924.html (проверено 24.05.2020).

[4] Токен (от англ. *token* – знак, символ) – это цифровая условная единица учета, представляющая сбой запись в блокчейн-реестре.

программ, функционирующих на базе блокчейна и совершающих определенные алгоритмы действий при наступлении заданных условий, что позволяет автоматически и необратимо совершать всевозможные сделки с цифровыми активами (токенами) без привлечения третьих лиц [Luu et al. 2016: 254], необходимо сперва токенизировать гражданские (и иные) права, перевести их из категории права в «цифру», в категорию, понятную реестру. Например, одному голосу на выборах может соответствовать один конкретный токен. Когда гражданин передает программе смарт-контракта свой токен голоса, указывая, что он передает эту условную единицу в пользу конкретного кандидата, программа, автоматически сверив наличие у гражданина избирательного права, записывает в блокчейн-реестр, что данному кандидату поступил голос. При этом возможно обеспечение полной анонимности голоса, поскольку верификация осуществляется смарт-контрактом (программой, а не человеком): в блокчейн с результатами выборов записываются уже полностью обезличенные данные. Вообще токенизации можно подвергнуть множество отраслей, повысив таким образом безопасность, скорость и нивелировав потенциальную коррупциоемкость значительного числа сделок и операций в самых разных сферах экономической и общественной деятельности.

Этап 3. Смарт-контракт вместо чиновника. Когда ценности соотнесены с токенами, появляется более безопасный, быстрый и прозрачный способ осуществления сделок с цифровыми активами (под цифровыми активами подразумеваются многие токенизированные ценности – от права голоса до права на получение наследства или социального пособия). Неизменная и линейная логика смарт-контрактов идеально подходит для российской нормативно-правовой системы. Например, если по закону гражданин вступает в права наследования после смерти родственника, то такому случаю может соответствовать определенный тип смарт-контракта, который при наступлении определенных условий (к примеру, смерть родственника при родстве субъектов и отсутствии заверенного цифровой подписью завещания) автоматически передает права владения.

Этап 4. Выборы и блокчейн. Блокчейн позволяет технически реализовать нефальсифицируемое голосование, где посредством смарт-контрактов достигается полная анонимность процесса при соблюдении всех законных формальностей без возможности вмешательства третьих лиц в процесс, что способно сделать фальсификации на выборах попросту невозможными и бессмысленными. Однако для реализации данного сценария необходимо обеспечить полную открытость и прозрачность для широкого общественного аудита всех этапов проектирования и создания такой системы – от написания концепции и технического задания до написания кода и запуска. При этом особенно важно отметить, что в этом случае блокчейн должен обязательно обладать открытым программным кодом с целью обеспечения независимой гражданской экспертизы технической части системы. Кроме того, открытый код позволит вовлечь в совершенствование продукта и поиск ошибок множество независимых энтузиастов. Данное условие является крайне важным, поскольку в условиях кризиса доверия к государственным институтам многие государственные инициативы могут восприниматься гражданами с недоверием. Примером тому может служить кейс по экспериментальному проведению электронного голосования на выборах в Мосгордуму в электоральном цикле 2019 г., скомпрометированный по ряду причин, возникших вследствие закрытости процедуры разработки и внедрения данной системы от широкой общественности. Прежде всего, наиболее серьезным обвинением в адрес проводимого мэрией Москвы эксперимента со стороны общественно-

сти является отсутствие фактической анонимности[1]. Таким образом, запустив систему электронного голосования без широкого общественного аудита (проводившихся тестов оказалось явно недостаточно), в закрытом режиме, вместо технологии, способствующей транспарентности электорального процесса, мэрия Москвы, по словам критиков системы электронного голосования, создала систему, «результаты которой можно нарисовать и нельзя проверить»[2]. В итоге у мэрии Москвы прошли пикеты за отмену итогов электронного голосования[3], ряд кандидатов добиваются отмены итогов электронного голосования через суд[4], а сама идея электронного голосования в России, похоже, оказалась надолго дискредитированной. Но несмотря на описанный выше кейс неудачного эксперимента по внедрению электронного голосования на выборах в Мосгордуму, существуют примеры успешного применения технологии блокчейна для проведения электоральных процедур[5].

Кроме того, посредством блокчейна можно усовершенствовать не только непосредственно акт плебисцита, но и множество сопряженных с электоральным процессом процедур. Так, к примеру, при наличии единой базы данных с информацией о гражданах на блокчейне (см. этап 1) возможен сбор подписей за выдвижение кандидатов посредством электронных подписей и смарт-контрактов, что делает данный процесс нефальсифицируемым и верифицируемым без вмешательства третьих лиц. То есть, на техническом уровне база данных на блокчейне всегда остается единой и актуальной для всех участников процесса, а смарт-контракт исключает из процесса сбора подписей третьих лиц, что нивелирует человеческий фактор (и, как следствие, потенциальный конфликт интересов и коррупцию). При этом данный процесс становится для подписанта полностью анонимным, поскольку сверка его электронной подписи и криптографического ключа с базой данных (посредством базы данных смарт-контракт автоматически определяет наличие у гражданина соответствующего права, например, достижения гражданином совершеннолетия и проживания на территории муниципалитета, в который избирается кандидат). Последующая передача голоса-токена (токенизированной подписи за выдвижение кандидата) в пользу кандидата осуществляется внутри программы смарт-контракта, без какого-либо человеческого участия. Поскольку процесс сверки автоматизирован, на выходе из смарт-контракта третьи лица могут видеть лишь результат: «кандидат X получает подпись».

На идее быстрых, защищенных и прозрачных голосований базируется еще одна концепция под названием «крипторегулирование» (*crypto-governance*) [McKie 2018], в основе которой лежит идея о симбиозе принципов прямой демократии с технологической базой блокчейна с целю обеспечения более

---

[1] Официально: у нас есть то, чего быть не должно. «Электронное голосование» полностью скомпрометировано. – *Навальный*. Доступ: https://navalny.com/p/6234/ (проверено 25.05.2020); ФБК получил личные данные всех интернет-избирателей на выборах в Мосгордуму, но мэрия это отрицала. Мы доказали, что список настоящий. – *Meduza*. Доступ: https://meduza.io/feature/2019/10/11/fbk-poluchil-lichnye-dannye-vseh-internet-izbirateley-na-vyborah-v-mosgordumu-no-meriya-eto-otritsala-my-dokazali-chto-spisok-nastoyaschiy/ (проверено 25.05.2020).

[2] Распопов А. В. 2019. Москве начались одиночные пикеты за отмену электронного голосования. – *Новая газета*. Доступ: https://www.novayagazeta.ru/news/2019/09/12/155266-v-moskve-nachalis-odinochnye-pikety-za-otmenu-elektronnogo-golosovaniya/ (проверено 25.05.2020).

[3] Там же.

[4] Участник выборов в Мосгордуму оспорил в суде результаты электронного голосования. – *Ведомости*. Доступ: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2019/09/18/811532-v/ (проверено 25.05.2020).

[5] В Сьерра-Леоне прошли первые в мире президентские выборы с использованием технологии блокчейн. – *ForkLog*. Доступ: https://forklog.com/v-serra-leone-proshli-pervye-v-mire-prezidentskie-vybory-s-ispolzovaniem-tehnologii-blokchejn/ (проверено 25.05.2020).

справедливой [Zurrer 2019], демократической и прозрачной системы принятия решений в самых различных сферах – от общественных отношений до бизнес-процессов. Таким образом, обеспечение функционирования институтов выборов посредством блокчейна может стать лишь первым звеном в глобальном процессе изменений в процессах выработки решений и контроля за их имплементацией.

Этап 5. Цифровые институты. Функционирование старых институтов хоть и регламентировалось законом или же общественными договоренностями, но опиралось на бюрократический аппарат, обеспечивающий функционирование и обслуживание данных институтов.

Смоделированные выше этапы внедрения блокчейн-технологий в институциональные процессы, модернизируя существующую институциональную среду, попутно формируют и новый тип институтов – цифровые институты.

Цифровые институты – это институты, конфигурации и правила функционирования которых по-прежнему определяются посредством общественного договора, однако за имплементацию выработанных правил в процессах функционирования данных институтов отвечают не третьи лица (чиновники, обслуживающий персонал, иные арбитры и т.д.), а программные алгоритмы с их неизменной и заранее определенной в ходе выработки институциональных правил логикой.

Деятельность цифровых институтов все так же продиктована законом или иными правилами, выработанными в ходе достижения общественного консенсуса (хотя гипотетически не существует никаких преград для внедрения цифровых институтов и в условиях авторитарных режимов, когда правила их функционирования диктуются авторитарной властью, а цифровые институты лишь инструментально снижают бюрократические издержки, коррупцию и политические риски, возникающие в связи с невозможностью надлежащего исполнения традиционной бюрократией возложенных на нее задач по достижению стратегических приоритетов), однако за имплементацию законности в процессе функционирования данных институтов отвечает блокчейн как инструмент, в основе которого лежат неизменные правила и математические алгоритмы. Это делает цифровые институты по-настоящему беспристрастными, их обслуживание не требует содержания огромного штата чиновников или обширного бюрократического аппарата, вмешательство третьих сторон в процессы функционирования цифровых институтов сведены к минимуму вследствие широкого использования самоисполняемых «умных» контрактов, что, в конечном итоге, приводит к созданию «нового способа достижения общественного консенсуса, когда процедуры принятия решений базируются на принципах, обусловленных кодом» [Zurrer 2019]. Все это приводит к теоретической возможности возникновения новой системы государственного и общественного управления, когда институты инструментально обслуживаются и администрируются не бюрократией, а софтом, в который заложены четкие алгоритмы и правила, неизменные и единые для всех. Таким образом, концепция цифровых институтов является некой идеальной теоретической моделью цифровизации общественных, политических и экономических отношений, к которой необходимо стремиться при реализации смоделированных этапов.

В заключение же стоит отметить, что процессы цифровизации институтов в условиях РФ неизменно столкнутся с трудностями имплементации (как мы это могли наблюдать в кейсе московского электронного голосования), обусловленными как общей управленческой некомпетентностью, так и возникающим конфликтом традиционной бюрократии и стремящейся ее заменить цифровой. Данный конфликт является абсолютно естественным, поскольку

множившейся, наращивающей свое влияние и власть на протяжении последних десятилетий бюрократии вряд ли понравится идея их замены цифровыми сервисами, программными алгоритмами (смарт-контракты) и нефальсифицируемыми реестрами (блокчейн). Однако, по Фукуяме, перед лицом вызовов (а цифровизация и сетевизация – это, безусловно, вызов для сегодняшних, сущностно спроектированных столетия назад институтов) институты либо эволюционируют, либо приходят в упадок [Фукуяма 2017: 592]. И здесь на сегодняшний день задача сообщества (и научного, и общественно-политического, и гражданского общества в целом) состоит именно в выработке и конструировании возможных дизайнов, обеспечивающих цифровизацию при наименьшей турбулентности переходного процесса, что, безусловно, открывает обширное поле для дальнейших дискуссий.

Список литературы

Фукуяма Ф. 2017. Угасание государственного порядка. М.: АСТ. 704 с.

Crosby M., Nachiapan, Pattanayak P., Verma S., Kalyanaraman V. 2016. Blockchain Technology: Beyond Bitcoin. – *Applied Innovation*. No. 2. P. 6-19.

Iansiti M., Lakhani K.R. 2017. The Truth about Blockchain. – *Harvard Business Review*. Vol. 1. No. 95. P. 118-127.

Luu L., Chu D.H., Olickel, H., Saxena P., Hobor A. 2016. Making Smart Contracts Smarter. – *Proceedings of the 2016 ACM SIGSAC Conference on Computer and Communications Security*. P. 254-269.

McKie S. 2018. The Crypto Governance Manifesto. – *Medium*. Доступ: https://medium.com/amentum/the-crypto-governance-manifesto-7c40df928b04/ (проверено 25.05.2020).

Zheng Z., Xie S., Dai H.N., Chen X., Wang H. 2018. Blockchain Challenges and Opportunities: A survey. – *International Journal of Web and Grid Services*. Vol. 4. No. 14. P. 352-375.

Zurrer R. 2019. The Crypto-Governance Age Is Here. – *Breaker mag*. Доступ: https://breakermag.com/the-age-of-crypto-governance-is-upon-us/ (проверено 25.05.2020).

NOSIKOV Andrei Andreevich, *Applicant at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (bld. 1, 82 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; a.a.nosikov@gmail.com)*

ON THE CONCEPT OF DIGITAL INSTITUTIONS: HOW BLOCKCHAIN TECHNOLOGY CAN UPGRADE INSTITUTIONS

Abstract. *This article is devoted to the possibility of applying a technological approach to the modernization of political and state institutions, in particular the use of blockchain technology as a technological platform for the modernization of political and state institutions. Based on the technological features of the blockchain technology, the author models projects of five stages of the modernization of institutions. All these stages consider blockchain technologies as the technological basis for the functioning of political and state institutions. The author highlights features and hypothetical positive effects of the implementation of each of the modeled stages. Moreover, the models of stages 1-4 are applied solutions, while stage 5 is a theoretical attempt to simulate probabilistic scenarios of the transformation of institutions and the state as a result of the implementation of the previous stages, which leads to the emergence of the concept of digital institutions. The article provides a definition of digital institutions and some features of this concept.*

Keywords: *blockchain, smart contract, political institutions, government institutions, modernization, digital institutions*

РАСТОРГУЕВ Сергей Викторович – *доктор политических наук, профессор департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, 49; SRastorguev@fa.ru)*

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В РОССИИ

Аннотация. *В статье исследуется взаимозависимость параметров и индикаторов качества жизни и угроз национальной безопасности, дается анализ зарубежных и отечественных индикаторов качества жизни. Автор делает вывод, что в зарубежных методиках в значительно большей степени уделяется внимание субъективным индикаторам удовлетворенности и социально-политическим показателям, а российские методики нацелены в большей степени на объективные индикаторы качества жизни. При расчете интегральных индексов наблюдается эффект усреднения, в результате чего отдельные индикаторы с негативными значениями уравновешиваются отдельными индикаторами с позитивными значениями. Подчеркивается важность субъективных оценок удовлетворенности качеством жизни, которые являются сигналом обратной связи для политической системы.*

Автор предлагает использовать 5-уровневую шкалу угроз и возможностей индикаторов качества жизни для системы национальной безопасности. В качестве критерия классификации автор использует матрицу «вероятность реализации угрозы/возможности» – «степень деструктивного/конструктивного воздействия», а также осуществляет классификацию параметров и индикаторов качества жизни в соответствии с пятиуровневой шкалой угроз и возможностей национальной безопасности и определяет уровень равновесного состояния угроз и возможностей как бенчмарк между кризисом и устойчивым развитием.

Ключевые слова: *качество жизни, национальная безопасность, индикаторы качества жизни, угрозы национальной безопасности, бенчмарк*

Повышение качества жизни российских граждан определяется как один из национальных стратегических приоритетов, который нацелен на профилактику угроз личности, обществу и государству. Для разных уровней социально-экономического развития стран существует свой уровень национальной безопасности: чем выше объемы и стандарты производства и потребления, тем выше требования к «качеству жизни». В целях исследования целесообразно провести классификацию показателей (далее – параметров), входящих в понятие «качество жизни», выявить конкретные индикаторы каждого из параметров, чтобы установить корреляцию с внутренними угрозами национальной безопасности, перечисленными в указе Президента РФ «О стратегии национальной безопасности РФ»[1]. Необходимость процедуры классификации обусловлена различными подходами к пониманию и интерпретации концепта «качество жизни» в российских и зарубежных исследованиях.

Среди наиболее известных зарубежных индексов, отражающих концепт «качество жизни» и позволяющих проводить межстрановые сравнения, можно указать следующие.

Индекс человеческого развития ООН[2]. Параметры и их индикаторы:

– долголетие (ожидаемая продолжительность жизни);

– образование (уровень грамотности; доля учащихся всей ступеней образования);

---

[1] Указ Президента РФ от 31.12.2015 №683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (проверено 19.05.2020).

[2] Human Development Index. URL: http://hdr.undp.org/en/content/human-development-index-hdi (accessed 19.05.2020).

– уровень жизни (ВВП по ППС на душу населения, долл.).

Индекс лучшей жизни ОЭСР[1]. Параметры и их индикаторы:

– жилье (процент жилья без базовых удобств, процент расходов домохозяйств на содержание жилища, число комнат на чел.);

– доходы (чистый скорректированный доход домохозяйства, чистое богатство домохозяйства, долл.);

– работа (уровень занятости и безработицы, %, средние заработки, долл.);

– социальные связи (качество сетей поддержки, %);

– образование (процент лиц со средним и высшим образованием, средняя оценка тестов *PISA*, среднее число лет обучения);

– экология (загрязнение на куб. м, оценка по данным опросов качества воды, %);

– гражданское участие (средний коэффициент влияния населения на принятие решений, процент голосующих на выборах);

– здоровье (средняя ожидаемая продолжительность жизни, процент опрошенных, которые оценили свое здоровье на «хорошо» и «отлично»);

– удовлетворенность жизнью (процент удовлетворенных жизнью по опросам);

– безопасность (процент опрошенных, кто не боится гулять ночью, число убийств на 1 тыс. чел.);

– баланс работа/досуг (процент работающих 50 и более часов в неделю, число часов досуга).

Индекс процветания британской компании *The Legatum Institute*[2]. Параметры и их индикаторы:

– безопасность (число жертв военных конфликтов, терактов, число беженцев, политических заключенных, пропавших людей, число убийств, издержки бизнеса от преступности);

– личная свобода (соблюдение гражданских прав, свобода организаций, СМИ, свобода от дискриминации различных групп, толерантность к различным меньшинствам);

– управление (подотчетность правительства гражданскому обществу, уровень политического участия, независимость судей, бюджетная прозрачность, эффективность государственных расходов);

– социальный капитал (помощь в социальных сетях, доверие к институтам государства, гражданам, волонтерство, благотворительность, явка избирателей на выборы);

– инвестиционная среда (защита прав собственности, регулирование акционерных споров и банкротств, качество финансовых институтов);

– условия для бизнеса (уровень конкуренции, наличие квалифицированных работников, налоговое бремя, гибкость трудового законодательства);

– доступ к рынку и инфраструктура (уровень использования Интернета, надежность электро- и водоснабжения, качество логистики, степень открытости внутреннего рынка);

– качество экономики (сальдо государственного бюджета, процент экономического роста на душу населения, уровень инфляции, производительность труда, структура экспорта, процент безработных, занятых);

– условия жизни (различные уровни бедности, достаточность получения калорий, доступность электричества, водоснабжения, наличие адекватного жилья, доступность банковских услуг, удовлетворенность транспортом, уровень смертности в ДТП и на производстве);

---

1 Better Life Index. URL: http://www.oecdbetterlifeindex.org/#/11111111111 (accessed 19.05.2020).

2 The Legatum Prosperity Index. URL: https://li.com/reports/2019-legatum-prosperity-index/ (accessed 19.05.2020).

– здоровье (масштаб распространения ожирения, курения, наркомании, процент вакцинации, масштаб системы здравоохранения, удовлетворенность здравоохранением, число самоубийств, распространенность различных заболеваний, смертность различных возрастных категорий, ожидаемая продолжительность жизни);

– образование (качество различных ступеней образования, профессиональной подготовки, грамотность, цифровые навыки населения);

– окружающая среда (выбросы вредных веществ, удовлетворенность качеством воды, меры по охране природы).

Индекс качества жизни The Economist Intelligence Unit's (2006–2013 гг.) основывался на следующих параметрах и их индикаторах:

– материальное благосостояние (ВВП по ППС на душу населения);

– долголетие (ожидаемая продолжительность жизни);

– качество семейной жизни (число разводов на 1 тыс. чел.);

– состояние политических свобод (рейтинги свобод);

– безопасность труда (уровень безработицы);

– климат (амплитуда температур и количество осадков);

– личная безопасность (число убийств, рейтинги рисков терроризма и преступности);

– качество общественной жизни (число организаций, в которых состоят граждане);

– качество управления (рейтинг коррупции);

– гендерное равенство (доля женщин в национальных парламентах, соотношение зарплат мужчин и женщин)[1].

Из российских индексов, оценивающих качество жизни и применяемых для межрегиональных сравнений, можно выделить следующие.

Интегральные индикаторы качества жизни ЦЭМИ РАН под руководством С.А. Айвазяна [Айвазян 2000]. Параметры и их индикаторы:

– качество населения (40 индикаторов, в т.ч. естественный прирост на 1 тыс. чел., процентные доли населения разных возрастов, ожидаемая продолжительность жизни разных социальных групп, число умерших от определенных заболеваний на 100 тыс. населения, браки на 1 тыс. чел., разводы на 100 браков, доля учащихся разных уровней образования);

– уровень благосостояния (13 индикаторов, в т.ч. ВРП на душу населения в тыс. руб., процент населения с доходами ниже прожиточного минимума, доля расходов на питание в потребительских расходах, общая площадь жилищного фонда на 1 жителя в кв. м);

– качество социальной сферы (24 индикатора, в т.ч. покупательная способность средней зарплаты в числе прожиточных минимумов, процент безработицы, число преступлений, самоубийств на 100 тыс. чел., миграционный прирост на 10 тыс. чел., процент голосующих на выборах);

– качество экологии (23 индикатора, в т.ч. доли вредных веществ в природных средах, качество воды и почвы).

Рейтинг качества жизни населения в российских регионах, составляемый РИА «Рейтинг»[2]. Параметры и их индикаторы:

– уровень доходов населения (4 индикатора, в т.ч. соотношение денежных доходов граждан и стоимости определенного набора товаров и услуг, объем бан-

---

[1] The Economist Intelligence Unit's quality-of-life index. URL: https://www.economist.com/media/pdf/QUALITY_OF_LIFE.pdf (accessed 01.06.2020).

[2] Рейтинг качества жизни населения в российских регионах. Доступ: https://riarating.ru/infografika/20200217/630153946.html (проверено 19.05.2020).

ковских депозитов на одного жителя; процент населения с доходами ниже прожиточного минимума);

– занятость населения и рынок труда (3 индикатора, в т.ч. уровень безработицы);

– жилищные условия (4 индикатора, в т.ч. площадь жилых помещений на 1 чел., доля жилья с достаточной обеспеченностью коммунальными услугами, процент аварийного жилищного фонда);

– безопасность (5 индикаторов, в т.ч. число преступлений на 10 000 чел. населения; число смертей от внешних причин, травматизм в ДТП на 100 000 ед. автомобильного транспорта);

– демография (3 индикатора, в т.ч. коэффициент естественного движения населения, сальдо миграции);

– экология и климат (4 индикатора, в т.ч. объемы выбросов загрязняющих веществ на ед. площади);

– здоровье и образование (7 индикаторов, в т.ч. ожидаемая продолжительность жизни, смертность различных возрастных категорий, доля граждан с высшим образованием);

– обеспеченность объектами социальной инфраструктуры (24 индикатора, в т.ч. число учителей и врачей на обучающихся и пациентов, число больничных коек на 100 тыс. чел. населения, доля быстрых приездов скорой помощи (за 20 минут), оборот розничной торговли, общественного питания на 1 чел., число посещений музеев и театров на 1 тыс. чел., процент населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом);

– уровень экономического развития (6 индикаторов, в т.ч. объем инвестиций в основные фонды на 1 чел., процент прибыльных предприятий);

– развитие малого бизнеса (5 индикаторов, в т.ч. оборот малого бизнеса на 1 чел., объем инвестиций малого бизнеса на 1 чел., процент занятых в малом бизнесе от рабочей силы);

– освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры (4 индикатора, в т.ч. соответствующая нормативам доля автомобильных дорог, плотность железнодорожной сети, число автозаправочных станций на 1 км автодорог).

Модифицированный индекс развития человеческого потенциала Н.В. Зубаревич (2 варианта) [Зубаревич 2020: 74-75]. Параметры и их индикаторы:

– долголетие (ожидаемая продолжительность жизни для обоих вариантов);

– образование (доля учащихся в демографической группе населения от 6 до 23 лет / процент населения с высшим образованием от всего взрослого населения);

– уровень жизни (валовой региональный продукт по ППС на душу населения, долл., соотношение денежных доходов и прожиточного минимума, официальный уровень безработицы / валовой региональный продукт по ППС на душу населения, долл., доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, общий уровень безработицы).

В российском исследовательском поле авторы использовали различные по структуре и глубине системные параметры качества жизни и их индикаторы. В частности, для расчета интегрального индекса качества жизни были предложены 27 параметров с 29 индикаторами, которые по большей степени пересекаются со многими приведенными параметрами и индикаторами. Из особых параметров следует указать равенство распределения доходов (индекс Джини), баланс досуга и труда (распределение времени между работой и общением с близкими), политическая стабильность и безопасность (соответствующий рейтинг), политическая свобода (индекс политической и гражданской свободы), государственное управление (количество и доступность электронных ресур-

сов), расширение возможностей (степень развитости третьего сектора), экология (площадь зеленых массивов в поселениях и регионах), природный капитал (бюджетные расходы на экологию), производственный капитал (процент роста производительности труда), интеллектуальный капитал (число зарегистрированных ноу-хау и патентов), человеческий капитал (средняя зарплата в расчете на 1 чел.), социальный капитал (уровень теневой экономики, доля издержек теневой экономики) [Нехода, Рощина, Пак 2018].

Наряду с классическими параметрами и индикаторами предлагалось учитывать развитие гражданского общества (на основе социологических опросов), комфортность социальной среды (один из индикаторов – ввод нового жилья), доступность и качество транспортных услуг (число пассажиров автобусных перевозок, грузооборот автомобильного транспорта). Всего в модели, апробированной на кейсе Свердловской обл., представлены 12 параметров и 34 индикатора [Козлова и др. 2015].

А.П. Мартынов, С.С. Богословская при сравнительном анализе регионов Приволжского федерального округа остановились на выборке из 5 параметров и отражающих их индикаторов: демография (5 индикаторов, в т.ч. число людей нетрудоспособного возраста на 1 тыс. чел. трудоспособного возраста); социальная сфера (8 индикаторов, в т.ч. объем мощностей больниц и поликлиник на 10 тыс. чел., доля мигрантов в другие регионы России по отношению к общей миграции из региона), жилищные условия (3 индикатора, в т.ч. ввод в действие жилых домов на 1 тыс. чел.); доходы (5 индикаторов, в т.ч. реальные денежные доходы и реальная зарплата, % к предыдущему году), уровень экономического развития (3 индикатора) [Martynov, Bogoslovskaya 2018].

А.И. Россошанский при моделировании влияния различных социально-экономических факторов (24 фактора, которые во многих индексах представлены как индикаторы) на качество жизни населения российских регионов выбрал 4 базовых параметра с 8 индикаторами – здоровье, уровень жизни, сфера труда, безопасность жизни. В результате статистического анализа он пришел к выводу, что качество жизни в большей степени коррелирует с двумя социально-экономическими факторами: ВРП на душу населения, поскольку данный фактор детерминирует уровень доходов домохозяйства и регионального развития, а также вводом в действие нового жилья, поскольку данный фактор запускает долгосрочные инвестиционные и финансовые механизмы с позитивными экстерналиями [Россошанский 2018].

Российские и зарубежные индексы построены на комбинировании объективных и субъективных индикаторов, которые отражают социально-экономические, политические, культурные, экологические параметры концепта «качество жизни». В зарубежных индексах прослеживается несколько большее значение субъективных индикаторов, построенных на данных социологических опросов и экспертных оценках, поскольку в развитых странах достигнут относительно высокий стандарт уровня жизни, измеряемый статистикой. Среди параметров качества жизни также акцентируются политические и социальные компоненты – свободы, контроль гражданского общества, эффективность государственного управления, качество социальных взаимосвязей, гендерное равенство. Российские индексы в большей степени ориентированы на объективные статистические социально-экономические индикаторы, замеряющие уровень жизни, и не акцентируют политические параметры. В рамках исследования взаимозависимости национальной безопасности и качества жизни населения России целесообразно ориентироваться на методологию отечественных ученых, целеполагание Стратегии национальной безопасности, в которой явно превалирует социально-экономический подход и обозначен только один поли-

тический параметр – контроль государства и общества за целевым расходованием бюджетных средств.

На важность субъективных оценок качества жизни и необходимости отхода от абсолютизации показателя ВВП обращается внимание в докладе Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса [Стиглиц, Сен, Фитусси 2016: 65-66]. Субъективные индикаторы в форме социологических данных об удовлетворенности той или иной характеристикой качества жизни представляются, с одной стороны, зависимыми переменными, обусловленными ожиданиями, выбранными стандартами сравнительной оценки, эффективностью манипуляционных технологий СМИ и СМК, а с другой – волатильными и непредсказуемыми переменными, способными обесценить относительно приемлемые показатели, вызвать иррациональное недовольство, протесты, апатию. Поэтому целесообразно включать в модель взаимозависимости национальной безопасности и качества жизни субъективные индикаторы с весовым коэффициентом 0,20–0,25% в интегральном индексе качества жизни. Указанные индикаторы могут выступить в качестве «позитивного социального демпфера», сглаживая несоответствие объективных индикаторов установленным нормам, или в качестве «негативного социального акселератора», гипертрофируя недовольство объективными индикаторами. В любом случае данные социологических опросов представляют собой сигнал обратной связи для системы национальной безопасности, указывая на проблемные зоны.

Методологически значимой представляется проблема классификации параметров и индикаторов качества жизни по уровням угроз национальной безопасности [Зубаревич 2020: 82]. Можно предложить 5-уровневую шкалу угроз и возможностей индикаторов качества жизни для системы национальной безопасности: критическая угроза – умеренная угроза – равновесное состояние – умеренные возможности – оптимальные возможности. В качестве критерия классификации можно использовать матрицу «вероятность реализации угрозы/возможности» – «степень деструктивного/конструктивного воздействия». Достижение индикатором уровня «критическая угроза» означает высокую вероятность наступления максимально неблагоприятных последствий для национальной безопасности, которая требует оперативного вмешательства государства. Уровень «умеренная угроза» означает достижение индикатором такого значения, при котором со средней вероятностью реализуются средние по эффекту неблагоприятные последствия, требующие корректировки социально-экономической политики за счет государственных ресурсов. Уровни критической и умеренной угрозы свидетельствуют о необходимости реализации антикризисных мер для предотвращения дисфункции системы; об устойчивом развитии на данных уровнях речь не идет.

Равновесное состояние угроз и возможностей позволяет осуществлять простое воспроизводство, которое не создает ресурсный потенциал для роста, но и не дестабилизирует систему. Состояние социального гомеостаза (стабильность без развития) является бенчмарком, от которого отсчитывают негативную и позитивную динамику индикаторов. Нормативное установление количественных значений индикаторов качества жизни с позиции предотвращения угроз национальной безопасности может ориентироваться на бенчмарк равновесного состояния угроз и возможностей.

В качестве подобного бенчмарка могут, например, выступать предельные критические значения показателей, предложенные в работе С.Ю. Глазьева и В.В. Локосова применительно к социально-экономической ситуации 2012 г. В частности, критическими представляются следующие нормативные индикаторы: продолжительность жизни, коэффициент Джини, доля населения с дохо-

дами ниже прожиточного минимума, доля бездомных и других деклассированных групп населения, уровень преступности, уровень безработицы, минимальный медицинский уровень потребляемых килокалорий [Глазьев, Локосов 2012]. Данный перечень следует дополнить отдельными индикаторами экологии (загрязнение окружающей среды с непосредственной угрозой для жизни и здоровья), миграции (рост нелегальной миграции), здравоохранения (распространение инфекционных болезней, число врачей, больничных коек на 10 тыс. чел. населения).

Уровень умеренных возможностей фиксируется в случае достижения индикаторами нормативных значений с некоторым превышением или благоприятной тенденцией на повышение значений. Формируется ресурсный потенциал для расширенного воспроизводства и улучшения качества жизни. В частности, здесь могут анализироваться различные демографические индикаторы (естественная динамика населения), производительность труда (сравнение с группой референтных субъектов), жилищно-коммунальные условия (обеспеченность жильем, коммунальными услугами), инфраструктура (транспорт), доходы (ВРП на душу населения, медианная зарплата, доля бедных по критерию получения дохода менее 2/3 от медианной зарплаты). Оптимальным уровнем возможностей можно считать долгосрочное улучшение индикаторов в сравнении с нормативным требованием референтной группы стран, регионов, что создает запас прочности на случай кризисных явлений и служит целям устойчивого развития. Объемы и структура доходов и потребления домохозяйства показывают дифференциацию инвестиций в простое и расширенное воспроизводство человеческого капитала. Данный уровень охватывает индикаторы образования (число студентов и лиц со средним профессиональным образованием на 10 тыс. чел., число учащихся на 1 педагога), спорта (доля активно занимающихся физической культурой), политической сферы (участие в деятельности НКО), социальных взаимосвязей (удовлетворенность социальным окружением, уровень доверия к институтам и согражданам), качества социальных услуг, культурных мероприятий, досуга (уровень удовлетворенности), предпринимательской активности (открытие бизнеса, число патентов). Оба уровня возможностей, естественно, предполагают, что индикаторы бенчмарка будут находиться в зоне нормативных значений.

Следует отметить, что возможны разнообразные конфигурации уровней угроз национальной безопасности: теоретически критическая угроза по группе индикаторов может соседствовать с оптимальными возможностями по другой группе индикаторов. На страновом уровне диспропорции могут создать усредняющий эффект. Особенно это проявляется в связи с разнородностью оценок качества жизни в различных странах. Так, например, по методологии британского аналитического центра *Legatum Institute* в Индексе качества жизни 2019 г. Россия заняла 74-е место – между Беларусью и Шри-Ланкой, а по параметрам блока «Качество жизни» вошла в группу лидеров по образованию (20-е место в мире) и группу аутсайдеров по здравоохранению (103-е место в мире). По данным Всемирной организации здравоохранения, расходы российского бюджета на здравоохранение в % к ВВП уступают аналогичным расходам Армении, Грузии, Кыргызстана, Таджикистана, Беларуси, Узбекистана при том, что в абсолютных цифрах (в долл.) расходы российского бюджета на душу населения выше, чем в Беларуси и Узбекистане вместе взятых[1]. Для оценки эффективности госу-

[1] World health statistics 2019. Monitoring health for the SDGs, sustainable development goals. P. 82-88. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/324835/9789241565707-eng.pdf?sequence=9&isAllowed=y (accessed 19.05.2020).

дарственного регулирования сфер, напрямую затрагивающих качество жизни, также используется система индикаторов [Ахременко 2012; Расторгуев 2018].

Таким образом, можно предложить следующую схему взаимозависимости параметров и отражающих их индикаторов с национальной безопасностью. Ряд параметров являются сквозными, отражающие их индикаторы, принимая разное числовое значение, сигнализируют о наличии угрозы, равновесия, возможности. Часть параметров и индикаторов, связанных с потенциалом устойчивого развития, не несущих непосредственных угроз национальной безопасности, находятся преимущественно в зоне возможностей.

Таблица 1

Взаимосвязь национальной безопасности с индикаторами качества жизни населения

Уровень угроз/ возможностей, параметры	Критическая угроза	Умеренная угроза	Равновесие (бенчмарк)	Умеренная возможность	Оптимальная возможность
Уровень доходов населения	Индикаторы бедности, неравенства, медианной и средней зарплаты, долговой нагрузки хуже бенчмарка		Индикаторы бедности, неравенства, медианной и средней зарплаты, долговой нагрузки на уровне бенчмарка	Индикаторы бедности, неравенства, медианной и средней зарплаты, долговой нагрузки лучше бенчмарка Индикаторы сбережений и личных инвестиций	
Занятость	Индикаторы безработицы и охраны труда хуже бенчмарка		Индикаторы безработицы и охраны труда на уровне бенчмарка	Индикаторы безработицы и охраны труда лучше бенчмарка	
Жилищные условия	Индикаторы аварийного фонда, обеспеченности жильем и коммунальными услугами хуже бенчмарка		Индикаторы аварийного фонда, обеспеченности жильем и коммунальными услугами на уровне бенчмарка	Индикаторы обеспеченности жильем и коммунальными услугами лучше бенчмарка Индикаторы ввода нового жилья	
Безопасность	Индикаторы убийств, смертей по внешним причинам, травматизма хуже бенчмарка		Индикаторы убийств, смертей по внешним причинам, травматизма на уровне бенчмарка	Индикаторы убийств, смертей по внешним причинам, травматизма лучше бенчмарка Индикаторы качества правоохранительной системы	
Демография	Индикаторы естественного движения населения и миграции хуже бенчмарка		Индикаторы естественного движения населения и миграции на уровне бенчмарка	Индикаторы естественного движения населения и миграции лучше бенчмарка Индикаторы интеграции мигрантов в местные сообщества	
Экология	Индикаторы выбросов загрязняющих веществ хуже бенчмарка		Индикаторы выбросов загрязняющих веществ на уровне бенчмарка	Индикаторы выбросов загрязняющих веществ лучше бенчмарка Индикаторы охраны природы	

Здоровье	Индикаторы младенческой смертности, заболеваемости, алкоголизма, наркомании, материального и кадрового обеспечения здравоохранения хуже бенчмарка	Индикаторы младенческой смертности, заболеваемости, алкоголизма, наркомании, материального и кадрового обеспечения здравоохранения на уровне бенчмарка	Индикаторы младенческой смертности, заболеваемости, алкоголизма, наркомании, материального и кадрового обеспечения здравоохранения лучше бенчмарка Индикаторы ожидаемой продолжительности жизни, расходов домохозяйств на медицинские услуги и ДМС
Образование	Индикаторы дошкольного и школьного образования хуже бенчмарка	Индикаторы дошкольного и школьного образования, доли лиц с высшим и средним специальным образованием на уровне бенчмарка	Индикаторы дошкольного и школьного образования, доли лиц с высшим и средним специальным образованием лучше бенчмарка Индикаторы международных тестов, материального и кадрового обеспечения образования, общего срока обучения
Эконjмическое развитие	Индикаторы ВВП, ВРП на душу населения хуже бенчмарка	Индикаторы ВВП, ВРП на душу населения на уровне бенчмарка	Индикаторы ВВП, ВРП на душу населения лучше бенчмарка Индикаторы прибыли предприятий, инвестиций в основные фонды, производительности труда, высококвалифицированных рабочих мест, ноу-хау
Культура, спорт и досуг	Индикаторы располагаемого времени на отдых и на общение с близкими хуже бенчмарка	Индикаторы посещения учреждений культуры, занятия физической культурой и спортом, располагаемого времени на отдых и на общение с близкими на уровне бенчмарка	Индикаторы посещения учреждений культуры, занятия физической культурой и спортом, располагаемого времени на общение с близкими лучше бенчмарка Индикаторы участия в деятельности НКО, удовлетворенности социальными связями и доверием в обществе
Инфраструктура	Индикаторы аварийности предприятий и сетей ЖКХ, дорог, общественного транспорта хуже бенчмарка	Индикаторы аварийности предприятий и сетей ЖКХ, дорог, общественного транспорта, ИТ-инфраструктуры на уровне бенчмарка	Индикаторы аварийности предприятий и сетей ЖКХ, дорог, общественного транспорта, ИТ-инфраструктуры лучше бенчмарка Индикаторы качества дорог, услуг общественного транспорта, цифровизации

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

Список литературы

Айвазян С.А. 2000. *Интегральные индикаторы качества жизни населения: их построение и использование в социально-экономическом управлении и межрегиональных сопоставлениях.* М.: ЦЭМИ РАН. 117 с.

Ахременко А.С. 2012. Оценка эффективности государства в производстве публичных услуг: теоретическая модель и методика измерения. – *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 113-135.

Глазьев С.Ю., Локосов В.В. 2012. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально экономическим развитием. – *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 4(22). С. 22-41.

Зубаревич Н.В. 2020. *Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода*. М.: ЛЕНАНД. 264 с.

Козлова О.А., Гладкова Т.В., Макарова М.Н., Тухтарова Е.Х. 2015. Методический подход к измерению качества жизни населения региона. – *Экономика региона*. № 2. С. 182-193.

Нехода Е.В., Рощина И.В., Пак В.Д. 2018. Качество жизни: проблемы измерения. – *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. № 43. С. 107-125.

Расторгуев С.В. 2018. Основные критерии оценки эффективности исполнения функций государственной власти в контексте развития гражданского общества. – *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. № 6(36). Т. 8. С. 35-42.

Россошанский А.И. 2018. Моделирование влияния социально-экономических факторов на качество жизни населения регионов России. – *Вопросы территориального развития*. № 4(44). С. 1-12.

Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. 2016. *Неверно оценивая нашу жизнь: почему ВВП не имеет смыла?* М.: Изд-во Института Гайдара. 216 с.

Martynov A.P., Bogoslovskaya S.S. 2018. Level and Quality of Life in Regions of the Privolzhsky (Volga) Federal District: Current State and Development Dynamics. – *Voprosy Statistiki*. Vol. 25. No. 1. P. 25-33.

RASTORGUEV Sergey Viktorovich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Professor of the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993; SRastorguev@fa.ru)

THE INTERDEPENDENCE OF THREATS TO NATIONAL SECURITY AND THE QUALITY OF LIFE IN RUSSIA

Abstract. *The article examines the interdependence of parameters and indicators of quality of life with threats to national security and analyzes foreign and domestic indicators of quality of life. The author concludes that foreign methods pay much more attention to subjective indicators of satisfaction and socio-political indicators, while Russian ones focus on objective indicators of quality of life. The article observes an averaging effect in calculating the integral indices, when individual indicators with negative values are balanced by individual indicators with positive ones, and emphasizes the importance of subjective assessments of satisfaction with the quality of life, which are a feedback signal for the political system.*

The author suggests using a five-level scale of threats and opportunities for indicators of the quality of life for the national security system and the matrix «probability of threat-opportunity realization» – «degree of destructive-constructive impact» as a classification criterion. He classifies parameters and indicators of quality of life in accordance with a five-level scale of threats and opportunities for national security, and determines the level of the equilibrium state of threats and opportunities as a benchmark between the crisis and sustainable development.

Keywords: *quality of life, national security, indicators of life quality, threats to national security, benchmark*

КАРСАНОВА Елена Созрикоевна – доктор политических наук, доцент департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, 49); профессор кафедры государственного управления и политических технологий Государственного университета управления (109542, Россия, г. Москва, Рязанский пр-кт, 99; e_karsanova@mail.ru)

ГУРШУМОВ Руслан Калевович – аспирант департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, 49; e_x@me.com)

ДИАСПОРА КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС

Аннотация. *Диаспоры, наряду с многочисленными акторами международных отношений, такими как транснациональные правительственные/неправительственные организации и финансовые группы, играют все более значимую роль в формировании и реализации внутренней и внешней политики современных государств. В статье обосновывается возможность рассмотрения современных диаспор не только как представителей конкретных этнических/религиозных культур, но и в качестве важного внешнеполитического ресурса и эффективного политического инструмента для продвижения национальных интересов и повышения имиджа страны.*

Ключевые слова: *диаспора, этническая культура, идентичность, политика, государство*

Диаспоры, представляя собой мобилизованные группы, объединенные коллективным чувством идентичности и общими интересами, становятся чрезвычайно важным явлением в международной политике. Являясь источником социальных и финансовых инвестиций как минимум для двух наций одновременно, диаспоры непосредственно участвуют в двухсторонних отношениях государств. Кроме осязаемых материальных ценностей, диаспоры способны преумножать эмоционально-культурный, интеллектуальный капитал и устанавливать долговременные каналы связи метрополии с принимающими государствами по всему миру.

Традиционно термин «диаспора» применялся для описания ряда рассеянных по всему миру этнических или религиозных сообществ, покинувших свою родину, но сохранивших при этом устойчивую ориентированность на метрополию, коллективную культурную идентичность и желание культивировать ее на новом месте. В случае исторически «старых» диаспор (евреи, греки или армяне) эта ориентированность нередко выражалась в мифологизированной надежде на возвращение на родину. Подавляющее большинство работ было посвящено еврейской диаспоре.

Американский политолог Роберт Оуэн Кохейн в своей книге «Глобальная диаспора» обращает внимание на 4 этапа, которые преодолели исследования диаспоры: 1960–1970-е гг. (очерки расселения еврейских, армянских, африканских, ирландских сообществ); 1980-е гг. – рассмотрение диаспоры сквозь призму вычленения характеристик групповых социальных категорий народов, живущих вдали от исторической родины (политические беженцы, иммигранты, притесняемые этнические меньшинства и пр.); начало 1990-х гг. – время интенсивных междисциплинарных диаспоральных исследований, в рамках которых была апробирована релевантность термина для рассмотрения проблем национальной идентичности, этнокультурного разнообразия и миграции [Cohen 1997: 129-134]. Настоящее время Р. Кохейн определяет как четвертую, очень перспективную фазу исследований диаспоры, тематическая арка которой охватывает политическую активность и возможность использования потенциала диаспор для развития общественно-политических, экономических и иных связей между государствами.

Особенно актуально термин «диаспора» стал звучать после известных трагических событий в США 11 сентября, что привело к повышенному вниманию к росту и новым формам диаспор, пониманию необходимости профильной работы с инокультурными этническими сообществами, имеющими транснациональные связи.

В современной зарубежной и отечественной научной литературе регулярно подчеркивается недостаточная проработанность понятийного аппарата для осмысления диаспоры и сведение понятия «диаспора» к статусу беженца, иммигранта либо к вынужденной/сознательной экспатриации и пр.

В отличие от иммигрантских сообществ/национальных меньшинств, диаспоры в большей степени сопротивляются ассимиляции и более ориентированы на поддержание национальной идентичности, культурных ценностей и прочих элементов этнокультурного наследия метрополии. Вероятней всего, именно стремление сохранить эти связи – будь то конфессиональные, лингвистические или аффективные – дифференцирует этот этнокультурный феномен от других общин.

Современные национальные диаспоры не сходны между собой по степени организованности, численности, и общественно-политической активности. К наиболее крупным диаспорам формально относятся китайская (35 млн чел.), индийская (25 млн), русская (25 млн), украинская (12 млн), армянская (около 10 млн чел.); еврейская (8 млн) и другие диаспоры. Кроме того, ряд специалистов указывают на существование курдской (14 млн), ирландской (10 млн), итальянской (8 млн) и других диаспор [Боришполец 2011].

Международный опыт подтверждает, что при планировании политики двухстороннего взаимодействия (государство – диаспора) важно принять во внимание не только количественные и/или структурные характеристики диаспоры, но и их качественные составляющие, т.е. готовность самих диаспор реагировать на государственные инициативы как принимающей страны, так и исторической родины.

Диаспора, представляя собой депозитарий культурного кода, традиций и мифов, не может существовать изолированно, замкнувшись в собственном этнокультурном «контейнере». Находясь длительное время в окружении принимающей культуры, диаспоральные сообщества нередко перенимают часть ее характеристик и даже кооптируют в свой состав представителей доминирующего этнического большинства принимающей стороны. В результате длительного межкультурного взаимодействия этнонациональные нарративы диаспоры, подвергаясь селективной модификации, могут все больше и больше не совпадать с социальными образцами и иными элементами этнокультурных ценностей метрополии. Безусловно, механизмы взаимодействия диаспор с принимающим обществом, их включенность в общественно-политическую жизнь во многом определяются типом политической системы принимающей страны, степенью демократизации, открытости институтов власти и автономии гражданского общества. Проводимая этнонациональная политика, упрощающая этнонациональным диаспорам задачу поддержания этнической, конфессиональной и/или культурной идентичности, как бы противоречиво это ни звучало, создает благоприятные условия для снижения барьеров и «открытости» диаспор [Safran 2007: 159]. В современных условиях динамичного социального взаимодействия исключительно замкнутую эндогенную диаспору встретить сложно: диаспоральная идентичность практически повсеместно представляет собой гибридную идентичность – компромисс между примордиальной и приобретенной на территории проживания идентичностью.

Как уже отмечалось, степень мобилизации и интеграции диаспоры в инокультурное принимающее общество, ее политическая активность во многом определяется качеством и степенью открытости/закрытости последних. Связи же диаспоры с метрополией – территорией традиционного компактного проживания основной части конкретного этноса – могут модифицироваться в зависимости от той или иной комбинации факторов: если диаспора этнически консолидирована и связь с материнским государством – залог этой консолидации, то понятно, что взаимодействие будет интенсивным. Потребность в активном выражении собственных этнокультурных характеристик может провоцироваться маргинальным статусом членов диаспоры, воображаемым «чувством долга» и иными психологическими факторами, усиливающими ощущение отсутствия исторической родины. Пример доминиканской, сальвадорской и колумбийской диаспор в США демонстрирует непротиворечивость таких выводов: чем длительнее представители диаспор находились в принимающей стране, тем более активно они были вовлечены в политическую жизнь своей этнической родины. Такие диаспоры нередко бросают вызов принимающему обществу и его институтам, становясь значимым барьерным фактором для внутренней и внешней политики.

Если в социальном пространстве формируются комбинированные культуры, то связи с метрополией постепенно ослабевают. Можно предположить, что чем более благоприятны условия для интеграции диаспоры в принимающее общество, тем вероятней ослабление идентификационных связей с родиной и демобилизация диаспоры. Наиболее показателен пример американских евреев, которые стремительно теряют связь с материнским государством на Ближнем Востоке. Проживающие в США евреи в подавляющем большинстве случаев не знают языка, около 70% вступают в брак с представителями иных культур и лишь 47% считают свое еврейство «очень важным» [Dan 2019]. Тем не менее нет оснований утверждать, что это однозначно линейный процесс, поскольку даже культурно дистанцированные от родины диаспоры время от времени могут подвергаться значительным колебаниям коллективных воспоминаний. Известно немало случаев, когда в условиях различного рода кризисов диаспоры оперативно реагировали на проблемы метрополий. Так, в период недавнего финансово-экономического кризиса в Греции этническая диаспора в короткие строки мобилизовала средства (100 млн долл.) и поддержала инвестициями и иными мероприятиями свою историческую родину.

Особенно рельефно этнические идентификации и интересы проявляются в периоды эскалации этнополитических противоречий/конфликтов и могут привести к этнической мобилизации диаспоры. Метрополии также могут успешно апеллировать к коллективной памяти, этносимволам и мифам с целью поддержания/возрождения этнической идентичности. Примечателен опыт Израиля, где с 2013 г. функционирует правительственное учреждение – Министерство по делам Иерусалима и диаспоры, ответственное за работу с еврейской диаспорой и позиционирование Израиля на международной арене. Правительство страны, стремясь эффективно использовать политический, экономический и культурный потенциал диаспоры для защиты своих национальных интересов, активно обсуждает идею создания парламента диаспор, а также возможность участия членов зарубежных еврейских общин в процессе принятия политически значимых для государства решений. Руководствуясь формулой: «Отношения должны быть двусторонними», израильская правительственная стратегия предполагает отказ от диаспоральных финансовых инвестиций в экономику страны. Теперь Израиль намерен, отказавшись от капиталовложений диаспоры, оказать финансовую и иную поддержку еврейским общинам в создании за рубе-

жом «еврейских культурно-просветительских центров, подобных Британскому Совету» [Боришполец 2011].

Активная государственная поддержка диаспор становится действенным и популярным трендом международной деятельности, позволяющим формировать выгодный символический образ и политический имидж страны. Правительства отдельных политий успешно эксплуатируют потенциал диаспор в процессе реализации своих внутри- и/или внешнеполитических стратегий и планов развития. На такие государства, как Венгрия, Греция, Израиль, Индия, Ирландия, Китай, Польша, Франция, можно указать как на успешные с точки зрения работы со «своими» диаспорами. С «чужими» диаспорами, по экспертному мнению, наиболее эффективно взаимодействуют Соединенные Штаты Америки [Боришполец 2011].

Взаимодействие диаспоры с принимающей страной в ограниченном смысле можно рассматривать с точки зрения международных отношений, а использование диаспор в качестве эффективного механизма влияния на принимающее государство для ряда современных стран становится реальной практикой. Несмотря на то что диаспора, в отличие от национальных меньшинств, нормативно не защищена в стране пребывания, в своих коммуникативных связях с принимающим государством она выступает в роли особого коллективного актора, с которым принимающая сторона нередко вынуждена считаться. Хрестоматийным примером является политически активная деятельность Американо-израильского комитета по общественным связям (*AIPAC*), который структурно тесно связан с еврейской диаспорой. Основное функциональное назначение *AIPAC* – проведение во внешней политике США произраильского курса. Этой организации многократно удавалось блокировать инициативы Белого дома о выводе израильских войск с части оккупированных ими территорий (План Роджерса 1969 г.), препятствовать планам Г. Киссинджера в пересмотре США своей ближневосточной политики в 1975 г. и Дж. Буша о прекращении строительства поселений на «оккупированных палестинских территориях» [Лозанский 2004: 115-116] и т.д.

Другим интересным примером может выступить деятельность многочисленной и хорошо организованной в ключевых американских штатах армянской диаспоры, которой в 1992 г. удалось пролоббировать принятие конгрессом США поправки к документу[1], который блокировал возможность оказания гуманитарной и иной помощи Азербайджану. Более того, после распада Советского Союза армянское лобби в США добилось для метрополии самой объемной гуманитарной помощи среди всех постсоветских республик. Так, в период с 1990-х по начало нулевых годов объем американской гуманитарной помощи Армении составил 239 млн долл., в то время как Азербайджану достался 91,6 млн долл. По сообщению Российско-армянского информационного агентства от 29.09.2019 г., США предоставили Армении дополнительные финансовые ресурсы для проведения политических и социально-экономических реформ. Причем «финансовая помощь выделяется в дополнение к утвержденным $17,6 млн. из Фонда экономической поддержки и развития (ЕСФ). $1,5 млн. предоставляется на борьбу с незаконным оборотом наркотиков, $600 000 на

1 *Freedom Support Act* (Акт в поддержку свободы), принят в 1992 г. для экономической поддержки бывших советских республик. Под давлением армянского лобби в документ была внесена 907-я поправка, запрещающая правительству США оказывать помощь Азербайджану ввиду действий последнего по блокаде Нагорного Карабаха и Армении.

международное военное образование и профподготовку и $1 млн. на финансирование иностранных вооруженных сил»[1].

Таким образом, исторический вклад диаспор в международные отношения и их сегодняшний потенциал позволяют определять современную диаспору не только как форму существования сообществ, сложившихся по этнокультурным признакам и проживающих за пределами исторической родины, но и как значимый внешнеполитический/экономический ресурс, инструмент влияния на национальном и международном уровнях. Переосмысление стратегий взаимодействия со своими диаспорами за рубежом на сегодняшний день принципиально практически для всех государств, но в первую очередь для тех, кто стремится к лидирующим позициям в современной мировой политике и успешному продвижению национальных интересов.

Список литературы

Боришполец К.П. 2011. *Мир и диаспоры*. Доступ: https://mgimo.ru/about/news/experts/216064/ (проверено 17.05.2020).

Лозанский Э.Д. 2004. *Этносы и лоббизм в США. О перспективах российского лобби в Америке*. М.: Международные отношения. 272 с.

Cohen R. 1997. *Global Diasporas*. L.: University College London Press. 235 p.

Dan D. 2019. Еврейские общины США. 2019/09. Доступ: https://jhist.org/ajt/2019_10_usa_small.pdf (проверено 17.05.2020).

Safran W. 2007. Democracy, Pluralism, and Diaspora Identity: An Ambiguous Relationship. – *Opportunity Structures in Diaspora Relations* (ed. by G. Totoricaguena). Reno, Nevada: Center for Basque Studies. P. 157-185.

KARSANOVA Elena Sozrikoevna, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor of the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993); Professor at the Chair of Public Administration and Political Technologies, State University of Management (99 Ryazansky Ave, Moscow, Russia, 109542; e_karsanova@mail.ru)

GURSHUMOV Ruslan Kalevovich, postgraduate student at the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993; e_x@me.com)

DIASPORA AS THE POLITICAL RESOURCE

Abstract. *Diaspora alongside with the variety of actors in international relations such as transnational government and non-government organizations and financial groups plays the growing role in forging and realization of domestic and foreign policy of contemporary states. In the article the authors reason the opportunity to examine contemporary diasporas not only as the representatives of concrete ethnic and confessional cultures, but also as efficient political instruments for promotion of national interests and image making of the country. The governments successfully exploit the potential of the diasporas in the process of implementing their domestic and/or foreign policy strategies and development plans.*

Keywords: *diaspora, ethnic culture, ethnic identity, policy, state*

[1] Российско-армянское информационное агентство. Доступ: https://rusarminfo.ru/2019/09/27/ssha-uvelichili-finansovuyu-pomoshh-armenii/ (проверено 17.05.2020).

ЯСЬКОВА Людмила Валерьевна – заместитель председателя постоянной комиссии по жилищно-коммунальному хозяйству, градостроительству и землепользованию Липецкого городского совета депутатов (125167, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; PVRazov@fa.ru)

ЗАКОН ПАРТИЙНОГО СПРОСА

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы электорального поведения индивида в партийном пространстве. Автор приводит аналитическое обоснование измерения объема электоральной активности избирателей в зависимости от мотивации политического участия, приводит формулы расчетов коэффициентов политической активности для изучения возможной реакции избирателей на те или иные изменения в избирательном процессе. Наблюдается тенденция к изменению числа акторов партийного пространства в зависимости от избирательного периода. Кроме того, в статье рассматриваются факторы эластичности партийного спроса: удельный вес активных людей партийного пространства, время реагирования избирателя, наличие партий-субститутов и иные факторы. Автор приводит ряд аргументов в пользу утверждения, что оценка политической эластичности способствует объяснению и предсказанию электорального поведения на выборах.*

Ключевые слова: *электоральное поведение, политическое участие, партийный спрос, коэффициент политической эластичности*

Вопросы электорального поведения на протяжении всего периода становления института демократических выборов в современной России играли ведущую роль. Изучение проблем электорального поведения имеет большое значение в связи с тем, что помогает выявить отношение граждан к политическим партиям, избирательному процессу в целом и определить степень приверженности населения к демократическим ценностям.

Электоральное поведение (англ. – *voting behaviour* или *electoral behavior*) – процесс принятия решений гражданами относительно своего участия в выборах, деятельности политических партий и голосования за те или иные политические силы и кандидатов.

На наш взгляд, на современном этапе развития демократических институтов в современной России для изучения электорального поведения избирателей находит применение социально-рациональный подход и предельный метод исследования.

Пропорциональная система выборов в Государственную думу и часть законодательных органов в регионах в современной России предполагает выход на первый план коллективистских мотивов голосования за ту или иную политическую партию избирателями, которые объединяют в единое партийное пространство такие понятия, как общность людей и идей.

По степени причастности к политической партии общность людей объединяет следующие социальные группы акторов партийного пространства: функционеров, членов партии, сторонников, не определившихся, протестующих и игнорантов. Данная модель партийного пространства представлена в работах В.А. Бианки, А.И. Серавина, М. Дюверже и др. [Бианки, Серавин 2006; Дюверже 2005].

Термин «полезность» в нашем случае будет означать удовлетворение, которое избиратели получают при голосовании за ту или иную политическую партию. Если использовать понятие «партийный спрос» для описания поведения акторов партийного пространства, то необходимо различать партийный спрос и объем (величину) партийного спроса. Под партийным спросом понимается число акторов партийного пространства, которые не только хотят, но и могут проголосовать за партию в определенный промежуток времени (межвыборный период). Объем партийного спроса характеризует число избирателей,

которые хотят голосовать и голосуют за партию в определенное время (на выборах).

Для подтверждения нашей гипотезы проанализируем процесс формирования партийного спроса – сложившегося объема избирателей, голосующих за определенную партию (электоральную активность) в определенный избирательный период, в зависимости от мотивации политического участия акторов партийного пространства (полезности).

При позитивном отношении к политической партии мотивация политического участия избирателей повышается, следовательно, электоральная активность населения возрастает. При более негативном отношении избирателей к политической партии электоральная активность населения снижается.

Отсюда можно вывести закон партийного спроса – это прямо пропорциональная зависимость электоральной активности от мотивации политического участия при позитивном отношении (лат. *affectio positivus*) человека к партии и обратно пропорциональную зависимость электоральной активности от мотивации политического участия при негативном отношении (лат. *affectio negative*) человека к партии.

Отношение между мотивацией политического участия и электоральной активностью отражает зависимость партийного спроса (при неизменности прочих факторов, влияющих на электоральную активность). При этом зависимость партийного спроса имеет возрастающий характер (или положительный наклон) при позитивном отношении – D_{AP} (см. рис. 1).

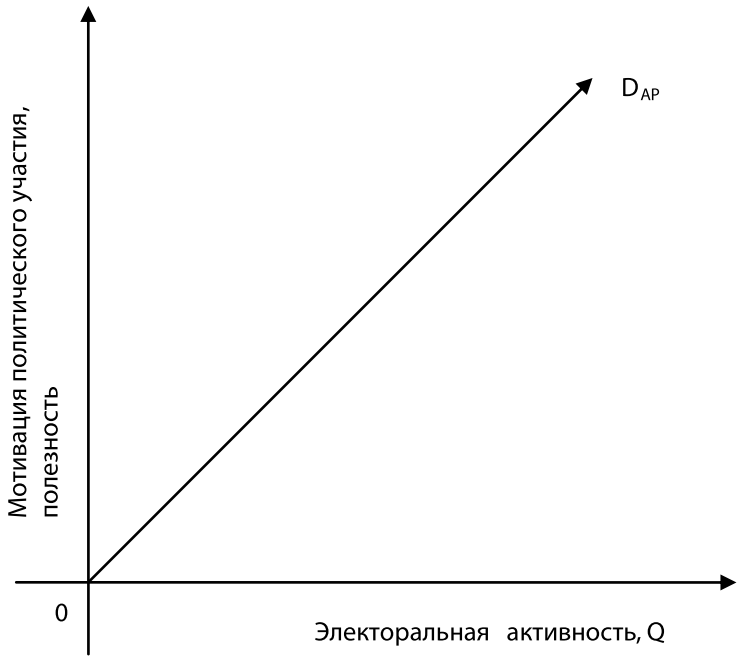

Рисунок 1. График позитивного партийного спроса

При негативном отношении человека к политической партии зависимость партийного спроса (см. рис. 2) имеет падающий характер (или отрицательный наклон) – D_{AN}.

Рисунок 2. График негативного партийного спроса

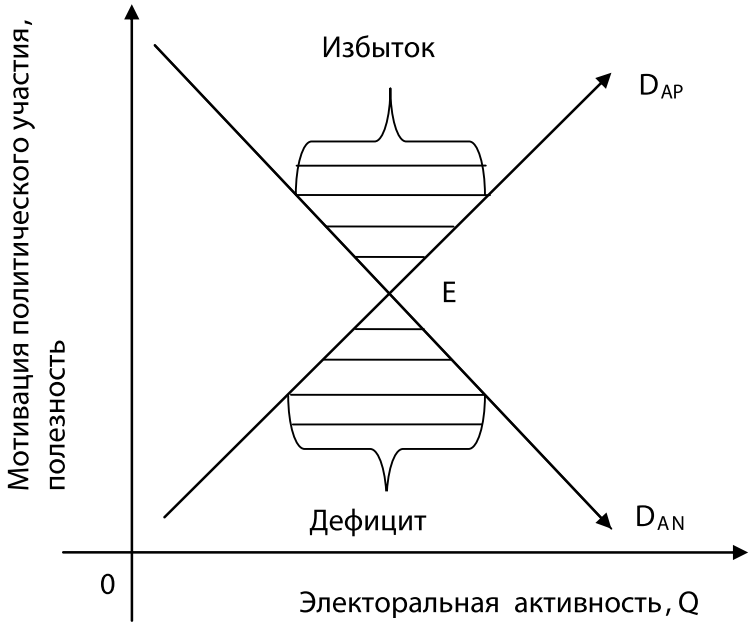

Рисунок 3. График равновесного партийного спроса

Функция спроса – математический способ выражения закона партийного спроса. Такого рода функцию можно записать следующим образом:

$Q_D = f(AN, AP)$. Кривая партийного спроса иллюстрирует функциональную зависимость между мотивацией политического участия и электоральной активностью и отражает индивидуальный партийный спрос. Сложение индивидуальных партийных спросов образует совокупный партийный спрос.

Чтобы определить равновесие между позитивным и отрицательным совокупным партийным спросом в избирательном процессе (сложившийся объем голосов за политическую партию в определенный выборный период), необходимо на одном графике (рис. 3) соединить графики позитивного и негативного совокупного партийного спроса. В точке их пересечения проявится равновесный объем избирателей, голосующих за данную партию.

Если положительное мотивирование объединения людей в политическое пространство конкретной политической партии превышает условия равновесия, то возникает ситуация избытка, и за партию начинают голосовать неопределившиеся, «протестующие» и игноранты, повышается явка населения на выборы.

Если отрицательное отношение к партии превышает условия равновесия, то возникает случай дефицита, что сказывается на явке избирателей в сторону ее уменьшения или голосование за партию-субститут.

Таким образом, результат, который политическая партия получает на выборах, есть равновесный объем электоральной активности избирателей в зависимости от мотивации политического участия (полезности).

Следовательно, электоральное поведение на выборах есть процесс объединения акторов партийного пространства той или иной политической партии, который происходит не целенаправленно, а по принципу комплиментарности, т.е. на основе неосознанной симпатии к одним людям и идеям и антипатии – к другим.

Данный анализ электоральной активности дает нам возможность выявить, что при росте отрицательного отношения к определенной партии число ее функционеров, членов и сторонников значительно уменьшится, следовательно, возможность привлечь акторов партийного пространства из числа не определившихся и игнорантов будет минимальной, и электоральный рейтинг значительно снизится. И наоборот, при росте положительного отношения к определенной политической партии возникнет ситуация роста числа членов партии, сторонников, а также возрастет вероятность приобщения к данному партийному пространству голосующих из числа не определившихся, игнорантов и протестующих, и, следовательно, значительно повысится соответствующий электоральный рейтинг. Для изучения возможной реакции избирателей на те или иные изменения политической мотивации участия в политической партии и избирательном процессе в целом, на наш взгляд, можно использовать понятие «политическая эластичность». Анализ эластичности позволяет предвидеть изменения политических предпочтений в зависимости от факторов, воздействующих на мотивацию политического участия. Показателем, характеризующим политическую эластичность, может служить коэффициент политической эластичности, который показывает, на сколько процентов изменится электоральная активность избирателя, если мотив политического участия изменится на один процент.

$$Э_э = \frac{\text{Изменение электоральной активности,\%}}{\text{Изменение мотивации политического участия, \%}} \quad (1),$$

где $Э_э$ – политическая эластичность.

Если избиратель активно реагирует на изменение мотивации, то отношение человека к политической партии эластично в зависимости от ее полезности.

При этом коэффициент эластичности больше единицы. Если политическая активность избирателя отсутствует или слабо проявляется на изменение мотивации, то отношение человека к политической партии будет жестким, или неэластичным, и коэффициент меньше единицы. При этом большое значение играет знак коэффициента. Если знак данного коэффициента положительный, то и отношение к партии положительное, и наоборот, если знак отрицательный, то отношение к партии будет отрицательно эластичным.

На политическую эластичность влияют следующие факторы:

– удельный вес активных людей партийного пространства. Если доля активных акторов будет составлять большую часть общей численности данного отделения политической партии, то отношение человека к партии будет неэластичным, и, наоборот, если доля активных акторов партийного пространства будет незначительной, то отношение к партии будет эластичным, отрицательным или нейтральным;

– время реагирования избирателя. Если период времени на реакцию избирателя будет измеряться с момента активизации деятельности региональных отделений политической партии, то отношение человека к партии будет неэластичным;

– наличие партий-субститутов. Отношение человека к партии будет отрицательно эластичным по мере увеличения числа политических партий со сходными программными заявлениями или претендующих на роль партии власти;

– представление о том, является ли политическая партия необходимым политическим институтом. Если голосующий считает, что партия полностью соответствует его мировоззрению, то отношение человека к политической партии будет положительно неэластичным, и его электоральная активность будет высокой. Если избиратель считает, что политические партии не являются необходимым политическим институтом, то отношение к партиям будет отрицательно жестким, и его электоральная активность не будет проявляться.

С помощью коэффициента политической эластичности на основе результатов выборов в ГД РФ 2007, 2011 гг. по Липецкой области[1] определим реакцию липчан на изменение политических мотиваций при голосовании за ту или иную политическую партию (при условии, что за один избирательный период мотивация политического участия изменилась на 1%):

«Единая Россия»

$$Э = \frac{40{,}09-62{,}3}{(62{,}3+40{,}09):2}\% : 1\% = -0{,}43 \quad (2),$$

КПРФ

$$Э = \frac{22{,}89-13{,}03}{(13{,}03+22{,}89):2}\% : 1\% = 0{,}55 \quad (3),$$

ЛДПР

$$Э = \frac{14{,}4-9{,}65}{(9{,}65+14{,}4):2}\% : 1\% = 0{,}39 \quad (4),$$

[1] Официальный сайт избирательной комиссии Липецкой области Доступ: http://www.lipetsk.izbirkom.ru/ (проверено 04.05.2020).

«Справедливая Россия»

$$Э = \frac{16,73-8,06}{(8,06+16,73):2}\% : 1\ \% = 0,7 \quad (5),$$

«Патриоты России»

$$Э = \frac{0,96-1,3}{(1,3+0,96):2}\ \% : 1\% = -0,3 \quad (6),$$

«Правое дело» (СПС)

$$Э = \frac{0,52-0,45}{(0,52+0,45):2}\% : 2\% = 0,14 \quad (7),$$

«Яблоко»

$$Э = \frac{2,5-0,93}{(2,5+0,93):2}\ \% : 1\% = \ 0,92 \quad (8).$$

Коэффициенты политической эластичности (формулы 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8) у всех избиравшихся партий меньше единицы. Отрицательные знаки имеют коэффициенты у политических партий «Единая Россия» и «Патриоты России» (формулы 2, 6).

Итак, на основе коэффициентов политической эластичности можно сделать вывод, что в Липецкой обл. за избирательный период 2007–2011 гг. отношение проголосовавших избирателей к политическим партиям сложилось жестко положительное к партиям КПРФ, ЛДПР, «Правое дело», «Справедливая Россия», «Яблоко» и жестко отрицательное к партиям «Единая Россия» и «Патриоты России».

Сложившееся отношение к политической партии «Единая Россия» в Липецкой обл. в большей степени связано с борьбой за пост мэра г. Липецка, выборы которого проходили одновременно с выборами в Государственную думу VI созыва, между единороссами М.В. Гулевским, поддержанным губернатором области О.П. Королевым, и А. Соколовым, поддержанным владельцем НЛМК В.С. Лисиным. До начала избирательной кампании на тот момент спикер Липецкого городского совета депутатов А. Соколов начал широкомасштабную кампанию по наведению порядка в работе управляющих компаний ЖКХ г. Липецка, борьбу с коррупцией в органах власти, что поддерживало большинство населения г. Липецка, но был снят с выборов по незарегистрированным подписям. В результате часть липчан, голосовавших на выборах в ГД РФ 2007 г. за партию «Единая Россия», при сложившемся отрицательном отношении к партии власти проголосовали за партии-субституты, претендующие на роль партии власти, – «Справедливую Россию» и КПРФ.

Высокий результат ЛДПР в регионе связан с интенсивной деятельностью Липецкого регионального отделения политической партии после смены руководителя отделения в 2010 г., в результате за данный период вырос удельный вес активных сторонников ЛДПР.

«Правое дело» и «Яблоко» проявили активность только на выборах в

Государственную думу РФ VI созыва 2011 г., отсюда положительный, но низкий результат.

Региональное отделение партии «Патриоты России» активность в межвыборный период и на выборах не проявляло, в результате получило меньший результат на выборах в ГД РФ VI созыва по сравнению с результатами выборов в ГД РФ V созыва.

Таким образом, закон партийного спроса и политическая эластичность способствуют объяснению электорального поведения на выборах в определенный избирательный период при голосовании избирателей за ту или иную политическую партию.

Список литературы

Бианки В.А., Серавин А.И. 2006. *Практика и психология регионального партстроительства*. СПб: КОПИ-ПАРК.148 с.

Дюверже М. 2005. *Политические партии* (пер. с фр. Л.А. Зимина). М.: Академический проект; Парадигма. 540 с.

YAS'KOVA Lyudmila Valer'evna, Deputy Chairman of the Permanent Commission on Housing and Communal Services, Urban Planning and Land Use, Lipetsk City Council of Deputies (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125167; PVRazov@fa.ru)

THE LAW OF THE PARTY DEMAND

Abstract. *The article deals with the issues of electoral behavior of an individual in the party space. The author gives an analytical justification for measuring the volume of electoral activity of voters depending on the motivation for political participation, and gives the formulas for calculating the coefficients of political activity to study the possible reaction of voters to certain changes in the electoral process. The observed trend towards a change in the number of party members depends on the election period. In addition, the article presents the factors of elasticity of the party space: the time of the election campaigns, the presence of party substitutes and other factors. The author argues that the assessment of flexibility can be explained by voting behavior in elections.*

Keywords: *electoral behavior, political participation, party demand, coefficient of political elasticity*

КРАСОВСКАЯ Наталия Рудольфовна – кандидат психологических наук, Аппарат Государственной Думы ФС РФ (125007, Россия, г. Москва, ул. Охотный ряд, 1; goulina@gmail.com)

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Аннотация. *В статье анализируется понятие «этнокультурная идентичность» в современной науке. Основные вызовы современности – это глобализация и влияние глобальных процессов на формирование этнокультурной идентичности. Соответственно, возрастает и число теорий этнокультурной идентичности, к которым можно отнести теории объективизма, инструментализма, конструктивизма, относимволизма, этничности. Автор исследует влияние глобализации на кризис идентичности, выясняет причины его возникновения, а также возможные способы и пути его преодоления. Важнейшим методом исследования проблемы этнокультурной идентичности является сравнительный метод. Сравнению подлежат различные концепции этнокультурной идентичности, а также три ее системы: этноцентричная, полицентричная и метацентричная.*

Ключевые слова: *этнокультурная идентичность, этнос, этнокультура, глобализация, идентификация, этноцентризм, полицентризм, метацентризм*

Введение

Понятие «этнокультурная идентичность» возникло сравнительно недавно, в последние десятилетия. Известный американский социолог, психолог и психоаналитик, создатель термина «кризис идентичности» Э. Эриксон понимал идентичность как процесс и результат личностного развития, имеющий связь с социальной адаптацией личности. Формулируя понятие «кризис идентичности», Э. Эриксон полагал, что человек формирует свою идентичность путем создания собственной убедительной картины мира и своего места в нем. Сегодня это понятие широко используется в философии, психологии, этнологии, политологии, культурной и социальной антропологии с разными значениями и в разных контекстах. Однако, несмотря на активную разработку в современных научных теориях проблемы идентичности, существует множество интерпретаций этого понятия, что свидетельствует о сложности явления. «В самом общем понимании оно означает осознание принадлежности объекта (субъекта) другому объекту (субъекту) как части и целого, особенного и всеобщего» [Садохин, Грушевицкая 2000]. Главными характерными признаками и основаниями понятия «идентичность» являются тождественность, одинаковость, совпадение. Идентификация – отождествление, уподобление, приравнивание. В психологии и социологии – это «категория, отражающая процесс и результат эмоционального и иного совпадения индивида с другим человеком, группой, образцом или идеалом» [Михайлова 2013]. В рамках психологических теорий идентичность связывается со способностью индивида оставаться самим собой в изменяющихся социальных ситуациях и с осознанием индивидом самого себя в качестве человеческой личности, отличающейся от других [Широкогоров 2012]. В социальной психологии идентификация – это отождествление индивидом себя с другим человеком, непосредственное переживание субъектом той или иной степени своей тождественности с объектом. По мнению А.М. Монакова, «идентификация – это эмоционально оформленный процесс самоотождествления индивида, группы с другим человеком, группой или образцом, интериоризации занимаемых социальных статусов и освоения значимых социальных ролей» [Монаков 2008].

Ввиду сложного, многоаспектного характера этого явления в современной научной литературе понятия «национальная идентичность», «этнокультурная идентичность», «этническая идентичность», «гражданская идентичность» часто употребляются как синонимы. Однако, по мнению М.К. Поповой, эти понятия

отличаются друг от друга. Рассматривая проблему национальной идентичности, она говорит о двух ее составляющих: гражданско-правовой и этнокультурной [Попова 2004]. Некоторые исследователи разграничивают такие понятия, как этническая и культурная идентичность, рассматривая первую как «осознание своей принадлежности к определенной этнической общности с позиций генетического, кровного родства, общности территории», а вторую – как «осознание принадлежности к данной (этнической, национальной, региональной) общности на основании, в первую очередь, культурных характеристик последней; осознанное принятие культурных "образцов"» [Шарапова 2005]. Однако при всем многообразии определений понятия «идентичность» и подходов к его рассмотрению все исследователи выделяют один общий момент. Идентичность позволяет людям выделить свою этническую общность («Мы») и других («Они») и одновременно ощущать свою принадлежность к данной общности. В методологическом плане интересным является определение идентичности, предложенное В.А. Ачкасовым, – «символическое средство объединения с одними и дистанцирования от других» [Ачкасов 1999].

Критерии этнокультурной идентичности

Сравнительно-историческое сравнение имеет важное значение для когнитивного изучения идентичности. Необходимы знания о критериях этнокультурной идентичности, благодаря которым общественная группа приобретает специфические признаки, отделяющие ее от других групп.

Под этнокультурной идентичностью мы будем понимать осознание своей принадлежности к той или иной этнической общности на основании общей территории проживания, устойчивых особенностей культуры и языка. Таким образом, выделяются три основных критерия этнокультурной идентичности: территориальный, культурный и языковой.

Современная культура характеризуется тем, что, с одной стороны, стираются различия между этносами, между индивидами, что приводит к возникновению кризиса идентичности, а с другой – наблюдается и процесс сохранения, и более того – рост этнического самосознания в связи с социальными трансформациями, что является основой формирования этнокультурной идентичности. Существует множество направлений, решающих вопросы определения этнической идентификации личности, исходя из возможностей различных дисциплин и методологий. Перед наукой встает вопрос выбора научного направления, занимающегося проблемами идентичности. Подобная множественность направлений вызвана важностью, сложностью и многоаспектностью самого явления, неоднозначной трактовкой самого понятия. Этнокультурная идентичность является центральной категорией этносоциологии, а также изучается другими смежными науками: антропологией, этнологией, социологией и др.

Кризис этнокультурной идентичности

Кризис этнокультурной идентичности имеет различные причины. Одной из главных является вынужденное переселение больших масс людей на другие территории и в другие государства. К этой же причине можно отнести и добровольную миграцию людей. Подобное сейчас происходит с Европой. В страны ЕС, особенно в Германию, устремились волны беженцев и мигрантов с Ближнего Востока и из Северной Африки. Тема кризиса этнокультурной идентичности среди вынужденных беженцев и переселенцев является весьма актуальной в наше время и требует изучения.

Другой причиной кризиса этнокультурной идентичности является однобокое поведение правящей верхушки, высших классов государственных служащих,

специалистов и ведущих основных СМИ. В СССР данные категории людей развивали и пропагандировали советскую идентичность, во многом враждебную отдельным этнокультурным идентичностям, которые развивались вопреки государственной пропаганде и культуре. Так, например, в 70-е гг. XX в. в СССР стал набирать силу зачастую скрытый интерес к православию и православной культуре, в какой-то мере способствуя пробуждению дальнейшего интереса и попыткам возрождения культуры и ритуалов царского периода.

Современная глобализация позволяет развиваться поверхностному стиранию кризисных явлений этнокультурной идентичности, однако на самом деле она только искажает процессы прохождения кризиса, деформируя в сознании большинства потребности, обусловленные этнокультурной принадлежностью. Со временем деформация данных потребностей грозит реализоваться в форме социокультурных стрессов. Существует множество вопросов, требующих ответа: 1) каковы причины роста национального самосознания, обусловливающего формирование этнокультурной идентичности в наше время; 2) почему именно этнические общности часто оказываются наиболее активными в ситуации острой социальной нестабильности; 3) какие инструменты используются для поддержания позитивной этнокультурной идентичности.

Кризис этнокультурной идентичности может быть также спровоцирован изменениями гендерных стереотипов в обществе. Повышение роли женщин в социальной жизни, их занятость на работе и высокая заработная плата, а также популярность среди женщин видов спорта, которые ранее считались мужскими, – бокса, хоккея и др., – эти и другие гендерные стереотипы меняются достаточно быстро в современном мире. Все более популярным становится «шведский» вариант гендерного взаимодействия. Роли мужчины и женщины в семейной и социальной жизни стремятся к выравниванию, что также ломает прежние гендерные стереотипы о превосходстве мужчины в общественной и семейной жизни.

Человеку всегда необходимо быть частью коллектива, и этнос отнюдь не единственная группа, в осознании родства с которой человек ищет опору в жизни. Среди таких групп можно назвать политические партии, религиозные общины, профессиональные союзы, субкультуры молодежи и др. Подобные группы оказываются аморфными и неустойчивыми, поскольку их состав постоянно обновляется, сроки их существования ограничены во времени, самого человека могут за какой-то проступок из группы исключить. Именно всех этих недостатков лишена этническая общность: она устойчива во времени, для нее характерна стабильность состава, каждый человек обладает устойчивым этническим статусом, его невозможно «исключить» из этноса. Этнокультурная идентичность – одна из важнейших идентичностей личности, которая выражается в осознании своей принадлежности к определенной этнической общности. Данная идентичность имеет большое значение в экономически слабо развитых обществах, в современном развитом обществе этот вид идентичности сегодня приобретает новые формы.

Значение этнокультурной идентичности

Идентичность помогает выделить две разные общности: «себя» и «их». Она подобна средству объединения с одними и дистанцирования от других [Ачкасов 1999]. Идентичность очень важна тем, что создаются основания, объединяющие членов группы и позволяющие ей отмежеваться от других групп. Общая территория проживания, особенности языка и культуры, национальная принадлежность сейчас определяют этнокультурную идентичность. Поэтому можно

выделить четыре основных способа определения этнокультурной идентичности: языковой, территориальный, национальный, культурный.

Стабильность является одной из самых значимых ценностей для общества. Поэтому, когда разрушается социальная система и мировоззрение, которые объединяли общество, люди обращаются к этнокультурной идентичности. Значение этнокультурной идентичности повышается в условиях социальной нестабильности. Характерно, что этот процесс во многих странах расширяется. Следовательно, значение этнокультурной идентичности увеличивается. Например, в современных США между группами с различной этнокультурной идентичностью возникают противоречия, которые находят свое проявление в различных сферах. Так, Э. Кауфман, описывая развитие «белой» этнокультурной идентичности, считает, что в эту этнокультурную группу входят и представители населения США, родившиеся от смешанных браков, к которому относится и он сам [Kaufmann 2019]. При этом следует отметить, что его взгляды подвергаются критике как в самих США, так и за их пределами.

Этнокультурная идентичность рождается с появлением национальной культурной элиты. Этнокультурная идентичность изменчива. Современные СМИ и Интернет играют важную роль в процессе формирования этнокультурной идентичности. Человек вполне способен стать пассивным потребителем ценностей, которые пропагандируются представителями культурной элиты. В структуре этнокультурной идентичности можно выделить такие элементы, как поведенческий, эмоциональный и когнитивный. Исследователи приходят к выводу, что наиболее значимым является когнитивный элемент (представления об особенностях собственной группы и отношение к членству к ней).

В процессе формирования этнокультурной идентичности особую роль играет язык. Это особенно важно в условиях эмиграции и иммиграции граждан в другие страны. В современном обществе полное овладение другими языками имеет большое влияние на формирование этнокультурной идентичности [Denisova et al. 2019].

Типы этнокультурной идентичности

Сравнительный анализ дает преимущество в исследовании этнокультурной идентичности. Так, осознание принадлежности человека к какому-либо народу во многом зависит от того, живет ли он в однонациональной или многонациональной среде. Интенсивное межнациональное общение дает человеку больше шансов для приобретения знаний о собственной группе и других национальных группах, способствует формированию коммуникативных умений. Отсутствие опыта межнационального общения приводит к меньшему числу подобных контактов и выражается в меньшей степени интереса к собственной национальности.

Развитие радио, телевидения, компьютерные технологии внесли гигантский вклад в развитие современного общества. В условиях глобализации в современном мире более широкое применение находит интегративный подход, который позволяет исследовать изменения в отношениях между Востоком, где очень развито национальное самосознание, и Западом, где превалирует самосознание гражданское. Такой подход очень актуален в России, где в силу огромных масштабов страны присутствуют оба варианта, что может помочь решать проблемы межнационального общения в многонациональной стране и дать научную основу для поддержания процессов формирования положительной этнокультурной идентичности.

В современных научных исследованиях весьма эффективным методом является метод сравнительного анализа. Сравнительный анализ применяется в т.ч.

для сравнения различных концепций, методов и способов исследования этнокультурной идентичности.

В современном мире, очевидно, проявляются две противоречивые тенденции развития цивилизации. С одной стороны, идет процесс создания глобальных структур, а с другой – процесс сегментации мира. И как только усиливается одна тенденция, то одновременно активизируется и другая. Эти противоречия в условиях существования современной цивилизации являются значимым фактором в развитии этнокультурной идентичности. Процесс сохранения существующих наций свидетельствует, что этнос в условиях глобализации и модернизации получает определенные дополнительные импульсы для развития и сохранения своей самобытности [Кессиди 2003]. Основные вызовы современности – это глобализация и влияние глобальных процессов на формирование этнокультурной идентичности. Соответственно, возрастает и число теорий этнокультурной идентичности, к которым можно отнести теории объективизма, инструментализма, конструктивизма, этносимволизма, этничности.

Теория объективизма основана на утверждении, что самыми главными являются этнические черты, которые являются неизменными. Этнические биологические и социальные черты, тем не менее, постепенно меняются в глобализирующемся мире. Миграционные, межэтнические процессы показывают, что этнические сообщества не являются неизменными и обособленными образованиями [Широкогоров 2012].

Инструменталистский подход рассматривает народ как результат политических мифов, создаваемых и используемых элитами в стремлении к власти. Этнокультурную идентичность здесь рассматривают как индикатор социальной мобильности. Люди сознательно мобилизуют политические и этические символы ради оформления своего этноса. Этнос с позиции данного подхода – это результат мобилизации элитами социальных групп.

В рамках конструктивистской теории народ описывается как объект, обладающий определенным набором социально-психологических черт. Этническая самоидентификация формирует субъективный статус, который может не совпадать с объективным статусом этнической принадлежности. Учитывая многообразие и большую систему этнических сообществ, человек может самоидентифицироваться одновременно с несколькими из них.

Также выделяют три типа этнической идентичности: этноцентрическую, полиэтническую, метаэтническую. Этноцентрическая идентичность означает восприятие и оценку чужих обычаев и традиций через призму собственной этнической группы. Одновременно этноцентризм предусматривает признание превосходства своей культуры над другими культурами. Полиэтническая идентичность признает равноценными несколько этносов и их культур. Такая идентичность характерна, например, для жителей Швейцарии. Для российского Северного Кавказа элементы полиэтнической этнокультурной идентичности не менее актуальны. Через прозу и поэзию, например, адыгских и карачаевских поэтов и писателей современные исследователи находят общие черты их этнокультурной идентичности [Betuganova et al. 2019]. Метаэтизм менее распространен. Человек относит себя ко всему человечеству, выходит на сверхэтнический уровень и считает себя гражданином мира.

Заключение

Процессы формирования этнокультурной идентичности в современном мире происходят разными путями и имеют различный характер. Особенности их в большой степени обусловлены моно- или полиэтническим характером государства. В полиэтнических странах одновременно идет формирование граждан-

ской и этнокультурных идентификаций. Оптимальной политикой поддержания процесса формирования позитивной этнокультурной идентичности является принятие всех позиций существующих идентификационных моделей и работа по смягчению возможных конфликтов в процессе формирования идентичности через механизм сдержек и противовесов в обществе [Dunaev, Kurganskaya, Shaikemelev 2019]. Кризис этнокультурной идентичности приводит к повышению напряжения между государством и обществом, а его разрешение дает свои плоды при последующем развитии общества.

В настоящее время существует множество сценариев дальнейшего развития человечества. Большинство из них в скрытой или явной форме формулируют идею, что человечество будет развиваться в многополярном мире [Denisova et al. 2019], что делает дальнейшее исследование этнокультурной идентичности важным научным направлением.

Список литературы

Ачкасов В.А. 1999. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора. – *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 2. Вып. 2. С. 56-68.

Кессиди Ф.К. 2003. Глобализация и культурная идентичность. – *Вопросы философии*. № 1. С. 78-86.

Михайлова М.А. 2013. Этнокультурная идентичность в условиях культурной глобализации. – *Вестник Бурятского государственного университета*. № 14. С. 191-196.

Монаков А.М. 2008. Этнос и этническая идентичность. – *Вестник Московского университета*. Сер. 12. Философия. № 1. С. 84-92.

Попова М.К. 2004. *Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании*. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. 169 с.

Садохин А.П., Грушевицкая Т.Е. 2000. *Этнология:* учебник для студентов высших учебных заведений. М.: ИЦ «Академия»; Высшая школа. 304 с.

Шарапова С.М. 2005. *Феномен идентичности в истории профессиональной художественной культуры коми (зырян) XX века:* автореф. дис. ... к.культурологии. СПб. 27с.

Широкогоров С.М. 2012. *Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений*. 3-е изд. М.: ЛИБРОКОМ. 134 с.

Betuganova Y.N., Uzdenova F.T., Dodueva A.T., Khubolov S.M. 2019. Problem of National Identity and Ways of Its Resolution in Works of Adyghe and Karachay-Balkarian Authors. – *Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları Dergisi* (*Journal of History Culture and Art Research*). Vol. 8. No. 2. P. 660-670.

Denisova G., Denisova A., Litvinenko E., Susimenko E. 2019. The Roles of Language and Ethnocultural Identity in Integrating Immigrant Youth in Southern Russia. – *International Journal of Inclusive Education*. URL: https://www.researchgate.net/publication/334709248_The_roles_of_language_and_ethnocultural_identity_in_integrating_immigrant_youth_in_southern_Russia (accessed 25.05.2020).

Dunaev V., Kurganskaya V., Shaikemelev M. 2019. Identity Politics in Managing the System Risks of Nation-Building: On the Example of the Republic of Kazakhstan. – *Baltic Journal of European Studies*. Vol. 9. Is. 1(26). P. 99-114.

Kaufmann E. 2019. White Identity and Ethno-Traditional Nationalism in Trump's America. – *Forum*. Vol. 17. Is. 3. P. 385-302.

KRASOVSKAIA Nataliya Rudol'fovna, Cand.Sci. (Psych.), Office of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (1 Okhotny Ryad St, Moscow, Russia, 125007, goulina@gmail.com)

ETHNOCULTURAL IDENTITY

Abstract. *The author analyzes the concept of ethnocultural identity in the modern science. The main challenges of our time are globalization and the influence of global processes on the formation of ethnocultural identity. Correspondingly, the number of theories of ethnocultural identity is also growing, and includes theories of objectivism, instrumentalism, constructivism, ethno-symbolism, and ethnicity. The article studies the influence of globalization on the identity crisis. The author clarifies reasons for its occurrence, as well as possible ways and means of overcoming it. The most important method of studying the problem of ethnocultural identity is the comparative method. Different concepts of ethnocultural identity are becoming a subject for comparison, as well as its three systems: ethnocentric, polycentric and metacentric ones.*
Keywords: *ethnocultural identity, ethnos, ethnoculture, globalization, identification, ethnocentrism, polycentrism, metacentrism*

РЫБКИНА Ольга Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и менеджмента Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, 46; olya_07@mail.ru)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КРУПНЫХ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЯХ: ТРАНСПОРТНАЯ ПРОБЛЕМА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы реорганизации системы общественного транспорта в российском городе-миллионнике. Автор уделяет преимущественное внимание управленческим и политическим аспектам, делает выводы относительно путей снижения остроты транспортной проблемы в Нижнем Новгороде, а также относительно изменения общественных пространств в данном мегаполисе. В статье отмечается важная роль PR-сопровождения мероприятий, которые необходимо осуществлять городской власти, и обозначен ряд вопросов, которые должны быть решены муниципальными властями в тесном сотрудничестве с горожанами.*
Ключевые слова: *общественный транспорт, проблемы, мегаполис, партиципация, политические аспекты, лоббизм, координация, финансирование*

Транспортная проблема в современных отечественных мегаполисах является одной из важнейших, а потому имеет большое политическое значение [Халин 2013: 52]. Связано это не только с социальной политикой (это очевидно!) [Пахомова, Чернева 2016: 171] и финансовыми вопросами, но равно и с рядом иных значимых аспектов. В полной мере это касается и муниципального образования Нижний Новгород, уже давно являющегося не только городом-миллионником, но и городской агломерацией с интенсивно увеличивающимися транспортными потоками.

Наиболее значимые транспортные проблемы Нижнего Новгорода можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, за последние полтора десяти-

летия существенно вырос парк личного автотранспорта населения. Во-вторых, дорожная сеть в мегаполисах по большей части не рассчитана на такой объем транспорта, который наличествует сейчас. Исторические центры мегаполисов, в т.ч. и Нижнего Новгорода, состоят в основном из сравнительно узких улиц. При этом же число мест притяжения населения – различных учреждений, от органов государственной власти до увеселительных заведений включительно, в городском центре весьма велико. Кроме того, важно отметить, что нередко новые микрорайоны, включая то, что можно именовать пригородами, растут весьма быстро, порой хаотично и без должного стратегического планирования. В-третьих, существующая сеть общественного транспорта во многом не отвечает текущей ситуации в мегаполисах.

Представляется, что развитие общественного транспорта может снизить остроту транспортной ситуации в мегаполисах, для которой характерны постоянные автомобильные пробки в часы пик, а в отдельных же случаях ситуация может быть охарактеризована даже как транспортный коллапс.

Важно подчеркнуть, что по нескольким причинам в ближайшее время будет трудно добиться того, чтобы граждане массово отказывались от использования личного автотранспорта и стали пользоваться услугами общественного транспорта. Первая проблема в данном случае носит географический характер. Российская Федерация не является карликовым государством, а потому в большинстве случаев люди склонны использовать личный автотранспорт для поездок за город. В результате, имея таковой для поездок на дачу и т.п., люди склонны использовать его постоянно и в городских реалиях.

Вторая проблема носит социально-психологический характер. Долгое время в нашей стране автомобиль воспринимался скорее как роскошь, а обладание им однозначно причисляло человека к среднему имущественному классу. Пережитки такого в*и*дения сильны и по сей день, в результате чего человек без личного автомобиля воспринимается окружающими как «неудачник», «бедный» и т.п. В результате люди приобретают автомобиль в кредит, причем зачастую тратят на оплату кредита и обслуживание автомобиля больше, нежели в реальности могут себе позволить.

Третья причина связана с климатом. Россия – страна с достаточно сложными климатическими условиями, в связи с чем всерьез рассчитывать на то, что граждане станут массово использовать велосипеды и т.п., не приходится.

Тем не менее следует признать, что эффективно организованная система общественного транспорта в мегаполисе сможет снизить остроту транспортной проблемы – в частности, уменьшит число пробок на дорогах города.

Разумеется, некоторые аспекты транспортной проблемы в Нижнем Новгороде являются трудно решаемыми. Прежде всего, это касается самой конфигурации города. Он состоит, по большому счету, из нескольких составных частей. Первая – исторический центр города, для которого характерны проблемы практически всех старых европейских городов – узкие улицы при наличии большого числа точек привлечения людей. Вторая может быть обозначена как город советского периода. Он планировался во многом под промышленную инфраструктуру – микрорайоны рядом с промышленными предприятиями. Дорожная сеть, равно как и пассажирский транспорт, во многом являются пережитками той, еще советской эпохи. Исследователи также справедливо подчеркивают, что «из-за сильной пересеченности рельефа города его пространство – рыхлое, многие соседние микрорайоны изолированы друг от друга, и поэтому трудно организовать систему общественного транспорта. Сложился «такой городской хард, который вынуждает людей пересаживаться на личные автомобили, отчасти отсюда и проблема с пробками» [Зернов, Широков 2015: 82]. И наконец, третья

часть города – это условно постсоветский город, состоящий из новых микрорайонов, в т.ч. и пригородов, часть которых в ближайшее время официально станут частью Нижнего Новгорода (например, пос. Новинки), а часть формально останутся вне его пределов, однако основная масса их жителей будут постоянно ездить на работу и учебу именно в Нижний Новгород. Важно также упомянуть, что во второй и отчасти в третьей упомянутых частях города есть частный сектор, являющийся пережитком того времени, когда соответствующая территория не входила в городскую черту (площадь его довольно велика). В принципе обширный частный сектор можно выделить в четвертую составляющую часть Нижнего Новгорода, но мы не будем этого делать.

Относительно существующей транспортной инфраструктуры укажем, что метрополитен начал функционировать также еще в советский период (его конфигурация во многом остается именно заточенной под советские реалии!), в связи с чем он не пользуется такой же популярностью у горожан и гостей города, как в ряде других городов России и мира. Имеются данные, согласно которым «среднесуточный пассажиропоток составляет 75,62 тыс. человек, что для города-миллионника не такие большие цифры» [Морин, Солдатова 2019: 234]. Напомним, что в городе вместе с близлежащими населенными пунктами проживают около 1,5 млн чел. Для сравнения: метрополитен наличествует в таких городах, как испанская Валенсия (население – около 800 тыс. чел.), Роттердам (менее 650 тыс.), Коччи (немногим более 600 тыс.), Нюрнберг (около 500 тыс. чел.), Бильбао и Салоники (менее 350 тыс.), Катания (около 320 тыс.), Лилль (менее 250 тыс.), Брешиа (около 200 тыс.), Лозанна (менее 150 тыс. чел.), причем везде он пользуется довольно большой популярностью. Опыт Хайфы – города с населением менее 300 тыс. чел. – нами в данном случае в расчет не принимается ввиду особенностей функционирования местного кармелита[1].

Укажем, что «присутствует в Нижнем Новгороде и альтернатива одной из линий метро – городская электричка, аналог популярной немецкой S-Bahn, которую, объединив с линиями метро, возможно было бы сделать частью единой транспортной системы современной городской агломерации Нижний Новгород, тем более что к 2025 г. проектно заложено добавить метрополитену третью линию "Нагорная", тем самым увеличив количество станций до 47. Но развитию новой транспортной системы «метро – городская наземная электричка» в настоящее время препятствуют финансовые и технические ограничения, в связи с чем и несмотря на тот факт, что изначально развитие нижегородского метро планировалось в семи направлениях – до Мещерского озера, Сенной площади, центра Сормова, в микрорайоны "Юг", Верхние Печеры, "Щербинки-2" и "Кузнечиха-2", принято решение заморозить прокладку новых тоннелей и вместо этого проложить путь для скоростного трамвая по третьей линии и загруженным локациям города» [Морин, Солдатова 2019: 234].

Как следствие, необходимо принять ряд решений, имеющих не только финансовый и градостроительный, но и политический аспект. Необходимо в ближайшие годы менять конфигурацию маршрутов общественного транспорта с целью разгрузки исторического центра города, для которого характерно наличие множества узких улиц, что является первоочередной причиной образования дорожных заторов [Тимофеева, Мартынюк, Степаненко 2013: 455]. Делать это, судя по всему, придется после проведения ряда общественных слушаний, причем потенциально будет немало недовольных – как среди горожан, так и среди представителей бизнес-класса. За основу оптимальной транспортной системы в центральной части города следует взять расчеты, согласно которым

[1] Название метро в Хайфе.

«в среднем пропускная способность составляет 2 200 единиц транспорта в час на одну полосу движения» [Хатояма 2010: 114].

Кроме того, никак нельзя игнорировать и то обстоятельство, что «город [будет] вынужден отказаться от режима "свободной парковки", т.е. от бесплатного использования общественного пространства для парковки личных автомобилей» [Устинова 2016: 363]. Очевидно, что ограничение парковки в историческом центре города, равно как и введение платных парковок, не может не вызвать недовольство у многих горожан. По большому счету только политическая воля руководства города может привести к принятию соответствующего управленческого решения.

Далее, важно внедрять во всем городе принцип, что «для пассажирского общественного транспорта предоставляется приоритет с использованием реверсивных полос и дифференцированного светофорного регулирования» [Эльдерханов 2008: 63]. Следует подчеркнуть, что внедрение синхронизированных светофоров позволяет добиться убыстрения транспортного потока на 15%, но нужно делать это в масштабах всего мегаполиса (то есть, потребуется большая работа по координации различных служб и т.п.). Расчет работы светофоров следует проводить на основе комбинации методов динамического программирования Беллмана и генетического эволюционного алгоритма [Кесельман 2015]. Нельзя не отметить, что введение специальных выделенных полос для общественного транспорта также может быть встречено неоднозначно частью горожан.

Необходимо будет также проводить огромную работу по переформатированию как транспортных магистралей, так и всего общественного пространства в городе. Прежде всего это касается выездов из Автозаводского района – самого населенного в Нижнем Новгороде – на территорию другого района, а именно Ленинского. Существующее число выездов не изменилось с советского периода, когда существенная часть жителей района трудилась на ГАЗе и иных предприятиях, расположенных в этой части тогда еще города Горького. Сейчас ситуация кардинально изменилась, в то время как транспортная инфраструктура – нет. Схожая проблема есть и в Сормовском районе. Отчасти решить эту проблему можно за счет сноса частного сектора и переселения его жителей, что представляет собой не только финансовую, но и политическую проблему. Другая значимая проблема такого рода – создание мест для цивилизованной парковки в микрорайонах, построенных в 1970-х – нулевых годах. Совершенно очевидно, что они не предусматривают такой объем личного автотранспорта, который наличествует на сегодняшний день. И, наконец, третья проблема – создание условий для переноса части офисных зданий и учреждений культуры и досуга из нагорной части города в заречную его часть. В результате будет снижена нагрузка на транспортную инфраструктуру мегаполиса. Совершенно очевидно, что решение данной проблемы также будет иметь не только финансовую, но и политическую составляющую.

Еще один важный аспект обозначен нами как агитационный. Представляется, что необходима большая работа по продвижению среди горожан идеи о желательности поездки на работу/учебу и обратно на общественном транспорте, а не на личном автомобиле, равно как и идеи о возможности использования в теплое время года для аналогичных целей велосипедов, скутеров и т.п.

Еще одним важным шагом в решении транспортной проблемы является активное внедрение концепции «умного города» – того, что часто именуют сейчас *Smart Cities*. Благодаря внедрению инновационных технологий можно «создавать эффективную систему транспорта: уменьшить загруженность дорог за счет интеллектуального регулирования трафика, создания дорожных информационных служб» [Современные... 2010: 26]. Укажем, что «умный город» в

Нижнем Новгороде внедряется, однако следует делать это в настоящее время в бóльших масштабах.

И наконец, еще одна важная проблема, имеющая политическую составляющую, – стратегическое планирование развития мегаполиса. Совершенно очевидно, что в прошлые десятилетия этому либо уделялось мало внимания (в 1990-х было банально не до этого, а в советские годы во главу угла ставилось развитие промышленности – мы уже упоминали об этом выше), либо же не уделялось вообще, в связи с чем Нижний Новгород является весьма неудобным с точки зрения и транспортной инфраструктуры, и расположения значимых общественных пространств. Однако, как нам представляется, ряд недостатков можно еще исправить (см. выше), а еще, что очень важно, не допустить появления новых проблем, связанных с застройкой на городских окраинах и в пригородах.

Итак, важнейшей задачей руководства города является поиск средств на решение упомянутых нами проблем. Нельзя не признать, что решения не могут быть незатратными: в самом деле, «расходы на транспортный сектор составляют существенную часть расходов городских агломераций. Так, в Адресной инвестиционной программе города Москвы на строительство и реконструкцию транспортных объектов заложено ежегодно около 70% общего объема расходов. Отдельную проблему составляет тот факт, что в большом числе городов эксплуатационные расходы на общественный транспорт не покрываются платой пассажиров за проезд, так как тарифы на общественный транспорт поддерживаются правительством на низком уровне в рамках реализации транспортной и социальной политики. В результате города находятся в условиях постоянной нехватки средств на развитие и систем общественного транспорта» [Кончева 2016: 170]. Никаких оснований предполагать, что в Нижнем Новгороде ситуация будет иной, у нас нет. Другой важнейшей задачей станет лоббирование интересов города в федеральном центре для получения средств на прокладку метрополитена. Это уже во многом именно политическая, а не чисто финансовая проблема. Кроме того, не беспроблемным будет и регулирование тарифов на пассажироперевозки в Нижнем Новгороде. С одной стороны, «регулирование цен (тарифов) на пассажирские перевозки должно быть направлено на обеспечение устойчивого и бесперебойного функционирования организаций, осуществляющих перевозки пассажиров» [Розова 2007: 78], а с другой – возможный рост цен на билеты имеет и социально-политический аспект. И наконец, политический аспект имеет *PR*-сопровождение всех без исключения мероприятий, направленных на решение транспортной проблемы в Нижнем Новгороде.

Важно подчеркнуть, что огромная работа по координации деятельности различных ведомств и учреждений, а также частного бизнеса не может не иметь политико-управленческий характер. Укажем также, что в настоящее время в Нижнем Новгороде нет конфликта между главой исполнительной власти региона и мэром областного центра – в прошлом в России такого рода конфликты были типичными, а «в основе большинства из них лежали вопросы межбюджетных отношений и управляемости (выстраивание единой исполнительной вертикали власти)» [Мухаметов 2013: 225-226]. Особенно это было характерно для городов-доноров [Бородулина 2002: 128]. Уже это обстоятельство, характерное для современного Нижнего Новгорода, позволяет предполагать, что острота транспортной проблемы в Нижнем Новгороде в перспективе может быть существенно снижена.

Список литературы

Бородулина Н.А. 2002. Города-доноры: опора федерального центра или источник региональных конфликтов? – *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 127-142.

Зернов Д.В., Широков А.А. 2015. Повседневные передвижения в Нижнем Новгороде: Старая инфраструктура и новые медиа. – *Социология науки и технологий*. Т. 6. № 3. С. 79-90.

Кесельман Ю.Х. 2015. Алгоритм синтеза стохастического оптимального управления потоками транспорта в сети городских дорог. – *Труды международного симпозиума «Надежность и качество»*. Т. 1. С. 135.

Кончева Е.О. 2016. Применение инструментов «использования прироста стоимости» для финансирования проектов по развитию систем общественного транспорта в городах. – *Мозаика городских пространств: экономические, социальные, культурные и экологические процессы:* сборник материалов всероссийской научной конференции. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова; Русское географическое общество. С. 169-173.

Морин М.И., Солдатова К.В. 2019. Инновационное развитие нижегородского метрополитена. – *Актуальные вопросы экономики, менеджмента и инноваций:* материалы международной научно-практической конференции. С. 233-237.

Мухаметов Р.С. 2013. Специфика конфликта «области» и «города» (на примере Свердловской области). – *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. Т. 119. № 4. С. 225-231.

Пахомова Е.А., Чернева Р.И. 2016. Необходимые приоритеты социальной политики в настоящем и будущем. – *Вестник Волжской государственной академии водного транспорта*. № 49. С. 169-176.

Розова Е.А. 2007. Обоснование необходимости и этапы методики определения и управления ставкой тарифа на городском пассажирском транспорте. – *Вестник Московского автомобильно-дорожного института (государственного технического университета)*. № 1(8). С. 77-81.

Современные городские технологии – «Smart Cities». 2010. – *Городское управление*. № 6(167). С. 26-30.

Тимофеева О.П., Мартынюк М.В., Степаненко М.А. 2013. Бикритериальная оптимизация маршрута на примере участка транспортной сети Н. Новгорода. – *Научно-технический вестник Поволжья*. № 6. С. 454-456.

Устинова М.А. 2016. Платные парковки как элемент управления транспортными потоками. – *Организация и безопасность дорожного движения:* материалы IX Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной памяти Л.Г. Резника. С. 363-366.

Халин А.А. 2013. Развитие транспортных коммуникаций как фактор социальных изменений – *Власть*. № 3. С. 51-54.

Хатояма К. 2010. Управление транспортом в крупном мегаполисе (на примере города Москвы). – *Вестник Московского университета*. Сер. 24. Менеджмент. № 1. С. 112-138.

Эльдерханов Х.Ю. 2008. Применение концептуальных положений логистики в управлении потоками городского автомобильного транспорта. – *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. № 4(23). С. 61-63.

RYBKINA Olga Sergeevna, *Cand.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of Public Administration and Management, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (46 Gagarina Ave, Nizhny Novgorod, Russia, 603950; olya_07@mail.ru)*

SOME ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE LOCAL GOVERMENT SYSTEM IN URBAN COMPLEX: THE TRANSPORT PROBLEM AND PROSPECTS FOR ITS SOLUTION

Abstract. *The article deals with the issues of reorganizing the public transport system in the Russian city with more than one million people. The main attention is paid to administrative and political aspects. The author makes conclusions about ways to reduce the severity of the transport problem in Nizhny Novgorod, as well as about changes in public spaces in this metropolis. The important role of PR-support of events to be carried out by the city government is defined. The article outlines a number of issues that municipal authorities in close cooperation with citizens should resolve.*
Keywords: *public transport, problems, megacity, participation, political aspects, lobbying, coordination, financing*

САБИРОВА Нагима Садыковна – *кандидат политических наук, Московский государственный областной университет (141014, Россия, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24; snagima95@gmail.com)*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ВНУТРИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *Автор статьи рассматривает национальную политику России как аргумент стабилизации межэтнических отношений, которая способна при грамотном подходе консолидировать многообразие культур в единое целое богатство России. Для этого в вопросах национальных и федеративных отношений необходимо исключать гомофонный принцип, согласно которому один народ объявляется ведущим, а остальные становятся как бы второстепенными. При полифоничном подходе все народы равноценны. Автор показывает, что этничность – это не только социальный и культурный фактор, но и политический вектор, направить который можно как в созидательное, так и в разрушительное русло.*
Ключевые слова: *национальная политика, этническая стабильность, правоохранительные структуры, толерантность, традиции, политическая аксиология, мигранты, гражданское общество, демократия*

Национальная политика современной России и на сегодняшний день остается сверхактуальной проблемой. На просторах нашей необъятной страны проживает более 180 народов. В п. 1 ст. 3 Конституции РФ прописано: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»[1]. Звучит гордо и впечатляюще. И все же проблемы национального характера остаются открытыми. Размышляя о благоденствии российского народа, который состоит из каждого из нас, стоит обратить внимание на статью Н. Алексеевой, в которой автор показывает сущность нашего многонационального бытия: «Общество недовольно не какими-то отдельными диаспорами и народностями – дело в дру-

[1] *Конституция Российской Федерации*. Ростов н/Д. 2015. С. 5.

гом. Люди недовольны хамским, преступным поведением отдельных граждан. Недавно мне довелось искать съемное жилье, и в каждом из просматриваемых объявлений (а изучать пришлось десятки предложений) одно и то же условие повторялось жирным рефреном: только для славян». Вот так на самом что ни на есть низовом уровне проявляется национальный вопрос[1].

В памяти российского народа еще остались события, связанные с распадом СССР: деятельность этнонациональных движений, борьба за суверенитет в российских субъектах. Извлекая уроки прошлого, важно понимать, что этничность – это не только социальный и культурный фактор, но и политический вектор, направить который можно как в созидательное, так и в разрушительное русло.

Следует отметить: анализируя межэтническую политику России, в качестве притесненных мы больше склонны представлять народы республик и округов или эмигрантов из ближних стран. Складывается впечатление, что сам основной народ – русские – все до единого «живут в шоколаде». Справедливости ради нужно сказать, что ущемляются права и самих русских, причем на их исторических территориях. Отсюда возникает возможность паразитировать на теме «национального угнетения русских» и облечь обоснованный общественный протест в самую примитивную и вульгарную форму межнациональных беспорядков.

Российская политическая действительность подводит к выводу, что вопрос межнациональных конфликтов полностью не исчерпан. Ликвидация данной проблемы и переход к форме содружества и взаимопонимания во многом зависит от решения вопросов трудоустройства граждан и, в целом, от создания твердой социальной платформы у населения. Развитие межнациональных противоречий зависит также от нарушения правовых норм правоохранительными органами, от действий центральных и региональных властей, не способных наладить механизмы иммиграции и тем самым приблизить их к цивилизованным методам, от нередко неуважительного и вызывающего поведения иммигрантов к по отношению к русским традициям. Разумеется, ошибочно в каждом иммигранте видеть варвара. Человеку присуще некое этническое мироощущение, которое тесно связано с его культурой, традициями, и оно может идти вразрез с иным видением. Порой это несовпадение подогревается провокациями, которые возможны со стороны заинтересованных лиц – как со стороны иммигрантов, так и со стороны этнических граждан. Задача правоохранительных структур – не допускать подобных очагов.

19 декабря 2012 г. В.В. Путин подписал указ о Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года[2]. Концепция документа представляет собой систему современных приоритетов, целей и принципов. Среди главных вопросов, требующих особого внимания со стороны государственных и муниципальных органов, выделяются сохранение и развитие культур и языков народов России, развитие международного сотрудничества в сфере национальной политики, создание условий для социальной и культурной адаптации мигрантов. В Стратегии указываются и нерешенные проблемы в сфере межнациональных отношений, вызванные социальными и экономическими кризисами. Эффективность государственной национальной политики складывается не только из постоянного совершенствования ее форм, методов, меха-

[1] Алексеева Н. Корень всех кавказских проблем – в России? Доступ: http://yarcenter.ru/articles/ethnicworld/alienation/koren-vsekh-kavkazskikh-problem-v-rossii-66886/ (проверено 14.04.2020).

[2] Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». – *Собрание законодательства РФ*. 2012. № 52. Ст.7477.

низмов, но и систематического контроля со стороны государственной власти за ее реализацией как на федеральном, так и на региональном уровне.

При хорошем раскладе межэтническая парадигма должна послужить той конструкцией, которая благоприятно объединила бы все народы и культуры в единое целое ядро с формулировкой – «российская нация». Это отдельная тема, но определенно связанная с этнической политикой. Как предполагает А. Миллер, чтобы добиться успехов в строительстве российской нации, необходимо преодолеть существующие вызовы и опасности, среди которых он выделяет неразвитость и хрупкость политических институтов и механизмов включения граждан в общественную и политическую жизнь; преобладание в обществе этноплеменной трактовки нации, которая рассматривает процессы ассимиляции как опасные, а территорию – как категорию этнической собственности; попытки не замечать, что «российскость» в значительной степени основана на «русскости», однако ею не исчерпывается; необходимость наполнения гражданского измерения нации реальным содержанием [Миллер 2008].

Рассматривая Россию как государство, исторически созданное русским народом (государствообразующий народ), важно помнить, что на ее территории проживают и другие народы, чьи этнические корни точно так же связаны с этой землей, например татары, башкиры, чуваши, мордва, чукчи, ненцы, нганасаны и т.д. Большой резонанс имела публикация В.И. Якунина, В.Э. Багдасаряна, С.С. Сулакшина «Новые технологии борьбы с российской государственностью», в которой они заявили, что «единственным из российских народов, который может в настоящее время выступать в качестве государствообразующего, является русский. Для подтверждения данного статуса достаточно указать на численное представительство русских в населении РФ – 81,3% [Якунин, Багдасарян, Сулакшин 2009: 216].

Авторы, называя русский народ государствообразующим, основывались на концепции национальной политики Российской Федерации. Однако в национальных вопросах есть всегда важные стороны, к которым необходимо подходить с некой психологической деликатностью. Э. Паин говорит: «Я бы не выделял какой-то один государствообразующий народ. Государствообразующими у нас являются граждане, гражданское общество, а не этнические группы. Все граждане, которые проживают на территории Российской Федерации, вне зависимости от их этнической или религиозной принадлежности являются государствообразующими. Именно поэтому у нас сейчас впервые записано о гражданской нации, именно гражданской, а не этнической. Построить гражданскую нацию при выделенном преимуществе какой-то этнической общности, на мой взгляд, сложно»[1].

В.В. Савельев также считает, что в вопросах национальных и федеративных отношений недопустим гомофонный принцип, согласно которому один народ объявляется ведущим, а остальные становятся как бы второстепенными. Здесь методология должна быть иной – полифоничной. При полифоничном подходе все народы равноценны. Одновременно полифония не исключает контрапункт. Он позволяет выделять главный народ, не имеющий преимущество перед другими, а несущий ответственность за целостность страны. В этой связи в теории и политической деятельности, помимо термина «государствообразующий народ», целесообразно пользоваться концептом «государствоформирующий народ». Им на общефедеральном уровне является русский народ. Подобное утверждение коррелирует с концепцией государственной национальной политики РФ. В ней отмечается, что именно русский народ выполняет объединяю-

[1] https://www.business-gazeta.ru/article/459939 (проверено 14.05.2020).

щую роль на территории России и является опорой российской государственности. Иными словами, он является не только государствообразующим, но и государствоформирующим, т.е. выступает своеобразным гарантом сохранения целостности Российского государства [Савельев 2010: 13-14].

Возвращаясь к распаду СССР, который произошел под лозунгами «упразднения империи» и образования новых 15 государств, в т.ч. Российской Федерации, следует отметить, что все они, кроме России, провозгласили себя «национальными государствами», Россия же объявила свой суверенитет от имени «многонационального народа». В доктринальном плане это было следствием ленинской национальной политики и 70-летней практики «национально-государственного строительства», важнейшим компонентом которой был этнический национализм, т.е. представление о нации как высшем типе этнической общности, на основе которой якобы только и может быть построена «нормальная» государственность. Внесение этничности в политику может стать основой потенциальных этнических конфликтов. С другой стороны, человеческое бытие не оторвалось совсем от иерархичности, в т.ч. этнической, этнокультурной, где каждому уготована своя ниша. В современном мире этничность завуалирована политической аксиологией, попыткой придать ей как гражданские, так и правовые нормы. Учитывая многонациональность государства, проблема самоидентичности встала перед Россией в гораздо более сложной форме, чем перед другими республиками бывшего СССР.

Справедливо заметить, что за последние 15 лет в российском обществе произошли большие изменения, в т.ч. в сфере межнациональных отношений. Сегодня почти каждый гражданин РФ понимает, что достичь гармонизации в обществе или хотя бы осознать его интересы и осуществить свои гражданские личностные потребности можно только посредством культуры, образования, соблюдения политических и социальных прав, что неукоснительно приближает общество к правовым и гражданским формам правления, к консолидации в многообразии культур, к выражению единого богатства Российского государства.

Бесспорно, Россия уникальна своей историей. Она имеет глубокие корни многонационального государства, в котором постоянно шел процесс взаимного проникновения, единения народов на жизненном, социальном уровне. И сейчас необходим диалог понимания, основанный на признании многоэтничности как преимущества, работающего только на созидание страны.

Этническая природа человека – это исторически сложившийся факт, но сам он вне зависимости от ее корней, ментальности наделен своей глубокой данностью, мыслью, и здесь излишне применение всякого *IQ*. Если даже он живет в собственном мире, ему не избежать ощущения общества, власти, и, более того, его сознание определяет цену его жизни. Той жизни, которая ему дорога, что он не «винтик», не «песчинка», а человек, что звучит очень гордо. Исходя из этой ремарки, можно еще раз подтвердить известную аксиому, что человеческое бытие не оторвалось совсем от иерархичности, где каждому уготована своя ниша. В современном мире она завуалирована политической аксиологией, попыткой придать ей как гражданские, так и правовые нормы. Другая сущность, преобладающая в мире: можно ли целой этнической общности, нации дать характеристику и определить ее этническую статусность? Есть такой собирательный термин, как «малые народы». Обозначает он группы малочисленных народностей, в нашей стране они живут в северных и дальневосточных уголках России. Это нанайцы, эвены, ханты, эскимосы и др., сохранившие свою этническую самобытность, что само по себе является ценностью. Также есть иное словосочетание – «великий народ», которое принадлежит всему человечеству, ибо другие вариации влекут за собой полный шовинизм.

Список литературы

Миллер А.И. 2008. Нация как рамка политической жизни. – *Наследие империй и будущее России*. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение. 528 с.

Савельев. В.В. 2010. Перспективы модернизации национальной политики в России. – *Вопросы национальных и федеративных отношений*. М.: Изд-во РАГС. 332 с.

Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. 2009. *Новые технологии борьбы с российской государственностью*. М.: Научный эксперт. 424 с.

SABIROVA Nagima Sadykovna, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Moscow Region State University (24 Very Voloshinoy St, Mytishi, Moscow Region, Russia, 241014; snagima95@gmail.com)

NATIONAL POLICY OF MODERN RUSSIA IN THE CONTEXT OF INTERETHNIC INTERACTION WITHIN THE STATE

Abstract. *The author of the article considers the national policy of Russia as an argument for the stabilization of interethnic relations, which, with a competent approach, is able to consolidate the diversity of cultures into a single whole wealth of Russia. For this, in the national and federal relations it is necessary to exclude the homophonic principle, according to which one people is declared the leader, and the rest is considered as if secondary. With a polyphonic approach, all nations are equal. The author shows that ethnicity is not only a social and cultural factor, but also a political vector, which can be directed both into a creative and destructive channel.*

Keywords: *national politics, ethnic stability, law enforcement structures, tolerance, traditions, political axiology, migrants, civil society, democracy*

ВОРОНЦОВ Сергей Алексеевич – *доктор юридических наук, профессор кафедры процессуального права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82, стр. 1; raven_serg@mail.ru)*

ПОНЕДЕЛКОВ Александр Васильевич – *доктор политических наук, профессор; заведующий кафедрой политологии и этнополитики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82, стр. 1; ponedelkov@skags.ru); заслуженный деятель науки РФ*

ОБ ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг.

Аннотация. *Авторы статьи на основе социологического опроса, проведенного в 2020 г. в 10 субъектах России лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления ЮРИУ РАНХиГС и ростовским региональным общественным советом проекта «Историческая память», исследуют вопрос: что означает для современных молодых людей Великая Отечественная война.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, историческая память, фальсификация истории, социологический опрос, патриотизм*

О событиях, связанных с Великой Отечественной войной, издано значительное число художественных произведений, мемуаров, научных и публицистических статей. Отечественные и зарубежные кинопроизводители выпустили на экран множество художественных и документальных фильмов. Содержание этих материалов отражало агрессивную сущность гитлеровской Германии и героический характер СССР, защитившего мир от «коричневой чумы»[1]. Поколению победителей казалось, что эти истины незыблемы и пересмотру не подлежат.

Однако в последние десятилетия, особенно в преддверии 75-летия победы нашего народа в Великой Отечественной войне, представители политического руководства ряда государств предпринимают попытки пересмотреть оценки ключевых событий Великой Отечественной войны.

Так, спикер парламента Эстонии Хенн Пыллуаас в преддверии встречи с военнослужащими вооруженных сил Польши заявил, что Россия пытается «переписать» историю «в угоду своим целям»[2].

Премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий в опубликованной им статье о Второй мировой войне утверждал, что Красная армия «не освобождала» Варшаву[3].

В январе 2020 г. польский парламент принял резолюцию, согласно которой Советский Союз ответственен за начало войны наравне с фашистской Германией. С поддержкой данной позиции выступил президент Украины Зеленский, который назвал Советский Союз одним из виновников Второй мировой войны[4].

---

[1] Мир против «коричневой чумы». Как судили побежденный нацизм. Доступ: https://aif.ru/society/history/mir_protiv_korichnevoy_chumy_kak_sudili_pobezhdennyy_nacizm (проверено 24.04.2020).

[2] Спикер парламента Эстонии обвинил Россию в «переписывании» истории. Доступ: https://russian.rt.com/ussr/news/712649-estoniya-rossiya-perepisyvanie-istoriya (проверено 24.04.2020).

[3] Захарова прокомментировала статью премьера Польши о Второй мировой. Доступ: https://russian.rt.com/world/news/710334-zaharova-statya-premera-polshi (проверено 24.04.2020).

[4] «Выставил себя идиотом»: политолог оценил речь Зеленского в Польше. – *РИА Новости*. 03.03.2020. Доступ: https://ria.ru/20200128/1563947452.html?fbclid=IwAR1R6RP3BdQCy89XbH8RYQXAIoE5q07wDv5fCDAhxTnPXFB5YJWnZrmh_U (проверено 24.04.2020).

Джорджетт Мосбахер, американский посол в Варшаве, заявила, что фюрер нацистской Германии Адольф Гитлер и лидер СССР Иосиф Сталин были зачинщиками Второй мировой войны, жертвой которой стала Польша[1].

Вице-президент США Майк Пенс в своей речи, посвященной освобождению узников концлагеря, отметил роль американских солдат (которых там не было) и не упомянул советских (которые не просто освободили лагерь, но и заплатили за его освобождение несколькими сотнями жизней)[2].

Можно продолжить перечень подобных абсурдных высказываний. Но более интересно попытаться понять, на что рассчитывают неглупые, видимо, люди, занимающие высокие государственные посты, столь грубо искажающие, казалось бы, устоявшиеся истины. Логику подобных лиц раскрывает фраза, которую употребил Гитлер в десятой главе своей книги «Майн кампф»: «...чем чудовищнее солжешь, тем скорей тебе поверят. Рядовые люди скорее верят большой лжи, нежели маленькой. Солги только посильней – что-нибудь от твоей лжи да останется»[3].

В нашей стране, хранящей память о великой Победе, грубые искажения исторических событий воспринимаются критически, т.к. значительная часть населения воспитана на документальных материалах военного периода, на встречах с ветеранами, книгах, фильмах, песнях того времени. Однако с каждым годом участников Великой Отечественной войны становится все меньше, объективно снизился объем книг и фильмов по данной тематике.

Поэтому накануне 75-летия великой Победы принципиальное значение представляет вопрос: как современная российская молодежь, на плечи которой в ближайшие годы ляжет ответственность за будущее нашего государства и общества, воспринимает этот сложный, трагический и одновременно великий период нашей отечественной истории.

На исследование данной проблемы была направлена всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Восприятие итогов Великой Отечественной войны в молодежной среде современной России», состоявшаяся 28–29 февраля 2020 г. в г. Ростове-на-Дону.

Лаборатория проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону) и ростовский региональный общественный совет проекта «Историческая память» в ходе подготовки к указанной выше конференции провели социологическое исследование в форме опроса молодежи в 10 субъектах РФ: в г. Москве, в Ростовской, Волгоградской, Свердловской, Тульской, Челябинской областях; в Ставропольском крае; в республиках Карелия, Коми, Северная Осетия – Алания[4].

Цель исследования: установить, что означает для современных молодых людей Великая Отечественная война.

Предмет исследования: Великая Отечественная война как исторический факт.

В качестве метода социологического опроса выбрано анкетирование. В целом

---

[1] Посол США указала Путину на виновников начала Второй мировой войны. Доступ: https://www.rbc.ru/politics/30/12/2019/5e0a21199a7947a999936f6a (проверено 24.04.2020).

[2] США прислали жертвам и освободителям Освенцима дешевую фальшивку. Доступ: https://pikabu.ru/story/ssha_prislali_zhertvam_i_osvoboditelyam_osventsima_deshevuyu_falshivku_7189912 (проверено 24.04.2020).

[3] Служба испорченных цитат: Геббельс о чудовищной лжи. 2020. Доступ: https://zen.yandex.ru/media/vad_nes/slujba-isporchennyh-citat-gebbels-o-chudoviscnoi-lji-5c989fbfd2276300b3be0569 (проверено 24.04.2020).

[4] *Восприятие итогов Великой Отечественной войны в молодежной среде современной России*: информационно-аналитические материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ростов н/Д. 28–29 февраля 2020 г. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС. 2020. 160 с.

в исследовании участвовали 4 655 молодых людей в возрасте от 16 до 30 лет. Из них в возрасте от 16 до 18 лет – 53,03%; от 19 до 20 лет – 28,98%; от 21 до 22 лет – 12,59%; от 23 до 25 лет – 2,42%; от 26 до 30 лет – 2,98%. Распределение по полу: мужчины – 40,92%, женщины – 59,08%. 32,51% молодых людей проживают в областном центре, 38,13% представляют средние города субъекта, 13,61% – районные центры, 15,75% – села или поселки. Распределение по уровню образования: 27,40% – учащиеся общеобразовательных школ; 4,87% – учащиеся профессионально-технических учебных заведений гуманитарного профиля; 3,36% – учащиеся профессионально-технических учебных заведений технического или естественнонаучного профиля; 9,77% – студенты высших учебных заведений технического или естественнонаучного профиля; 54,60% – студенты высших учебных заведений гуманитарного профиля.

Анализ материалов социологического опроса позволяет установить, что ответы на поставленные авторами исследования вопросы, данные молодыми людьми в обследованных субъектах, отличаются между собой не более чем на 5–10%. Таким образом, можно утверждать, что российская молодежь в большинстве своем достаточно однородно воспринимает ключевые события Великой Отечественной войны.

Приведем наиболее значимые, на наш взгляд, результаты социологического опроса.

1. Треть респондентов воспринимают Великую Отечественную войну как самое главное событие XX в. для россиян и жителей бывших республик СССР. Столько же молодых людей считают, что это событие во многом определило современную расстановку сил на мировой арене. Около 1/4 респондентов видят в итогах войны огромный жизненный и нравственный урок будущим поколениям, 5% опрошенных говорят о событиях военного времени как об истории своей семьи. Не более 6% участников опроса в каждом из обследованных субъектов высказали мнение, что для них Великая Отечественная война – далекое прошлое и события военной поры сейчас не актуальны.

2. История Великой Отечественной войны представляет интерес для большинства молодых людей: 36% респондентов указали, что интересуются данными событиями, еще 52% – отчасти интересуются. Однозначно эта тема неинтересна 10% опрошенных, к которым следует добавить и тех, кто затруднился с ответом на данный вопрос.

3. При ранжировании источников получения информации о событиях Великой Отечественной войны респонденты поставили на первую ранговую позицию школьные и университетские курсы отечественной и зарубежной истории. Вторую и третью ранговые позиции заняли документальные и художественные фильмы соответственно. Далее следуют посещения музеев и мемориальных комплексов и семейные воспоминания родственников, участвовавших в боевых действиях или работавших в тылу.

4. Чувство гордости за одержанную победу испытывают около 1/4 респондентов. 1/3 опрошенных наряду с гордостью за Победу отмечают горечь от понесенных потерь (радость со слезами на глазах). Еще у 1/3 молодых людей воспоминания о войне вызывают чувство скорби и разочарования из-за понесенных потерь, разрушений и жертв.

Настораживает, что около 8% молодых людей каких-либо чувств по поводу этого исторического события не испытывают. К ним следует добавить еще около 2% опрошенных, которые затруднились с ответом.

5. Две трети участников опроса указали, что в числе их родственников – прабабушки и прадедушки, участвовавшие в Великой Отечественной войне, около 20% указали других родственников. Почти 10% опрошенных затруднились с

ответом о наличии родственников (свойственников), участвовавших в Великой Отечественной войне, остальные указали, что в числе близких им людей участников войны не было.

6. Респонденты при ранжировании ответов на вопрос: «О ком или о чем Вы думаете, когда слышите о Великой Отечественной войне?» – на первую ранговую позицию вывели ответ: «О героических событиях военных лет». Вторую и третью позиции заняли ответы: «О победе над фашизмом» и «О судьбах фронтовиков». Около 3% респондентов признались, что «ни о чем особом не думают».

7. Более 80% респондентов считают, что советские солдаты шли в бой «за страну, за родных и близких», 5% – за советский строй и Коммунистическую партию, 6% – за Сталина, 5% – в связи с исполнением воинского долга и по приказу командиров. Остальные затруднились с ответом.

8. Оценивая гипотетическую возможность победы Российской Федерации в аналогичной войне, если бы она возникла в современный период, не более 40% респондентов выразили твердую уверенность в позитивном для Российской Федерации исходе войны. Примерно столько же согласились, но с определенными оговорками. 15% отрицают возможность победы нашей страны. Остальные затруднились с ответом.

9. Около 2/3 респондентов полагают, что знание событий Великой Отечественной войны необходимо для современной молодежи, т.к. знание отечественной истории является необходимым компонентом сознания культурного человека. Более 20% участников опроса считают, что подобное знание может благоприятно влиять на развитие политического, научного и творческого потенциала молодежи. Почти 10% молодых людей полагают, что теоретически уважать прошлое необходимо, но в наше время это не актуально. На отсутствие полезного эффекта подобных знаний (иными словами, что было, то прошло) указали 3% респондентов, а еще 3% рассматривают их как инструмент манипулирования и формирование «удобного» власти мнения. Остальные затруднились с ответом.

10. В необходимости проведения общественных мероприятий, связанных с памятными датами Великой Отечественной войны, убеждены 2/3 респондентов. При этом 1/4 участников опроса считают, что нужно отмечать только те памятные даты, которые стали переломными вехами в истории Великой Отечественной войны. Около 10% опрошенных указали, что общественные мероприятия, связанные с памятными датами Великой Отечественной войны, проводить не следует, ибо никакие «памятные даты» не вернут погибших, а празднование подобных памятных дат отвлекает от насущных проблем населения.

11. При ранжировании мероприятий/проектов о Великой Отечественной войне, которые могут заинтересовать молодежь, респонденты выстроили их в следующей последовательности:

– патриотические фильмы с захватывающим сюжетом;

– интерактивные выставки с интересными фактами и анимацией;

– благотворительные акции, совместная реальная помощь ветеранам и пожилым людям, посещение домов престарелых;

– театральные постановки по указанной тематике;

– музыкальные концерты «Песни войны».

12. В необходимости проведения парада Победы 9 мая в г. Москве и других городах страны убеждены 2/3 респондентов. Еще 15% опрошенных солидарны с данным мнением, но считают, что расходы на проведение парадов следует значительно урезать. 4% респондентов полагают, что военные парады не интересны современной молодежи. Еще 4% согласны с тем, что парады

стоит отменить, но через некоторое время, когда не останется живых ветеранов войны. Более 10% молодых людей убеждены, что проведение парадов не требуется, а денежные средства, затрачиваемые на указанные цели, необходимо направить на социальные нужды, ибо указанное мероприятие является больше политической акцией, а не атрибутом праздника. Остальные затруднились с ответом.

13. По вопросу о существовании проблем в преподавании истории Великой Отечественной войны в современных образовательных учреждениях мнения респондентов разделились почти поровну: 46% считают, что такой проблемы нет, а 43% полагают, что проблема отчасти существует. С последними солидарны еще 8% респондентов, указавших, что они почти не получали знаний о Великой Отечественной войне в рамках образовательного процесса, в котором «много внимания уделяется истории Древнего мира и мало истории 20–21-го веков». Остальные затруднились с ответом.

14. При исследовании вопроса о возможном изменении с течением времени отношения общества к событиям Великой Отечественной войны более 1/3 респондентов полагают, что, как и в прежние времена, события Великой Отечественной войны вызывают чувство гордости за свою страну и свой народ. При этом 1/4 опрошенных отмечают, что с течением времени интерес к событиям Великой Отечественной войны возрастает. В то же время 1/3 респондентов убеждены, что в современном мире события Великой Отечественной войны постепенно теряют свою актуальность, а 5% указывают на то, что интерес общества к событиям Великой Отечественной войны полностью утерян, т.к. подвиг народа и события тех лет пытаются забыть, а историю – переписать.

15. Более половины респондентов считают, что события Второй мировой войны и участие в ней СССР в отечественных средствах массовой информации освещаются взвешенно и объективно, отражая реальный вклад стран-участников в происходившие события. Одновременно около 1/4 молодых людей, участвовавших в социологическом опросе, полагают, что этот процесс необъективен, поскольку преувеличивается роль англо-американских союзников и принижается роль СССР. 9% убеждены, что ситуация обратная – преувеличивается роль СССР и принижается роль англо-американских союзников. А еще 6% респондентов считают, что принижается роль азиатских и европейских стран (кроме Великобритании) в войне. Почти 10% респондентов затруднились с ответом.

16. Около 1/2 респондентов считают, что информация о Второй мировой войне является элементом информационных войн и манипуляций сознанием молодежи. Еще 30% полагают, что «да, является, но роль таких информационных кампаний преувеличена». Около 15% респондентов убеждены, что каких-либо специальных идеологических кампаний, и тем более значимых информационных, по отношению к событиям Второй мировой войны не проводится. Остальные затруднились с ответом.

17. 2/3 участников опроса считают главным итогом Второй мировой войны победу над фашизмом, около 15% – рост международного авторитета СССР, 4% – рост международного авторитета США, остальные – создание системы международной безопасности, восстановление национальной независимости и суверенности стран Европы и др.

18. Около 70% респондентов считают, что ключевая роль в освобождении Европы во Второй мировой войне принадлежит Советской армии, 20% отметили союзные войска без выделения конкретных государств. Армии США и Великобритании выбрали 5% и 3% участников опроса соответственно. Остальные затруднились с ответом.

19. Почти 1/2 участников опроса отрицательно оценили попытки изменить восприятие итогов Второй мировой войны, мотивировав это тем, что это может привести к территориальным конфликтам. 1/3 респондентов видят в попытках пересмотра итогов войны условия для возрождения идеологии фашизма. 11% респондентов к подобным попыткам относятся в целом нейтрально, т.к., по их мнению, к серьезным политическим изменениям такой пересмотр не приведет. С подобным мнением солидарны еще 6% респондентов, которые считают, что это нужно сделать, поскольку современный мир ушел далеко вперед. Остальные затруднились с ответом.

20. Более 2/3 респондентов указали на актуальность патриотического воспитания молодежи, т.к. оно способствует подготовке кадров, необходимых для успешной реализации внешней и внутренней государственной политики России, обеспечения национальной безопасности государства и общества. 15% участников опроса полагают, что патриотизм, гордость за свою страну и любовь к Родине – это качества, безусловно, необходимые, но они являются врожденными, и патриотическое воспитание здесь не поможет. Примерно столько же респондентов считают патриотизм результатом жизненного опыта. Остальные участники опроса отметили, что патриотическое воспитание не актуально.

Оценивая результаты социологического опроса? можно утверждать, что современная российская молодежь в своем большинстве высоко оценивает значение победы СССР над фашистской Германией в Великой Отечественной войне для народа нашей страны и народов других стран, освобожденных Советской армией. Молодежь в своем большинстве негативно относится к попыткам представителей политического руководства ряда государств переписать историю в угоду своим геополитическим амбициям.

Современная молодежь в достаточной мере информирована о событиях, связанных с Великой Отечественной войной, благодаря изучению курсов отечественной и зарубежной истории, преподаваемых в средних и высших учебных заведениях. К числу источников информации о Великой Отечественной войне относятся также документальные и художественные фильмы, музеи и мемориальные комплексы, мультимедийные исторические парки («Россия – моя история»), интернет-порталы, содержащие информацию о событиях военного времени.

Сопоставление результатов проведенного социологического опроса с аналогичными исследованиями, проведенными 5 и более лет назад, позволяет отметить некоторое снижение роли художественной литературы, мемуаров и воспоминаний в качестве источника информации о рассматриваемых событиях. Представляется целесообразным обратить на это обстоятельство внимание профессорско-преподавательского состава и работников библиотек в целях формирования перечня рекомендуемой литературы о Великой Отечественной войне для изучения школьниками и студентами, создания в библиотеках специальных подборок книг, брошюр, газет, плакатов, содержащих информацию о важнейших событиях Великой Отечественной войны, судьбах участников войны и тружеников тыла, материалов, отражающих содержание подвигов Героев Советского Союза. Полагаем, что следует активизировать работу молодых исследователей с материалами, содержащимися в архивных фондах, в т.ч. зарубежных, подготовку научных статей не только для отечественной, но и для зарубежной аудитории.

VORONTSOV Sergei Alekseevich, *Dr.Sci. (Legal), Professor of the Chair of Procedural Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (bld. 1, 82 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; raven_serg@mail.ru)*

PONEDELKOV Aleksandr Vasil'evich, *Dr.Sci. (Pol.Sci.), Professor; Head of the Chair of Political Science and Ethnopolitics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (bld. 1, 82 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; ponedelkov@ skags.ru); Honored Scientist of the Russian Federation*

ON THE ATTITUDE OF RUSSIAN YOUTH TO THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Abstract. *The authors of the article examine the question: what does the Great Patriotic War mean for modern young people. The analysis is based on a sociological survey conducted in 2020 in 10 Russian regions by the Laboratory for Problems of Increasing the Efficiency of State and Municipal Administration of the YURIU RANEPA and the Rostov Regional Public Council of the Historical Memory Project.*

Keywords: *World War II, historical memory, falsification of history, sociological survey, patriotism*

УДК 316

МАРШАК Аркадий Львович – *доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5); действительный член Российской академии социальных наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Союза писателей России (info@журналпоиск.рф)*

РОЖКОВА Лилия Валерьевна – *доктор социологических наук, заведующий кафедрой экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета (440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40; tamaeva_lv@mail.ru)*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ГРАЖДАНСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ ПОВОЛЖЬЯ И КРЫМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *В современных обществах взросление молодежи происходит в условиях нестабильности и постоянных социально-экономических кризисов, что влечет возникновение социальной неопределенности, сказывается на устойчивости нормативно-ценностных структур, обусловливая социокультурные особенности формирования и развития социального потенциала разных групп молодежи. На основе материалов социологических исследований среди молодежи Поволжья, нового российского региона – Республики Крым – и вторичного анализа данных других исследований рассматриваются ценностные компоненты политического и гражданского потенциала современной молодежи, такие как политические и правовые ценности, отношение к политике и политическому участию, развитие гражданственности в молодежной среде.*

Ключевые слова: *социальный потенциал, политический потенциал, политические ценности, гражданственность, молодежь, регионы Поволжья, Республика Крым*

Сегодня молодые люди поколения *Y* (поколение миллениума) и еще вступающая в жизнь молодежь нового поколения *Z* (поколение обозримого будущего), формируя новый ценностный профиль современной молодежи, задают новые импульсы общественного развития. В соответствии с этим актуальным и своевременным представляется анализ политических взглядов и позиций

«новой» молодежи, которая формирует свои политические практики и определяет возможности включения в это пространство.

Контуры политического потенциала молодежи: эмпирический анализ

По результатам ВЦИОМа за 2017 г. 43% респондентов в возрасте от 18 до 24 лет, 37% опрошенных в возрасте от 25 до 34 лет высказались за активное вовлечение молодежи в политическую и общественную жизнь страны. Среди форм участия – голосование на выборах (18–24 года – 60% , 25–34 года – 59%), участие в деятельности общественных организаций, связанных с политикой (43% и 39% соответственно), участие в митингах и демонстрациях (40% и 39% соответственно)[1].

Обратимся к анализу политических ориентаций молодежи Поволжья. По данным исследования среди студентов г. Пензы (2009 г.; $N = 270$) 78,3% молодежи отметили, что они принимают участие в выборах. 8,3% респондентов являлись активистами политической партии/движения. При этом постоянный интерес к политике проявляли 25% молодежи, а 18% респондентов указывали на наличие у них определенных политических позиций, ориентаций. Результаты исследования 2012 г. (студенческая молодежь г. Пензы и г. Уфы) также подтвердили высокую электоральную активность студентов (75% опрошенных), 26% респондентов отметили наличие у них определенных политических ориентаций, 19% опрошенных демонстрировали устойчивый интерес к политике. Кроме того, были выявлены гендерные особенности политических ориентаций молодежи: юноши чаще имели определенную политическую ориентацию и постоянный интерес к политической информации, девушки чаще принимали участие в выборах. Кроме того, был отмечен больший интерес к политике у высокоресурсных (высокая степень успеваемости, высокообразованные семьи), чем у слаборесурсных студентов. Основные причины аполитичности студентов (в порядке убывания): отсутствие уверенности во влиянии личного участия на политику (68%); недоверие к политикам (38%), отсутствие интереса к политической деятельности (27%) [Рожкова 2012: 74-75].

В рамках реализации гранта президента РФ в 2018 г. было проведено исследование среди молодежи Поволжья (Пензенская, Саратовская обл., Республика Мордовия, имеющие сходные природные и социально-экономические условия; N = 754) и Крыма (Симферополь, Севастополь; N = 400) «Социокультурные особенности социального потенциала молодежи». Целью исследования являлся комплексный анализ социального потенциала молодежи, изучение его состояния и особенностей развития в условиях нестабильности и социальных трансформаций в обществе. Одной из задач исследования являлось получение эмпирических данных о состоянии и социокультурных особенностях политического потенциала молодежи российских регионов.

Исследования позволили рассмотреть особенности отношения к политике молодежи, а также политического участия в современных условиях. Данные свидетельствуют, что интерес к политике проявляют достаточно большое число молодых россиян. Так, 19,93% молодежи Поволжья и 12,68% крымской молодежи серьезно интересуются политикой и политической информацией, а от случая к случаю – 36,38% молодежи регионов Поволжья и 28,87% молодых людей Крыма. Около 1/4 молодежи Поволжья (23,99%) и около 1/3 крымской молодежи (27,46%) имеют определенную политическую позицию. Эти данные

[1] Молодежь и политика: точки соприкосновения. Опрос ВЦИОМ. 11.07.2017. Доступ: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116312 (проверено 29.05.2020).

свидетельствуют о росте интереса молодежи к политике и о том, что современная молодежь готова включиться в политическую жизнь общества.

Исследования показали, что с годами у молодых людей чаще появляются определенные политические позиции, ориентации. Юноши чаще, чем девушки, постоянно интересуются политической информацией (22,82% против 13,03%), имеют определенную политическую позицию (30,54% против 21,17%). Молодежь татарской национальности чаще интересуется политикой (26,42%), чем русские (17,66%) и мордва (15,66%). Уровень материального благосостояния респондентов практически не связан с наличием у них определенных политических ориентаций, однако отмечается его влияние по интерес к политике. Так, 26,32% молодежи, оценивающей уровень своего материального благосостояния как очень хороший и хороший, имеют постоянный интерес к политической информации; в группе со средним уровнем материального благосостояния таких оказалось 15,77%, в группе с плохим и очень плохим – 13,98%. Эти данные подтверждаются и материалами других исследований: материальное положение напрямую влияет на политические предпочтения [Ухорский 2013: 251].

При оценке отношения к политике в срезе разных групп молодежи по роду деятельности оказалось, что чаще интересуются политикой молодые государственные служащие и предприниматели; они же чаще имеют определенную политическую ориентацию. Меньше всего политика интересует молодых безработных. Эти данные вполне объяснимы с точки зрения включенности разных социально-профессиональных групп молодежи в общественную жизнь: по роду своей деятельности служащие и предприниматели включены в политический процесс, одни – как исполнители властных решений, другие – как группа, условия осуществления деятельности которых во многом определяется установленными государством правилами и механизмами. Интересными представляются данные по взаимосвязи отношения молодежи к политике и их оценки влияния кризиса на их положение (см. рис. 1).

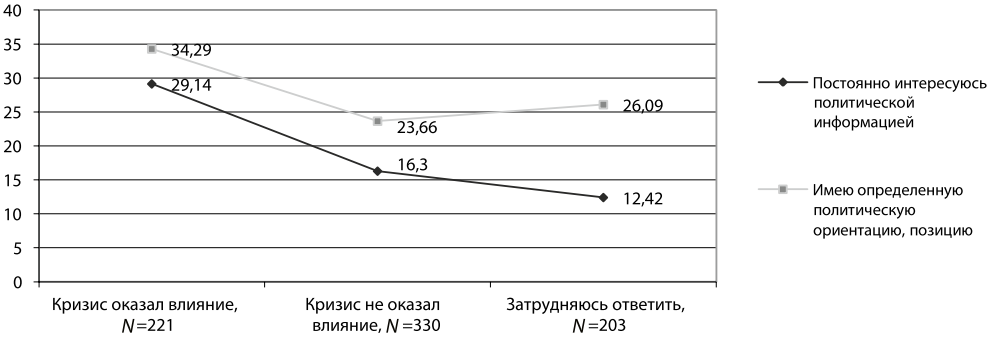

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопросы: «Каково Ваше отношение к политической деятельности?» и «Оказали ли влияние на Вашу политическую активность, общественную деятельность кризис и нестабильность в стране?» (исследование среди молодежи Поволжья), %

Респонденты, которые больше ощущают влияние на себе кризисных явлений, чаще проявляют интерес к политической информации и чаще имеют определенные политические ориентации, что, возможно, объясняется тем, что респонденты рассматривают свое участие как возможность повлиять на негативные кризисные явления в обществе.

Результаты авторских исследований показали, что чаще имеют определенные политические ориентации те респонденты Поволжья, которые чувствуют на себе влияние кризиса в стране (см. рис. 2).

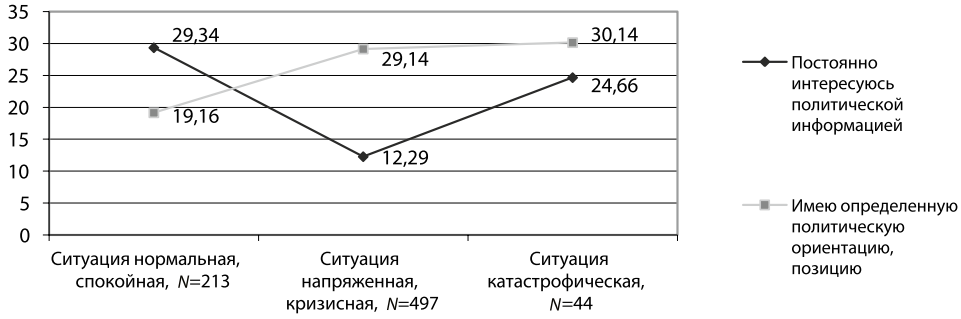

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопросы: «Каково Ваше отношение к политической деятельности?» и «Как Вы можете оценить современную социально-экономическую ситуацию в стране?» (исследование среди молодежи Поволжья), %

Подобные данные получены по исследованиям среди молодежи Крыма: чем чаще молодежь ощущает на себе влияние кризисных явлений, тем чаще респонденты имеют определенные политические ориентации (см. рис. 3).

При этом молодежь Крыма в значительной степени чаще, чем молодежь Поволжья, при оценке социально-экономической ситуации в стране демонстрирует рост своих политических ориентаций, позиций, что, возможно, обусловлено значительными политическими изменениями, затронувшими этот регион в период присоединения Крыма к России, коренным образом изменившими отношение молодых крымчан к любым переменам в политической обстановке.

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопросы: «Каково Ваше отношение к политической деятельности?» и «Как Вы можете оценить современную социально-экономическую ситуацию в стране?» (исследование среди молодежи Крыма), %

В отношении электоральной активности следует сказать, что 41,21% молодежи Поволжья участвуют в выборах (среди крымской молодежи доля таких респондентов составляет 35,92%). Являются активистами политической партии, движения 13,79% молодежи Поволжья и 2,11% молодежи Крыма. Следует

подчеркнуть, что анализ данных статистики и социологических исследований свидетельствует о повышении интереса молодежи к участию в политических организациях, в т.ч. и в протестных движениях. Чем старше респонденты, тем чаще они проявляют политическую активность. При этом девушки, русская и татарская молодежь чаще принимают участие в выборах, а юноши и представители мордовской национальности – в политических организациях и движениях. Также интересно, что чаще участвуют в выборах респонденты, оценивающие свое материальное положение как средний достаток (44,51%), чем респонденты с хорошим (38,35%) и низким (31,18%) материальным благосостоянием. Электоральная активность молодежи различается в зависимости от их рода деятельности. Так, чаще участвуют в выборах молодые государственные служащие, предприниматели и студенты. Меньше всего голосуют на выборах обучающиеся в средних специальных учебных заведениях, что, возможно, обусловлено их возрастом.

На рис. 4 показана электоральная активность молодежи Поволжья (на рис. 5 – молодежи Крыма) в зависимости от оценок кризиса социально-экономической ситуации в стране.

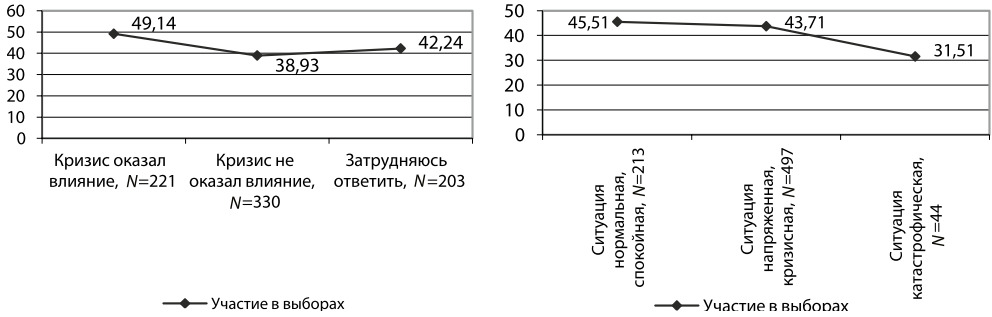

Рисунок 4. Участие в выборах молодежи и оценка ситуации в стране (исследование среди молодежи Поволжья), %

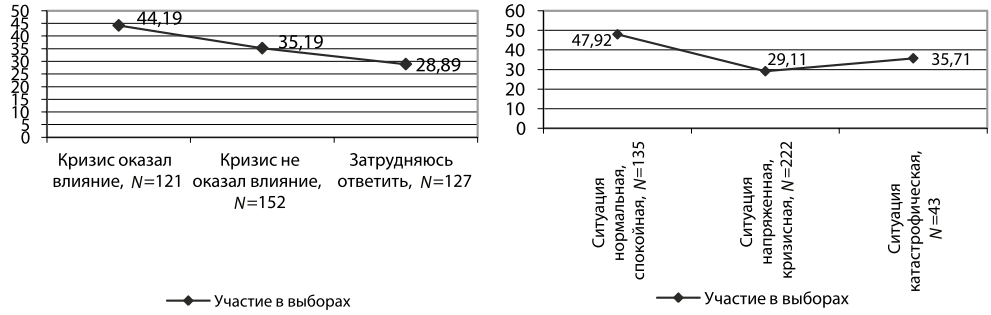

Рисунок 5. Участие в выборах молодежи и оценка ситуации в стране (исследование среди молодежи Крыма), %

В рамках политической теории общественное доверие к власти – неотъемлемый компонент демократического процесса. Гарант общественного доверия – доверие легитимной власти, которая работает на благо всего общества [Рожкова 2013: 157].

Сложившаяся в обществе социально-экономическая ситуация также оказывает значительное влияние и на уровень доверия государственным властным институтам. Результаты исследования 2018 г. показывают, что современное молодое поколение чаще не склонно доверять органам власти (см. рис. 6).

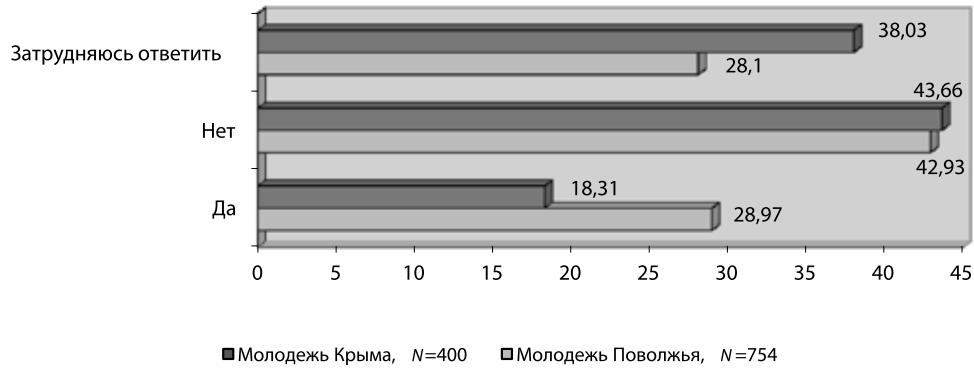

Рисунок 6. Доверие молодежи органам государственной власти, %

Исследования показали, что уровень институционального доверия взаимосвязан с возрастov респондентов: чем старше респонденты, тем он выше. С ростом уровня благосостояния респондентов растет уровень доверия органам власти. Больший уровень доверия демонстрируют государственные служащие, а наименьший – молодые предприниматели. И это закономерно: чем чаще молодые люди характеризуют современную социально-экономическую ситуацию в стране как кризисную, тем меньше их уровень доверия органам власти.

Социальная и протестная активность молодежи также имеет свои особенности. По данным исследований среди студентов Поволжья, они используют для защиты своих прав и интересов судебную защиту (около ½ респондентов), обращение в соответствующие органы с жалобой (около 1/3 опрошенных), митинги и акции протеста (около 1/10 части респондентов) [Рожкова 2012: 76]. Подобные результаты получены и по исследованию 2018 г. Так, 55,34% молодежи Поволжья для защиты своих интересов готовы использовать судебную защиту (52,11% – среди крымской молодежи); 36,38% – участвовать в митингах (41,55% – среди крымской молодежи) и 31,72% (41,55% – среди крымской молодежи) – обращаться в соответствующие органы власти с жалобой. Таким образом, молодежь Крыма чаще, чем молодежь Поволжья, готова участвовать в митингах и демонстрациях, обращаться с жалобами; молодежь Поволжья несколько чаще предпочитает судебную защиту своих интересов. Подчеркнем, что по результатам исследований оказалось, что чаще участвуют в митингах юноши, а девушки – обращаются с жалобами. Также чем выше уровень материального благосостояния, тем чаще респонденты для защиты своих интересов готовы использовать судебную защиту. Судебную защиту чаще используют молодые предприниматели и служащие. Показательно, что на уровень протестной активности молодежи практически не оказывают влияние кризисные явления, происходящие в обществе.

Результаты в области протестной активности молодежи подтверждаются данными ФОМа (2017 г.). Так, 36% молодежи в возрасте от 17 до 34 лет допускают возможность своего участия в митингах, демонстрациях, акциях протеста для

решения своих проблем и проблем своих близких, и только 16% принимали участие в митингах[1].

Основу политического и гражданского потенциала молодежи составляют политико-правовые ценности. Политические ценности являются «ориентирами для политических оценок», выступают «в качестве наиболее рациональных компонентов политического сознания и поведения» [Селезнева 2014: 8] (свобода, демократия, равенство, справедливость, свобода, порядок, безопасность, права человека и др.). Правовые ценности с точки зрения Т.К. Облап выражаются как фундаментальные права человека и гражданина, демократические принципы [Облап 2012: 5025]. В основе гражданских ценностей и гражданского самосознания лежат такие ценности, как свобода, законность, демократия, права человека, патриотизм и др. [Рожкова, Миронов 2014: 290].

По результатам исследований политических ценностей, представленных в работах А.В. Селезневой, базовыми политическими ценностями россиян выступают мир, безопасность, порядок, законность, свобода, справедливость. Социологическое исследование 2013 г. ($N = 2\,037$) выявило структуру правовых ценностей (в порядке убывания): мир (71,5%), безопасность (69,9%), законность (67,1%), права человека (65,9%), порядок (65,7%) [Селезнева 2014: 11-12].

По данным исследования 2010 г. среди студентов Поволжья ($N = 1\,254$) право на жизнь важно для 69% опрошенных. 2-е место занимает право на свободу (53% респондентов). Только 1/4 опрошенной молодежи (25%) выделяют право на судебную защиту. В группе политических прав приоритет имеет ценность свободы слова (31% опрошенных). Только для 5% опрошенных важным было право избирать и быть избранным. Право избирать и быть избранным более значимо для респондентов из сельской местности, а свобода слова оказалась более важна для юношей и высокоресурсных студентов [Рожкова, Кошарная 2011: 86].

Исследования среди молодежи Поволжья 2018 г. показали, что среди современных и традиционных ценностей молодежи (рассматривались по типологии Н.И. Лапина) законность как установленный государством порядок разделяют 24,31% респондентов Поволжья (17,61% молодежи Крыма), свободу для реализации потребностей и способностей индивида – 44,31% (50% молодежи Крыма). По данным исследований, отмечается рост значимости этих ценностей с увеличением возраста респондентов. Эти ценности больше значимы для юношей, чем для девушек. Чем ниже самооценка материального положения, тем чаще важна для молодежи законность. Подчеркнем, что для молодых предпринимателей законность представляет большую ценность, в то время как ее значимость для студентов имеет невысокие значения.

Одним из важных показателей правовой культуры является отношение к закону, реализуемое, во-первых, как знание законов, во-вторых, как его ценностное восприятие, в-третьих, как поведение в рамках закона [Рожкова, Миронов 2014: 289]. Исследования 2010 г. среди студентов вузов Поволжья показали, что 54% опрошенных согласны с тем, что закон не может быть нарушен, даже для наведения порядка в стране; около 1/3 респондентов (33%) придерживаются противоположной точки зрения (их доля больше в мегаполисах и среди юношей) [Рожкова, Миронов 2014: 289].

Материалы исследования среди молодежи показали интересные данные по отношению ее к закону (см. табл. 1). Респонденты из Поволжья несколько чаще, чем молодежь Крыма, утверждают важность справедливости и соблюде-

[1] Социальная и политическая активность молодежи. Опрос ФОМ. 13.04.2017. Доступ: http://fom.ru/TSennosti/13286 (проверено 29.05.2020).

ния буквы закона, а крымская молодежь придерживается точки зрения о безусловном соблюдении закона, если это делают и сами представители власти. Подчеркнем, что среди крымской молодежи присутствовала достаточно большая доля респондентов, затруднившихся с ответом.

Таблица 1

Отношение молодежи к закону, %

Варианты ответов	Исследование 2018 г., молодежь Поволжья, *N* = 754	Исследование 2018 г., молодежь Крыма, *N* = 400
Главное не закон, а справедливость	20,34	14,08
Соблюдение законов в случае их соблюдения представителями органов власти	46,72	49,30
Безусловное соблюдение буквы закона	23,97	19,72
Затрудняюсь ответить	8,97	16,9
Итого	100	100

Исследования среди молодежи Поволжья позволили выявить взаимосвязь отношения к закону респондентов с разными социальными показателями. Так, с годами растет и законопослушность молодых: 25,25% среди респондентов в возрасте от 16 до 20 лет, 36,26% – в возрасте 21–25 лет, 34,16% – в возрасте 26–30 лет. Также чем более материально обеспечен респондент, тем менее он склонен, по его самооценке, соблюдать букву закона (18,8% в группе с очень хорошим и хорошим благосостоянием, 25,07% – со средним достатком, 32,26% – с плохим и очень плохим материальным положением). О необходимости безусловного соблюдения буквы закона чаще говорят молодые предприниматели (52,17%) и государственные служащие (48,65%) и реже – студенты вузов (23,17%) и ссузов (22,22%). Отношение молодежи к закону практически не связано с их оценками социально-экономической ситуации в стране. Так, что справедливость – превыше закона, считают 23,95% респондентов, оценивающих ситуацию как нормальную, спокойную, и 28,09% респондентов, рассматривающих современную ситуацию как кризисную, катастрофическую. С мнением о необходимости безусловного соблюдения буквы закона согласны 32,93% и 30,8% респондентов соответственно.

Гражданский потенциал молодежи: эмпирический анализ

Данные авторских исследований среди молодежи показывают, что она обладает гражданскими и политическими ориентирами, в целом патриотически настроена. Молодежь готова поддержать и свою страну, и органы власти, но считает, что в деятельности последних имеются большие недостатки. Почти 2/3 молодежи воспринимают Россию как свою Родину [Амелин, Воронцов, Степанов 2009: 36].

По результатам авторских исследований, большая часть молодежи воспринимает гражданство в политико-правовом смысле. Для них «быть гражданином» означает (в порядке убывания): иметь права и нести обязанности, проживать в России и быть гражданином по паспорту (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что лично для Вас означает «быть гражданином России»?»*, %

Гражданственность (многовариантные ответы)	Исследование 2018 г., молодежь Поволжья, *N* = 754	Исследование 2018 г., молодежь Крыма, *N* = 400	Исследование 2018 г., студенты вузов Поволжья, *N* = 299	Исследование 2010 г., студенты вузов Поволжья, *N* = 1 254
Гражданство по паспорту	31,55	49,30	29,73	26
Проживание в России	34,83	35,92	33,59	35
Гражданские права и обязанности	40,86	45,77	43,24	52
Патриотизм, любовь к России	29,31	27,46	33,98	43
Защита своего государства	18,97	14,08	19,31	19
Исполнение законов России	26,38	25,35	28,19	33
Знание истории России, гордость за ее достижения и победы	25	32,39	27,03	39
Ответственность за судьбу страны	10,52	11,97	10,42	16

**Примечание:* вопрос и варианты ответов в такой формулировке ставились в авторском исследовании 2010 г., проведенном среди студенческой молодежи регионов Поволжья.

Кроме того, по данным исследований были установлены некоторые отличия в понимании гражданства в зависимости от возраста и пола респондентов, их материального благосостояния. С годами снижается уровень понимания молодежью гражданства РФ в чисто юридическом смысле. Несмотря на некоторое снижение уровня патриотизма, отмечается рост таких компонентов гражданственности, как гордость и ответственность за судьбу страны. Юноши чаще, чем девушки, говорят о юридических и территориальных аспектах гражданства, защите государства и ответственности за судьбу страны, девушки чаще говорят о патриотизме, гражданских правах и достижениях России. Уровень патриотизма и ответственность за безопасность страны коррелирует с материальным положением респондентов: чем оно ниже, тем меньше молодежь разделяет патриотические ориентации. О патриотизме чаще говорят молодые предприниматели и студенты. Однако оценка миграционных настроений молодежи показывает, что около половины опрошенных согласились бы уехать за границу при наличии выгодного трудового контракта; при этом бóльшая доля таких респондентов – среди студентов и предпринимателей. По данным об общественной активности молодежи, 49,48% молодежи Поволжья и 64,79% молодежи Крыма не принимают участие в общественно-полезной деятельности.

По данным исследования очевидно, что у респондентов, дающих негативные оценки современной социально-экономической ситуации в стране, снижается уровень патриотизма (однако здесь следует отличать декларируемый и реальный патриотизм), но растет ответственность за судьбу страны (см. табл. 3, 4).

Таблица 3

Понятие гражданства и оценка социально-экономической ситуации в стране (исследование среди молодежи Поволжья), %

Гражданственность (многовариантные ответы)	Как Вы можете оценить социально-экономическую ситуацию в стране (с начала валютного кризиса, антироссийских санкций)?		
	Ситуация нормальная, спокойная, *N* = 213	Ситуация напряженная, кризисная, *N* = 497	Ситуация катастрофическая, *N* = 44
Гражданство по паспорту	30,54	31,43	38,36
Проживание в России	23,95	40,29	30,14
Гражданские права и обязанности	41,92	41,43	36,99
Патриотизм, любовь в России	36,53	30	10,96
Защита своего государства	20,96	20	15,07
Исполнение законов России	26,95	28,86	24,66
Знание истории России, гордость за ее достижения и победы	29,94	24,29	28,77
Ответственность за судьбу страны	9,58	11,43	17,81

Таблица 4

Понятие гражданства и оценка социально-экономической ситуации в стране (исследование среди молодежи Крыма), %

Гражданственность (многовариантные ответы)	Как Вы можете оценить социально-экономическую ситуацию в стране (с начала валютного кризиса, антироссийских санкций)?		
	Ситуация нормальная, спокойная, *N* = 135	Ситуация напряженная, кризисная, *N* = 222	Ситуация катастрофическая, *N* = 43
Гражданство по паспорту	39,58	51,90	64,29
Проживание в России	35,42	36,71	28,57
Гражданские права и обязанности	54,17	43,04	28,57
Патриотизм, любовь в России	45,83	17,72	21,43
Защита своего государства	20,83	12,66	0
Исполнение законов России	25	26,58	21,43
Знание истории России, гордость за ее достижения и победы	33,33	29,11	50
Ответственность за судьбу страны	8,33	13,92	14,29

Обобщая представленные данные, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, исследования подтверждают высокую электоральную активность молодежи; 1/5 часть молодежи активно интересуется политикой. Во-вторых, выявленные зависимости показывают, что интерес молодежи к политике, политическому участию, электоральная активность связаны с полом, национальностью, уровнем материального благосостояния, родом деятельности, регио-

ном проживания респондентов. В-третьих, имеются особенности протестной активности молодежи, где ведущее место занимает судебная защита, а митинги и акции протеста являются лишь декларируемыми показателями гражданской активности, как и показатели включения в общественно-полезную деятельность. В-четвертых, современная молодежь демонстрирует невысокий уровень доверия действующей власти; он связан с оценкой удовлетворенности работой демократических институтов, социально-экономической ситуации в стране, возрастом, национальностью и родом деятельности молодежи. В-пятых, среди личных, политических, культурных, экономических прав и свобод человека и гражданина для молодежи самые низкие значения имеют политические права. В-шестых, для современной молодежи ценность законности не имеет значительной поддержки, только 1/4 молодежи готовы во всем соблюдать букву закона. Ценность закона связана с возрастом, материальным положением и родом деятельности респондентов. В-седьмых, большая часть молодежи воспринимают гражданство в политико-правовом смысле, уровень патриотизма снижается. В-восьмых, присутствует рассогласованность между декларируемыми принципами и поведенческими установками молодежи. Сложившаяся сегодня социально-экономическая ситуация в стране оказывает значительное влияние на снижение политического и гражданского потенциала современной молодежи.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых МД-328.2018.6 по научному исследованию «Социокультурные особенности формирования социального потенциала молодежи в условиях кризиса и трансформации российского общества».

Список литературы

Амелин В.В., Воронцов В.С., Степанов В.В. 2009. Гражданский потенциал студенческой молодежи в Приволжском федеральном округе. – *Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал* (ред. В.А. Тишков, Р.Э. Бараш, В.В. Степанов). М.: ИЭА РАН. С. 36-40.

Облап Т.К. 2012. Право как ценность в современной России. – *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие:* материалы IV очередного Всероссийского социологического конгресса. РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М. С. 5023-5030. Доступ: https://www.isras.ru/files/File/congress2012/part32.pdf (проверено 01.05.2020).

Рожкова Л.В. 2012. Особенности политического сознания и политической активности современного студенчества. – *Лидерство и социальная активность российской молодежи как стратегический ресурс развития общества:* материалы международной молодежной научно-практической конференции. Курск: АПИИТ «Гиром». С. 72-79.

Рожкова Л.В. 2013. Социальное доверие как фактор социетальной консолидации. – *Интеллигенция и гражданское общество:* сборник материалов всероссийской научной конференции с международным участием. Ульяновск: Изд-во УлГТУ. С. 157-161.

Рожкова Л.В., Кошарная Г.Б. 2011. Ценностные доминанты правосознания студенческой молодежи регионов Поволжья в условиях социокультурной модернизации. – *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. № 4(20). С. 85-98.

Рожкова Л.В., Миронов А.В. 2014. Политико-правовые ценности современной студенческой молодежи. – *Социально-гуманитарные знания*. № 3. С. 288-296.

Селезнева А.В. 2014. Политические ценности в современном российском массовом сознании: психологический анализ. – *Человек. Сообщество. Управление*. № 2. С. 6-18.

Ухорский М.В. 2013. Влияние социального неравенства на политические предпочтения и политическую активность населения. – *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. № 4. С. 251-259.

MARSHAK Arkadiy L'vovich, *Dr. Sci. (Philos.), Chief Researcher at the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, 117218, Russia); Full Member of the Russian Academy of Social Sciences; Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; Member of the Union of Writers of Russia (info@журналпоиск.рф)*

ROZHKOVA Liliya Valer'evna, *Dr.Sci. (Soc.), Head of the Chair of Economic Theory and International Relations, Penza State University (40 Krasnaya St, Penza, Russia, 440026; mamaeva_lv@mail.ru)*

POLITICAL AND CIVIL POTENTIAL OF YOUTH OF THE VOLGA REGION AND THE CRIMEAN REPUBLIC IN THE MODERN SITUATION

Abstract. *In modern societies, the younger generation is growing up in conditions of constant socio-economic crises and instability, which entails the social uncertainty, affects the stability of normative value structures, causing the socio-cultural features of the formation and development of the social potential of different youth groups. The political potential of young people, being a part of social potential, is also affected by ongoing social transformations in Russian society. It is characterized, firstly, by rather high level of electoral activity, secondly, by low level of development of political and legal values, political culture, and civic consciousness, thirdly, by mobility in the field of political orientations, protest and civic activity depending on modern social and political economic situation. On materials of sociological research among young people of Volga Region, the Republic of Crimea and on the secondary analysis of data from other studies, the authors consider the value components of political and civic potential of today's youth, such as political and legal values, attitudes towards politics and political participation, and the development of civic consciousness among young people.*

Keywords: *social potential, political potential, political values, civic consciousness, youth, Volga Region, Republic of Crimea*

ГЛАДКОВ Игорь Сергеевич – *доктор экономических наук, профессор; главный научный сотрудник, руководитель Центра европейской торговли Института Европы Российской академии наук (ИЕ РАН) (125009, Россия, г. Москва, Никитский пер., 2); профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер., 36; professorgis@rambler.ru)*

ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: НАКАНУНЕ НОВЫХ ИСПЫТАНИЙ

Аннотация. *В статье автор анализирует наиболее актуальные сдвиги, наметившиеся в течение последнего пятилетия в динамике и структуре внешнеторговых связей Европейского союза (ЕС), сохраняющего позиции самого крупного коллективного субъекта в современной системе международной товарной торговли. Привлекает внимание тот факт, что достижение подобного результата оказалось вполне возможным на фоне нарастания негативных трендов в мировом товарообмене. Среди них особо выделяются расширение зоны «турбулентности», применение санкционных, а также протекционистских мер, распространение торговых конфликтов между участниками международной торговли товарами. Немаловажную роль в повышении всеобщей напряженности в мировой экономике сыграло и проявление с начала 2020 г. новой вирусной инфекции, выступившей в качестве неожиданного глобального фактора («черного лебедя»), заметно повлиявшего на приближение предполагавшегося экспертами еще в 2019 г. очередного мирового циклического кризиса. Поэтому даже предварительная оценка складывающейся ситуации требует более детального анализа.*

Автор в статье приводит эксклюзивные статистические материалы, многочисленные расчетные данные, зачастую впервые вводимые в отечественный научный оборот.

Ключевые слова: *международная торговля, внешняя торговля, товарный экспорт/импорт, санкции, торговые конфликты, турбулентность, Европейский союз (ЕС), Германия, Нидерланды, Великобритания, Брексит, США, Российская Федерация, Китай*

Прошедшее пятилетие ознаменовалось значительными флуктуациями в сфере мирового хозяйства, международных экономических связей. Довольно заметные потрясения приводили к нарастанию всеобщей турбулентности, в т.ч. в зоне глобального производства, а соответственно и в сфере международной торговли, прежде всего в товарном обмене.

Так, при подведении явно неутешительных итогов 2019 г. ведущие эксперты Международного валютного фонда (МВФ) сформулировали краткое резюме о спаде мирового производства на фоне нарастания торговых барьеров в международном обмене [World Economic Outlook (WEO), October 2019; World Economic Outlook Reports, January 20, 2020; World Economic Outlook, April 2020]. Но прогнозы конца прошедшего года на наступающий год оказывались в целом позитивными.

Тем не менее 2020 г. принес события, которые не смогли предвидеть экспертные прогнозы МВФ. Так, согласно поступающим данным, распространение новой вирусной инфекции приобрело общемировой масштаб, вызвало растущие «человеческие издержки» (по определению МВФ) во всем мире, а необходимые официально проводимые мероприятия по защите серьезно сказываются на глобальной экономической активности. Так, в результате происходящего в апреле 2020 г. уже прогнозируется резкое сокращение объемов производства в мировой экономике.

Новейшие прогнозы экспертов Фонда оценивают снижение темпов роста мирового производства с 2,9% в 2019 г. до –3,0% в 2020 г. Подобное падение оказывается намного большим, чем оно было во время финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. В разработанном сценарии предполагалосьм, что распространение инфекции снизится во второй половине 2020 г. и меры

по сдерживанию постепенно свернут, мировая экономика сможет вырасти – по мере нормализации экономической активности – в 2021 г. на 5,8%, чему могут способствовать поддерживающие меры [World Economic Outlook Reports, January 20, 2020; World Economic Outlook, April 2020; World Trade Organization]. В связи с этим директивным органам отдельных стран эксперты МВФ рекомендуют провести ряд целевых монетарных и фискальных мероприятий для повышения экономической активности.

Однако и при подведении итогов 2019 г. ведущие специалисты ЮНКТАД, Евростата вынужденно констатировали значительное падение стоимостных показателей международного товарного обмена. По оценкам, стоимость мирового товарного вывоза снизилась на 3,7%, а ввоза – на 4,1% (см. табл. 1, 2). Снижение этих индикаторов было обусловлено нарастанием серьезных противоречий в сфере товарной торговли между отдельными странами вследствие расширения практики применения в торговых связях санкционных действий, рестрикций на фоне общего роста протекционизма.

Таблица 1

Динамика экспорта Европейского союза, 2015–2019 гг. (млрд долл. США, %)

Страны	2015	2016	2017	2018	2019
Мировой экспорт, всего	16 530,770	16 031,154	17 701,055	19 456,187	18 739,914
Темпы роста, %	-12,27	-3,02	10,42	9,91	-3,68
Европейский союз (ЕС 28)	5 378,656	5 360,503	5 880,232	6 467,660	6 295,945
Темпы роста, %	-10,80	-0,33	9,68	10,00	-2,66
Доля в мировом экспорте, %	32,54	33,44	33,22	33,24	33,60
ЕС, экспорт внутри блока	3 342,704	3 387,109	3 715,292	4 095,127	3 951,052
Доля в экспорте ЕС, %	62,15	63,19	63,18	63,32	62,76
ЕС, экспорт вне блока	2 035,952	1 973,394	2 164,940	2 372,533	2 344,893
Доля в экспорте ЕС, %	37,85	36,81	36,82	36,68	37,24
Европейский союз (ЕС 28), %	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
В том числе:					
Германия	1 323,665	1 332,489	1 444,776	1 556,623	1 486,463
Нидерланды	570,690	570,932	651,697	727,326	721,301
Франция	495,149	490,008	524,010	568,975	555,143
Италия	456,989	461,668	507,430	543,467	532,670
Великобритания	466,296	411,463	442,066	487,069	469,168
Бельгия	397,739	398,033	429,980	466,654	444,568
Испания	278,122	281,777	319,622	328,528	333,627
Австрия	145,276	144,701	159,970	176,992	179,023
Ирландия	124,731	132,010	138,072	167,018	169,690
Швеция	140,001	139,273	152,902	165,926	160,545
Дания	94,619	94,729	101,434	107,969	109,867
Финляндия	59,682	57,326	67,281	75,258	73,334
Португалия	55,045	55,372	62,117	74,136	67,069
Греция	28,289	27,811	32,155	39,491	37,815
Люксембург	12,626	12,838	13,959	15,148	16,508
«Старые» страны-члены, всего	4 515,557	4 492,629	4 903,583	5 359,000	5 344,727
Доля в экспорте ЕС, %	86,40	86,05	85,72	85,30	85,32

Польша	194,461	196,455	221,308	261,815	264,015
Чешская Республика	157,194	162,087	182,231	202,522	198,416
Венгрия	100,297	103,071	113,382	123,958	123,617
Словакия	75,283	77,539	84,388	94,294	89,683
Румыния	60,608	63,510	70,711	79,673	76,874
Словения	26,587	27,658	31,894	36,471	44,867
Литва	25,411	25,023	29,350	33,335	33,125
Болгария	25,779	26,688	31,588	33,314	33,304
Хорватия	12,843	13,648	15,732	17,210	17,381
Эстония	13,908	13,967	15,384	17,197	16,124
Латвия	11,650	11,607	13,190	15,033	15,489
Кипр	3,367	2,997	3,360	5,065	3,460
Мальта	3,915	4,038	4,077	3,868	3,007
«Новые» страны-члены, всего	711,303	728,288	816,595	923,755	919,362
Доля в экспорте ЕС, %	13,60	13,95	14,28	14,70	14,68

Составлено и подсчитано автором по: [Eurostat; UNCTAD; World Economic Outlook, April 2020; World Trade Organization].

Анализ приведенных выше данных позволяет отметить, что на фоне растущей турбулентности в системе международного обмена даже сохранение занимаемых в ней позиций можно расценивать как определенное достижение, а их упрочение и расширение вполне обоснованно следует рассматривать как уникальный результат. Согласно расчетам автора, долевой вклад Европейского союза в мировой товарный экспорт возрастал в 2017–2019 гг. с 33,2% до 33,6% (расчеты проведены по новейшим статистическим данным ЮНКТАД, опубликованным впервые в середине апреля 2020 г.).

При этом стоит констатировать, что 2019 г. оказался знаковым в плане готовившегося выхода Великобритании из состава этой крупнейшей в мире интеграционной группировки (Брексит). Поэтому пока региональное объединение насчитывало 28 стран-членов. Важно, что ЕС в 2019 г. повысил свое долевое участие в глобальном товарном экспорте, несмотря даже на некоторое снижение абсолютных показателей вывоза по стоимости (на 2,7%).

Далее, при более подробном анализе экспортных операций ЕС можно отметить, что совокупная стоимость их составила в 2019 г. почти 6,3 трлн долл. США, что остается крупнейшим показателем в современной торговле.

Сравнение с аналогичными показателями показывает, что товарный экспорт группировки НАФТА (США, Канады и Мексики) составил в 2019 г. всего 2,56 трлн долл. США. Но только товарный вывоз Мексики имел позитивную динамику на фоне падения индикаторов США и Канады [UNCTAD; World Trade Organization].

Что касается отдельных стран – членов Европейского союза, можно констатировать, что лидирующие по стоимостным объемам товарного вывоза страны сохранили свое доминирование – Германия (хотя экспорт сократился на 4,6% в 2019 г. до 1,486 трлн долл. США), Нидерланды (снижение на 0,8%), а также Франция, Италия, Великобритания и Бельгия. Как показывают расчеты автора, эти шесть стран обеспечивали 2/3 стоимости совокупного товарного вывоза блока. После состоявшегося в 2020 г. выхода одного из крупных субъектов (Великобритании) из состава ЕС стоимостной показатель экспорта товаров группировки сократится примерно на 0,5 трлн долл. США. Но это не окажет

фатальное влияние на лидирующее положение Евросоюза в системе международной торговли, только несколько ослабит его позиции.

Таблица 2

Динамика импорта Европейского союза, 2015–2019 гг. (млрд долл. США, %)

Страны	2015	2016	2017	2018	2019
Мировой импорт, всего	16 678,114	16 159,373	17 929,591	19 813,394	18 998,048
Темпы роста, %	-11,71	-3,11	10,96	10,50	-4,11
Европейский союз (ЕС 28)	5 229,381	5 240,358	5 778,193	6 410,989	6 235,773
Темпы роста, %	-11,84	0,21	10,27	10,95	-2,73
Доля в мировом импорте, %	31,35	32,43	32,23	32,36	32,82
ЕС, импорт внутри блока	3 115,256	3 152,394	3 451,325	3 808,755	3 659,435
Доля в импорте ЕС, %	59,57	60,15	59,73	59,41	58,69
ЕС, импорт вне блока	2 114,125	2 087,964	2 326,868	2 602,234	2 576,338
Доля в импорте ЕС, %	40,43	39,85	40,27	40,59	41,31
Европейский союз (ЕС 28), %	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
В том числе:					
Германия	1 053,388	1 060,672	1 167,753	1 287,379	1 236,298
Великобритания	630,251	636,368	641,332	671,645	691,974
Нидерланды	393,728	398,336	450,076	646,070	646,752
Франция	562,937	559,139	608,819	660,157	637,949
Италия	410,933	406,671	453,583	503,369	481,436
Бельгия	371,025	372,713	406,412	454,841	433,285
Испания	305,266	302,539	350,922	390,643	378,174
Австрия	147,928	149,987	175,690	193,773	188,052
Швеция	138,360	140,984	154,195	170,712	158,709
Ирландия	77,795	82,029	88,828	107,999	98,500
Дания	85,327	84,427	92,118	101,675	97,009
Португалия	66,909	67,953	78,746	95,629	89,924
Финляндия	60,174	60,502	70,100	78,352	73,506
Греция	47,264	47,595	55,300	65,141	62,198
Люксембург	19,296	19,124	21,070	23,119	24,374
«Старые» страны-члены, всего	4 370,587	4 389,039	4 805,732	5 450,504	5 298,140
Доля в импорте ЕС, %	85,99	85,87	85,36	84,69	84,95
Польша	189,696	188,518	217,979	267,700	246,654
Чешская Республика	140,716	142,328	162,899	184,924	178,552
Венгрия	90,761	92,044	104,284	121,761	119,817
Румыния	69,883	74,544	85,337	97,893	96,532
Словакия	73,420	75,488	83,211	94,186	90,049
Словения	25,870	26,690	31,149	36,267	43,963
Болгария	29,265	28,958	34,264	37,953	37,176
Литва	28,176	27,391	30,979	36,501	35,612
Хорватия	20,580	21,830	24,512	28,113	28,026
Латвия	14,096	13,737	16,053	18,613	18,726
Эстония	15,732	15,682	17,358	18,560	18,018

Кипр	7,133	7,867	9,308	10,813	9,220
Мальта	6,788	7,182	6,828	7,204	8,211
«Новые» страны-члены, всего	712,116	722,259	824,161	956,108	938,074
Доля в импорте ЕС, %	14,01	14,13	14,64	15,31	15,05

Составлено и подсчитано автором по: [Eurostat; UNCTAD; World Economic Outlook, April 2020; World Trade Organization].

Не менее существенными характеристиками внешнеторговых связей Европейского союза следует считать успешное повышение на протяжении 2017–2019 гг. удельного веса блока в международном товарном импорте с 32,2% до 32,8%, а также сведение – в течение всего периода – баланса во внешней торговле с положительным сальдо (см. табл. 1, 2).

Среди стран – ведущих импортеров в составе группировки выделялись те же лидеры, но перечень их оказался несколько другим, поскольку вслед за первенствующей Германией на втором месте находилась Великобритания.

По опыту исследования внешнеторговых связей Европейского союза одной из их имманентных черт можно считать подразделение совокупности экспортно-импортных контактов блока на связи, осуществляемые в его рамках (*the EU Intra-trade*) и вне его пределов (*the EU Extra-trade*).

При этом следует учитывать, что обе составляющие характеризуются довольно существенными параметрами в абсолютном исчислении. Это дает основание специальным органам ООН приводить статистические данные по международной товарной торговле как с включением совокупного показателя блока по экспорту (импорту), так и без него, с внесением в мировые показатели только данных о его внешней торговле с третьими странами. Как показывают расчеты автора, соотношение между двумя составляющими современных внешнеторговых связей Европейского союза составляет примерно 6 : 4. Однако оно подвержено постоянным флуктуациям, что отражает текущую ситуацию в торговых контактах внутри Евросоюза и за его пределами.

На протяжении последнего десятилетия в данной сфере сформировался достаточно хорошо просматриваемый тренд. Так, при возникновении более благоприятной ситуации на внешних рынках активнее развиваются торговые связи ЕС с третьими странами, но при ее осложнении основной акцент смещается на внутриблоковые контакты. Так, происходит использование Евросоюзом «эффекта черепахи» как одного из наиболее эффективных и весьма успешных инструментов во внешнеторговой политике блока.

Если учитывать, что ситуация на внешних рынках в рассматриваемый период не отличалась постоянством, позитивными характеристиками, ЕС демонстрировал гибкость в формировании экспортно-импортных связей как в рамках блока, так и вне его (в контактах с третьими странами). Нараставшая на этом этапе в системе международной торговли турбулентность определяла проявление в товарном обмене Евросоюза с партнерами вне группировки синусоидного тренда как реакции блока на изменения внешней среды.

Согласно расчетам автора, долевое участие ведущих экспортеров в общем товарном вывозе группировки в третьи страны за пятилетие несколько изменилось в пользу «новых» стран-членов, а удельный вес девяти «старых» членов ЕС (Германия, Великобритания, Франция, Италия, Нидерланды, Бельгия, Испания, Ирландия, Швеция), которые лидировали, немного сократился – с 85,4% до 84,4%, но общее доминирование «девятки» сохранилось. При этом почти 2/3 (58,9%) совокупной стоимости товарного экспорта Европейского союза в третьи страны обеспечивались только 4 его членами (Германией,

Великобританией, Францией и Италией). Это свидетельствует о высокой концентрации источников экспортных потоков, о заметной дифференциации стран – членов ЕС в сфере экспортной активности.

Аналогично сложилось соотношение сил между лидерами и отстающими пока странами в сфере товарного импорта в торговле с партнерами вне блока. Если учесть, что Ирландию в составе «девятки» сменила Польша, можно констатировать, что на эту подгруппу приходилось от 85,6% в 2015 г. до 84,6% в 2019 г. совокупного ввоза товаров из третьих стран. Причем почти половина (48,2%) всей стоимости товарного ввоза приходилась в этот период на трех участников Евросоюза (Германию, Великобританию и Нидерланды), а оставшиеся 25 стран-членов приобретали вне группировки 51,8% закупаемых там ЕС товаров. Анализ приведенных данных весьма наглядно показывает, что «новые» страны – члены блока ориентированы в своей внешнеторговой деятельности пока чаще на торговые контакты в рамках Европейского союза, а «старые» страны – на поставки и закупки товаров вне ЕС.

Среди основных партнеров Европейского союза в сфере товарного вывоза вне блока можно назвать, прежде всего, пять наиболее крупных – США, на которые в 2019 г. приходилось 22,0% всей стоимости товарного экспорта ЕС в третьи страны, Китай (исключая Гонконг) – 11,0%, Швейцарию – 7,9%, Россию – 4,5%, Турцию – 3,6%, Японию – 3,4%. Они в совокупности смогли обеспечить приобретение 52,4% всего объема подобного вывоза из сообщества. Но и в сфере товарных поставок в Евросоюз из третьих стран доминировали те же партнеры. Доля Китая в импорте ЕС вне блока в 2019 г. составила 20,4%, США – 14,3%, России – 7,7%, Швейцарии – 6,5%, Турции – 3,9%, Японии – 3,6%, а в совокупности – 56,4% (расчеты автора по: [Eurostat]).

При этом сдвиги отмечались и в динамике товарной структуры экспортно-импортных связей ЕС с партнерами вне блока. Можно отметить сохранение в целом сложившихся ранее основных трендов. Так, в товарном экспорте Евросоюза традиционно доминируют такие группы, как «продукция машинотехническая, транспортное оборудование» (хотя в 2015–2019 гг. отмечалось снижение ее доли с 42,1% до 40,7% во всей стоимости товарного вывоза ЕС вне блока), «прочие промышленные товары» (с перманентным показателем 22,5%), а также «продукция химической промышленности» (ее долевое участие возрастало – с 17,6% до 19,1%). На них в целом в 2019 г. пришлось 82,3% стоимости всех товарных поставок Евросоюза в третьи страны. Структура закупок ЕС по импорту вне блока отличалась в основном сохранением соотношения между различными товарными группами. Среди них – «продукция машинотехническая, транспортное оборудование» (ее вес несколько возрос за пятилетие – до 31,9%), на втором месте оставались «прочие промышленные товары» (снижение доли до 24,6%), на третьем – «минеральное сырье» (на фоне флуктуаций сокращение удельного веса с 19,1% до 18,5%), на четвертом – «продукция химической промышленности» (понижение доли с 10,8% до 10,6%).

Надо отметить, что на нынешнем этапе мирохозяйственной эволюции Европейскому союзу пока удавалось проводить свою довольно эффективную внешнеторговую политику [Гладков 2019а; 2019б], несмотря на возникавшие во внешней среде катаклизмы и вызовы, добиваться при этом даже расширения собственных позиций в системе международной товарной торговли. Но провозглашение своей приверженности основным правилам ведения современной торговли не помешало ЕС ввести и продлевать санкционные действия в отношении своих давних партнеров, среди которых находится Россия. Тем не менее есть некоторые надежды на изменение принятого Европейским союзом курса в нынешних непростых условиях приближения нового глобального кризиса.

Список литературы[1]

Гладков И.С. 2019а. Международная торговля на фоне замедления мировой экономики. – *Международная экономика*. № 12. С. 44-50.

Гладков И.С. 2019б. Внешнеторговые связи Европейского союза: штормовое предупреждение? – *Власть*. Т. 27. № 5. С. 153-158.

Eurostat. http://ec.europa.eu/eurostat/

UNCTAD. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.unctadstat.unctad.org (Дата обращения 05.05.2020).

World Economic Outlook (WEO): Global Manufacturing Downturn, Rising Trade Barriers, October 2019. – Washington, DC: International Monetary Fund, Publication Services, 2019. – 188 p.

World Economic Outlook Reports. Tentative Stabilization, Sluggish Recovery? WEOб, January 20, 2020. – Washington, DC. International Monetary Fund, Publication Services, 2020. – 10 p.

World Economic Outlook, April 2020. The Great Lockdown // Электронный ресурс. Код доступа: https://www.imf.org/en/Publications

World Trade Organization. http://www.wto.org

GLADKOV Igor' Sergeevich, Dr.Sci. (Econ.), Full Professor; Senior Researcher, Head of the Center for European Trade, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (2 Nikitsky Lane, Moscow, Russia, 125009); Professor of the Chair of World Economy, Plekhanov Russian University of Economics (36 Stremyanniy Lane, Moscow, Russia, 117997; professorgis@rambler.ru)

FOREIGN TRADE RELATIONS OF THE EUROPEAN UNION: ON THE EVE OF NEW SHOCKS

Abstract. *In the article, the author analyzes the most relevant changes that have emerged over the past five years in the dynamics and structure of foreign trade relations of the European Union (the EU), which retains the position of the largest collective entity in the modern system of international commodity trade. Attention is drawn to the fact that the achievement of such a result was quite possible against the background of increasing negative trends in world trade. Among them, the expansion of the «turbulence» zone, the application of sanctions and protectionist measures, and the spread of trade conflicts among participants in international trade in goods are particularly highlighted. An important role in increasing the overall tension in the world economy was also played by the manifestation of a new viral infection from the beginning of 2020, which acted as an unexpected global factor («Black Swan»), which significantly influenced the approach of the next global cyclical crisis, which was intended by experts in 2019. Therefore, even a preliminary assessment of the current situation requires a more detailed analysis.*

The author provides exclusive statistical materials, numerous calculation data introduced into the domestic scientific circulation often for the first time.

Keywords: *international trade, foreign trade, commodity export/import, sanctions, trade conflicts, turbulence, European Union (EU), Germany, Netherlands, United Kingdom, Brexit, United States, Russian Federation, China*

[1] Подбор и оформление сносок – авторские.

ВОЛОБОЕВА Юлия Константиновна – *специалист Центра изучения китайского языка (195043, Россия, г. Санкт-Петербург, Ново-Ковалево, 12; voloboeva93@mail.ru)*
ГОРБАЧЕВ Михаил Валерьевич – *доктор политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119192, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-кт, 27; ussr-86@mail.ru)*
ЯН Мин – *координатор культурно-образовательных программ туристического комплекса г. Сианя (710048, КНР, г. Сиань, 101, Джайфанг/101; ayntim3253454@126.com)*

МОДЕЛИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРОЕКТОВ НОВОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Аннотация. *В статье изучаются модели идентификации проектов Нового шелкового пути в Индии, Китае, США, России. В результате проведенного анализа авторы выделяют их цивилизационные, суперконтинентальные, политические версии. Авторы проводят их сопоставление, дают описания их ключевых характеристик. В статье подчеркивается устойчивость и последовательная реализация субъектами проектирования цивилизационных моделей, ставятся под сомнение возможности выполнения в обозримом будущем вариации суперконтинентальных моделей.*
Ключевые слова: *Великий шелковый путь, Новый шелковый путь, идентификация проектов Нового шелкового пути*

В конце XX – начале XXI в. ряд государств, такие как Индия, Китай, Россия, США и др., выступили с инициативами возрождения Шелкового пути. Их проекты получили разные названия, отличались уникальным и многообразным содержанием. Тем не менее проблемы, связанные с их идентификацией, не возникали. Ситуация изменилась, когда страны осуществили переход от концептуальной стадии проектной деятельности к практической. Эта стадия характеризовалась «проектными наложениями», «смешиваниями», «вытеснениями», «поглощениями» и т.п. В результате первоначальные проектные параметры значительно изменились. Цель данной статьи состоит в поиске и выделении моделей идентификации проектов Нового шелкового пути в Индии, Китае, России, США на основе соотнесения практических действий данных стран с их проектными замыслами.

Обращаясь к интерпретации проектных идей КНР, касающихся Нового шелкового пути, необходимо отметить, что в системном виде они стали проявляться в начале 1990-х гг. Так, Китай начал активно строить транспортные пути, которые соединили крупный морской порт Ляньюньгань (побережье Желтого моря) с Хоргосом (граница с Республикой Казахстан). Транспортировка грузов на данном участке сократилась до двух дней, что было рекордно малым показателем для того периода времени. Следующим шагом стал транспортный коридор ТРАСЕКА, который соединил КНР с Европой. Маршрут проходил через Среднюю Азию, Иран, Грузию, Турцию, Румынию, Украину. Реализация транспортной составляющей проекта сопровождалась продвижением его цивилизационных ценностей. В частности, финансировались подпроекты, нацеленные на обмен культурным опытом между народами, участвующими в строительстве транспортной инфраструктуры [Nisimura 2020]. Необходимо отметить, что стремление Китая интенсифицировать культурный обмен с государствами и обществами, вовлеченным в проектную деятельность, носило фрагментарный характер.

Попытку более синхронно продвигать инфраструктурные и цивилизационные инициативы можно было наблюдать в транспортном проекте Казахстан–Россия–Беларусь. Его характеристики казались понятными в начале нулевых

годов. Однако, несмотря на декларированную цивилизационно-экономическую направленность, на стадии реализации он, так же, как и ТРАСЕКА, трансформировался в сторону типичного экономического проекта. В результате он стал лишь одним из нескольких направлений развития более масштабного цивилизационного проекта – проекта «Новый шелковый путь». Концептуальные основы последнего были озвучены в 2013 г., когда Си Цзиньпинь посетил ряд государств Центральной Азии. В концентрированном виде они имели вид формулы: «Один пояс – один путь». В развернутом виде они предусматривали создание «экономических коридоров вдоль Шелкового пути»[1], включающих в себя систему современных железных дорог, автомобильных магистралей нового типа, нефтегазовых трубопроводов, авиалиний, направлений морского сообщения»[2]. Также, согласно проектным задумкам, «путь» должен объединить Азию, Европу, Африку, Латинскую Америку – более 60 стран с населением 4,4 млрд чел. В качестве цивилизационной основы подобного объединения провозглашалась «идея создания большой семьи, члены которой будут гармонично сосуществовать друг с другом»[3].

Мирное сосуществование стран, объединенных идеей «большой семьи», согласно задумкам представителей КНР, будет способствовать эффективному развитию двух типов маршрутов «пути»: сухопутного и морского. Сухопутные транспортные коридоры планируется провести по трем направлениям: северный коридор, проходящий через Казахстан, Россию, Беларусь; южное направление: Южная и Юго-Восточная Азия; центральный транспортный коридор, ориентированный на Азию и Ближний Восток [Тавровский 2017]. В свою очередь, морская часть «пути» (от Южно-Китайского моря до Индийского океана и далее[4]), нацелена на интенсификацию экономических связей Китая со странами Персидского залива и Средиземного моря.

Необходимо отметить, что, в отличие от первоначальных проектных моделей Нового шелкового пути, предлагаемых Китаем, модель «Один пояс – один путь» ориентирована на синхронное решение инфраструктурных и социокультурных задач. Проект позиционируется как экономический и цивилизационный одновременно. Такая идентификация проекта активно поддерживается КНР. Например, Пекин посредством грантовой поддержки активно стимулирует образовательные организации Китая и Центральной Азии, изучающие общую историю народов, которые проживают вдоль Нового шелкового пути [Кузнецова 2017]. В данном контексте директор Института исследований АТР и мировой стратегии КАОН профессор Ли Сянян отмечает, что инициатива экономического пояса Шелкового пути является новым шагом на пути открытости Китая к внешнему миру и формирует основы экономической и цивилизационной дипломатии, которая является новым механизмом взаимодействия, отражающим китайскую философию «дружбы, доверия, взаимной выгоды и терпимости» [Lee 2015: 54].

Так же как и КНР, США начали предлагать различные проектные модели Нового шелкового пути в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Они были связаны с интерпретацией центральноазиатских республик, которые ранее входили в советский блок, а также Афганистана, Ирана, Пакистана и Индии в качестве

---

[1] Проект «Один пояс, один путь». 2019. Доступ: https://tass.ru/info/4383152 (проверено 24.04.2020).

[2] Россия и Китай активизируют работы по проекту «Один пояс – один путь». 2019. Доступ: https://ria.ru/20191003/1559412278.html (проверено 24.04.2020).

[3] Новый китайский папа: Пекин собирается стать ведущей силой в Евразии. 2017. Доступ: https://ria.ru/20170515/1494297708.html (проверено 24.04.2020).

[4] Escobar P. 2019. Welcome to the Indo-Russia maritime Silk Road. – *Asia Times*. September 5. URL: https://asiatimes.com/2019/09/welcome-to-the-indo-russia-maritime-silk-road/ (accessed 24.04.2020).

единого макрорегиона [Старр 2005]. Согласно проектным построениям американской политической элиты, этот макрорегион было необходимо связать единой транспортной и торговой инфраструктурой [Starr 2009]. В контексте обозначенных идей Азиатский банк развития в 1997 г. выступил со стратегической инициативой центральноазиатского регионального экономического сотрудничества[1]. Программа была нацелена на стимулирование экономического роста посредством реализации крупных инфраструктурных проектов в таких государствах, как Афганистан, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Монголия. Цивилизационной основой Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества выступали концептуальные положения проекта «Великий шелковый путь» и проекта «Большая Центральная Азия» [Тулепбергенова 2009]. В организационных документах Сотрудничества Центральная Азия называлась ключевым пространством, которое обеспечивает связь между различными культурами и экономическими рынками. Идеологи Сотрудничества полагали, что необходимо «преодолеть изолированность региона от мировых рынков, снизить чрезмерную ориентацию экономик стран ЦА на Россию» [Сафранчук 2013: 47].

Идеи, связанные с дальнейшим развитием Сотрудничества, стали главными ориентирами политического турне государственного секретаря США К. Райс по странам Центральной Азии в 2005 г. Однако после его завершения Вашингтон частично скорректировал свое видение Нового шелкового пути. В результате в июле 2011 г. Х. Клинтон в ходе своего визита в Индию огласила обновленную американскую стратегию Нового шелкового пути. Она была объявлена официальной политикой США в Южной Азии и одновременно направлена на решение проблем, оставленных войной в Афганистане. Американский проект «Новый шелковый путь» предполагает прохождение транспортных коридоров с юга на север, является вертикальной экономической полосой с центрами в Афганистане, Пакистане, Индии. Особая роль в нем отводится Афганистану как государству, имеющему удобное транспортное положение в Центральной Азии, – хабу, где связаны потоки человеческих и природных ресурсов.

Экономические маршруты Нового шелкового пути, разработанные американскими аналитическими центрами, такими как Институт Центральной Азии и Кавказа при университете Дж. Хопкинса, Центр стратегических и международных исследований, не подразумевают активного распространения американских цивилизационных ценностей в странах Центральной Азии. В их основе лежит идея о экономическом, а не цивилизационном противодействии другим акторам в Евразии [Кравченко 2016], о недопущении дальнейшего развития Евразии как суперконтинента (по аналогии с Северной Америкой, которая, благодаря строительству и запуску трансамериканской железной дороги, стала континентом двух океанов – Атлантического и Тихого [Calder 2019]).

Российское видение проекта Нового шелкового пути на протяжении длительного периода времени существенно не отличалось от того, что предлагала КНР. Это объясняется тем, что Россия долгое время не выдвигала ни одного альтернативного плана развития «пути», а только подтверждала свое участие в моделях, которые разрабатывал Пекин. Так, в 2015 г. на встрече глав двух государств было сделано заявление, в котором указывалось, что Россия «поддерживает строительство Экономического пояса Шелкового пути и готова к тесному взаимодействию с Китайской Стороной в продвижении этой инициативы» [Новый... 2016]. Это заявление стало продолжением инициатив отечественных ученых и

[1] Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program. 2019. URL: https://www.adb.org/countries/subregional-programs/carec (accessed 24.04.2020).

политиков, которые содержали предложения по интеграции в Шелковый путь Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей. Кроме того, в рамках уже обозначенных КНР направлений Нового шелкового пути Россия предложила Ледовый шелковый путь [Михайличенко 2019: 339]. Он позиционировался как дополнительная возможность включения транспортной системы России в структуры «большого пути». При этом необходимо отметить, что цивилизационные механизмы обозначенных выше вариантов экономических интеграций не предлагались. Также не разрабатывались культурные подпроекты продвижения собственных цивилизационных ценностей в рамках Нового шелкового пути.

В отличие от Транссиба, БАМа, Ледового шелкового пути, развитие и модернизация которых позиционировались как составная часть китайского «большого проекта», еще одна российская инициатива – ТЕПР – рассматривалась в качестве его цивилизационной альтернативы. Она опиралась на следующие идеи: во-первых, «Россия – своеобразный интеграционный узел, связывающий Азию, Европу и Америку»[1], во-вторых, «Россия не находится между Европой и Азией. Это Европа и Азия – слева и справа от России. Мы – не мост между ними, а отдельное цивилизационное пространство, где Россия объединяет цивилизационные сообщества Востока и Запада»[2]. На основе обозначенных идей предполагалось, что проект ТЕПР способен соединить Аляску и Лондон посредством создания транспортного моста через Берингов пролив. При этом экономический пояс Шелкового пути рассматривался в качестве одной из составных частей ТЕПРа. Согласно проектной задумке, России необходимо использовать свое геополитическое положение, стать центральным элементом в системе транспортных и энергетических интересов трех регионов – Западной Европы, Северной Америки, Юго-Восточной Азии. Для этого следует соединить порты Приморья и пограничные пункты путей Китая с западной границей Белоруссии, а затем спроектировать ответвление к Северной Америке через путь Сибирь–Берингов пролив–Аляска [Транс-Евразийский... 2014].

Как и в случае с Китаем, Россией и США, предложения Индии, связанные с формированием проектных контуров Нового шелкового пути, стали оформляться более 30 лет назад. Они предусматривали проектирование и строительство транспортных коридоров в обход Китая – транспортного коридора север–юг. Его целью являлась интенсификация экономических связей между Ираном, Россией, Кавказом и Центральной Азией. По оценкам экспертов, в экономическом отношении маршрут с севера на юг будет более многообещающим, чем некоторые возникающие в настоящее время сухопутные коридоры восток – запад[3]. Реализуя проектные задачи построения такого маршрута при минимальном привлечении дополнительных партнеров, Индия пытается все глубже проникнуть в инфраструктуру и экономику Евразии. Отказ от участия (2013 г.) в китайском проекте Нового шелкового пути подтвердил выбранный страной стратегический курс на реализацию собственного проекта «пути».

В дополнение к транспортному коридору север–юг, Индия принимает активное участие в развитии иранского порта Чабахар, грузооборот которого планируется увеличить в 5 раз. Кроме того, «Нью-Дели поддерживает строительство

---

[1] Путин В.В. 2000. «Россия: новые восточные перспективы». Доступ: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21132 (проверено 24.04.2020).

[2] Владимир Якунин: на месте Транссиба создадим интегральную стратегическую базу развития России. Доступ: https://tass.ru/interviews/1599551 (проверено 24.04.2020).

[3] Shepard W. 2017. Watch Out, China: India Is Building A «New Silk Road» of Its own. – *Forbes*. June. URL: https://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2017/06/28/watch-out-china-india-is-building-a-new-silk-road-of-its-own/#30d186d3a90e (accessed 24.04.2020).

автомобильной дороги протяженностью 218 километров, связывающей центральную часть Афганистана с иранской границей, многосторонний проект "Каладан" в Мьянме, Трансазиатскую железную дорогу от Дакки до Стамбула, автомобильную магистраль Индия–Мьянма– Таиланд»[1]. Тем самым Индия показывает, что заинтересована в собственной модели развития Нового шелкового пути. В ее основе лежат экономические составляющие. Культурные же аспекты являются вторичными. Такое понимание Нового шелкового пути, с одной стороны, может позиционироваться в качестве конкурирующего с китайским проектным видением (особенно по линиям несовпадения цивилизационных ориентиров проектов). С другой стороны, китайская и индийская модели органично дополняют друг друга в создании масштабной транспортной сети всего евразийского пространства.

Таким образом, идентификация проектов Нового Шелкового пути имеет несколько моделей. Первая, цивилизационная, представлена проектными задумками и действиями КНР. Китай осуществляет попытки «синхронного продвижения» социокультурных и транспортных составляющих «пути». Официальный Пекин стремится возобновить социокультурные процессы, которые были характерны для Великого шелкового пути, а именно «переносы цивилизации» посредством языка, религии, валюты, экономического уклада и т.д. Вторая модель, суперконтинентальная, основана на проектных замыслах и действиях Индии. По многим параметрам (например, цивилизационное видение Нового шелкового пути) они являются взаимоисключающими. Однако «наложение» и «смешивание» некоторых параметров, особенно касающихся транспортного будущего «пути», формирует его новые контуры – «Евразия как суперконтинент», объединенный современной транспортной инфраструктурой, «Евразия как пространство», готовое бросить экономический вызов американскому «суперконтиненту». Третья модель, политическая, представлена проектными идеями и решениями США. Вашингтон, так же как Китай с Индией, предлагает разные модели в*и*дения Нового шелкового пути, но их объединяет преобладание в этих моделях политических составляющих над экономическими. Проектные задачи американских моделей слабо соотносятся с принципами экономической целесообразности, напротив, в них изначально заложены значительные риски и угрозы (центральная роль Афганистана как ключевого транспортного узла), которые могут помешать эффективной работе транспортной инфраструктуры. Думается, что современной России необходимо ориентироваться на цивилизационную модель проекта «Новый шелковый путь». Суперконтинентальные и политические модели этого мегапроекта имеют мощный конфликтный потенциал, который может не позволить Новому шелковому пути стать сложной, но эффективно работающей системой взаимодействия государств и народов.

Список литературы

Кравченко Л.И. 2016. «Новый Шелковый путь» – не экономика, а геополитика. Доступ: http://rusrand.ru/analytics/novyj-shelkovyj-put-ne-ekonomika-a-geopolitika (проверено 24.04.2020).

Кузнецова Н.Ф. 2017. «Великий Шелковый путь» как способ интеграции объектов культурно-исторического наследия Южной Сибири в индустрию туризма. – *Азимут научных исследований: экономика и управление.* Т. 6. № 3(20). С. 219-224.

Михайличенко К.М. 2019. Проект «Ледовый Шелковый путь» в рамках ини-

[1] Ibid.

циативы «Один пояс и один путь» как реализация интересов России и Китая в Арктическом регионе. – *Вестник Российского университета дружбы народов*. № 2. С. 333-345.

Новый шелковый путь и евразийская интеграция. 2016. Доступ: https://www.geopolitica.ru/article/novyy-shelkovyy-put-i-evraziyskaya-integraciya (проверено 24.04.2020).

Сафранчук И. 2013. Концепция «Новый Шелковый путь» и политика США в «Большой Центральной Азии». – *Международная жизнь*. № 7. С. 43-53.

Старр Ф. 2005. Партнерство для Центральной Азии. – *Россия в глобальной политике*. № 4. С. 159-166.

Тавровский Ю.В. 2017. *Новый Шелковый путь*. М.: Эксмо. 368 с.

Тулепбергенова Г. 2009. Проект Большой Центральной Азии: анализ состояния и эволюции. – *Центральная Азия и Кавказ*. № 1(61). С. 85-97.

Транс-Евразийский пояс «Razvitie». 2014. URL: http://www.kp-plant.ru/upload_data/2015/TEDB-Razvitie.YakuninDoklad.pdf (проверено 24.04.2020).

Calder K. 2019. *Super Continent. The Logic of Eurasian Integration*. Stanford: Stanford University Press. 344 p.

Lee S. 2015. Establishment of Priority Relations of Interaction during the Implementation of the Initiative «One Belt, One Road». – *Гоцзи цзинцзи пинлунь*. № 1. P. 54-63.

Nisimura O. 2020. The Revival of the Eurasian Continent Will Radically Change the World. – *Toyo Keizai online*. January 19. Доступ: https://toyokeizai.net/articles/-/322306 (проверено 26.04.2020).

Starr F. 2009. Rediscovering Central Asia. URL: https://www.wilsonquarterly.com/quarterly/summer-2009-thrift-the-double-edged-virtue/rediscovering-central-asia/ (accessed 24.04.2020).

VOLOBOEVA Yulia Konstantinovna, specialist of the Center for the Study of the Chinese Language (12 Novo-Kovalevo, St. Petersburg, Russia, 195043; voloboeva93@mail.ru).

GORBACHEV Mikhail Valer'evich, Dr.Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor of the Chair of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (27 Lomonosovsky Ave, Moscow, Russia, 119192; ussr-86@mail.ru)

YANG Min, Coordinator of Cultural and Educational Programs of the Tourist Complex of Xi'an (Jaifang/101, 101 Xi'an, China, 710048, aynmim3253454@126.com).

THE NEW SILK ROAD PROJECT: BETWEEN CIVILIZATIONAL AND TRANSCONTINENTAL DIMENSIONS?

Abstract. *The article discusses options for identifying New Silk Road projects in India, China, the United States, and Russia. Based on the analysis, the authors identify their civilizational, supercontinent, and political versions. The article compares them and gives a description of their key characteristics. The article also emphasizes the stability and consistent implementation of civilizational models, criticizes political models, and casts doubt the possibility of implementing different variations of supercontinent models in the near future.*

Keywords: *Great Silk Road, New Silk Road, identification of New Silk Road projects*

РУДАКОВА Екатерина Константиновна – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии, старший научный сотрудник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а; kafedra_mo_nglu@mail.ru)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДИСКУССИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ДО РОЖДЕНИЯ

Аннотация. *Традиционно дискуссия вокруг прав человека носит правовой, юридический, философский характер, однако к вопросу о правах человека до рождения необходим междисциплинарный подход. В данной статье представлены позиция ученых эмбриологов, биологов и генетиков по вопросу законодательного закрепления прав человека на жизнь и достоинство во внутриутробный период развития до рождения, а также последние данные фундаментальной науки о начале человеческой жизни и особенностях внутриутробной стадии развития человека. Обоснованы положения, что эмбрион во внутриутробный период обладает полнотой человеческого достоинства с момента зачатия, генетически не является телом или органом матери, нуждается в правовой гарантии безопасности и благоприятных условий для физиологического и психического развития.*

Ключевые слова: *права человека, права детей, аборт, эвтаназия, эмбриология, демография, безопасность*

Сегодня идет активная дискуссия по вопросу о необходимости законодательного закрепления прав детей до рождения, т.е. права на жизнь и достойные условия развития человека во внутриутробный период. Это проблему многие связывают с попыткой снизить число абортов в мире, а также повысить рождаемость в развитых странах. Но основной причиной, по которой эту проблему стоит решать, является вопрос о нравственном облике будущего человечества, который в т.ч. измеряется уважительным и ответственным отношением ко всему живому, и прежде всего к человеческой жизни в ее непрерывности – от момента зарождения и до смерти.

Основная полемика развернулась вокруг вопроса, почему права человека гарантируются с момента физиологических родов и завершения внутриутробной стадии развития, а не с момента начала жизни, ведь в утробе матери человек уже является живым существом и проходит одну из стадий своего жизненного цикла.

Принято считать, что права гарантируются человеку «с рождения». Такое положение закреплено, например, в гл. 2 Конституции РФ[1]. Данное ограничение не соотносится с Европейской конвенцией по правам человека, в которой подобное ограничение не существует, формулировка конвенции следующая: «Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание»[2].

В полемике по легализации прав человека до рождения слышен голос юристов, философов, религиоведов, политиков, однако до сих пор консенсуса достичь не удалось – так и остался открытым вопрос: если каждому гаранти-

[1] Конституция РФ 1993 года. Гл. 2. Ст. 17. Права и свободы человека и гражданина. Доступ: http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm (проверено 10.02.2020).

[2] Конвенция о защите прав человека и основных свобод. – *Европейская конвенция по правам человека*. 1950. Доступ: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (проверено 30.04.2020).

руется право на жизнь, что считать точкой отсчета. Очевидно, данный вопрос является предметом исследований не гуманитариев, а эмбриологов и генетиков, которые изучают человеческую жизнь с самых ранних стадий и могут дать более чем исчерпывающие ответы на все вопросы современной дискуссии – с какого момента начинается жизнь, является ли человек в утробе полноценным живым организмом, является ли эмбрион в утробной стадии развития человеком, обладает ли он эмоциями и чувствует ли он боль, наконец, обладает ли полнотой достоинства живого существа, нуждающегося в правовой защите.

Невозможно представить данные всех ученых, но основные тезисы, с которыми солидарны большинство ученых эмбриологов и генетиков, могут быть сгруппированы следующим образом.

1. *Прерывание жизни в утробе недопустимо.* По мнению доктора биологических наук заслуженного профессора кафедры эмбриологии МГУ В.А. Голиченкова, прерывание жизни человека в утробе недопустимо. Сегодня необходимо защитить права детей во внутриутробный период, «поскольку сами они не могут заявить о своих правах, и если мы решим, что жизнь неприкосновенна, то все встанет на свои места, если же мы договоримся (и наука здесь не при чем), что это не человек, тогда юридически мы можем делать с ним все, что угодно. Чисто юридически, если смертная казнь разрешена, то убийство преступника не считается преступлением, а если запрещена, тогда это преступление. Для эмбриологии аборт – это убийство на любой стадии, за которое не предусмотрена уголовная ответственность. Жизнь неприкосновенна» [Голиченков 2015].

2. *Внутриутробное развитие – это стадия непрерывной цепочки жизни человека от зиготы до рождения.* Отвечая на вопрос многолетнего спора сторонников и противников абортов о том, является ли зигота, эмбрион человеком, профессор кафедры эмбриологии МГУ В.А. Голиченков полагает, что «было бы прекрасно, если бы общество дозрело до понимания, что прерывание жизни человека недопустимо ни на какой стадии его развития, ни на стадии зиготы, ни на стадии бластоциды, ни позднего эмбриона, ни родившегося человека, ни глубокого старика, ни безнадежно больного». На каждой стадии, от рождения до смерти, человек меняет свою внешность, но остается все тем же живым существом, как зигота отличается от эмбриона, младенец от юноши, а юноша от старика – это все стадии одной непрерываемой цепочки жизни, каждая из которых является началом последующей [Голиченков 2015].

3. *Жизнь начинается с зиготы.* Для эмбриологии не существует дискуссии, с какого момента зарождается человеческая жизнь, это не вопрос для полемики. Сегодня существуют уже десятки псевдонаучных теорий о том, что является точкой отсчета начала человеческой жизни. Кто-то считает, что человек начинается с момента появления сердечной деятельности, нервной системы, первых толчков, первого вздоха, осознания себя, освоения речи или даже получения паспорта, – «все эти точки отсчета не продиктованы научными данными, хотя, казалось бы, именно с учеными нужно считаться в вопросе о том, когда зарождается человеческая жизнь».

Генетик, исследователь в области биоэтики, советник по правам ребенка доктор Мария дел Пилар Кальва Меркадо в своей публикации «Начало жизни: эмбрион на преимплантационной стадии развития» пишет, что, согласно последним данным ученых, новый, неповторимый, уникальный геном, ДНК которого управляет непрерывным развитием человека, начинается с оплодотворения, ни о каких до и после, недо- и префазах говорить недопустимо – это уже «эмбрион в преимплантационной фазе». Именно зачатие является чудом начала жизни, которое так бесцеремонно опошляется в свете тех или иных политических интересов. Каждый эмбриолог преклоняется перед чудом зарож-

дения жизни, и любой учебник эмбриологии определяет зиготу как первую и главную стадию организма живого существа [Mercado 2015].

4. *Эмбрион не является частью тела матери, которым она может распоряжаться по своему усмотрению.* Другой тезис сторонников абортов о том, что эмбрион является частью тела матери, которым она вправе распоряжаться по своему усмотрению, также не выдерживает критики. Известный лозунг сторонников лозунга «мое тело – мое дело», который сегодня бередит умы молодежи и является чуть ли не главным аргументом сторонников абортов, опровергают генетики. Так, известный генетик, исследователь в области биоэтики, советник по правам ребенка доктор Мария дел Пилар Кальва Меркадо в своей публикации «Начало жизни: эмбрион на преимплантационной стадии развития» пишет, что «начиная с самого оплодотворения, зигота несет уникальный, отличный от матери и отца генетический материал, геном человека приводит к образованию тела человека, отличного от тела матери. Потому считаю, что к проявлениям "культуры смерти" и неуважительного отношения к жизни относятся аборт, экстренная контрацепция, все виды ЭКО, клонирование, использование эмбрионов, стволовых клеток эмбрионов. Даже конец жизни стал предметом экспериментов, сегодня мы являемся свидетелями эвтаназии и изъятия бьющихся сердец у пациентов с диагнозом «клиническая смерть мозга». Самые страшные сценарии относительно евгеники сбываются в наш век демократических "ценностей" и борьбы за "права человека"» [Mercado 2015].

5. *Неспособность к выживанию вне утробы не является признаком отсутствия принадлежности к живому существу.* Всемирно известный эмбриолог, доктор наук, заслуженный профессор клеточной биологии и анатомии Аризонского университета Уорд Кишер в своем докладе «Об окончательной деградации эмбриологии человека» поднимает проблему, связанную с тем, что с подачи узкого круга лиц в современную эмбриологию были введены псевдонаучные понятия, и сегодня происходит опасная «игра в слова» в дискуссиях по проблеме абортов и новых медицинских технологий. Он настаивает, что введение таких терминов, как «самостоятельное выживание», «содержательная жизнь», «достижение жизнеспособности», «индивидуация эмбриона», «оживление эмбриона», оправдывающие все те же теории о том, что тот, кто не способен жить вне тела матери, не способен выживать без технологической поддержки, т.е. до 24–27-й недели беременности, – это нежизнеспособный плод, неспособный к содержательной жизни. «Получается, что жизнь внутри материнской утробы, питаемая и защищенная, не является содержательной и жизнеспособной только потому, что она на данный момент не способна к жизни вне матки», – недоумевает Уорд Кишер.

По мнению профессора кафедры эмбриологии МГУ В.А. Голиченкова, данный тезис не выдерживает критики ни с точки зрения науки, ни с точки зрения здравого смысла: «Внутриутробное развитие – это естественный процесс репродукции человека. Это с самого начала другой человек, и все млекопитающие проходят эмбриональную стадию своего развития. Неспособность к выживанию вне утробы на данной стадии развития не является признаком отсутствия принадлежности к живому существу, ведь и младенцы, и глубокие старики, и тяжело больные люди согласно этой логике не способны к самостоятельному выживанию. Но тогда, если ни зигота, ни эмбрион, ни плод не являются человеком, завтра мы скажем, что старики, инвалиды, тяжело больные, увечные – это тоже не люди. Вряд ли кто-то скажет, что это – не люди» [Голиченков 2015].

6. *Мы не имеем права решать, испытывает ли боль кто-то так же, как мы.* Не стихают споры относительно того, способен ли эмбрион испытывать чувство боли. Сторонники абортов утверждают, что чувство боли, испытываемое

эмбрионом, не может сравниться с болью, которую испытывает рожденный человек, следовательно, рассуждать о гуманности абортов бессмысленно. Этот тезис опровергается современными научными данными. Доктор наук, адъюнкт-профессор нейробиологии и анатомии университета штата Юта Маурен Кондик в своем докладе «Развитие фетального восприятия боли» приводит следующие факты: «Ощущение боли – это сложный комплекс реакций на внешний вредоносный или деструктивный раздражитель. Реакции нервной системы на боль любой интенсивности возникает к 8 неделям формирования эмбриона. И эмбрион реагирует на боль точно так же – он пробует от нее защититься. Спор вокруг внутриутробного восприятия боли идет не по вопросу, испытывает ли эмбрион боль, а испытывает ли он ее так же, как новорожденный или взрослый человек. Ранее считалось, и это закреплено в научных статьях, что для страдания от боли необходимо развитие связей в коре головного мозга. Современные исследования над пациентами с лиссэнцефалией (родившиеся без коры головного мозга), а также над животными с удаленной корой головного мозга опровергают данное положение: сознание сохраняется даже при отсутствии обширных частей головного мозга, при этом сохраняется разнообразное реагирование на боль. Сознательное восприятие боли локализуется в области таламуса, церебрально-таламические отделы формируются на 12–18-й неделях после зачатия. Множество исследований четко показало, что человеческий плод с 18-й недели демонстрирует гипофизарно-надпочечниковую, симпато-адреналиновую и сосудисто-стрессовую реакцию на физическое воздействие».

Ученые полагают, что «вопрос о фетальной боли – это не вопрос об отношении к фетальной боли, это вопрос о том, каким обществом мы хотим быть. Причинение боли любому существу – это бесчеловечно и жестоко. Мы не должны решать, испытывает ли боль кто-то так же, как мы, даже в отношении другого человека это сделать невозможно, но эмбрион отвечает на болевой раздражитель, значит испытывает боль начиная с 8-й недели своего развития. Люди в большинстве своем не одобряют жестокости. И вопрос не в том, есть ли у живого существа кора головного мозга, мы не одобряем отрывание плавников у рыб, лап у птиц, а ведь у этих живых существ тоже нет коры головного мозга. Так почему мы допускаем это в отношении человеческих эмбрионов, которые также заслуживают законодательной защиты от жестокости и причинения боли и вреда?[1]

7. *Эмбрион ведет полноценную жизнь, характерную для внутриутробной стадии развития человеческого существа*. Относительно эмоциональной составляющей жизни человека до рождения интересно мнение доктора медицинских наук профессора междисциплинарного клинического центра Института интегративных исследований университета Хайфы (Израиль) Г.И. Брехмана. Его исследование «Эмоциональная жизнь ребенка до рождения» содержит следующие основные положения. Последние исследования подтверждают, что ребенок внутри утробы ведет полноценную эмоциональную жизнь, которая во многом зависит от эмоционального состояния матери и внешних воздействий. Конечно же первопроходцами стали сами матери, которые свидетельствовали, что ребенок эмоционально реагирует на слова, тембр голоса, звуки, мелодии, умеет радоваться или грустить, различает вкус [Брехман 2011].

8. *Человек имеет право на безопасность и благоприятные условия развития в эмбриональный период*. Самым главным является вывод, что внутриутробная фаза развития человека является одной из основных, что развитие человека

[1] Condic M.L. 2015. Congressional Testimony: Fetal Pain at 8 Weeks. URL: https://www.youtube.com/watch?v=0CTzJRF8v24 (accessed 30.04.2020).

начинается с момента зачатия, и многие заболевания, например неврозы, также являются последствием внутриутробной фазы развития. Например, исследования показали, что дети, рожденные от матерей, которые во время беременности испытывали стресс или депрессию, менее адаптивны, нежели те, чьи матери провели беременность в здоровом эмоциональном фоне. Данное направление позволяет благоприятным образом усилить задатки и таланты ребенка, создать ребенку доброжелательную, психически физически активную атмосферу, чтобы он родился здоровым и полноценным» [Брехман 2011].

Таким образом, большинство ученых солидарны в следующих выводах:

– права человека до рождения должны быть защищены, прерывание жизни в утробе недопустимо;

– основной закон эмбриологии заключается в непрерывности жизни от зачатия до смерти;

– эмбриональное развитие является одной из стадий непрерывного развития человеческого существа;

– человеческая жизнь начинается с зиготы – слияния половых клеток отца и матери, ни о каких до и после, недо- и префазах жизни говорить недопустимо;

– эмбрион не является частью тела матери, генетически полностью отличается от организма матери и отца, следовательно, мать не может распоряжаться эмбрионом по своему усмотрению;

– неспособность к выживанию вне материнской утробы не может считаться признаком отсутствия принадлежности к живому существу;

– эмбрион ведет полноценную эмоциональную и физиологическую жизнь, характерную для внутриутробной стадии развития человеческого существа;

– эмбрион способен испытывать чувство боли, что подтверждается последними научными данными в области исследований фетальной боли;

– социальная и индивидуальная жизнь начинается до рождения, каждый человек имеет право на уважение еще до рождения, на безопасные пренатальные отношения, право на уважение и защиту непрерывности его опыта в течении беременности и до рождения[1].

В заключение хотелось бы представить позицию одного из ведущих ученых, который наиболее ярко выразил позицию эмбриологии по исследуемому вопросу, профессора клеточной биологии и анатомии Аризонского университета Уорда Кишера. Он полагает, что долгом каждого эмбриолога как ученого является исправление вопиющих ошибок и заблуждений современности относительно познаний в области начальной стадии жизни человека и популяризация правды о внутриутробной стадии развития человека. По его глубокому убеждению, современное законодательство об абортах нарушает главный закон жизни – принцип непрерывности – от оплодотворения, рождения и до смерти, в которых мы наблюдаем совершенную последовательность событий, непрерывную от момента зарождения и до смерти. По его мнению, амбициозные заявления о допустимости абортов бесцеремонно принижают миссию ученых по всему миру. Эмбриология не должна быть заложницей социальных конструктов и политкорректным слугой той или иной политической системы, она основана на уважении жизни [Kischer 2008].

Список литературы

Брехман Г.И. 2011.Эмоциональная жизнь плода: от смутных догадок к науч-

[1] Хартия о правах ребенка до, во время и после рождения. – *Фундаментальные представления современной науки о начале человеческой жизни:* материалы международного научного симпозиума. Москва, 7 июля 2015 г. С. 76-78.

ным исследования. – *Жіночий Лікар*. № 2. С. 10-15. Доступ: http://brekhman.iri-as.org/stat/emozii_ploda.pdf (проверено 30.04.2020).

Голиченков В.А. 2015. Эмбрион не может заявить свои права, это можем сделать мы. – *Фундаментальные представления современной науки о начале человеческой жизни*: материалы международного научного симпозиума. Москва, 7 июля 2015 г. С. 14-19.

Kischer W.C. 2008. The Final Corruption of Human Embryology. – *The Linacre Quarterly*. Vol. 75. Is. 1. P. 31-39. February 2008. URL: https://www.researchgate.net/publication/274531112_The_Final_Corruption_of_Human_Embryology (accessed 30.04.2020).

Mercado M. del P.C. 2015. Palabras como científico y médico genetista ante la SCJN. Bioética y pastoral de la vida. – *Catholic.net*. Доступ: https://es.catholic.net/op/articulos/4027/cat/258/palabras-como-cientifico-y-medico-genetista-ante-la-scjn.html#modal (проверено 30.04.2020).

RUDAKOVA Ekaterina Konstantinovna, *Cand.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of International Relations and Political Science, Senior Researcher of Linguistic University of Nizhny Novgorod (31a Minina St , Nizhny Novgorod, Russia, 603155; kafedra_mo_nglu@mail.ru)*

INTERNATIONAL DISCUSSION ON THE PROBLEM OF HUMAN RIGHTS BEFORE BIRTH

Abstract. *The article presents the position of embryologists, biologists, and geneticists on the issue of legislative consolidation of human rights to life and dignity in the prenatal period. The article presents the latest data of fundamental science about the beginning of human life and the features of the intrauterine stage of human development. The author substantiates provisions that the embryo in the intrauterine developmental period has the fullness of human dignity from the moment of conception, and is not genetically the body or organ of the mother, so it needs a legal guarantee of safety and favorable conditions for physiological and mental development.*

Keywords: *demographic security, assisted reproductive technologies, in vitro fertilization, surrogacy, ethics, morality, human rights*

ЕВЕНКО Сергей Леонидович – *доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии Военного университета МО РФ (123001, Россия, г. Москва, ул. Б. Садовая, 14; PVRazov@fa.ru)*

ПОПОВ Игорь Александрович – *кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры эвакуации и вождения военных гусеничных и колесных машин Омского автобронетанкового инженерного института МО РФ (644098, Россия, г. Омск, пос. Черемушки, ул. 14-й Городок, 119; popov1784@mail.ru)*

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, УВОЛЕННЫХ В ЗАПАС

Аннотация. *В статье определяются и рассматриваются различные подходы к государственному регулированию процесса социальной адаптации военнослужащих, уволенных в запас, а также членов их семей. Теоретической основой статьи выступает концепция социального планирования, расширенная в рамках рискологического подхода. В своих рассуждениях авторы опираются на результаты социологического исследования, проведенного методом экспертного опроса. В заключение дается характеристика эффективности существующих механизмов социальной поддержки указанной группы. Также авторы приводят новые перспективные направления государственного регулирования процесса адаптации уволенных в запас, а также членов их семей.*

Ключевые слова: *механизмы управления, система управления, социальная защита, социальная адаптация, уволенные в запас военнослужащие*

Результаты ежегодных социологических исследований по проблемам как правового, так и социально-экономического положения уволенных в запас военнослужащих демонстрируют их недостаточную приспособленность к условиям жизни в гражданской среде. Данные трудности невозможно решить без государственной поддержки. Так, вопросы социальной защиты и социального обеспечения бывших военнослужащих находят свое отражение в ряде стратегически важных документов, таких как Военная доктрина, а также Стратегия социального развития Вооруженных Сил Российской Федерации на период до 2020 года. Согласно данным документам, развитие и совершенствование Вооруженных сил России связывается в т.ч. и с повышением уровня жизни граждан, уволенных с военной службы.

Проведенный в рамках исследования экспертный опрос показал, что в современной России решению проблем социальной адаптации бывших военнослужащих уделяется недостаточно внимания (см. рис. 1).

Как видно из рис. 1, абсолютное большинство экспертов считают, что на текущий момент данной проблеме уделяется совсем мало внимания (76%).

Интересен тот факт, что ни один из опрошенных не указал на достаточное внимание к проблеме бывших военнослужащих со стороны государства. Причем среди отрицательно настроенных экспертов большинство находится в возрастной категории до 48 лет; с 49 лет и старше недовольных сложившейся ситуацией несколько меньше – 56%. Наиболее высокий процент неудовлетворенных государственной политикой в отношении проблем бывших военнослужащих можно отметить среди экспертов в звании майора (89%), в звании подполковника таковых оказалось 67%, а в звании полковника – 75%.

С одной стороны, наиболее эффективными мерами повышения социальной адаптации бывших военнослужащих с точки зрения экспертов являются: инте-

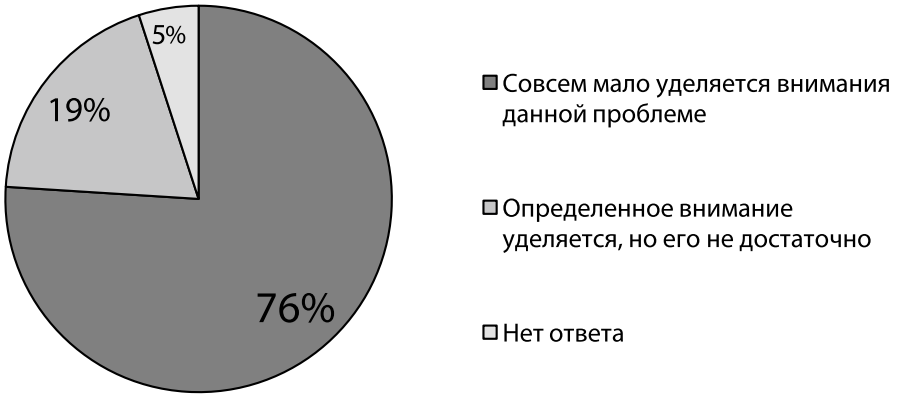

Рисунок 1. Линейное распределение ответов экспертов на вопрос: «Как Вы полагаете, в современной России достаточно ли уделяется внимания проблеме социальной адаптации граждан, уволенных с военной службы?»

Рисунок 2. Наиболее значимые меры и направления повышения эффективности социальной адаптации бывших военнослужащих, %

грирование новых форм и технологий социальной работы с уволенными военнослужащими (32%); государственное регулирование рынка труда и развитие системы переподготовки и повышения квалификации кадров (по 19% соответственно) (см. рис. 2).

При этом наименее значимым оказалось повышение престижа воинской службы и профессии военного, на которое указали лишь 6% экспертов. С другой стороны, среди наиболее эффективно реализуемых государством мер, как указали эксперты, является именно повышение престижа воинской профессии, а разработка и внедрение новых технологий и форм социальной работы на практике оказываются не в приоритете у государства (см. рис. 3).

Задачи в области оптимизации системы социальной защиты и социального обеспечения бывших военнослужащих находятся в ведении конкретных государственных органов и структур. Вместе с этим технология управления социальной адаптацией бывших военнослужащих подразумевает, что социальная защита и социальное обеспечение данной группы граждан по большей мере

Рисунок 3. Наиболее реализуемые государством меры повышения эффективности социальной адаптации бывших военнослужащих, %

нацелена на поощрение добросовестной службы и на восполнение ряда их общегражданских прав и свобод. Иными словами, для социальной защиты военнослужащих характерны увеличенные размеры компенсационных выплат по сравнению с прочими категориями населения.

По мнению экспертов, система материального обеспечения военнослужащих и членов их семей представляет собой аналог системы минимальных социальных гарантий гражданского населения (см. табл. 1).

Таблица 1

Элементы системы социальной защиты военнослужащих и членов их семей

Охрана жизни и здоровья	Пенсионное обеспечение	Материальное обеспечение	Обеспечение жильем
Обязательное государственное обеспечение	За выслугу лет	Денежное довольствие	Служебным
Медицинское обеспечение	По инвалидности	Профессиональные выплаты	Постоянным
	По случаю потери кормильца	Премии	

Ретроспективный анализ, проведенный Т.А. Чертушкиной, позволил ей прийти к выводу, что «развитие социальной работы и пенсионного обеспечения военнослужащих, уволенных в запас, и членов их семей непосредственно взаимосвязано с развитием вооруженных сил в стране, состоянием ее экономики, уровнем национального дохода и повышением материального благосостояния людей» [Чертушкина 2014]. Помимо этого, ученому также удалось выделить ключевые тенденции в области развития социальной работы с данной категорией военнослужащих:

– неравномерность внимания со стороны как государства, так и общества к решению проблем социальной поддержки бывших военнослужащих;

– обратно пропорциональная зависимость объема материальной помощи бывшим военнослужащим от ведения военных действий государством;

– взаимосвязь социальной поддержки бывших военнослужащих и членов их семей со значимостью армии для государства.

Одним из направлений социальной работы считается военно-социальная работа, которую В.М. Корякин рассматривает в двух формах – расширенной и узкой. Первая предполагает «создание благоприятных условий жизнедеятельности каждого военнослужащего и его семьи», вторая – информационную, консультационную, педагогическую, психологическую поддержку, а также помощь в натуральном выражении, оказываемую уволенным в запас военнослужащим и членам их семей [Корякин 2004: 18].

Очевидно, что военно-социальная работа должна выступать важнейшей частью социальной политики государства (в частности, военно-социальной политики). Законодательство Российской Федерации определяет, что именно на плечи государства возложена ответственность за проведение социальной политики и социальной защиты военнослужащих. Однако, как отмечают исследователи, не все конституционные права и социальные гарантии военнослужащих, в частности бывших военнослужащих, реализуются в полной мере. Так, Корякин указывает, что стране необходима новая концепция военно-социальной политики, направленная на повышение эффективности и устойчивости военной организации государства. Таким образом, объектом военно-социальной политики являются граждане государства, связанные (действующие военнослужащие) или ранее связанные (бывшие военнослужащие) с деятельностью военной организации. Субъектами военно-социальной политики, в свою очередь, выступают государство, играющее ключевую роль, органы военного управления, местного самоуправления, общественные организации (религиозные, благотворительные и т.д.).

На основании этого можно сделать вывод, что военно-социальная политика государства занимает важное место в системе управления социальной адаптацией уволенных в запас военнослужащих. В данном случае для минимизации рисков социальной адаптации в отношении указанной категории граждан значимую роль будут играть методы социального планирования, проектирования и программирования.

Управление социальной адаптацией уволенных в запас военнослужащих и членов их семей Ю.Я. Таран определяет как деятельность, целенаправленно проводимую на всех уровнях социального управления и ориентированную на создание условий для успешного интегрирования бывших военнослужащих в гражданскую среду. В дополнение к этому такая деятельность предусматривает изменение и самой среды в соответствии с потребностями ее членов [Таран 2007]. Однако с учетом рискологического подхода, примененного в данной работе, управление социальной адаптацией военнослужащих, уволенных в запас, можно определить «как направление в сфере социального управления, связанное с деятельностью, ориентированной на создание благоприятных условий интеграции уволенных с военной службы военно служащих в гражданскую среду путем снижения рискогенности адаптивной ситуации и самой среды с учетом ценностей и потребностей ее представителей» [Разов 2015].

Под социальным планированием понимается аспект социального управления в форме регулятора социальных процессов, взаимосвязанных с жизнедеятельностью населения и взаимообусловленных. Важнейшей функцией социального планирования является оптимизация социально-экономических процессов и повышение эффективности функционирования социальных групп.

Ж.Т. Тощенко систематизировал соответствующие подходы на основании их сущности с точки зрения социального проектирования. Среди них 1) объек-

тивно ориентированный, 2) проблемно ориентированный, 3) субъективно ориентированный подходы [Тощенко 2011].

Первый подход заостряет внимание на процессе разработки проектов локальной социальной реальности с четким обоснованием нормативных требований.

Второй подход во главу угла ставит выработку вариантов решений как существующих, так и перспективных социально значимых реальных проблем.

Третий подход концентрирует внимание на учете субъективного видения действительности. При этом основная роль отводится учету установок, стремлений и ценностных ориентиров субъектов, вовлеченных в проектную деятельность в качестве ее созидателей.

Отметим, что в российской реальности субъектная роль в социальном планировании в большей степени сосредоточена в руках федеральных органов власти. То есть, на федеральном уровне власти происходит социальное планирование. В случае управления адаптацией военных, уволенных в запас, социальное планирование производит Министерство обороны России.

Исходя из данного положения, сделаем вывод, что в РФ применяется первый подход к социальному проектированию. На наш взгляд, именно эта модель социальной политики является наиболее приемлемой.

Кроме того, следует уточнить, что существуют различные модели социальной политики. Раскроем их на примере западных стран: 1) континентальная модель (Германия), 2) либеральная модель (Великобритания), 3) социал-демократическая модель (Швеция). Основное отличие между ними заключается в различном подходе к решению вопроса о распределении ответственности между государством и населением.

Для России же либеральный подход видится неприменимым ввиду особой роли государства в решении социальных проблем – в первую очередь из-за того, что минимизация вмешательства государства в социальную сферу обязывает к осуществлению жесткого разграничения ответственности между властными уровнями за решение возникающих социальных проблем, а также возложению основной ответственности за благополучие населения на плечи самих граждан.

В то же время остается открытым вопрос: можно ли свести систему социальной защиты со стороны государства к минимальной поддержке небольшой по численности группы населения, которая должна самостоятельно доказать необходимость получения ею адресной помощи?

Как было отмечено ранее, граждане, уволенные с военной службы, и члены их семей в значительной степени нуждаются в государственной социальной поддержке, которая воплощается через мероприятия, способствующие их социальной адаптации. Парадоксально то, что, оставаясь трудоспособной и экономически активной частью населения, эти люди оказываются невостребованными. Иными словами, данная социальная группа способна поддержать экономическое развитие страны, следовательно, от их благополучия в определенной степени будет зависеть успешность реализации проектов социально-экономического развития.

В вопросе социальной адаптации Министерство обороны РФ как субъект социального планирования опирается на программные документы. Прежде всего, это Стратегия социального развития Вооруженных Сил Российской Федерации на период до 2020 года[1]. Основное место в Стратегии социального развития Вооруженных сил РФ отводится человеку и удовлетворению его потребностей в наиболее важных областях жизнедеятельности, таких как

[1] Стратегия социального развития Вооруженных Сил Российской Федерации на период до 2020 года. Утв. решением коллегии Министерства обороны РФ от 28.03.2008. Доступ: https://sc.mil.ru/social/strategy.htm (проверено 25.05.2020).

культура, спорт, образование, медицина, безопасность, социально-бытовые условия (в т.ч. жилищные условия), а также проблемы, связанные с денежным довольствием, заработной платой и пенсией, социальной защитой.

В отдельный пункт в Стратегии вынесены мероприятия, ориентированные на социальную поддержку указанной социальной группы. В частности, обратимся к следующим мерам по оказанию помощи бывшему военнослужащему в получении профессиональных навыков по гражданской специальности:

– развитие регионального комплекса военно-учебных центров;

– формирование сети подготовительных отделений при образовательных учреждениях высшего профессионального образования;

– переподготовка военнослужащих по гражданским специальностям в период прохождения военной службы по призыву.

Несмотря на это, сегодня не все из указанных социальных аспектов перехода к рыночным отношениям курируются государством [Разов 2015], вследствие чего во многом болезненные экономические, социальные и другие процессы, происходящие в обществе, стали причиной возникновения проблем социальной адаптации. К тому же административный принцип, действующий в социальном планировании адаптации граждан, уволенных с военной службы, и их семей, нельзя назвать эффективным, а следовательно и предпочтительным.

Подводя итог, отметим, что в вопросе управления социальной адаптацией уволенных в запас военнослужащих важнейшее место занимает военно-социальная политика. С точки зрения прогнозирования и последующего регулирования рисков адаптации указанной категории российских граждан особое место отводится технологиям социального планирования, проектирования и программирования. Планирование системы управления социальной адаптацией должно основываться на научно обоснованном определении целей, показателей, сроков, пропорций и основных средств их воплощения в жизнь.

Однако, как показал экспертный опрос, сегодняшний потенциал социальных технологий не задействован в полной мере. Таким образом, не только снижается эффективность всей российской военно-социальной политики, но в целом повышается степень неопределенности и рискогенности процесса адаптации военнослужащих, уволенных в запас, к современным российским условиям.

Список литературы

Корякин В.М. 2004. *Военно-социальная работа в Вооруженных силах Российской Федерации: вопросы теории и практики*: учебное пособие. М. 136 с.

Разов П.В. 2015. *Риски социальной адаптации военнослужащих, уволенных в запас, к условиям гражданской жизни в России и стратегии их преодоления:* дис. ... д.соц.н. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ. 354 с.

Таран Ю.Я. 2007. *Управление социальной адаптацией бывших военнослужащих и членов их семей (1991–2005 гг.):* автореф. дис. ... к.соц.н. М. 31 с.

Тощенко Ж.Т. 2011. *Социология управления*: учебник. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 300 с.

Чертушкина Т.А. 2014. *Особенности профессиональной подготовки будущих социальных работников в вузе к деятельности с военнослужащими, уволенными в запас:* автореф. дис. ... к.пед.н. Ульяновск. 26 с.

EVENKO Sergey Leonidovich, Dr.Sci. (Psych.), Professor; Head of the Chair of Sociology, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (14 Bol'shaya Sadovaya St, Moscow, Russia, 123001; PVRazov@fa.ru)
POPOV Igor' Aleksandrovich, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor; Associate Professor of the Chair of Evacuation and Driving Military Tracked and Wheeled Vehicles, Omsk Tank-automotive Engineering Institute of the Ministry of Defense of the Russian Federation (119 14th Gorodok St, Cheremushki settlement, Omsk, Russia, 644098; popov1784@mail.ru)

GOVERNMENT RISK MANAGEMENT STRATEGIES FOR SOCIAL ADAPTATION OF RUSSIAN SOLDIERS RETIRED

Abstract. *The article defines and considers various approaches to the state regulation of the process of social adaptation of military personnel dismissed to the reserve, as well as members of their families. The theoretical base of the article is the concept of social planning, expanded within the framework of the risk approach. In their arguments, the authors rely on the results of a sociological study conducted by an expert survey. In conclusion, they describe the effectiveness of existing mechanisms of social support for this group. The authors also cite new promising directions of state regulation of the process of adaptation of retired military personnel, as well as their family members.*
Keywords: *management mechanisms, management system, social protection, social adaptation, retired military personnel*

ВАСИЛЬЕВ Игорь Владимирович – кандидат технических наук, военнослужащий (Россия, Москва; Vasigo@yandex.ru)

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ПОДГОТОВКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена теоретическому видению современной системы мобилизационной подготовки в Российской Федерации с учетом новых трендов мирового развития. Мобилизационная подготовка рассмотрена в виде социальной системы. Это позволяет раскрыть ее цели и задачи и через составляющие структурные и функциональные компоненты системы, обусловленные современным состоянием развития экономики, технологий и права, смоделировать процессы обеспечения обороноспособности страны и спрогнозировать возможные состояния системы. Проведенный анализ позволит выработать рекомендации для государственных и муниципальных органов управления.*
Ключевые слова: *мобилизационная подготовка, мобилизация, войска, воинские формирования, оборона, право, экономика, военное время, защита, государство, резервы, кадры*

Анализ современной научной литературы показывает, что теоретико-методологические аспекты исследования проблем мобилизационной подготовки и мобилизационной готовности разработаны крайне слабо: нет попыток разработки теоретических моделей интегрированной системы мобилизационной подготовки; не исследуются в общем и конкретном виде структурные, функциональные компоненты системы мобилизационной подготовки; не ведутся работы по конструированию системы знаний, необходимых управленцам в области мобилизационной подготовки и мобилизации на местном, региональном и федеральном уровнях, и пр. Представляется, что системное в*и*дение мобилизационной подготовки может высветить целый ряд вопросов, на которые необходимо ответить в контексте современных вызовов, опасностей и угроз национальной безопасности Российской Федерации, и расставить при-

оритеты в разрешении имеющихся проблем в мобилизационной подготовке с учетом факта ограниченности ресурсной базы для их разрешения.

Под системой в политической и социологической литературе обычно принято понимать совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых элементов какого-либо целостного образования (явления, процесса, института). В современной политической науке теория систем широко используется для теоретического моделирования явлений и процессов общественной жизни. Все явления общественной жизни, учитывая их взаимосвязь и взаимообусловленность, можно представить как систему или подсистему, функционирующую в рамках более крупного образования или окружающего внешнего мира. В этом отношении не является исключением и такое социальное образование, как мобилизационная подготовка в РФ.

Образцы приложения принципов системного подхода к изучению различных систем безопасности дали М.И. Абдурахманов, В.А. Баришполец, В.Л. Манилов, В.С. Пирумов, Э.Г. Шевелев и другие отечественные ученые [Абдурахманов 1999; Прохожев 2005; Шевелев 2010].

На наш взгляд, сущность системного подхода в исследовании мобилизационной подготовки заключается прежде всего в том, что деятельность государства и общества по реализации целей мобилизационной подготовки рассматривается как открытая динамическая система в совокупности ее важнейших внутренних и внешних взаимосвязей с целью нахождения путей оптимизации этой системы. Цель определяет все взаимоотношения между компонентами системы, ее структуру и функции, а также конкретные задачи управления по поддержанию мобилизационной готовности на определенном уровне или изменению ее состояния.

Объем содержания и интенсивность поступающей в систему мобилизационной подготовки из внешнего окружения информации, а также постоянно выходящая из системы информация позволя.т говорить о степени ее открытости, оперативности функционирования, способах поддержания равновесия в ней. Система мобилизационной подготовки имеет свою внутреннюю структуру, обменивается информацией с внешней средой, имеет соответствующие каналы коммуникации, что подтверждает тезис о ее открытости. Кроме того, как и любое системное образование, она имеет определенную внутреннюю структуру, иерархию, дифференциацию уровней управления, механизмы саморегулирования основных процессов, протекающих в системе. Другими словами, системе мобилизационной подготовки в РФ не чужды все признаки системного образования.

С точки зрения взаимодействия личности, общества и государства система мобилизационной подготовки вполне обоснованно может быть отнесена к классу социальных систем, которые подчинены решению определенных общественных проблем. В этих системах, как известно, присутствует социальная стратификация политических, экономических и других систем, различных институтов, имеющих специальное значение и специальные функции (мобилизация, распределение, информация, принятие решений).

Система мобилизационной подготовки вполне обоснованно может рассматриваться как социальная система, т.е. в нее входит вся совокупность социальных структур, институтов и индивидов, а также отношений между ними в их организационном, социально-политическом, социально-экономическом и других аспектах. Конечно, социальная система мобилизационной подготовки наряду с общими чертами, закономерностями развития и функционирования социальных систем имеет свои особенности. Однако по существу социальная система «мобилизационная подготовка» – это динамическая, развивающаяся,

открытая социальная система со своими специфическими структурными и функциональными компонентами.

Методологическая потребность использования специфики системного подхода при исследовании мобилизационной подготовки выражается в том, что этот подход ориентирует исследователей прежде всего на в*и*дение целостности объекта, выявление его внешних и внутренних связей, механизмов, обусловливающих его функционирование. Еще в 1976 г. отечественный ученый В.П. Кузьмин отмечал: «Принцип системности... означает, что явление объективной действительности, рассмотренное с позиций закономерностей системного целого и взаимодействия его составляющих частей, образует особую призму или особое измерение реальности» [Кузьмин 1976:10].

В Новейшей истории России системный подход успешно практикуется при исследованиях такой сложной, многоуровневой макросистемы, каковой представляется социальная система национальной безопасности РФ [Возженников 2000].

Структурные компоненты системы мобилизационной подготовки в самом общем виде представлены целями мобилизационной подготовки в Российской Федерации; внешними факторами; силами, органами, средствами, мерами, ресурсами, методами, принципами мобилизационной подготовки и другими составляющими системы (см. рис. 1). Они менее специфичны и присущи практически любой социальной подсистеме макросистемы «национальная безопасность». Специфика системы мобилизационной подготовки состоит в ее функциональных компонентах.

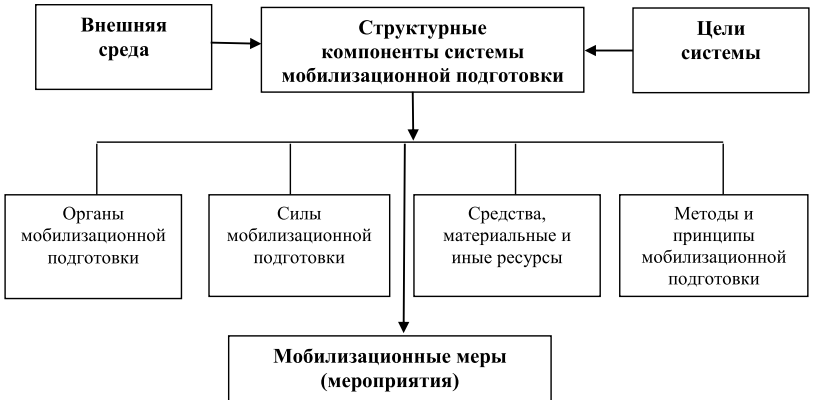

Рисунок 1. Структурные компоненты системы мобилизационной подготовки в Российской Федерации

В настоящее время набор функций системы мобилизационной подготовки можно представить как результат контент-анализа законодательства и концептуальных актов РФ в сфере обеспечения национальной безопасности[1].

Возвращаясь к схеме, приведенной на рис. 1, следует обратить внимание на

[1] Указ Президента РФ от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Доступ: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451; Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/; Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/; Федеральный закон «Об обороне» от 31.05.1996 № 61-ФЗ (посл. ред.). Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591/; Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» от 26.02.1997 № 31-ФЗ. Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13454/; Федеральный конституционный закон «О военном положении» от 30.01.2002 № 1-ФКЗ. Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/ (проверено 24.04.2020).

специфику структурных компонентов системы мобилизационной подготовки, которая отражена в федеральных законах «Об обороне» и «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», а также в федеральном конституционном законе «О военном положении».

Целью системы мобилизационной подготовки в самом общем представлении является консолидация усилий личности, общества и государства по быстрому и эффективному переводу экономики РФ, субъектов РФ и муниципальных образований, переводу органов государственной власти, местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени, переводу Вооруженных сил РФ, других войск и воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и состав военного времени. В зависимости от внешней среды (внешних факторов) цель системы может быть реализована полностью или частично (полная или частичная мобилизация). Под внешней средой системы подразумевается совокупность вызовов, опасностей и угроз национальной безопасности РФ.

Основными принципами функционирования системы мобилизационной подготовки являются централизованное руководство; заблаговременность, плановость и контроль; комплексность и взаимосогласованность в действиях органов и сил. Среди методов работы системы следует отметить методы информационного и научного сопровождения всех мероприятий мобилизационной подготовки; прогнозирования угроз и опасностей; количественной и качественной оценки угроз, их анализа.

Мероприятия и меры включают:

– нормативное правовое регулирование в области мобилизационной подготовки и мобилизации;

– научно-методическое обеспечение мобилизационной подготовки;

– организационные мероприятия по созданию условий работы и подготовки органов государственной власти, местного самоуправления и организаций к работе в период мобилизации и в военное время;

– мероприятия по переводу экономики РФ, субъектов РФ, муниципальных образований к работе в период мобилизации и в военное время;

– техническое и ресурсное обеспечение мобилизационной подготовки и мобилизационной готовности;

– проведение мобилизации Вооруженных сил РФ, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований к мобилизации и проведение их мобилизации;

– разработку мобилизационных планов, оценку состояния мобилизационных планов и мобилизационной готовности РФ;

– создание запасов мобилизационного резерва, неснижаемого запаса государственного материального резерва и другие мероприятия, предусмотренные федеральным законодательством[1].

Средства мобилизационной подготовки объемлют всю совокупность материальных, технических, имущественных, научно-технологических и других ресурсов, которыми располагает государство и общество, для поддержания мобилизационной готовности страны, адекватной опасностям и угрозам ее безопасности в оборонной сфере.

Силы мобилизационной подготовки – это Вооруженные силы РФ, другие войска, воинские формирования, личный состав органов и создаваемых на

[1] Федеральный закон «Об обороне» (в ред. ФЗ № 55-ФЗ от 05.04.2013); Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 (в ред. ФЗ № 288-ФЗ от 30.12.2012). Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18853/ (проверено 24.04.2020).

период военного времени в соответствии с федеральным законом «Об обороне» специальных формирований, привлекаемых к обеспечению защиты государства от вооруженного нападения и удовлетворению потребностей государства и общества в военное время.

Органы мобилизационной подготовки – это государственные органы власти РФ, государственные органы субъектов РФ, органы местного самоуправления, органы мобилизационной подготовки Вооруженных сил РФ, других войск, воинских формирований и органы управления специальных формирований, создаваемых на период военного времени для обеспечения защиты страны от вооруженного нападения и удовлетворения потребностей государства и нужд населения в военное время.

Органы и силы выступают в системе субъектами мобилизационной подготовки.

В настоящее время функциональные компоненты социальной системы «мобилизационная подготовка» можно представить в виде следующей схемы (см. рис. 2).

Рисунок 2. Функциональные компоненты системы мобилизационной подготовки

Функциональные компоненты отражают основные связи между структурными компонентами системы мобилизационной подготовки, возникающие в процессе ее работы. Таких связей множество, но системный подход концентрирует внимание на пяти основных функциональных компонентах (группах связей).

Гностический компонент включает совокупность связей, выражающихся в действиях сил и органов по накоплению новых знаний о внешней среде; анализ вызовов, опасностей и угроз национальной безопасности РФ, ее жизненно важным интересам.

Проектировочный компонент включает всю совокупность связей между структурными компонентами системы посредством текущего и перспективного планирования деятельности субъектов мобилизационной подготовки (органов и сил), направленной на достижение целей системы. Другими словами, проектировочный компонент как бы объемлет политику государства по достижению национальной безопасности, т.е. по достижению адекватной вызовам, опасностям и угрозам мобилизационной готовности РФ.

Конструктивный компонент олицетворяет стратегию государства по обеспечению мобилизационной готовности и реализации целей мобилизационной подготовки. Он включает действия субъектов мобилизационной подготовки по обучению кадров, отбору конкретных исполнителей для осуществления конкретных мероприятий мобилизационной подготовки, т.е. реализует компози-

ционное построение воздействий на систему посредством необходимых ресурсов, сил и средств.

Коммуникативный компонент включает все действия органов и сил по установлению устойчивой взаимосвязи между ними и другими структурными компонентами системы в процессе ее функционирования.

Организаторский компонент подразумевает всю полноту действий органов и сил мобилизационной подготовки по достижению цели системы (локализация, парирование, устранение угроз; управление ресурсами, средствами и силами; информационное обеспечение органов и сил; аналитическая деятельность и др.).

Описанные структурные и функциональные компоненты представляют принципиальную теоретическую модель системы мобилизационной подготовки в РФ в самом общем виде (см. рис. 3).

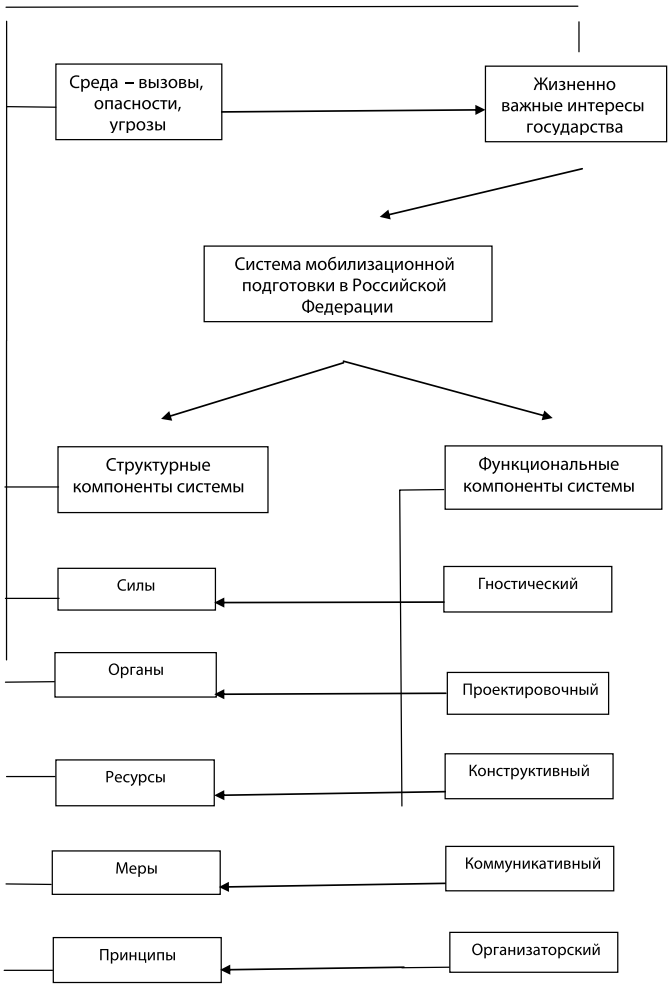

Рисунок 3. Теоретическая модель системы мобилизационной подготовки в РФ

Модель такой системы удовлетворяет всем формальным требованиям, предъявляемым к любой социальной системе, таким как:

1) связанность (целостность), предполагающая ограничение исследования выделением существенных зависимостей между объективными областями;

2) константность, предполагающая воспроизводимость (моделируемая система может быть обнаружена в различных условиях и оказаться инвариантной при изменении ряда параметров мобилизационной подготовки и мобилизационной готовности и технологичности (при соответствующем наполнении конкретными параметрами модель может проверяться в разнообразных внешних условиях или эксперименте);

3) наблюдаемость, т.е. возможность связать ключевые моменты теоретической модели с реальными эффектами, которые можно фиксировать в изучаемой предметной области;

4) обозримость – включение в модель обозримого числа параметров.

Представление мобилизационной подготовки в виде социальной системы открывает уникальную возможность увидеть все ее составляющие элементы, исследовать связи и зависимости между структурными и функциональными компонентами системы, смоделировать сложные процессы обеспечения обороноспособности страны, спрогнозировать возможные состояния системы на различные перспективы, что, несомненно, будет способствовать выработке практических рекомендаций органам государственного и муниципального управления.

Список литературы

Абдурахманов М.И. 1999. *Роль и место национальных интересов в системе обеспечения национальной безопасности России*. М.: Пробел. 181 с.

Возженников А.В. 2000. *Парадигма национальной безопасности реформирующейся России*. М.: Изд-во РАГС. 378 с.

Прохожев А.А. 2005. *Государственное управление и национальная безопасность*. М.: Изд-во РАГС. 186 с.

Кузьмин В.П. 1976. *Принцип системности в теории методологии К. Маркса*. М.: Политиздат. 247 с.

Шевелев Э.Г. 2010. *Системология национальной безопасности*. М.: Изд-во РАГС.

VASIL'EV Igor' Vladimirovich, Cand.Sci. (Tech.), military man (Russia, Moscow; Vasigo@yandex.ru)

THEORETICAL MODEL OF THE SYSTEM OF MOBILIZATION TRAINING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article is devoted to the theoretical vision of the modern system of mobilization training in the Russian Federation, taking into account new trends in the world development. The author considers mobilization training in the form of a social system. It allows revealing the goals and objectives of the system, and through the structural and functional components of the system, due to the current state of development of the economy, technology and law, to simulate the processes of ensuring the country's defense capability and to predict possible states of the system. It in turn, will make it possible to give recommendations to state and municipal authorities.*

Keywords: *mobilization training, mobilization, troops, military formations, defense, law, economy, wartime, state, reserves, personnel*

УДК 327

КОМБАЕВ Алексей Викторович – *кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; kombaev@mail.ru)*

ДОРЖИЕВА Ирина Цыдыпжаповна – *кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; dorjira@mail.ru)*

ЦЫРЕМПИЛОВА Эржена Васильевна – *кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; tsyrempilova_e@mail.ru)*

ОБРАЗЫ МОНГОЛИИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» МОНГОЛИИ
(по материалам региональных печатных СМИ Иркутской области и Республики Бурятия)

Аннотация. *В статье рассматриваются подходы к определению концепта «мягкая сила», изучаются особенности интерпретации данной категории. Основной задачей, решаемой авторским коллективом, выступает изучение образов Монголии и выявление их особенностей, которые в значительной степени влияют на региональные СМИ приграничных территорий России. На основе контент-анализа печатных СМИ Иркутской обл. и Республики Бурятия выявлены наиболее актуальные темы в информационной повестке данных регионов, касающиеся Монголии и российско-монгольских отношений. Авторы делают вывод, что во многом «мягкая сила» соседнего государства находит свое отражение в информационных изданиях.*

Ключевые слова: *«мягкая сила», российско-монгольские отношения, региональные печатные СМИ, образ Монголии*

Концепция «мягкой силы»

Понятие «мягкой силы» в научный оборот ввел американский политолог, профессор Гарвардского университета Джозеф Най [Nye 1991]. Автор концепции отвергал манипуляции, шантаж и угрозы как методы несилового воздействия. В целом Джозеф Най определял «мягкую силу» как форму политического властвования, основанную на способности добиваться нужного результата благодаря добровольному участию и привлекательности без принуждения, к которому относятся силовое давление, санкции, методы достижения искомого результата посредством применения оружия [Nye 2003]. Исследователь также предложил понятие «умной», или «разумной» (*smart*) силы, которая является сочетанием «мягкой» и «твердой» силы [Кутовой 2014: 84]. В целом, по мнению автора, понятие «мягкая сила» включает в себя три блока:

– политические ценности и институты (многопартийность, демократические выборы, права человека, рыночная экономика);

– культурные ценности (достижения страны в культурной сфере, музыка, кино, театр, массовая культура);

– сфера потребления (идеологическая составляющая потребительских товаров, марка, бренд) [Nye 2004].

В России данное понятие широкое распространение получает с 2009 г. и находит свое применение при обсуждении внешнеполитических стратегий государства, отраженных как в законодательной сфере международного сотрудничества, так и в информационной и культурной политике.

Вызывает интерес формирование образа нашего стратегического и экономического приграничного партнера – Монголии – с момента закрепления концепта «мягкая сила» в международной практике взаимодействия России с другими государствами.

СМИ играют важную роль в формировании образа государства, выступая одновременно как фактором «мягкой силы», так и ее инструментом. С целью изучения образов Монголии в региональных СМИ мы проанализировали содержание самых известных региональных изданий приграничных территорий нашей страны, таких как «Восточно-Сибирская правда», «Аргументы и Факты в Восточной Сибири», «Конкурент» в Иркутской обл. и «МК в Бурятии», «Номер один», «Информ Полис» в Республике Бурятия.

С использованием методики контент-анализа были проанализированы более 4 тыс. печатных материалов, из которых были выделены публикации, касающиеся вопросов, связанных с российско-монгольскими отношениями, и в целом формирующие образ Монголии в массовом представлении жителей приграничных регионов.

Образ Монголии в Иркутском региональном информационном пространстве печатных СМИ

За десятилетний период с 2009 по 2019 г. в наиболее популярных печатных СМИ Иркутской обл. были опубликованы 58 материалов (печатных статей), описывающих Монголию и российско-монгольские отношения. Самое большое число статей, посвященных различным проблемам, было опубликовано в газете «Восточно-Сибирская правда» – 35 информационных материалов. В газете «Аргументы и Факты в Восточной Сибири» представлены 13 информационных материалов, в газете «Конкурент» за исследуемый нами период опубликованы 10 информационных материалов. Условно контент публикаций можно разделить на несколько тематических категорий: о дружбе и исторических корнях сотрудничества между двумя державами; о туризме; о проблемах экологии; заметки о деловых встречах.

Как правило, практически все анализируемые нами источники рассказывают об исторических фактах сотрудничества Монголии и Приангарья. Также в печатных еженедельниках часто встречаются публикации о туристических местах в Монголии. В меньшей степени освещается вопрос о деловых встречах между политиками Монголии и Иркутской обл. Достаточно большое число публикаций посвящено экологическим вопросам, в основном это несколько ключевых тем: эпидемия среди скота в Монголии и качество мяса; строительство ГЭС на монгольском участке реки Селенги (см. табл. 1).

В целом печатные СМИ Иркутской обл. рисуют положительный образ Монголии, исключением являются материалы, касающиеся строительства ГЭС «Эгийн-гол» на р. Селенге.

Очень часто в исследуемых нами материалах отмечается роль Иркутской обл. в развитии Монголии. В большей степени проецируется модель «старшего брата», нежели полноценного партнера. Тем не менее отмечается важность экономического сотрудничества. Положительные образы продукции Монголии и ее успешного продвижения на рынки Иркутской обл. в печатных СМИ отмечены не были. Образы культурной привлекательности соседа в публикуемых материалах также выражены слабо.

Большинство опубликованных негативных материалов приходится на период 2016–2018 гг. На наш взгляд, это связано прежде всего с проектом строительства ГЭС на р. Селенге, который жители приграничного региона в большей степени оценивают отрицательно и в целом считают пагубным для экологического развития региона и страны.

Таблица 1

Количественные показатели печатных материалов Иркутской обл. по теме российско-монгольских отношений, их характеристика

№ п/п	Тематическое содержание публикуемого материала	Число статей по теме	Положительная характеристика материала	Отрицательная характеристика материала	Нейтральная характеристика материала
1	Официальные визиты, взаимные встречи, делегации, политическая аналитика	5	3	2	0
2	Экономическое сотрудничество	12	11	1	–
3	Наука и техника, развитие Монголии, совместные научные проекты, историческая аналитика	9	7	–	2
4	Туризм, культура, спорт	13	10	–	3
5	Экологические проблемы и их решение	19	–	17	2
6	Происшествия, контрабанда, преступления	0	0	0	0
7	Привлекательность политических институтов	0	0	0	0
8	Военное сотрудничество	0	0	0	0
	Итого:	58	31	20	7

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы об информационном присутствии монгольской повестки в информационном пространстве Иркутской обл.:

– число публикаций за исследуемый период очень незначительное в общей массе публикаций о других событиях и происшествиях;

– в бóльшей степени спонтанно формируемый положительный образ соседнего государства является отражением «большой» информационной повестки, задаваемой центральными СМИ страны, нежели региональными;

– региональная информационная повестка не ставит на первый план освещение вопросов взаимодействия России и Монголии. Соседнее государство не проводит системную работу по закреплению положительного образа своей страны в информационном пространстве Иркутской обл.

Образ Монголии в региональном информационном пространстве печатных СМИ Республики Бурятия

Бурятии как приграничному региону отводится центральное место в развитии российско-монгольских отношений. Республика Бурятия имеет с Монголией одну из самых протяженных границ (1 213,6 км). Население Бурятии составляет

982,3 тыс. жителей, из них на приграничных территориях с Монголией проживают 115,7 тыс. чел., что составляет 11,8% общего числа населения региона. В приграничную территорию входят 5 муниципальных районов Республики Бурятия: Кяхтинский, Закаменский, Джидинский, Тункинский, Окинский районы [Потаев, Субанаков, Азжаргал 2015]. Во многом такая близость соседа создает объективные основания для сотрудничества и взаимного интереса друг к другу, как экономическому, так и политическому.

Справедливости ради нужно отметить, что интерес в Республике Бурятия к Монголии, ее проблемам и успехам в развитии во многом формируется не под воздействием печатных или иных СМИ, а в силу объективных причин. Сегодня это наиболее близкий сосед, с которым многие связаны не только экономическими или культурными связями, а еще и родственными. Поэтому изучение различных привлекательных образов соседней страны в одном из самых популярных еженедельных изданий есть реакция на запрос читательской аудитории, а не искусственно создаваемая информационная повестка.

За десятилетний период в исследуемых источниках были опубликованы 446 сообщений различного характера. Наибольшей интенсивностью публикуемых материалов отличается еженедельник «Информ Полис», в котором за десятилетний период были опубликованы 285 информационных материалов, газета «Номер один» – 98, газета «МК в Бурятии» – 63.

Наибольшее освещение в изучаемых нами печатных СМИ нашли следующие тематические разделы: официальные встречи и визиты как монгольских политиков в Республику Бурятия, так и российских политиков в Монголию; туристическое партнерство, культура и спорт; достижения монгольской экономики, экономическое сотрудничество Бурятии и Монголии; экологические проблемы и их решение (см. табл. 2).

Таблица 2

Количественные показатели печатных материалов Республики Бурятия по теме российско-монгольских отношений, их характеристика

№ п/п	Тематическое содержание публикуемого материала	Число статей по теме	Положительная характеристика материала	Отрицательная характеристика материала	Нейтральная характеристика материала
1	Официальные визиты, взаимные встречи, делегации, политическая аналитика	50	42	2	6
2	Экономическое сотрудничество	94	67	13	14
3	Наука и техника, развитие Монголии, совместные научные проекты, историческая аналитика	46	30	1	15
4	Туризм, культура, спорт	153	132	5	16
5	Экологические проблемы и их решение	38	22	9	7
6	Происшествия, контрабанда, преступления	19	–	17	2
7	Привлекательность политических институтов	37	16	14	7
8	Военное сотрудничество	9	7	2	–
	Итого:	446	316	63	67

Исходя из определения «мягкой силы» Джозефа Ная, который выделял присутствие информации и конкретных политических действий на 3 уровнях (уровень культурных ценностей; сфера потребления, экономическая привлекательность; привлекательность политических институтов), можно сделать вывод, что в информационном пространстве печатных СМИ Бурятии такая информация не только присутствует, но и активно проецируется в информационных сообщениях. В большей степени неким «зеркалом» Монголии выступает еженедельник «Информ Полис», публикации в котором изобилуют информацией об этой стране. Некоторое время даже была отдельная колонка про Монголию, но ввиду отсутствия оперативных материалов от колонки отказались.

Большинство материалов носят позитивный характер (70,9%). Отрицательную окраску имеют лишь 14,1% всех публикаций. В основном это материалы, касающиеся криминальных новостей, а также проблемы, связанные с экономическим сотрудничеством и политическими отношениями. В целом в СМИ Республики Бурятия формируется положительный образ Монголии, подчеркивается важность развития полноценного сотрудничества между двумя государствами в различных сферах (политика, экономика, культура, образование, наука и др.).

Современное состояние и перспективы развития российско-монгольских отношений – важный сегмент в системе международных отношений в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Местонахождение между двумя крупнейшими державами Евразийского материка – Россией и Китаем – превращает Монголию, учитывая обширность ее территории в сочетании с малой численностью населения, в объект явного или скрытого соперничества внешних сил, как традиционных для данного региона, так и относительно новых. Принимая во внимание это обстоятельство, а также наблюдаемую тенденцию к усилению региональных уровней международной политики, отношения России и Монголии должны рассматриваться и анализироваться в т.ч. в контексте международно-региональных политических процессов [Родионов 2009]. Мы считаем, что отражение «мягкой силы» в СМИ регионов РФ и анализ информационной повестки позволят понять тенденции развития отношений двух стран.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ–Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии «"Мягкая сила" в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ», проект № 19-514-44001.

Список литературы

Кутовой Е.Г. 2014. К сотворчеству российской дипломатии и науки. – *Обозреватель – Observer*. № 10. С. 79-97.

Потаев В.С., Субанаков Г.Ю., Азжаргал Х. 2015. О развитии традиционного и инновационного малого предпринимательства в пастбищном животноводстве Республики Бурятия и Монголии. – *Вестник Бурятского государственного университета*. Вып. 3. С. 18-26.

Родионов В.А. 2009. *Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 228 с.

Nye J.S., Jr. 1991. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. N.Y.: Basic Books. 336 p.

Nye J.S., Jr. 2003. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. Oxford: Oxford University Press. 240 p.

Nye J.S., Jr. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs Group. 191 p.

KOMBAEV Aleksey Viktorovich, *Cand.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of Political Science and Sociology, Banzarov Buryat State University (24a Smolina St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000; kombaev@mail.ru)*
DORZHIEVA Irina Tsydyzhapovna, *Cand.Sci. (Soc.), Associate Professor of the Chair of Political Science and Sociology, Banzarov Buryat State University (24a Smolina St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000; dorjira@mail.ru)*
TSYREMPILOVA Erzhena Vasil'evna, *Cand.Sci. (Soc.), Senior Lecturer at the Chair of Political Science and Sociology, Banzarov Buryat State University (24a Smolina St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000; tsyrempilova_e@mail.ru)*

IMAGES OF MONGOLIA IN THE REGIONAL MEDIA OF THE BORDER TERRITORIES OF RUSSIA AS A REFLECTION OF MONGOLIA'S SOFT POWER

(a case study of the regional printed media of Irkutsk Region and the Republic of Buryatia)

Abstract. *The article discusses approaches to the definition of soft power and the peculiarities of the interpretation of this concept. The main task is the study of the images of Mongolia and the identification of their features, which largely influence the regional media of the border territories of Russia. Based on the content analysis of the printed media of the Irkutsk Region and the Republic of Buryatia, the authors reveal the most relevant topics in the information agenda of these regions concerning Mongolia and Russian-Mongolian relations. They conclude that in many ways the soft power of a neighboring state is reflected in information publications.*
Keywords: *soft power, Russian-Mongolian relations, regional printed media, image of Mongolia*

ДЯГИЛЕВ Василий Васильевич – *кандидат исторических наук, доцент; доцент департамента социологии, истории и философии Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, 49; VVDyagilev@fa.ru)*

ЗАМИРАЛОВА Татьяна Александровна – *кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (644050, Россия, г. Омск, пр-кт Мира, 11; PVRazov@fa.ru)*

МИФИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИРА: КУДА МЫ ИДЕМ?

Аннотация. *В современном развивающемся обществе, в век технического прогресса мифы не утратили своей актуальности. Общество сталкивается с необходимостью духовного обоснования процессов и явлений современности. В статье поднимается проблема формирования ценностей и их переоценки в условиях глобализации; объясняется содержание понятий «миф» и «ценность», описывается сущность процессов мифологизации и ремифологизации; проводится мысль о связи ценностей с мифами и об их идеологическом и пропагандистском влиянии на процесс формирования ценностей. Авторы выдвигают идею о возвращении к культурным ценностям, способствующим этническому, народному, национальному развитию и приводят аргументы в пользу необходимости формирования государственной идеологии, которая могла бы привести к развитию и совершенствованию общества посредством переосмысления нравственных ценностей.*

Ключевые слова: *миф, мифологизация, ремифологизация, ценности, идеология, пропаганда, стимулирование потребления, явления современного мира, вызовы цивилизации, современное общество, культурное сближение, конфликтность в мировом социуме, деградация*

Терроризм, трансвестивность и рак – возникают из-за перегрева
политической, сексуальной и генетической игры
и одновременно вызывают ослабление политического,
сексуального и генетического кодов, обрекающего
общество на деградацию.
Ж. Бодрийяр

Сто лет назад О. Шпенглер писал, что мифы и представления о богах являются созданием первобытного человека, и то, что с прогрессирующей культурой души мифотворческая сила исчезает, есть научный предрассудок. Верно как раз обратное [Шпенглер 1998: 593]. Долгое время, особенно в отечественной философской и социологической литературе, миф трактовался просто как сказочный сюжет, как легенда или предание. Данная точка зрения имеет свое место и в толковых словарях, и в учебниках высшей школы. Но миф – это часть культурного генезиса, и, по-видимому, объяснять его как исторический феномен определенной удаленной от нас эпохи не представляется научно обоснованным взглядом. Мифы были и будут всегда. Они имманентно присущи человеческому роду. О том, что миф не является ни выдумкой, ни фикцией, писал замечательный русский философ А.Ф. Лосев: «Это заблуждение почти всех “научных” методов исследования мифологии должно быть отброшено в первую голову. Разумеется, мифология есть выдумка, если применить к ней точку зрения науки, да и то не всякой, но лишь той, которая характерна для узкого круга ученых новоевропейской истории последних двух-трех столетий» [Лосев 1991: 23].

Миф – это субъективное видение процессов и явлений действительности, которое в определенный исторический момент времени приобретает социальное значение.

Мифы есть во всех сферах человеческой деятельности, человеческой практики. Они есть в религии, в искусстве и в науке. Но если о религиозном наполнении мифа говорилось достаточно много, то другие области мифотворчества часто остаются не зафиксированными в научной литературе. Даже мифы в сфере искусства не подвергались подробной систематизации и классификации (хотя миф о «Черном квадрате» К. Малевича уже сам оброс мифами). Еще менее исследована область научного мифотворчества. А она тоже весьма обширна. Мифы содержатся в школьных и вузовских учебниках, всплывают в научных публикациях, в самых авторитетных журналах. Некоторые мифы становятся даже научными теориями (например, дарвинизм – абсолютно метафизическое по своей сути учение). Парадоксально, но историческая наука в период кризисов сама становится одним из основных источников мифотворчества, пересматривая устоявшиеся истины и создавая новые, рассматривая своих *idola theatri* (идолы театра), о чем писал еще Ф. Бэкон [Бэкон 1971: 322].

В данной статье нам бы хотелось поговорить о мифах идеологических и пропагандистских. В период «переоценки», «переосмысления» ценностей, который начался в нашей стране после распада СССР, а на Западе, пожалуй, еще раньше, мифы проникают во все поры общества, становятся базисной идеологической структурой. Данный процесс является следствием разочарования в «великих верованиях». В настоящее время мы можем видеть это на примере современной Украины. Попытки уничтожения прежних идеологических кумиров сопровождаются созиданием новых мифологических образов (Бандера, Шухевич). Данное явление вполне понятно и легко объяснимо – для того чтобы дольше удержаться у власти, нынешней политической элите нужно активно вести борьбу «против» (при этом все равно, кто будет главным врагом, хотя, конечно, лучше, чтобы это был недруг главного спонсора). Такая «охота на ведьм», поддержанная средствами массовой информации и пропаганды, помогает сплотить массы вокруг ложных ценностей и отвлечь от реальных проблем. При этом миф может быть основой верований, базисом идеологии и пропаганды – как же может страта, стремящаяся к власти, пренебрегать мифами?

Но мифы нельзя оценивать односторонне, причем как с позитивной, так и негативной стороны. Древнегреческая мифология послужила основой для блестящего развития античной философии, способствовала формированию великих культурных ценностей. Но в то же время миф о неделимости атома, распространенный в научном сообществе в XX в., на несколько десятилетий задержал исследования в области сильного взаимодействия (можно вспомнить и теорию самозарождения жизни, господствовавшую в европейской науке в течение нескольких веков и опровергнутую Л. Пастером).

Миф, оказавший огромное влияние на современное общество и получивший свое распространение в конце прошлого века, – это миф об общечеловеческих ценностях. Данный миф основывается на сугубо превратных представлениях об общих значимостях, общих интересах и общих приоритетах в человеческой деятельности. Но каждая личность, сформировавшаяся в социуме, имеет свои неповторимые черты. Богатство общества, его перспективы зависят от существования как можно большего числа разносторонне развитых личностей. Но в последнем случае весьма затруднительно предположить, что у данных личностей будут идентичные ценности. Конечно, можно возразить, что такие ценности, как жизнь, здоровье, свобода, процветание, являются непреходящими. Но это не так. Террорист-смертник жертвует своей жизнью, совершенно не считаясь с жизнями других людей. Большинство наркоманов понимают, что в угоду удовольствию они жертвуют собственным здоровьем, при этом другие люди их

вообще не интересуют – для них они только средство для возможного получения удовольствия.

С ценностным содержанием понятия «свобода» все обстоит еще сложнее. Существует большое число определений данного понятия. Свобода как возможность без ограничений воплощать в жизнь свои желания и стремления не имеет объективного смысла, т.к. человек ограничен внешне – социумом и внутренне – своими способностями, талантами, интеллектом. Свобода в своем формальном (юридическом) смысле, как возможность совершать все, что не запрещено законом, имеет большой социальный смысл. Но представление свободы в данном смысле нельзя назвать общечеловеческой ценностью, а лишь имеющей социальную значимость, но не индивидуальную. Крупные олигархи, представители политической элиты привыкли быть «над законом», и для них формальная свобода ценностью не является. Таким образом, мы приходим к тому, что либо «общечеловеческие ценности» будут приняты директивно, либо они вообще не будут иметь социального смысла. Но в первом случае мы имеем дело с разновидностью тоталитаризма, когда ценности попросту навязываются определенной части общества. При этом перечень «общечеловеческих ценностей» должен составляться определенным узким кругом профессиональных политических деятелей, чиновников или ученых. Конечно, можно говорить о вечных ценностях, таких как справедливость, любовь, дружба, долг и нравственность (перечень можно расширять и расширять). Но, к сожалению, в современном мире под видом вечных ценностей выступают спорные и далеко не однозначные предикаты, такие, например, как «толерантность», «феминизм», «осуждение гомофобии» и многое другое, подобное этому).

К тому же в реальности все обстоит еще хуже, чем в теории. Формированием ценностей занимаются средства массовой информации под прямым руководством транснациональных корпораций. В условиях глобализации, когда происходит процесс уничтожения этнических и религиозных ценностей, всеобъемлющее значение приобретает стремление получить прибыль. Следовательно, главной ценностью, которую будут пропагандировать ангажированные средства массовой информации, будет безудержное, всепоглощающее увеличение потребления, т.к. именно оно создает условия для капитализации предпринимательской деятельности, делает возможным получение не просто прибыли, а сверхприбыли.

В данных условиях стимулирование потребления должно быть мифологизировано и облагорожено. Потребление, не знающее границ, должно выглядеть как можно более привлекательно. Поэтому столь быстрыми шагами продвигается рекламная деятельность, разрастаются (качественно и количественно) *PR*-мероприятия.

В экономическом аспекте рост потребления имеет определенное позитивное значение, т.к. он стимулирует производство, приводит к улучшению уровня жизни в краткосрочной перспективе. Но в аксиологическом смысле рост потребления приводит к разрушению прежних смыслов, не привнося вообще ничего духовно значимого. Потребитель, лишенный духовных смыслов, в своей деятельности неизбежно обречен на деградацию. Но деградация личности неизбежно ведет и к деградации общества. «Заурядный человек боится как телесного напряжения, так еще больше и духовного; поэтому-то он невежествен, лишен мыслей и суждений», – писал А. Шопенгауэр [Шопенгауэр 2001: 55]. Именно поэтому кризис личностного развития может привести к социальным катаклизмам (к сожалению, сегодня это становится не только пугающе очевидным, но и фактически подтвержденным явлением).

Для того чтобы развиваться, человеку необходима духовная основа, в т.ч. и

мифы – созидательные, зовущие к личностному совершенствованию. В то же время мифы, ориентированные на потребление, неизбежно вызовут у части социума конфликтные настроения и неизбежную деградацию. К тому же, т.к. нельзя удовлетворить запросы и потребности каждого, с течением времени будет возрастать дифференциация общества, и растущая конфликтность превратится в бескомпромиссное противоборство.

Так какое же будущее нас ждет? Возможен ли выход из данного «тупика безысходности»?

Такой выход представляется возможным, хотя и весьма затруднительным – это возвращение к культурным ценностям, которые способствовали этническому, народному, национальному развитию. Необходимо формирование государственной идеологии, которая могла бы привести к социальному развитию и совершенствованию. Это возможно путем переосмысления нравственных ценностей. Необходимо возвращение к «почве», взрастившей нас. Так, Ф.М. Достоевский писал: «Заявлено вслух землей русской все, что чтит она и чему верует, указано ею то, что она считает "лучшим" и каких людей она почитает "лучшими"... В сущности, эти идеалы, эти "лучшие люди" ясны и видны с первого взгляда: "лучший человек" по представлению народному – это тот, который не преклонился перед материальным соблазном, тот, который ищет неустанно работы на дело божие, любит правду и, когда надо, встает служить ей, бросая дом и семью и жертвуя жизнью» [Достоевский 2011: 346].

Возрождение «народного духа» возможно лишь как мифологическое верование в правильность выбранного пути. Именно в данных условиях большую роль будут играть государственная идеология и перспективы социального развития. Это вещи взаимосвязанные и взаимообусловленные: без убежденности в правильности выбранного пути не будет и социального развития, но если развития нет, то не может быть и надежной уверенности в будущем. Надеяться на то, что все будет само собой регулироваться, не только наивно, но и пагубно. Вера в то, что сам по себе неизбежно наступит «золотой век», может привести только к социальной апатии, к уходу от реальной жизни, депривации. В недалеком прошлом подобная вера привела к убеждению, что сама жизнь, и только она, определяет ценностный мир человека. Результатом стала принявшая гипертрофированные масштабы манипуляция общественным и индивидуальным сознанием посредством пропагандистских клише, рекламы, воспитания конформистских настроений.

Современное общество как никогда живет стереотипами, при этом теряется своеобразие личностного мира, усредняются и унифицируются потребности. Таким обществом легко управлять, но такое общество обречено на деградацию и скорую гибель. То, что сегодня называют глобализацией, – это и есть программирование потребностей и устремлений индивида на данную «усредненность» (имеется в виду не информационная глобализация, имеющая объективное основание, а глобализация как идеологическое явление). Но можно ли в таком случае говорить о культурном сближении на национальном или народном уровне? Ни в коем случае. Пожалуй, сегодня все как раз наоборот. Конфликтность в мировом социуме уже сейчас приобрела катастрофические масштабы. Все чаще мы слышим о глобальных угрозах человечеству, и эти угрозы далеко не всегда связаны с природными явлениями. Все это наталкивает на мысль, что то, что называют глобализацией, не привело к сближению культур (цивилизаций), не сделало нас более толерантными, а привело к предельному оскудению ценностного мира человека (все более и более затягиваемого в обывательское болото).

Защищен ли современный человек, дал ли призыв к демократии и свободе свободу и демократию? И «свобода», и «демократия» давно стали мифами,

понятиями, не имеющими определенного содержания: под данными лозунгами можно вмешиваться в дела других стран, в т.ч. и уничтожая их физически (Ливия, Ирак). Они трактуются так, как это выгодно тем, кто опирается на силу (политическую, экономическую, идеологическую). Мы трепетно относимся к свободе и демократии, зачастую совершенно не понимая смысла данных понятий. Им придается предельный ценностный смысл, а в содержательном аспекте этот смысл либо отсутствует, либо постоянно подменяется.

Ценности должны быть понятными, конкретными, они должны совпадать с психическими устремлениями личности. Ценности, пропагандируемые социумом, должны способствовать развитию отдельного индивида и общества в целом. Это могут быть только «вечные ценности», т.е. ценности, исторически обоснованные и рационально ясные. Глобальный мир должен быть подобен мозаичному панно, где каждая культура имеет свою специфику, создавая в целом законченную картину. Объективация истинных ценностей и разоблачение ложных – это ремифологизация, путь, который нам еще предстоит пройти.

Список литературы

Бэкон Ф. 1971. *Сочинения в 2 томах.* М.: Мысль. Т. 1. 590 с.
Достоевский Ф.М. 2011. *Дневник писателя*. М.: Эксмо. 736 с.
Лосев А.Ф. 1991. *Философия. Мифология. Культура*. М.: Политиздат. 525 с.
Шопенгауэр А. 2001. *Собрание сочинений в 6 томах.* М.: Терра. Т. 5. 528 с.
Шпенглер О. 1998. *Закат Европы:* в 2 т. М.: Мысль. Т. 1. 663 с.

DYAGILEV Vasiliy Vasil'evich, *Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor of the Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, GSP-3, Moscow, Russia, 125993; VVDyagilev@fa.ru)*

ZAMIRALOVA Tat'yana Aleksandrovna, *Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor of the Chair of History, Philosophy and Social Communications, Omsk State Technical University (11 Mira Ave, Omsk, Russia, 644050; PVRazov@fa.ru)*

MYTHICAL VALUES OF THE MODERN WORLD: QUO VADIS?

Abstract. *In modern developing society, in the age of technical progress, myths have not lost their relevance. Society faces the need for spiritual substantiation of the processes and phenomena of modernity. The article raises the problem of formation of values and their revaluation in the context of globalization, and carries out the idea of the connection of values with myths and the ideological and propaganda influence on the process of value formation. The content of the concepts of myth and value is explained, the essence of the processes of mythologization and demythologization is described, and the ideological and propaganda influence on the process of forming values is shown. The authors put forward an idea of returning to cultural values conducive to ethnic, national, national development. The authors argue the need to form a state ideology, which could lead to the development and improvement of society through a rethinking of moral values.*

Keywords: *myth, mythologization, remifologization, values, ideology, propaganda, consumption stimulation, phenomena of modern world, challenges of civilization, modern society, cultural rapprochement, strife in world society, degradation*

УДК 1(031)+221

ЦЫРЕНОВ Чингис Цыбикдоржиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела философии, религиоведения и культурологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; chts17@mail.ru)

МОНАРХИ И КАНЦЛЕРЫ ЭПОХИ ВОСТОЧНАЯ ЦЗИНЬ (317–420 гг. Н.Э.) И РАННИЙ КИТАЙСКИЙ БУДДИЗМ

Аннотация. *В статье проводится конкретно-исторический анализ событийной структуры, связанной с деятельностью придворных кланов династии Восточная Цзинь; кратко рассматриваются и анализируются сложные и малоизученные проблемы историко-политического процесса и истории раннего китайского буддизма смутной эпохи Восточная Цзинь. Автор делает вывод, что в период династии Восточная Цзинь произошел важный сдвиг в религиозно-идеологических предпочтениях южнокитайской элиты – от даосизма к китайскому буддизму.*

Ключевые слова: *Южный Китай, Восточная Цзинь (317–420 гг. н.э.), придворные кланы, ранний китайский буддизм*

События конца III и начала IV в. нашей эры во многом повлияли на средневековую историю Китая, а опосредованно – и на историю соседних северных кочевых народов. Северокитайская империя Западная Цзинь (265–317 гг. н.э.) провела ряд эффективных аграрных и экономических реформ, что позволило ей подчинить своей власти всю южнокитайскую территорию. Но в силу сочетания внутренних и внешних этнокультурных и геополитических факторов объективного и субъективного характера она вновь распалась на отдельные государственные образования. Иными словами, западноцзиньская империя оказалась сшитой на скорую руку и слабую нитку. Остатки правящего дома Сыма обосновались за широкой и могучей южнокитайской рекой Янцзы и назвали новую династию Восточная Цзинь (317–420 гг. н.э.). Можно сказать, что это новое государство было рыхлым осколком такой же рыхлой, эфемерной общекитайской империи Западная Цзинь. В 417 г. н.э., т.е. на излете династии Восточная Цзинь, площадь этой империи составляла около 3,02 млн кв. км[1]. Это примерно соответствует территории современной Республики Саха (Якутия) – 3,084 млн кв. км. В периоды крестьянских народных восстаний и мятежей региональных магнатов площадь несколько сокращалась, и ее можно сравнить с территорией Красноярского края – 2,34 млн кв. км.

Что касается численности населения империи Восточная Цзинь, то в начале V в. нашей эры оно насчитывало около 17,46 млн чел.[2] На основе этих данных можно приблизительно вычислить среднюю плотность населения империи начале V в. нашей эры – 5,45 чел. на кв. км[3]. Очевидно, что это очень низкий показатель, его можно сравнить со средней плотностью населения, проживающего в настоящее время в Республике Казахстан (6,82 чел. на кв. км).

---

[1] Восточная Цзинь. – *Энциклопедия Байду*. Доступ: https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%9C%E6%99%8B (проверено 24.02.2020).

[2] Восточная Цзинь. – *Энциклопедия Байду*. Доступ: https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%9C%E6%99%8B/456028?fromtitle=%E4%B8%9C%E6%99%8B%E5%B8%9D%E5%9B%BD&fromid=7099061 (проверено 24.02.2020).

[3] Республика Казахстан. – *Большая российская энциклопедия*. Доступ: https://bigenc.ru/geography/text/2032993 (проверено 24.02.2020).

Иными словами, с известной долей условности можно сказать, что современная Республика Казахстан почти полностью соответствует империи Восточная Цзинь по площади своей территории, численности и средней плотности населения.

Среди отечественных историков-китаеведов, прямо или косвенно затронувших период династии Восточная Цзинь, необходимо назвать коллективную монографию М.В. Крюкова, В.В. Малявина и М.В. Софронова, работы М.Е. Ермакова, М.Е. Кравцовой, а также коллективную монографию О.Е. Непомнина и Н.А. Иванова [Крюков, Малявин, Софронов 1979: 19-25; Ермаков 1987; 1994: 188-207; Хуэй-цзяо 1991; 2005; Кравцова 2014: 111-124; Непомнин, Иванов 2010: 214-222]. В западной научной литературе историю и культуру данного периода изучали В. Либенталь, Э. Цюрхер, Р. Робинсон и Кеннет Чэнь [Liebenthal 1950; Zürcher 2007: 110-154; Robinson 1976: 96-115; Kenneth 1966: 110-115] и др. В китайской научной исторической литературе периодом династии Восточная Цзинь занимались Ван Чжунло, Тан Юнтун, Тянь Юйцин [Wang Zhongluo 2003: 296-353; Tang Yongtong 2011: 88-152; Tian Yongtong 2000: 296-353] и др. Несмотря на большое число работ по данной тематике в отечественной и зарубежной научной литературе, существует настоятельная необходимость в систематизации основных сведений о смутном периоде империи Восточная Цзинь.

Актуальность проблем, затронутых в статье, обусловлена тем, что без выявления и анализа конкретно-исторических факторов успешной реставрации бывшей общекитайской династии Цзинь в виде южнокитайской империи Восточная Цзинь невозможно в полной мере реконструировать важнейший кризисный и решающий этап раннесредневековой китайской государственности и культуры. Восточная Цзинь оказала глубочайшее влияние на развитие методов управления всех последующих региональных и всекитайских империй. Новизна исследования заключается в авторских переводах биографических данных высших сановников из жизнеописаний династийной хроники «Цзинь шу» («История династии Цзинь»), не переведенных на европейские языки.

В данной статье представлены результаты анализа исторических сведений о первом канцлере империи Восточная Цзинь по имени Ван Дао и его могущественном клане в контексте распространения китайского буддизма в среде китайской аристократии. В традиционной китайской историографии общепризнано, что административный гений канцлера Ван Дао внес решающий и колоссальный вклад в реставрацию правящего дома Сыма в Южном Китае и организацию нового государственного аппарата династии Цзинь. При решении этого сложного, многогранного и многоаспектного вопроса, по нашему мнению, необходимо обратиться к историко-биографическому и историко-географическому методам. В соответствующей словарной статье терминологического словаря «Теория и методология исторической науки» приводится следующее определение: «Историко-биографический метод – метод исторического исследования, направленный на описание, реконструкцию и анализ обстоятельств жизни, результатов деятельности, психологического портрета исторической личности/социальной группы. Историко-биографический метод известен давно, с ним связано становление и развитие истории как науки, поскольку основным героем политической истории всегда выступала личность – правитель, герой, военачальник и пр. С позиций этого подхода исторический процесс долгое время рассматривался как результат деятельности великих людей»[1].

[1] Мазур Л.Н. Историко-биографический метод. – *Теория и методология исторической науки:* терминологический словарь (отв. ред. А.О. Чубарьян). М.: Аквилон. 2014. С. 151-152.

Таблица 1

Периодизация эпохи Восточная Цзинь

Императоры	Ведущие кланы и фактические правители
1. Юань-ди (годы жизни 276–323, годы правления 318–323) 2. Мин-ди (годы жизни 299–326, годы правления 322–326)	310–325 гг. Северный клан братьев Ван: Канцлер Ван Дао (276–339 гг.) и генерал-узурпатор Ван Дунь (266–324 гг.) Первая волна переселенцев с Севера
3. Чэн-ди (годы жизни 321–342, годы правления 326–342) 4. Кан-ди (годы жизни 322–345, годы правления 343–345)	325–345 гг. н.э. Северные кланы: Юй Лян (289–340); Юй Бин (296–344); Цай Мо (281–356) Южные кланы: Хэ Чун (292–346); Се Гуан (?–?); Фэн Хуай (?–?); Чжу Ся (275–341); Чжу Гэхуэй (284–345)
5. Му-ди (годы жизни 343–361, годы правления 344–361) 6. Ай-ди (годы жизни 341–365, годы правления 361–365)	345–346 гг. н.э. Южнокитайский аристократ Хэ Чун прервал монополию клана Юй и поддержал южные худородные помещичьи кланы Хуань и Чу Вторая волна переселенцев с Севера
6. Фэй-ди (годы жизни 342–386, годы правления 365–371)	346–373 гг. н.э. Южный помещичий даосский клан Хуань во главе с удачливым генералом Хуань Вэнем (312–373).
7. Цзяньвэнь-ди (годы жизни 320–372, годы правления 371-372)	373-385 гг. н.э. Южный знатный клан Се во главе с генералом Се Анем (320–385 гг.).
8. Сяо У-ди (годы жизни 362–396, годы правления 372–396)	385–403 гг. н.э. Сам монарх Сяо У-ди и его брат – Сыма Даоцзы (364–403 гг.) против южнокитайского клана генерала Хуань Сюаня
9. Ань-ди (годы жизни 397–418, годы правления 396–418)	403–404 гг. н.э. Южнокитайский генерал Хуань Сюань и его неудачный мятеж с попыткой основать коренную южную династию Чу (402-403).
	404–420 гг. н.э. Южный военно-плебейский клан Лю во главе с генералом Лю Юем.

В дополнение к приведенной периодизации (см. табл. 1) следует сказать, что уже на первом этапе среди сторонников буддизма был северокитайский знатный клан Ван, которому династия Восточная Цзинь была обязана своей реставрацией в Южном Китае. Высший сановник-северянин Ван Дао, бывший потомственный адепт даосизма, перешел в буддийскую веру. Он возвысил высокообразованного чужеземного монаха-переводчика Шримитру (ок. 260–343 гг.), стал его учеником и ввел его в элитные круги Цзянькана. Более того, младший кузен сановника Ван Дао по имени Ван Даоцянь (286–374 гг. н.э.) стал буддийским монахом в 17-летнем возрасте (303 г.) и взял фамилию Чжу (Чжу Даоцянь). Иными словами, постепенное приобщение клана Ван к буддийскому вероучению началось еще до крушения всекитайской династии Западная Цзинь.

В 340 г. всесильный временщик-конфуцианец Юй Бин, глава северного слу-

жилого конфуцианского клана, инициировал первую дискуссию, в которой поставил под сомнение автономный статус буддийского сообщества империи Восточная Цзинь. Можно предположить, что дата первой антибуддийской дискуссии связана со смертью канцлера Ван Дао, известного сторонника и покровителя буддизма при дворе династии Восточная Цзинь.

Победу в данной полемике одержали сановники-буддисты. Примечательно, что до начала полемики целый ряд придворных монахов, таких как Чжу Фашэнь (320–387), Чжи Дунь (314–366), и др. под давлением властей покинули столицу империи Восточная Цзинь и перебрались в приморскую местность столичной области Гуйцзи (район проживания сановников-аристократов), где основали новый центр южного буддизма.

В эпоху династии Восточная Цзинь и при следующих южных династиях буддийское духовенство располагало колоссальными финансовыми и земельными ресурсами, полученными от правящего класса. Борьба между кланами и группировками велась за высшие посты в том или ином министерстве центрального аппарата империи Восточная Цзинь.

Династия Восточная Цзинь и правящий дом Сыма постепенно утратили свои ведущие позиции в стране, а реальная власть перешла в руки внешних северных и южных придворных кланов. При этом многие пришлые и местные знатные кланы постепенно переходили из лона даосизма в буддийскую веру. При последующих южных династиях буддийские религиозно-философские идеи стали важной частью духовной жизни значительной части китайской элиты и потеснили даосизм и конфуцианство. Многие представители сановных кланов (Ван, Хэ, Се, Чжу и др.) становились потомственными буддистами-мирянами. Но вместе с тем на уровне большой политики даосские, буддийские и конфуцианские культы служили идеологическим орудием придворных группировок в борьбе за ключевые посты и ресурсы южнокитайской империи. Последние были основой для защиты и продвижения своих узкокорыстных сословно-клановых интересов. В такой исторической ситуации была заложена основа для формирования концепции трех учений (сань цзяо), которую активно использовали императоры последующих династий в интересах монархов и имперской бюрократии. Все это позволяет охарактеризовать данную династию как псевдомонархию, или военно-монархическую диктатуру.

Статья выполнена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.3. «Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии», номер госрегистрации № АААА-А17-117021310263-7).

Список литературы

Ермаков М.Е. 1987. Буддийский деятель в представлении официального китайского историографа (по материалам «Цзинь шу» и «Гао сэн чжуань»). – *Буддизм и государство на Дальнем Востоке*: сборник статей. М.: Наука. С. 109-129.

Ермаков М.Е. 1994. *Мир китайского буддизма*. СПб: Андреев и сыновья. 240 с.

Кравцова М.Е. 2014. Династия Восточная Цзинь (317–420 гг. н.э.). – *История Китая с древнейших времен до начала XXI века*. В 10 т. Т. 3. *Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907)*. М.: Наука. 991 с.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. 1979. *Китайский этнос на пороге средних веков*. М.: Наука. 328 с.

Непомнин О.Е., Иванов Н.А. 2010. *Типология азиатских обществ*. М.: Восточная литература. 440 с.

Хуэй-цзяо. 1991. *Жизнеописания достойных монахов [Гао сэн чжуань]* (пер. с кит., исслед., коммент. и указ. М.Е. Ермакова). В 3 т. Т. I (Раздел 1: Переводчики); отв. ред. Л.Н. Меньшиков). М.: Наука, ГРВЛ. 251 с.

Хуэй-цзяо. 2005. *Жизнеописания достойных монахов [Гао сэн чжуань]* (пер. с кит., исслед., коммент. и указ. М.Е. Ермакова). В 3 т. Т. II (Раздел 2: Толкователи). СПб.: Петербургское востоковедение. 240 с.

Kenneth K.S. 1966. *Ch'en Buddhism in China A Historical Survey.* Princeton: Princeton University Press. 576 p.

Liebenthal W. 1950. Shih Huiyuan's Buddhism as Set Forth in his Writings. – *Journal of the American Oriental Society.* Vol. 70. No. 4. P. 243-259.

Robinson R.H. 1976. *Early Mādhyamika in India and China*. Delhi: Motilal Banarsidass. 347 p.

Tang Yongtong 2011. *(汤用彤). 汉魏两晋南北朝佛教史* [*Буддизм периода династий Хань, Вэй, двух Цзинь, Южных и Северных династий*]. Beijing: Beijing daxue. 563 p.

Tian Yuqing 2000. *(田余庆). 东晋门阀政治. 北京: 北京大学出版社* [*Политика знатных кланов Восточной Цзинь*]. Beijing: Beijing daxue. 375 p.

Wang Zhongluo 2003. *(王仲荦). 魏晋南北朝史* [*История Вэй, Цзинь, а также Южных и Северных династий*]. Beijing: Shanghai renmin chubanshe. 994 p.

Zürcher E. 2007. *The Buddhist Conquest of China: the Spread and Adaptation of Buddhism in Early Medieval China.* 3rd ed. Leiden: Koninklijke Brill NV. 472 p.

***TSYRENOV Chingis Tsybikdorzhievich**, Cand.Sci. (Hist.), Senior Research Fellow of the Department of Phylosophy, Religion Studies and Culturology, Institute for Mongolian Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; chts17@mail.ru)*

MONARCHS AND CHANCELLORS OF THE EASTERN JIN ERA (317–420 AD) AND EARLY CHINESE BUDDHISM

***Abstract.** The article carries out a concrete historical analysis of the event structure associated with the activities of the court clans of the Eastern Jin Dynasty and briefly examines and analyzes the complex and little-studied problems of the historical and political process and the history of early Chinese Buddhism in the troubled era of East Jin. The author concludes that during the period of Eastern Jin there was an important shift in the religious and ideological preferences of the South Chinese elite – from Taoism to Chinese Buddhism. Taoist, Buddhist and Confucian cults served as the ideological tool of the court groups in the struggle for the key posts and resources of the South China Empire. The foundation was laid for the formation of the concept of the three teachings (San Jiao). All this allows us to characterize this dynasty as a pseudo-monarchy or military-monarchist dictatorship.*

***Keywords:** South China, Eastern Jin (317–420 AD), court clans, early Chinese Buddhism*

МАКАРЕНКО Екатерина Игоревна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и управления Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ) (125319, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 64; Makarenko_madi@mail.ru)

СУБЪЕКТНОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАДАЧ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы решения неотложных задач, стоящих перед российским обществом, с методологической позиции субъектности отечественной технической интеллигенции. На основе эмпирических данных, полученных автором в результате опроса экспертного сообщества технической интеллигенции (апрель 2019 г.), показаны основные приоритеты инновационного развития, в т.ч. информатизация, проблемы, с которыми сталкиваются представители технической интеллигенции в своей деятельности, а также меры, необходимые для создания современной информационной инновационной среды.*

Ключевые слова: *субъект, субъектность, актор, информатизация, техническая интеллигенция, инновационная деятельность*

Большой интерес вызывает актуальная рубрика об информатизации современной жизни, которая была предложена редакцией журнала [Лапшин 2019]. Действительно, в настоящее время изучение любого социального явления или процесса без учета влияния информатизации и цифровизации становится неполным и неглубоким. В этом плане опубликованная на страницах этого журнала статья известного философа и социолога О.Н. Яницкого о важнейших проблемах перехода к информационному обществу заставляет задуматься о сложностях их реализации в российском обществе. В работе ученый сформулировал 4 неотложные задачи, от решения которых зависит дальнейшее развитие российского общества:

– уменьшение зависимости экономики, политики и жизни всего населения от нефтегазового сектора;

– восстановление промышленного потенциала страны, во многом утраченного за годы перестройки;

– собственно переход к производству и социальному воспроизводству страны, основанный на принципах и институциях информационного общества;

– осуществление названных выше мер в условиях гибридной войны, которая ведется против нас консолидированным Западом экономическими, политическими и медиасредствами [Яницкий 2019].

Такая постановка задач требует их осмысления с точки зрения поиска акторов, активных субъектов преобразований, способных эффективно действовать в этом ключе, а также сложностей, препятствующих их реализации. В данном случае воспользуемся методологическим инструментарием субъектности определенных социальных групп и страт. Академик М.К. Горшков выделил «черты субъектности» современного общества по отношению к гражданскому активизму: «основными его носителями являются люди с активной позицией в отношении собственного бытия и будущего, имеющие амбиции в различных сферах жизнедеятельности (особенно в образовании, самореализации (социальных коммуникациях), ориентированные на нонконформизм, инициативность и предприимчивость, готовые к борьбе за свои права и позитивные перемены в среде обитания» [Горшков 2016].

В этом ключе к проблемам осмысления субъектности подходят и другие ученые. А.И. Пальцев рассматривает субъектность с политической точки зрения и соотносит ее с субъектностью нации – «как способность осознавать, ставить и реализовывать собственные цели, являющиеся имманентными ее национальным интересам, и государственной безопасностью, представляющей состояние системы государственного устройства, отвечающее требованиям надежного, эффективного и безопасного функционирования, обеспечивающего жизнедеятельность, развитие и защиту нации» [Пальцев 2019]. С социально-экономической точки зрения субъект рассматривается в качестве субъекта производственных отношений и активного участника производства А.С. Лившицом, Р.С. Ибрагимовой, В.А. Новиковым, В.И. Куликовым [Лившиц и др. 2017: 35]. Вопросы субъектности, обращенные непосредственно к интеллигенции, поднимались в работе Г.И. Козырева [Козырев 2019]. В рамках субъектно-деятельностного подхода, предложенного Ю.Г. Волковым, можно проследить реализацию отечественной технической интеллигенцией ее действий на практике, опираясь на эмпирические факты: «при реализации субъектно-деятельностного подхода нужно выделить принципы дифференциации, акценты на прошлом, настоящем и будущем, потому что речь идет о временной ориентации общества, а также рассматривать в качестве основных временных исследовательских параметров потенциал будущего определенных социальных групп и слоев, связанных с возможностями социальной капитализации, субъективными временными ориентациями, социальными ожиданиями и возможностями реализации перемен» [Волков 2017].

В деятельностном понимании обращались к проблемам субъекта и субъектности и зарубежные ученые. Так, Т. Парсонс, разрабатывая структуру социального действия, выделял «деятеля», «агента», «актора» как субъектов социального действия и первоочередной компонент в самой структуре действия [Парсонс 2018: 72-73]. Деятельностного, активистского подхода к субъекту придерживался и А. Турен, подразумевая под субъектом личностное и индивидуальное начало. «Сущность субъекта заключена в стремлении индивидуума быть действующим лицом, а субъективизация есть не что иное, как желание индивидуализации; данный процесс может развиваться только в том случае, если имеет место достаточный контакт между миром инструментальности и миром идентичности... Моим центральным тезисом является связь идеи субъекта с идеей социальной активности... Субъект – это не рефлексия индивидуума по собственному поводу, не идеальный образ, рисуемый им в гордом одиночестве, а непосредственное действие» [Турен 1999: 488]. П. Штомпка указывает на идеальную комбинацию, которая создается благодаря творческой деятельности субъекта и связанных с ним богатых и гибких социальных структур, благоприятных и активно воспринимаемых им естественных условий, традиций. Также в эту комбинацию входит оптимистичный, долгосрочный взгляд субъекта на будущее и его планирование. Принципиально важен вывод, к которому приходит ученый: «реализация потенциальных возможностей субъекта деятельности посредством практики способствует их расширению, а его эмансипация через действие во времени увеличивает его свободу и усиливает тенденцию к "самотрансцентдентности". Тенденция к самотрансцендентности происходит в т.ч. из склонности к инновациям, выдвижению новых идей» [Штомпка 1996: 64]. В конечном итоге, можно считать, что субъектность – это возможность самореализации в социуме как на уровне индивидов, так и на уровне отельных социальных групп и страт.

Полагаю, что в плане поиска групп, или слоев с социологической точки зрения такой стратой (субъектом), способной к решению задач информатизации,

может стать современная техническая интеллигенция. Чем это обусловлено? Во-первых, техническая интеллигенция как социальный слой специалистов с высшим техническим образованием, занятых в производстве, а также в сфере разработки интеллектуального продукта для развития науки и техники, обладает значительными интеллектуальными и профессиональными ресурсами и потенциалом, которые она может реализовать в своей деятельности. Во-вторых, занятость в промышленном производстве предоставляет ей возможность мобильно реагировать на новые технологические изменения, в т.ч. на информатизацию.

В январе–апреле 2019 г. автор методом экспертного опроса провел социологическое исследование «Инновационная деятельность технической интеллигенции». Были опрошены 51 эксперт (муж. – 36, жен. – 15; докторов наук – 8, кандидатов наук – 16), занятые в сферах промышленного производства, услуг, оборонно-промышленного комплекса, научного обеспечения производственной деятельности. Учитывая методические правила, необходимые для экспертного опроса, многие вопросы носили открытый характер. Респонденты активно отвечали на них, ответы носили развернутый характер. По окончании полевого этапа опроса из 51 анкеты только в 6 респонденты не высказали свое дополнительное мнение по различным проблемам, указанным в анкете.

Одним из основных параметров реализации своей субъектности технической интеллигенцией в инновационной деятельности является ее включенность в процесс информатизации, его понимание и оценка. Данные опроса свидетельствуют, что техническая интеллигенция придает особо важное значение «развитию и распространению информационных технологий». По итогам линейного распределения позиций вопроса: «Какие направления научно-технической и промышленной политики представляют особо важное значение для инновационных преобразований в российском обществе?» – указанное выше направление заняло 2-е место – 38,8%. (Необходимо отметить, что было предложено 10 позиций и можно было отметить несколько вариантов ответа.) 1-е место респонденты отдали «стимулированию инноваций, внедрению изобретений и новых технологий» – 60%. Наименьшее значение в вопросе важности приоритетов научно-технического и промышленного развития респонденты придают «созданию государственных фондов развития промышленности» (9,2%), а также «созданию венчурных фондов для поддержки стартапов – также 9,2%. Промежуточные значения заняли такие ответы, как «развитие системы технического образования» – 31,4%; «поддержка оборонных предприятий, создание новых видов вооружения» – 22,2%; «повышение эффективности уже работающих производств» – 22,2%; «повышение эффективности управления» – 20,3%; «повышение энергоэффективности» – 14,8%; «разработка космических технологий и коммуникаций» – 20,3%. Как видим, у экспертного сообщества технической интеллигенции присутствует четкое понимание важности информатизации и ее влияния на инновационное развитие. Более того, мнение экспертов по этому вопросу совпадает с выделением именно цифровых инноваций как наиболее соответствующих современному типу производства.

Оценка необходимых навыков и компетенций работников, по мнению представителей технической интеллигенции, также лежит в плоскости «владения информационными технологиями» – 54,1% (можно было указать несколько позиций). Уступают этой позиции «обладание фундаментальными техническим знаниями» – 48,1%; «владение иностранными языками» – 31,4%; «умение организовать свой труд» – 31,4%; «способность быстро адаптироваться к новым экономическим условиям» – 14,8%; «готовность к смене профессии» – 12,9%; «владение нормами корпоративной культуры» – 11,1%. Для соответствия современным требованиям производства в наибольшей степени необходимо,

по мнению экспертов, «постоянно повышать свою квалификацию» (64,8%). Безусловно, это объясняется постоянным и быстрым изменением технологий, в т.ч. информационных. Мы понимаем это как гипотетически ожидаемые данные, справедливо отмеченные респондентами, поскольку цифровизация в мире во многих сферах производства и промышленности не просто набирает обороты, но и становится определяющим технологическим трендом (можно сказать, что «маховик цифры» вращается все сильнее в развитых странах, а в некоторых сферах промышленности – и в нашей стране, например в ОПК). И экспертное сообщество подтверждает этот факт.

Однако в повсеместном широком распространении информатизации и цифровых технологий есть существенные препоны, которые не позволяют современной отечественной технической интеллигенции как стать полноценным субъектом (актором) внедрения инноваций, так и эффективно решать указанные выше задачи, стоящие перед российским обществом в связи с глобальной цифровизацией.

Что препятствует, по мнению экспертов, решению задач инновационного развития и распространению цифровых технологий? В рамках указанного опроса респондентами были предоставлены 34 ответа на открытый вопрос: «Как Вы считаете, почему в промышленной сфере российского общества в настоящее время не внедряются в достаточной степени инновации?» Автор провел кодификацию ответов и выделил основные причины недостаточного внедрения инноваций в промышленность. На управленческом уровне к ним можно отнести: «отсутствие гибкости руководства предприятий, неэффективное и неправильное расставление приоритетов, экономия на ремонте и усовершенствовании существующей приборной базы» (муж., 31–40 лет, научно-исследовательская сфера); «отсутствие строгого контроля за реализацией планов внедрения инноваций» (муж., 41–50 лет, сфера услуг); «неготовность к длинным инновациям» (муж., 41–50 лет, промышленный сектор); «консерватизм руководящего состава» (жен., 31–40 лет, ОПК).

Многие респонденты указывали на финансово-экономические трудности: «необходимы экономические механизмы, способствующие внедрению инноваций» (муж., 31–40 лет, промышленный сектор); «нехватка экономических ресурсов» (жен., до 30 лет, научно-исследовательский сектор); «низкий уровень развития финансовой системы (банкротство банков)» (жен., свыше 60 лет, ОПК); «отсутствие у предприятий ресурсов, необходимых для внедрения инноваций, отсутствие в структуре цены продукции, затраченной на НИР и кадровое обеспечение» (муж., 41–50 лет, сфера услуг); «высокая стоимость их внедрения, не учитывается применение инноваций в расценках» (муж., 41–50 лет, научно-исследовательский сектор); «нет экономических стимулов, инвестиций» (муж., 41–50 лет, промышленный сектор экономики); «низкая конкуренция (или ее отсутствие)» (муж., 31–40 лет, промышленный сектор).

Выделили эксперты и такие сложности, как незаинтересованность как государственных бюрократических структур, так и ряда собственников в обеспечении инноваций: «отсутствие заинтересованности у тех, от кого это зависит» (жен., свыше 60 лет, ОПК); «отсутствие желания и финансирования» (жен., 51–60 лет, ОПК); «отсутствие реально заинтересованных лиц» (муж., 41–50 лет, сфера услуг); «страх изменений» (жен., 31–40 лет, научно-исследовательский сектор). Один из респондентов так отметил суть незаинтересованности: «собственность недр страны» (муж., 31–40 лет, промышленный сектор), полагая, что именно богатые природные ресурсы сдерживают развитие инноваций.

В рамках опроса было предоставлено и такое понимание сложностей, связанное с образованием и наукой: «низкий уровень технической культуры обще-

ства» (муж., 51–60 лет, промышленный сектор экономики); «недостаток квалифицированных работников, административные барьеры и коррупция (жен., до 30 лет, промышленный сектор экономики); «малое число специалистов, научных центров, нехватка современного инструментария для специалистов» (до 30 лет, научно-исследовательский сектор и ОПК (респондент отметил 2 позиции). Как видим, основные препятствия связаны, по мнению экспертов, с управленческим звеном в решении задач информатизации.

В этом плане обратимся к пониманию мер, необходимых для преодоления сложностей инновационного процесса и его препятствий. Эксперты дали 27 ответов на открытый вопрос об их представлениях о необходимых мерах для развития инновационной инфраструктуры. Полученные ответы кодифицированы по 5 наиболее общим параметрам и представлены в иерархическом порядке по числу указанных позиций.

1. Изменение управленческих стратегий, в т.ч. «разъяснение необходимости проведения инноваций, четкая и грамотная программа внедрения инноваций» (муж., промышленный сектор экономики, руководитель отдела); «поставить к управлению профессионалов, но где их взять» (жен., сфера услуг, ИТР); «создание процедуры внедрения инноваций и информатизации (гибкий коридор)» (муж., ОПК, руководитель предприятия).

2. Развитие институтов образования. Здесь необходимо отметить, что в ответах респондентов в разной форме содержалось требование повышения качества общего, и прежде всего технического, образования.

3-4. Эти места разделили такие общие параметры, как «изменение научно-технической и инновационной политики на государственном уровне» и «финансирование инноваций». В частности, эксперты указали, что необходимо «изменить политику государства, обычными призывами проблему не решить» (муж., научно-исследовательский сектор, д.тех.н., руководитель отела или предприятия); «изменить политический курс на развитие страны, на развитие образования и промышленности» (муж., промышленный сектор экономики, ИТР); «выполнение указов президента в полном объеме (господдержка)» (муж., сектор услуг, ИТР); «увеличение средств именно на инновации и информатизацию» (жен., сфера услуг, ИТР).

5. Научно-исследовательская деятельность. Многие эксперты высказались за «объединение научных подразделений институтов, кафедр с промышленными предприятиями» и «повышение уровня научных разработок».

Анализ двух показателей показывает, что изменение управленческих стратегий является одной из самых важных проблем в решении вопросов перехода страны на инновационный уровень и проблем информатизации. Участники инновационного процесса, занятые в различных сферах и заинтересованные в реальном внедрении новых технологий, в т.ч. информационных, придают большое значение управленческим изменениям как на уровне организации, так и на уровне государства и отрасли. Стоит отметить тот факт, что приоритеты управления поставлены экспертами выше, чем финансирование и материальное обеспечение инновационной инфраструктуры. Здесь можно увидеть ключ к решению задач, стоящих перед российским обществом в плане информатизации: проблема не в деньгах, а в необходимом их приложении и управленческом обеспечении.

Рассуждая о субъектности российской технической интеллигенции, нельзя обойти такой ее сущностный аспект, как особая нравственная позиция, гуманизм, широта кругозора и мировоззрения, патриотический настрой. Именно с этих морально-нравственных характеристик начала формироваться данная социальная страта в конце XIX – начале XX в. Социальная ответственность,

желание проявить себя в науке, совершить научные открытия не только для себя, но и для общества в целом характеризовали и советскую научно-техническую интеллигенцию в середине XX в. Для полноценной реализации задач, стоящих перед российским обществом в настоящее время, в т.ч. задачи информатизации, необходимо продолжение преемственности отечественной технической интеллигенции в вопросах морально-нравственных императивов, которая, к сожалению, утрачивается [Макаренко 2018]. Этот фактор снижает ее субъектность, активность, мотивацию деятельности. Особая роль технической интеллигенции, связанная с мощными интеллектуальными и профессиональными ресурсами в решении задач создания инновационной структуры, должна бы помочь взглянуть на проблемы информатизации с позиции социальной ответственности, широкого понимания информатизации не только как технологически определенных инновационных действий, но и как развития гуманитарных настроений в обществе, способствующих преодолению террористических угроз. Более того, в условиях современной глобализации эти проблемы выходят на первый план и в международном контексте. На состоявшемся в 2019 г. Всемирном экономическом форуме в Давосе, которой проходил под девизом «Глобализация 4.0: создание глобальной архитектуры в эпоху четвертой индустриальной революции», главной темой обсуждения стали последствия глобализации и индустриальной дигитализации. Одной их характерных особенностей проявления процессов современной глобализации стала нестабильность мирового порядка, отсутствие учета мнения многих групп и слоев общества, недоверие к элитам населения многих стран. И в этом контексте возврат к тенденции гуманитаризации и нравственных императивов осуществления информатизации становится объективной реальностью. «Глобализация 4.0» должна учитывать интересы всех членов общества, в большей степени базируясь на принципах морали. «Нам нужна реморализация глобализации», – заключает исполнительный председатель форума К. Шваб[1]. Без этого невозможно дальнейшее продвижение цифровой революции в мире и решение задач, стоящих перед российским обществом.

Итак, можно заключить, что субъектность российской технической интеллигенции понимается как реализация своих возможностей, потребностей, активности, мотивация деятельности. В этом плане техническая интеллигенция имеет в российском обществе значительные возможности для реализации. Однако ее субъектность сковывается неразвитостью инновационной и информационной инфраструктуры, которая прежде всего лежит в плоскости изменения управления в сфере инноваций и информатизации.

Обращение к моральным императивам, являющимся имманентными качествами многих поколений отечественной технической интеллигенции, имеет актуальный характер. Без понимания гуманитарной и социальной сущности современных инновационных трендов невозможно развитие инноваций и решение задач информатизации.

Список литературы

Волков Ю.Г. 2017. *Социология будущего: социологическое знание и социальный проект:* монография. М.: КНОРУС. 176 с.

Горшков М.К. 2016. Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход. – *Социс. Социологические исследования*. № 12. С. 26-35.

Козырев Г.И. 2019. Субъектность русской интеллигенции в защите рус-

[1] Беккер А., Дельфинов А. Глобализация 4.0, или проблемы форума в Давосе. Доступ: https://www.dw.com/ru/глобализация-40-или-проблемы-форума-в-давосе/a-47150519 (проверено 24.05.2020).

ского мира. – *Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее*. Материалы XX Международной теоретико-методологической конференции: сборник статей (под общ. ред. Ж.Т. Тощенко). М.: Изд-во РГГУ. С. 257-264.

Лапшин А.О. 2019. Глобализация и цифровое общество: заметки на полях. – *Власть*. Т. 27. № 1. С. 63-68.

Лившиц А.С., Ибрагимова Р.С., Новиков В.А., Куликов В.И. 2017. *Промышленная политика и антикризисное управление предприятиями:* монография. М.: РИОР; ИНФРА-М. 246 с.

Макаренко Е.И. 2018. Социально-исторические особенности воспроизводства технической интеллигенции. – *Власть*. Т. 26. № 7. С. 197-204.

Пальцев А.И. 2019. Субъектность нации и государственная безопасность России. – *Власть*. Т. 27. № 2. С. 133-136.

Парсонс Т. 2018. *О структуре социального действия* (пер. с англ.). М.: Академический проект. 435 с.

Турен А. 1999. Способны ли мы жить вместе? Разные и различные. – *Новая постиндустриальная волна на Западе:* антология (под ред. В.Л. Иноземцева). М.: Academia.

Штомпка П. 1996. *Социология социальных изменений* (пер. с англ.; под ред. В.А. Ядова). М.: Аспект-Пресс. 416 с.

Яницкий О.Н. 2019. Переход на «цифру» и задачи науки и образования. – *Власть*. Т. 27. № 1. С. 69-75.

MAKARENKO Ekaterina Igorevna, *Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor of the Chair of Sociology and Management, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI) (64 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125319; Makarenko_madi@mail.ru)*

SUBJECTIVITY OF THE RUSSIAN TECHNICAL INTELLIGENTSIA IN THE IMPLEMENTATION OF COMPUTERIZATION TASKS

Abstract. *The article deals with the problems of solving urgent problems facing the Russian society from the methodological position of subjectivity of the Russian technical intelligentsia. Based on empirical data obtained by the author as a result of a survey of the expert community of technical intelligentsia (April 2019), the author shows the main priorities of innovative development, including informatization, problems faced by representatives of the technical intelligentsia in their activities, as well as measures necessary to create a modern information and innovation environment.*

Keywords: *subject, subjectivity, actor, informatization, technical intelligentsia, innovative activity*

ПОКИДА Андрей Николаевич – *кандидат социологических наук, директор Научно-исследовательского центра социально-политического мониторинга Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82; pokida@rambler.ru)*

ЗЫБУНОВСКАЯ Наталья Владимировна – *научный сотрудник Научно-исследовательского центра социально-политического мониторинга Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82; nzyb@mail.ru)*

САМОЗАНЯТЫЕ ГРАЖДАНЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ

Аннотация. *Статья основана на результатах научно-исследовательской работы, посвященной изучению деятельности самозанятых. Основным источником эмпирической информации выступил общероссийский социологический опрос занятого населения[1]. Особое внимание авторы уделяют проблемам вовлеченности граждан в самостоятельную занятость, поскольку масштабное разрастание данного социально-экономического явления, как правило, сопровождается «скрытным» характером их деятельности, которая зачастую находится вне правового поля и, как следствие, ограничивает возможность самозанятых претендовать на получение социальных гарантий от государства. Данные исследования демонстрируют, что самозанятые в меньшей степени, чем наемные работники, рассчитывают на помощь государства в обеспечении социальными гарантиями и в меньшей степени опасаются потерять их. Однако, как представляется, массовое исключение самозанятых из системы государственного социального обеспечения, в т.ч. пенсионного, может впоследствии негативно отразиться на уровне их социальной защищенности и, как следствие, провоцировать социальную напряженность.*

Ключевые слова: *рынок труда, самозанятость, «теневая» занятость, регулирование деятельности самозанятых, социальные гарантии*

Масштабы и причины самостоятельной занятости на современном рынке труда

Самозанятость является одной из нестандартных форм занятости граждан, в основе которой лежат повышение мобильности рабочих ресурсов, снижение зависимости работника от работодателя, самоорганизация. Это форма независимой занятости, которая по своим ключевым характеристикам представляет собой, по сути, предпринимательскую деятельность, но осуществляемую физическими лицами. При этом зачастую данный вид занятости является дополнительной формой занятости гражданина при наличии основной трудовой деятельности в качестве наемного работника. Это во многом определяет трудности, связанные с отделением данной формы самостоятельной занятости от наемного труда и предпринимательства и оценкой масштаба данного явления.

Развитие нестандартных, гибких форм занятости, как указывают многие социологи (В. Гимпельсон, Р. Капелюшников, З.Т. Голенкова, В.Н. Бобков и др.), является закономерным и объективным явлением. «Границы стандарта постепенно размываются, и это, по-видимому, неизбежный, объективно обусловленный процесс» [Гимпельсон, Капелюшников 2005: 28].

[1] Опрос проведен в мае 2019 г. Опрошены 1 215 чел. занятого населения в возрасте 18 лет и старше в 27 субъектах РФ по выборке, репрезентирующей работников основных видов экономической деятельности, занятых на предприятиях различных форм собственности, а также основные социально-демографические характеристики. Общее число самозанятых составило 273 чел. Опрос проводился методом личного интервью (*face to face*) по месту работы или жительства респондентов. Данные опроса представлены в сравнении с результатами исследований, проведенных ранее по сопоставимой методике.

Современная занятость претерпевает «революционные изменения» [Бобков 2019: 94]: в частности, это сокращение наемного труда и расширение индивидуального предпринимательства, самозанятости. Наблюдается «нарастающая деформализация занятости, что проявляется в сокращении доли занятых в корпоративном сегменте экономики и ростом доли занятых вне его – в нерегулируемых или слаборегулируемых микробизнесах и в форме самозанятости» [Российский рынок... 2017: 8].

При этом, в отличие от стандартной занятости в ее привычном понимании[1], при нестандартных формах занятости чаще речь идет о незащищенности работников, о нераспространении на них положений трудового законодательства, о нарушениях контрактных соглашений, об отсутствии действия системы социального обеспечения, о нарушениях условий труда. И в этом отношении к ним применимо понятие «неустойчивой», или прекаризованной занятости, особенно если нестандартную занятость работник выбирает вынужденно и производится она «скрытно», неформально.

«Новые модели социальной неопределенности и неустойчивости в жизни становятся в различных странах социальной реальностью, ставя под угрозу привычные нормы, традиционный уклад, безопасное существование и перспективы, провоцируя огромный разрыв между возникающими и существующими понятиями, связанными с ними ожиданиями, подходами и реальной ситуацией, особенно в сфере занятости и безопасной жизнедеятельности» [Неустойчивость занятости... 2017: 28-29]. Поэтому самозанятость как одна из нестандартных и неустойчивых форм занятости требует целенаправленного изучения.

В 2019 г. Центр социально-политического мониторинга ИОН РАНХиГС провел социологическое исследование, посвященное оценке распространенности самозанятости на современном рынке труда.

При отнесении занятого населения к группе самозанятых использовались следующие критерии, основанные на анализе результатов исследований отечественных и зарубежных специалистов[2] [Рывкина 2004; Independent work... 2016]:

– это физические лица, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью без найма работников по основной или дополнительной занятости (в т.ч. индивидуальные предприниматели, не имеющие наемных работников);

– отсутствие работодателя;

– выполнение работ, оказание услуг или реализация товаров собственного производства физическим (юридическим) лицам;

– юридический статус занятости (оформленная/неоформленная);

– деятельность или занятие, приносящее материальный доход[3].

Согласно полученным эмпирическим данным, в настоящее время на отечественном рынке труда работают около 22,4% самозанятых в общей численности занятого населения, из которых у 10,0% подобная занятость является основным и единственным источником дохода. Остальные 12,4% с различной перио-

[1] Стандартная занятость – работа по найму на предприятии (в организации) под руководством работодателя в режиме полного рабочего дня на основе бессрочного или долгосрочного контракта (трудового договора).

[2] Рекомендации по применению в статистической практике методологических положений по измерению трудовой деятельности, занятости и недоиспользованной рабочей силы с учетом резолюции 19-й Международной конференции статистиков труда (МКСТ). М. 2015. 103 с. Доступ: http://www.cisstat.com/rus/CIS_Labourstat_meeting_Kyrgyzstan_4-6aug_2015%20CISSTAT_WB_recommendation.pdf (проверено 26.05.2020).

[3] Критерии отнесения граждан к самозанятым подробно представлены в Отчете о научно-исследовательской работе на тему «Особенности деятельности самозанятых граждан на современном рынке труда», выполненном в соответствии с государственным заданием РАНХиГС на 2019 г. по научному направлению «Социологические исследования».

дичностью подрабатывают в качестве самозанятых. Аналогичные данные были получены аналитическим центром НАФИ[1].

При этом значительная часть самозанятых работают вне правовых взаимоотношений. Так, число самозанятых, работающих без официального соглашения с заказчиком или уполномоченными органами, составляет 64,1%. Именно поэтому деятельность самозанятых воспринимается органами власти как исключительно «теневая» занятость, которая существует вне рамок правового поля.

Вместе с тем в последнее время наблюдается устойчивая тенденция расширения самозанятости как единственного и основного доходного занятия и ее сокращение в качестве дополнительной работы. Так, по результатам исследования 2016 г., доля самозанятых по основной работе составляла 7,7%, а по дополнительной – 16,3%.

В ближайшее время можно предположить продолжение разрастания данного явления как основного источника дохода. Вместе с тем невысокая включенность самозанятых в правовые взаимоотношения весьма остро актуализирует вопрос о государственном регулировании деятельности самозанятых. И речь идет не только о том, что некоторые граждане уклоняются от уплаты налогов, а о том, что растет группа работников, которые не защищены правовыми нормами и на которых не распространяются государственные гарантии.

Безусловно, для каждого работника существует свой комплекс причин, по которым он выбрал трудовую деятельность на основе самостоятельной занятости. Они могут иметь как вынужденный характер, так и подразумевать вполне осознанный собственный выбор. При этом на практике, как правило, эти причины пересекаются.

Как показывают данные, определяющим аргументом выбора гражданами самостоятельной занятости является возможность повышения своих доходов – 71,8%. При этом это справедливо по отношению и к самозанятым, для которых данная профессиональная деятельность является основным и единственным источником дохода, и к гражданам, которые являются самозанятыми по дополнительной работе. Существенную долю ответов составляет также отсутствие достойной (интересной) работы по найму (43,2%).

Тем не менее нельзя отрицать, что самозанятые находят в своей индивидуальной деятельности определенные преимущества. Например, это гибкий режим работы, отсутствие начальства или возможность раскрытия своего творческого и профессионального потенциала, возможность самостоятельного выбора деятельности (проекта, заказа) (см. рис. 1). При этом данные преимущества наиболее ярко выражены у самозанятых по основной работе.

Однако в целом, агрегируя полученные результаты, можно с высокой степенью уверенности сказать, что причины включенности большинства граждан в самостоятельную занятость носят скорее вынужденный характер. Только для 12,4% самозанятых данная форма деятельности является исключительно собственным выбором.

Трудности самостоятельной занятости

Согласно полученным социологическим данным, основные трудности самостоятельной занятости связаны со сложностью поиска заказов (работ, проектов) и нестабильной занятостью. На это обращает внимание практически каждый второй самозанятый. Не менее значимы и другие ответы респондентов (см. рис. 2).

[1] Фрилансеров в России уже 18%. Аналитический центр НАФИ. 24.11.2017. Доступ: https://nafi.ru/analytics/frilanserov-v-rossii-uzhe-18/ (проверено 26.05.2020).

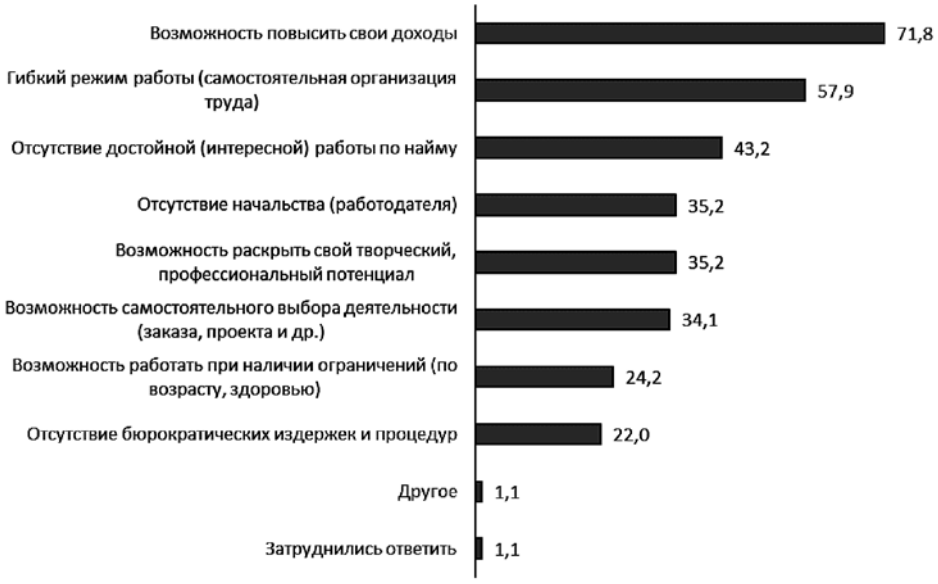

Рисунок 1. Основные причины распространенности самозанятости на рынке труда, в % от общего числа самозанятых

Рисунок 2. Основные трудности ведения самостоятельной занятости, в % от общего числа самозанятых

В частности, среди основных трудностей ведения самостоятельной деятельности граждане упоминают отсутствие правовой защищенности, гарантий по оплате труда, трудности с получением кредитов, займов, отсутствие возможности пользоваться социальными гарантиями, льготами. При этом названные трудности наиболее актуальны для самозанятых по основной работе. А, как уже было сказано выше, доля граждан, для которых самозанятость является основ-

ной и единственной формой заработка, возрастает, т.е. с каждым годом увеличивается число работников, которые не могут претендовать на помощь государства в обеспечении ряда социальных гарантий.

Защищенность самозанятых на рынке труда

Самозанятые граждане, в отличие от представителей других по статусу занятости групп, находятся в более уязвимом положении в области социальной защиты. Они не всегда могут претендовать на социальные гарантии государства и существующие меры социальной поддержки, в т.ч. защиту в случае конфликтных ситуаций с работодателями, в той же мере, как, например, работники наемного труда. Это обусловлено отсутствием их правового статуса, отсутствием законодательно закрепленных гарантий и прав в отношении граждан данной группы, а также их широкой включенностью в «теневые» процессы. Хотя справедливости ради стоит отметить, что, в отличие от наемных работников, они в меньшей степени рассчитывают на данные привилегии, а также в меньшей степени опасаются их потерять. Так, беспокоит возможность потери бесплатного медицинского облуживания 59,8% самозанятых и 72,1% занятых по найму. Примерно аналогичная картина наблюдается в отношении пенсионного обеспечения. Среди самозанятых доля тех, кого тревожит возможность остаться в будущем без пенсионного обеспечения, составила 50,8%, среди наемных работников – 65,2%.

В среде самозанятых утверждается мысль о том, что официальная «белая» заработная плата – это не гарантия достойной пенсии; для обеспечения относительно безбедной старости лучше полагаться на свои силы, а не рассчитывать на помощь государства. Хотя, как показывает анализ данных, именно возможность потери бесплатного медицинского облуживания или пенсионного обеспечения являются основными мотивирующими факторами к легализации самозанятыми своей профессиональной деятельности.

В органах власти регулярно поднимается вопрос по ограничению среди самозанятых, которые не выплачивают налоги, части государственных льгот, например пенсионного обеспечения, бесплатной медицинской помощи, в целях стимулирования данной категории самозанятых к легализации своей профессиональной деятельности. В этой связи хотелось бы отметить, что среди различных групп занятого населения подобные инициативы не находят особой поддержки (см. табл. 1).

Таблица 1

Доля граждан с различным статусом занятости, поддерживающих следующие суждения, в % по каждой выделенной категории

Суждение	Статус занятости по основной работе			Всего
	Занятые по найму	Предприниматели (работодатели)	Самозанятые	
Хорошее бесплатное медицинское обслуживание должны получать прежде всего те люди, которые являются законопослушными налогоплательщиками	24,1	34,3	15,6	23,9
Хорошее бесплатное медицинское обслуживание должны получать все люди независимо от того, выплачивают они налоги в полном объеме или нет	67,3	50,7	76,2	67,2
Затруднились ответить	8,6	15,0	8,2	8,9

Большая часть занятого населения (67,2%) уверены, что хорошее бесплатное медицинское обслуживание должны получать все люди независимо от того, выплачивают они налоги в полном объеме или нет. При этом данную позицию разделяют в значительно большей степени самозанятые (76,2%).

Исследование показывает, что работа без официального оформления для большинства самозанятых – не способ обогащения, а скорее форма выживания, особенно в отдаленных сельских поселениях. Однако даже для данной группы самозанятых продуманная система мер государственной поддержки, связанная с организацией их деятельности, информационным сопровождением (например, помощь в поиске заказов, правовая защита), могли бы выступить хорошим стимулом для работы в правовом поле.

Самозанятые граждане нуждаются в определенных социальных гарантиях со стороны государства, таких как получение пенсионного обеспечения и бесплатного медицинского обслуживания, возможность получения защиты в суде или иных органах власти. Однако они весьма критично настроены по отношению к исполнению государством своих обязательств по предоставлению таких социальных гарантий. Самозанятые в основном рассчитывают на себя и свои силы, но эта ситуация может сохранятся только до той поры, пока они обладают этими ресурсами. Накопить средства для обеспечения безбедной старости путем самостоятельной занятости вряд ли возможно, и впоследствии рост недовольства граждан отсутствием социальной поддержки будет только возрастать.

Отношение самозанятых к законодательным инициативам

С 1 января 2019 г. в 4 субъектах РФ (с 1 января 2020 г. к нему присоединились еще 19 регионов) проводится эксперимент по легализации самозанятых[1]. Согласно условиям эксперимента, введен налог с доходов от реализации товаров, работ или услуг физическим лицам по ставке 4%, индивидуальным предпринимателям, юридическим лицам – 6% и введение штрафных санкций[2]. В указанные ставки включены отчисления в Фонд обязательного медицинского страхования (1,5% и 2,5% соответственно). Все риски, связанные с пенсионным обеспечением, самозанятые берут на себя, обладая правом добровольно перечислять деньги в пенсионный фонд. Однако есть опасения, что самозанятые не воспользуются такой возможностью пенсионного обеспечения, поскольку для них это дополнительные материальные издержки.

Отношение самозанятых к самому эксперименту также пока неоднозначно. Согласно полученным данным, среди самозанятых по основной работе только каждый третий хотел бы воспользоваться новым налоговым режимом в ближайшее время. При этом однозначно готовы перейти на данный режим 13,3% самозанятых по основной работе и еще 20,0% допускают для себя такую возможность. Граждане, для которых самозанятость является дополнительной работой, менее расположены к участию в данном эксперименте. Среди них только каждый четвертый в разной степени обозначил свою готовность включиться в этой процесс. В их числе 11,6% выразили однозначную уверенность или желание воспользоваться новым налоговым режимом, а 14,5% воспользовались бы им с некоторой долей вероятности – «скорее всего».

---

[1] Федеральный закон от 27.11.2018 N 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход" в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)». Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/ (проверено 26.05.2020).

[2] Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 №146-ФЗ (ред. от 27.12.2018). Доступ: http://ivo.garant.ru/#/document/10900200/paragraph/1:0 (проверено 26.05.2020).

В целом, как показывают данные опроса, самозанятые занимают выжидательную позицию, они хотели бы понаблюдать за развитием событий, прежде чем вступать в какие-либо отношения с государством. Такие ответы дали около 1/3 самозанятых как по основной, так и по дополнительной работе.

Вместе с тем многие самозанятые выражают полную уверенность в том, что новым налоговым режимом не воспользуются, поскольку у них отсутствует вера в то, что это нововведение будет для них благом. На это указал примерно каждый четвертый самозанятый. Такая позиция связана в первую очередь с отсутствием доверия к государству как гаранту устойчивых взаимоотношений власти с предпринимательским сообществом, а во вторую – с отсутствием в законе действующих стимулирующих механизмов, мотивирующих самозанятых к регистрации (в данном случае технические возможности упрощенного налогообложения посредством мобильного приложения и возможности получения кредитов не играют для самозанятых решающей роли). Последнее подразумевает отсутствие гарантий по защите социально-трудовых прав работников и гарантий пенсионного обеспечения, мер по содействию государства самозанятым в поиске устойчивых способов заработка (заказов, контрактов).

Таким образом, результаты исследования показывают, что в настоящее время на рынке труда действует большая группа работников на основе самостоятельной занятости, значительная часть которых не связывают себя с официальным сектором экономики, что обусловливает трудности в защите трудовых прав самозанятыми и отсутствие возможностей претендовать на различные преференции и льготы. Однако, как показывает исследование, самозанятые, которые предпочитают официально оформлять свои взаимоотношения с заказчиком, также не могут похвастаться подобными возможностями.

В последние годы активизировался законодательный процесс регулирования деятельности самозанятых, проводятся различные эксперименты. Однако до сих пор отсутствует закрепление правового статуса самозанятых, что создает определенные сложности в обеспечении социальными гарантиями и социальной защищенностью данной группы занятых.

Продуманная система мер государственной поддержки, связанная с организацией деятельности самозанятых, например помощь в поиске заказов, правовая защита, социальные гарантии по пенсионному и медицинскому обеспечению, могли бы выступить хорошим стимулом для их работы в правовом поле. Невысокие доходы и вынужденный характер самостоятельной занятости значительного числа граждан обусловливают необходимость дифференцированного подхода к налогообложению данной формы предпринимательской деятельности и, возможно, даже отмены налогового бремени для некоторых категорий самозанятых. Также весьма остро в среде самозанятых стоит вопрос социальной справедливости, без разрешения которого сложно рассчитывать на эффективность предлагаемых государством мер по легализации самозанятых.

Список литературы

Бобков В.Н. 2019. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения. – *Народонаселение*. № 2. С. 91-104.

Гимпельсон В., Капелюшников Р. 2005. *Нестандартная занятость и российский рынок труда*. Препринт WP3/2005/05. М.: ГУ ВШЭ. 36 с.

Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего сферы труда: монография (под ред. В.Н. Бобкова). 2017. М.: РеалПринт. 560 с.

Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения: доклад ЦеТИ и ЛИРТ НИУ ВШЭ (под ред. В. Гимпельсона,

Р. Капелюшникова, С. Рощина). 2017. М. 145 с. Доступ: https://www.hse.ru/data/2017/03/22/1170077643/Doklad_trud.pdf (проверено 26.05.2020).

Рывкина Р.В. 2004. *Социология российских реформ: социальные последствия экономических перемен:* курс лекций. М.: ИД ГУ ВШЭ. 440 с.

Independent Work: Choice, Necessity, and the Gig Economy. 2016. McKinsey Global Institute (MGI). 138 p. URL: https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Featured%20Insights/Employment%20and%20Growth/Independent%20work%20Choice%20necessity%20and%20the%20gig%20economy/Independent-Work-Choice-necessity-and-the-gig-economy-Executive-Summary.ashx (accessed 26.05.2020).

POKIDA Andrei Nikolaevich, *Cand.Sci. (Soc.), Director of the Research Center for Social and Political Monitoring at School of Public Policy, Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (82 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; pokida@rambler.ru)*

ZYBUNOVSKAYA Natal'ya Vladimirovna, *Research Fellow of the Research Center for Social and Political Monitoring at School of Public Policy, Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (82 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; nzyb@mail.ru)*

SELF-EMPLOYED CITIZENS AND SOCIAL GUARANTEES

Abstract. *The article is based on the results of the research work devoted to the study of the self-employed. The main source of empirical information is the all-Russian sociological survey of the employed population. The authors pay a special attention to the problems of citizens' involvement in self-employment, since the large-scale growth of this socio-economic phenomenon is usually accompanied by the secretive nature of their activities. Self-employed are often outside the legal field and, as a result, it limits their ability to claim social guarantees from the state. These studies show that the self-employed are less likely to rely on the state's assistance in providing social guarantees than employees and are less afraid of losing them. However, it seems that the mass exclusion of the self-employed from the state social security system, including the pension system, may later negatively affect their level of social security and, as a result, cause social tension.*

Keywords: *labor market, self-employment, shadow employment, regulation of self-employed, social guarantees*

ШУЛЕПИН Михаил Владимирович – *аспирант Института социологии ФНИСЦ РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; mihailshulepin@mail.ru)*
ВОРОНОВ Виктор Васильевич – *доктор социологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; voronov@isras.ru)*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ИНСТИТУТА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

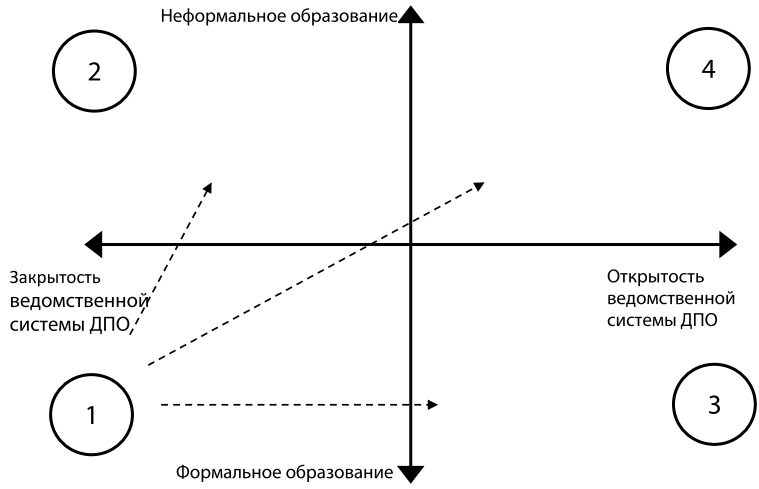
Аннотация. *Социологические данные, полученные в ходе нашего и ряда других исследований, позволяют утверждать, что дополнительное профессиональное образование (ДПО) сотрудников органов внутренних дел (ОВД), решая свои основные задачи, тем не менее, характеризуется рядом проблем. Здесь можно отметить чрезмерную централизацию и формализм; то, что оно не вполне отражает актуальные образовательные потребности, а результаты обучения недостаточно влияют на возможности профессиональной мобильности сотрудников ОВД. В работе показано, что модернизация системы ДПО в российских правоохранительных органах нуждается в увеличении степени институциональной открытости и включении в нее элементов неформального образования.*
Ключевые слова: *правоохранительные органы, сотрудники ОВД, дополнительное профессиональное образование, образовательные модели, модернизация*

В работах разных авторов показано, что степень гибкости, открытости и соотношение формального/неформального образования[1] задают наиболее фундаментальные характеристики самого института дополнительного образования в правоохранительной сфере, от которых во многом зависит решение и других вопросов [Коблов, Хадиков 2016; Лесовик 2010]. Исходя из приоритетности этих двух переменных, можно представить двумерное пространство возможных моделей ДПО в правоохранительной сфере и направлений их модернизации. Поскольку каждая из них образует некоторый континуум, объединение двух континуумов задает двумерное пространство, которое можно представить следующим образом (см. рис. 1). На рисунке цифрами обозначены четыре формы институциональных моделей ДПО, а их модернизация может быть описана как движение внутри координатной плоскости. Дадим краткую характеристику каждого из вариантов образовательных моделей ДПО в правоохранительной сфере.

Модель 1 (закрытое формальное ДПО), хоть и является «идеальным типом», с высокой степенью точности описывает фактически существующую в настоящее время модель ДПО в правоохранительной сфере. В этой модели все дополнительное образование сосредоточено в ведомственных организациях, а все ключевые этапы и элементы образовательного процесса (разработка программ и их содержание, администрирование учебного процесса, само обучение, оценка результатов) находятся под институциональным контролем МВД России. Модель предполагает установку на формальное образование: прохождение по установленным правилам аккредитованных курсов повышения ква-

[1] Под формальным ДПО имеется в виду прохождение дополнительного обучения на курсах повышения квалификации и программах переподготовки в аккредитованных организациях, а под неформальным – любые другие организованные формы дополнительного образования.

лификации и программ переподготовки с выдачей подтверждающих документов определенного типа, которые и определяют для системы уровень квалификации сотрудников ОВД.

Источник: авторская разработка.

Рисунок 1. Пространство возможных образовательных моделей ДПО в правоохранительной сфере

Модель 2 (закрытое неформальное ДПО) – аналитическая модель организации ДПО, при котором все дополнительное образование осуществляется внутри и силами ведомственных организаций, однако устраняются все формальные требования к периодичности прохождения обучения, формам, видам и продолжительности программ обучения, их содержанию и используемым образовательным технологиям. В рамках такой модели правоохранительная система сохраняет институциональный контроль над дополнительным образованием своих сотрудников, однако принимает радикальные меры по предотвращению формализации и бюрократизации обучения.

Модель 3 (открытое формальное ДПО) предполагает обращение к внешним по отношению к правоохранительной системе источникам компетенций и образовательным ресурсам. Речь может идти об образовательном аутсорсинге, что является нормальной практикой для большинства областей профессиональной деятельности. Модель потенциально может быть реализована, если сотрудники ОВД будут проходить дополнительное обучение в гражданских вузах и институтах, которые имеют подразделения ДПО. Данная модель предполагает ликвидацию ведомственных образовательных учреждений, специализирующихся на ДПО.

Модель 4 (открытое неформальное ДПО) является наиболее отдаленной от существующей в России системы ДПО в правоохранительной сфере. Она также является аутсорсинговой моделью, но, в отличие от предыдущей, не опирается на гражданские аналоги ведомственных программ ДПО, а обращается к большому разнообразию образовательных продуктов, предлагаемых на рынке, – от

тренингов в бизнес-школах и семинаров до обучения на массовых российских и зарубежных онлайн-курсах (МООК). Такая модель характеризуется наименьшим уровнем институционального контроля и максимальным уровнем свободы самого сотрудника в проектировании образовательной траектории и развитии своих компетенций.

Представленные типы моделей ДПО в правоохранительной сфере могут рассматриваться как основа для разработки направлений модернизации современной российской системы ДПО сотрудников ОВД. Рассмотрим каждую из четырех образовательных моделей модернизации, определив их ключевые преимущества и недостатки, а также возможные направления развития в современных российских условиях.

Модернизация системы ДПО на базе модели 1. Консервативная модель закрытого формального образования, действующая в настоящее время в России, обладает несколькими важными преимуществами, определяющими ее устойчивость. Прежде всего, она является наиболее простой с точки зрения администрирования, обеспечивая высокий уровень институционального контроля над всеми ключевыми элементами дополнительного обучения – от целеполагания и планирования до оценки результатов. Другое преимущество заключается в том, что полный ведомственный контроль позволяет сконцентрироваться на трансфере тех знаний и компетенций, которые в наибольшей степени востребованы в правоохранительной системе и наиболее полно отвечают ее потребностям. В-третьих, существующая система гарантирует вовлечение сотрудников ОВД в повышение квалификации, обеспечивая тем самым рост человеческого капитала даже в отсутствие очевидных стратегических преимуществ, даваемых повышением квалификации, и личностной мотивации части сотрудников. В-четвертых, институциональная закрытость минимизирует выход чувствительной профессиональной информации, знаний и компетенций за пределы системы МВД, предотвращая их неправомерное использование. Однако система закрытого формального ДПО имеет очевидные ограничения, главными из которых являются следующие:

– ограниченность собственного (внутреннего) потенциала для развития профессиональных компетенций по мере усложнения и специализации знаний и компетенций, востребованных в системе правоохранительных органов;

– имеющееся несоответствие между содержанием программ ДПО и образовательными запросами слушателей;

– недостаточная возможность использования мотивационного ресурса самих сотрудников ОВД;

– отсутствие независимой оценки качества и эффективности обучения.

В этой связи можно предложить несколько направлений развития ведомственной системы ДПО, которые не нарушают базовые принципы существующей модели:

1) повышение тематического разнообразия программ ДПО и их актуализация на основе анализа мирового опыта и потребностей правоохранительных органов;

2) расширение возможностей выбора программы ДПО сотрудниками ОВД (введение практики индивидуального консультирования сотрудников по выбору программы, конкурсного отбора заявок на прохождение наиболее востребованных программ и др.);

3) конкретизация условий и принципов влияния ДПО на карьерные возможности и профессиональную мобильность сотрудников ОВД (квалификационные требования для начальствующего состава ОВД носят достаточно общий

характер и никак не определяют взаимозависимость пройденных программ ДПО и профессионального роста сотрудников)[1];

4) более активное использование механизма стажировок в качестве способа повышения квалификации;

5) включение элементов горизонтального трансфера знаний в программы ДПО (расширение использования тех образовательных технологий и методов, которые основаны на горизонтальном взаимодействии слушателей. Это могут быть семинары и практикумы, направленные на обмен опытом между слушателями и его рефлексивный анализ, групповые проекты, мозговые штурмы и т.п.);

6) организация системы оценки результатов дополнительного обучения на основе отзывов и экспертных мнений руководства территориальных подразделений МВД (наличие обратной связи со стороны руководства позволит своевременно корректировать содержание программ, используемые методы обучения).

Поскольку предложенные меры направлены на решение проблем института ДПО правоохранительной сферы, не связанных напрямую со степенью его открытости и формальности, они в значительной мере применимы и для других моделей модернизации.

Модернизация системы ДПО на базе модели 2. Данная модель модернизации не требует радикальной трансформации подходов МВД России к кадровой и образовательной политике. Ключевыми преимуществами модернизации на основе модели 2 следует поэтому считать:

– сохранение относительно высокой управляемости и простоты администрирования системой ДПО;

– более высокий уровень гибкости и адаптивности системы ДПО;

– рост личной мотивированности и вовлеченности сотрудников ОВД в повышение квалификации.

Наряду с этими преимуществами у данной модели модернизации есть и относительные недостатки:

– усложнение механизмов включения дополнительного обучения в процесс принятия кадровых решений;

– усложнение процедур выбора и согласования программ, планирования повышения квалификации;

– значительное увеличение нагрузки на образовательные учреждения МВД, вызванное необходимостью расширять перечень программ ДПО;

– повышение требований к преподавательскому составу, их профессиональным, педагогическим и управленческим компетенциям;

– отсутствие доступа к внешним образовательным ресурсам и передовому опыту;

– ограниченные возможности проведения независимого аудита результатов обучения.

Реализация модернизации ДПО по этой модели включают в себя следующее.

1. Существенное расширение перечня видов программ ДПО (разовые или многодневные тренинги для развития коммуникативных и других «мягких» навыков; практические и научно-практические конференции для технологически сложных видов служебной деятельности; конкурсные мероприятия, деловые игры, челленджи, хакатоны и т.п. для формирования управленческих ком-

[1] Приказ МВД России от 01.02.2018. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.03.2018 № 50460). Приложение 11. Доступ: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71805114/ (проверено 03.05.2020).

петенций, развития навыков групповой работы и др.). Модернизация системы ДПО на основе модели 2 потребует реформирования ведомственных образовательных организаций.

2. Конкретизация условий и принципов влияния ДПО на карьерные возможности и профессиональную мобильность сотрудников ОВД (включение наличия пройденных программ ДПО в перечень квалификационных требований для замещения должностей начальствующего состава и др.).

3. Изменение процедуры выбора программы ДПО (определить порядок согласования выбранной сотрудником программы ДПО с экспертными комиссиями с последующей оценкой ими результатов обучения).

Повышение качества и практической ценности программ ДПО, как и в случае модели 1, может быть достигнуто за счет развития механизмов исследования и анализа спроса на профессиональные компетенции со стороны территориальных подразделений ОВД, участия последних в оценке фактических результатов обучения и их соответствия служебной деятельности. Модернизация ДПО на базе модели 2 является, безусловно, более сложной в планировании и реализации. Вместе с тем она предлагает новые средства для повышения качества профессиональной подготовки и снижения рисков сугубо формального подхода при принятии образовательных и кадровых решений.

Модернизация системы ДПО на базе модели 3. Третий вариант модернизации системы ДПО в правоохранительной сфере основан на повышении ее институциональной открытости при сохранении формального образовательного процесса. В этом случае ДПО реализуется не столько в ведомственных образовательных организациях, сколько в других учебных заведениях, как государственных, так и частных, имеющих соответствующую аккредитацию. Ключевые преимущества этой модели заключаются в следующем:

– расширение доступа к внешним источникам профессиональных компетенций;

– рост мотивации из-за внешней конкуренции с ведомственными образовательными организациями, что приведет к росту качества программ ДПО, разрабатываемых в системе МВД;

– сохранение простоты и административной управляемости кадровыми процессами, связанными с оценкой квалификации сотрудников ОВД[1].

К числу ограничений этой модели следует отнести:

– недостаточную готовность ведомственной системы ДПО к взаимодействию с внешними образовательными организациями;

– несоответствие между принципами централизованного планирования образовательной деятельности в системе МВД и необходимостью взаимодействия с независимыми субъектами;

– снижение возможностей институционального контроля за содержанием программ ДПО и их соответствием потребностям внутренней службы, а также оценкой результатов обучения;

– сохраняющиеся риски формального отношения к участию в программах ДПО со стороны сотрудников, руководства и кадровых структур ОВД.

Анализируя возможности модернизации ДПО в российской правоохранительной системе на основе модели 3, следует отметить, что участие во внешних образовательных программах возможно только на условиях государственного заказа, и планирование обучения вне учреждений МВД сопряжено со

[1] Приказ МВД России от 05.05.2018 № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел РФ» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.06.2018 № 51459). Доступ: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877330/ (проверено 03.05.2020).

сложными процедурами межведомственного согласования, прежде всего с Министерством науки и высшего образования.

Институциональная закрытость современной российской правоохранительной системы, включая ее образовательный компонент, накладывает ограничения на взаимодействие с внешними образовательными организациями. При этом для многих стран с развитой правоохранительной системой (США, Германия) характерна высокая степень открытости, что проявляется в т.ч. в активном использовании внешних образовательных ресурсов и высокой степени самостоятельности самих сотрудников в повышении своей квалификации [Воронов, Шулепин 2019]. Современный российский опыт также показывает примеры успешного выстраивания более открытых отношений изначально закрытыми институтами в сфере образования, например в системе военных учебных центров (ВУЦ) при гражданских вузах [Романова, Карлова 2015]. Существуют все объективные предпосылки для более высокой интеграции ведомственной системы ДПО с гражданским образовательным сектором. Исходя из названных особенностей модели 3 и условий ее реализации в современной правоохранительной системе, могут быть сформулированы следующие направления модернизации ДПО для данной модели.

1. Определение перечня программ ДПО, которые целесообразно сохранить в ведомственных образовательных организациях, с учетом доступности и качества внешних ресурсов (целесообразно сфокусироваться на разработке специализированных программ для формирования уникальных профессиональных компетенций, которые не имеют аналогов в гражданском секторе, таких как следственная деятельность, борьба с терроризмом, и т.п.). Остальные востребованные направления подготовки (правовые дисциплины, психологические знания, современные технологии и пр.) будут осуществляться в рамках образовательной системы РФ. Это представляет дополнительные возможности для специализации и фокусирования ведомственных организаций ДПО на наиболее уникальных программах.

2. Разработка механизмов выбора программ ДПО с учетом направления деятельности, интересов сотрудников и рекомендаций экспертов.

Модернизация системы ДПО на базе модели 4. Модернизация на основе модели открытого неформального ДПО требует наиболее глубокого реформирования сложившейся российской правоохранительной системы дополнительного образования. Эта модель основана на отказе от обоих основополагающих принципов ведомственной образовательной системы: закрытости и автономии, с одной стороны, и опоры на стандартизированные формальные процедуры повышения квалификации сотрудников – с другой. При этом она потенциально обладает преимуществами по сравнению с другими моделями, такими как:

– высокое разнообразие программ, доступных для сотрудников, обеспечивающее гибкость системы ДПО и качество обучения при отсутствии роста нагрузки на ведомственные организации;

– доступ к уникальным компетенциям, формирование которых в системе МВД собственными средствами крайне затруднительно (в высокотехнологичной сфере и за счет потенциальной возможности участия в международном трансфере знаний);

– возможность ведомственных организаций сосредоточиться на разработке уникальных узкоспециализированных программ, востребованных в российских ОВД, и реализации их в современных инновационных форматах;

– рост ценности ДПО для сотрудников ОВД из-за возможности приобрете-

ния компетенций, которые могут быть востребованными и вне правоохранительных органов.

Относительными недостатками модернизации на основе этой модели следует считать:

– усложнение процедур выбора программ ДПО, оценки результатов обучения, учета освоенных программ при принятии кадровых решений;

– высокая вероятность неприятия изменений со стороны образовательных организаций МВД и кадровых подразделений ОВД;

– необходимость реформирования образовательных организаций МВД, изменения учебных программ, риски сокращения преподавательского состава и др.

Модернизация системы ДПО на основе модели 4 сочетает потенциально высокие возможности и одновременно высокие угрозы для российской системы ОВД. Сотрудники, получающие возможность повышать свой профессиональный уровень за пределами организаций МВД, расширяют спектр доступных для себя профессиональных и жизненных стратегий.

При реализации модели 4 деятельность учреждений ДПО в системе МВД следует трансформировать в сторону усиления их исследовательской, аналитической и экспертной функций, таких как разработка актуальных специализированных программ для конкретных категорий сотрудников ОВД; мониторинг и анализ существующих образовательных возможностей с точки зрения их соответствия потребностям. Это может стать важным стимулом развития самой системы ДПО правоохранительной сферы и превратить ее в передовые центры уникальных компетенций, не имеющие аналогов вне системы МВД.

Выводы. Анализ системы ДПО правоохранительной сферы с точки зрения двух фундаментальных институциональных характеристик – степени открытости и соотношения формального и неформального ДПО – показывает, что для нее характерны высокая степень институциональной закрытости (опора на внутренние образовательные возможности) и формальности (ориентация на формы приобретения компетенций в виде курсов повышения квалификации и программ переподготовки). Модернизация системы ДПО в российских правоохранительных органах может осуществляться как в рамках существующей институциональной модели, так и на основе трех альтернативных моделей, предполагающих увеличение степени институциональной открытости и включения элементов неформального образования. Наличие альтернативных стратегий создает благоприятные условия для профессионального обсуждения и выбора оптимального варианта модернизации системы профессиональной подготовки сотрудников ОВД в соответствии с современными требованиями и тенденциями развития образовательных систем современного общества. Такая модернизация сможет стать эффективным способом решения существующих проблем и реального повышения профессионального уровня сотрудников ОВД.

Список литературы

Воронов В.В., Шулепин М.В. 2019. О дополнительном профессиональном образовании в зарубежных территориальных системах правоохранительных органов: социологический анализ. – *Власть*. Т. 27. № 6. С. 291-297.

Коблов Ф.Ч., Хадиков Р.Ш. 2016. К вопросу о совершенствовании профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел в период прохождения обучения в образовательных организациях МВД России. –*Концепт:* научно-методический электронный журнал. Т. 47. С. 15-19.

Лесовик И.В. 2010. Дополнительное профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел как важнейшее условие повышения эффектив-

ности их профессиональной деятельности. – *Вестник Воронежского института МВД России*. № 4. С. 172-175.

Романова Г.А., Карлова Е.Н. 2015. Подготовка кадров для вооруженных сил в гражданских вузах: возможности и ограничения. – *Социология образования*. № 5. С. 19-29.

SHULEPIN Mikhail Vladimirovich, *postgraduate student at the Sociological Institute – branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; mihailshulepin@mail.ru)*

VORONOV Victor Vasil'evich, *Dr.Sci. (Soc.), Professor; Leading Researcher of Sociological Institute – branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; voronov@isras.ru)*

EDUCATIONAL MODELS OF MODERNIZATION OF THE MODERN INSTITUTE OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION IN THE LAW ENFORCEMENT

Abstract. *Sociological data obtained in our and several other studies, suggest that further professional education of employees of internal affairs bodies, solving their main problem, however, has a number of problems. It is characterized by excessive centralization and formalism; does not fully reflect current educational needs and learning outcomes are not enough to affect the opportunities of professional mobility of police officers. The paper shows that the modernization of the APE system in Russian law enforcement agencies needs increasing the degree of institutional openness and including elements of non-formal education in it. According to the results of the study, the authors conclude that the presence of different educational models provides favorable conditions for professional discussion and selection of the optimal option for upgrading the system of professional training of police officers in accordance with modern requirements and trends in the development of educational systems in modern society. Such modernization can become an effective way to solve existing problems and actually improve the professional level of police officers.*

Keywords: *law enforcement agencies, police officers, additional professional education, educational models, modernization*

ШИЛОВ Владимир Викторович – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой общенаучных дисциплин Березниковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета (618400, Россия, Пермский край, г. Березники, ул. Химиков, 10, каб. 205; vvs595959@mail.ru); член правления Российского общества социологов (Пермское отделение)

ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОНЯТИЯ «ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА»

Аннотация. *В статье рассматривается проблема статусной принадлежности развитых стран мира. На основе прикладного социологического исследования, проведенного в индустриальном промышленном центре Уральского региона, выясняется мнение представителей молодого поколения и людей старших возрастов об их чувствах, вызывающих гордость и негатив по отношению к страницам российской истории, и что они вкладывают в понятие «великая страна». Автор отмечает необходимость проведения социальными институтами России политики, направленной на формирование исторической, экономической, правовой, информационной культуры граждан для повышения качества жизни, сохранения и повышения статуса РФ на международной арене.*

Ключевые слова: *развитые страны, ресурсы, статус, молодежь, пенсионеры, власть, историческая память, достояние, патриотизм, перспективы развития*

Исследователи не пришли к единому мнению, что понимать под категорией «великая держава», хотя данный термин начал использоваться еще в XIX в. после окончания наполеоновских войн и создания Венской системы международных отношений (система «европейского концерта»). Тогда, после Венского конгресса 1814–1815 гг., такой статус закрепился за государствами антифранцузской коалиции – Великобританией, Австрией, Пруссией и Россией. Интересно, что и по отношению к поверженной Франции с 1818 г. тоже начали применять данное понятие.

Первоначально характерной чертой этих великих держав являлось их согласие на любые территориальные изменения в послевоенной Европе, а вскоре, в 1833 г., и немецкий историк Леопольд фон Ранке, благодаря своей работе «Великие державы», ввел это понятие в научный оборот. Впрочем, фон Ранке советские историки не жаловали [Вайнштейн 1961: 113]. И здесь же можно заметить, что Россия XIX в. в советской историографии получила довольно неприглядное идеологическое клише – «жандарм Европы», благодаря работе Ленина «События на Балканах и Персии», написанной в 1908 г. [Ленин 1968: 228].

Рассуждая о «великой державе», стоит сказать, что существует и понятие «сверхдержава», первоначально озвученное в одноименной работе Уильяма Фокса, вышедшей в 1944 г., где он применил данный термин к странам «Большой тройки» – СССР, США, Соединенному Королевству (впоследствии он выделял только США и СССР). Затем данный термин использовали Мао Цзэдун, Г. Киссинджер, С. Коэн, З. Бжезинский. Последний считал, что главными составляющими «сверхдержавы» должны выступать четыре фактора: 1) военный, 2) экономический, 3) научно-технический и 4) культурный [Бжезинский 2010].

После Второй мировой войны на земном шаре существовали две сверхдержавы – СССР и США. В 1980-е гг., учитывая высокие темпы экономического развития Германии и Японии, некоторые эксперты предсказывали, что они тоже вскоре станут сверхдержавами, но эти прогнозы не оправдались. В XXI в. нередко предсказывают, что Китай в обозримом будущем станет сверхдержа-

вой[1]. Но, несмотря на различные точки зрения, понятие «сверхдержава» уже вошло в научный дискурс[2].

Вернемся к понятию «великая держава» – этому условному и неюридическому обозначению независимых государств, которые играли в разные исторические эпохи (и играют сегодня) главную, определяющую роль «в системе международных и международно-правовых отношений».

Полуофициально эксперты и политики используют данный термин, понимая под ним: 1) ресурсный потенциал (даже «испытание войной», по А. Тэйлору), 2) географию интересов (способность отстаивать свои интересы на международной арене, а не только на уровне региона, как другие «региональные державы» земного шара (по У. Фоксу, З. Бжезинскому) и 3) статус самого государства, т.е. формальное или неформальное признание другими государствами за ним статуса «великой державы» (на основе различных рейтингов, опросов, интервью и публикаций экспертов).

В наши дни считается, что статусом «великая держава» (формально, разумеется) обладают 5 государств – постоянных членов Совета Безопасности ООН, куда входят Россия, США, Китай, Великобритания и Франция (РФ является постоянным членом СБ ООН с 24.12.1991 г. как государство – правопреемник СССР). Все эти государства обладают солидными ресурсами, являются ядерными и космическими державами, что позволяет им активно отстаивать свои интересы на международной арене. Кроме этого, все они имеют большой культурный потенциал и при этом сами считают (население страны и правительство), что вполне заслуживают статуса великой державы.

В данной статье поставлена цель: на основе прикладного социологического исследования выявить, что представители молодежи (будущее страны) и люди старших возрастов (обладающие большим жизненным опытом) понимают под статусом «великой страны» и какие факторы могут способствовать процветанию государства.

Анкетный опрос проводился в г. Березники (городской округ) Пермского края в конце 2019 г. Березниковский городской округ включает 74 населенных пункта (площадь почти 5 000 кв. км), в которых проживают свыше 155 тыс. жителей. Округ – крупнейший промышленный центр Западного Урала, отличается чрезмерной концентрацией промышленного потенциала, особенно химической промышленности и ее базовых отраслей. Он является вторым по социально-экономическому потенциалу после краевого центра г. Перми.

В этом крупном индустриальном центре Урала нами и был проведен опрос людей старших возрастов и молодежи. Респондентами от молодого поколения выступили студенты Березниковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета (БФ ПНИПУ), Березниковского политехнического колледжа (БПК), Березниковского строительного техникума (БСТ), Березниковского техникума профессиональных технологий (БТПТ), Березниковского медицинского училища (техникума) и представители рабочей молодежи градообразующих предприятий г. Березники: ПАО «Уралкалий», ПАО «Корпорация ВСМПО-АВИСМА», АО «Березниковский содовый завод», филиал «Азот» АО «ОХК «УРАЛХИМ» в городе Березники, ООО «ЕвроХим-УКК».

В Стратегии государственной молодежной политики в Российской

---

[1] Патен К. Не переоценивает ли Китай свои возможности? – *Project Syndicate.* 21.02. 2010. Доступ: https://centrasia.org/newsA.php?st=1266836640 (проверено 02.05.2020).

[2] Сверхдержава. 2009. – *Большая актуальная политическая энциклопедия* (под ред. А. Белякова, О. Матвейчева). М.: Эксмо.

Федерации[1] записано, что молодежь – это молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет. Такой возрастной ценз и представлен в нашем исследовании. Всего в конце 2019 г. нами было опрошено 354 представителя молодежи, из них мужчины – 175 чел. (49,4%) и женщины – 179 чел. (50,6%). Средний возраст респондентов составляет 18,1 года.

Опрос представителей старших возрастов охватывал следующие группы респондентов: Совет ветеранов ПАО «Уралкалий», Совет ветеранов филиала «Азот», Совет ветеранов АО «Березниковский содовый завод», Совет ветеранов «БТМК-АВИСМА», Совет ветеранов педагогического труда, Совет ветеранов «Новогор-Прикамье», ж/д станция Березники, Совет ветеранов профтехобразования, Совет ветеранов УВД, Совет ветеранов «Евразия», Совет ветеранов «Пермэнерго» и 16 пенсионеров «без ветеранских организаций». Всего были проанкетированы 158 респондентов. Средний возраст – 67,6 лет.

Ответы на наш первый вопрос: «На Ваш взгляд, что значит быть великой страной? (выберите не более двух вариантов)» отражены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «На Ваш взгляд, что значит быть великой страной? (выберите не более двух вариантов)»

Варианты ответов	Люди старших возрастов, чел./%		Студенты и рабочая молодежь, чел./%	
Обеспечивать высокий уровень благосостояния граждан	107	35,8	206	54,8
Иметь развитую экономику	72	24,1	107	30,3
Развивать науку, внедрять высокие технологии	21	7	72	20,4
Иметь мощные вооруженные силы	26	8,7	44	12,5
Соблюдать нормы демократии и права человека, принятые в цивилизованном мире	23	7,7	128	36,3
Возродить высокий уровень русской культуры и национального духа	26	8,7	33	9,3
Стать мировым центром влияния, способным регулировать международные конфликты	23	7,7	54	15,3
Другое (люди старших возрастов): «все перечисленное» – 1 чел. (0,3%). Другое (студенты): «все вышеперечисленное», «где прислушиваются к мнению народа», «ничего», «Путин у власти», «равноправие между чиновниками и гражданами», «чтобы президент слышал граждан» – 10 чел. (2,8%).				

Как видно, большинство молодых людей считают, что, чтобы быть великой страной, необходимо «обеспечивать высокий уровень благосостояния граждан» (54,8%), в то время как среди людей старших возрастов этот показатель отметили только 35,8%. На 2-м месте у молодежи стоит вариант «соблюдать нормы демократии и права человека, принятые в цивилизованном мире» (36,3%), а вот пенсионеры здесь значительно уступают молодым людям, среди них так считают только 7,7%. Среди молодых людей довольно высок уровень (30,3%) тех,

[1] Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства РФ от 18.12.2006 № 1760-р). Доступ: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90356/ (проверено 02.05.2020).

кто считает, что для этого необходимо «иметь развитую экономику»; у людей старших возрастов этот показатель несколько ниже – 24,1%.

На 3-м месте у молодых людей отмечен вариант «развивать науку, внедрять высокие технологии» (20,4%), а вот среди пенсионеров, к сожалению, только 7% считают, что этот фактор важен для понятия «великая страна».

«Великую державу» создают в массе своей образованные люди (спор большевиков и меньшевиков о готовности России к социалистической революции, по большому счету, и заключался в общем уровне культуры, образования населения). Немаловажную роль в этом играет система высшего образования. Поэтому респондентам был задан такой вопрос: «Зачем нужно высшее образование? (выберите не более двух вариантов)». Ответы приведены в табл. 2.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Зачем нужно высшее образование? (выберите не более двух вариантов)»

Варианты ответов	Люди старших возрастов, чел./%		Студенты и рабочая молодежь, чел./%	
Для устройства на хорошую работу	47	16,7	172	48,6
Для развития карьеры	30	10,6	147	41,5
Чтобы быть профессионалом	104	36,9	83	23,4
Потому что так принято	2	0,7	42	11,9
Для расширения кругозора	39	13,8	60	16,9
Для повышения социального статуса	35	12,4	77	21,8
Чтобы быть в образовательной среде	24	8,5	26	7,3
Чтобы не служить в армии	0	0	25	7,1
Другое (люди старших возрастов) – 1 чел. (0,4%). Другое (студенты): «хорошая заработная плата», «для работы в общепите», «заставили родители», «затрудняюсь ответить», «не нужно», «убить время» – 8 чел. (2,3%).				

Данные ответов молодежи и людей старших возрастов почти по всем ответам довольно сильно отличаются. Большинство молодых людей (48,6%) считают, что вуз необходим «для устройства на хорошую работу», тогда как среди пенсионеров так считают только 16,7% (почти в 3 раза меньше!). 41,5% молодых людей уверены, что высшее образование необходимо «для развития карьеры», у пенсионеров этот показатель почти в 4 раза меньше – 10,6%.

Вызывают тревогу и ответы молодых людей, которые идут в вуз «для повышения социального статуса» (21,8%), «потому что так принято» (11,9%), «чтобы не служить в армии» (7,1%), «заставили родители» (2,3%) и даже просто «убить время» (2,3%). То есть, более половины из них вряд ли видят себя в будущем высококлассными специалистами, которые и должны «обеспечивать высокий уровень благосостояния граждан» (о чем они более всего мечтают, судя по ответам на первый вопрос).

Важным является и вопрос о популярности (престижности) в социуме тех или иных профессий, что, несомненно, сказывается на социально-экономическом, культурном развитии страны. С этой целью был задан вопрос: «Какие профессии сегодня в России самые престижные? (назовите три)» (см. табл. 3.)

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Какие профессии сегодня в России самые престижные? (назовите три)»

Варианты ответов	Люди старших возрастов, чел./%		Студенты и рабочая молодежь, чел./%	
Сфера технологий, *IT*, наука (программист, биотехнолог, химик и т.п.)	64	40,5	104	29,4
Сфера юриспруденции (адвокат, юрист и т.п.)	58	36,7	93	26,3
Сфера экономики (бухгалтер, экономист и т.п.)	54	34,2	46	13
Рабочие специальности (механик, водитель, сварщик и т.п.)	50	31,6	265	74,8
Сфера медицины (хирург, стоматолог, медсестра и т.п.)	27	17,1	99	28
ГМУ, госслужба, ИТР (президент, прокурор, полицейский и т.п.)	25	15,8	165	46,6
Сфера образования (учитель, преподаватель и т.п.)	17	10,8	27	7,6
Творческие профессии, спорт, бизнес (дизайнер, тренер, бизнесмен и т.п.)	14	8,9	69	19,5
Космос и авиация (летчик, пилот, космонавт и т.п.)	0	0	16	4,5%
Религия (священнослужитель)	0	0	9	2,5

На первый взгляд, ответы молодежи вызывают удивление: 74,8% считают самыми престижными профессиями «рабочие специальности (механик, водитель, сварщик и т.п.)». Это можно объяснить, во-первых, тем, что почти 50% респондентов составляют юноши и девушки – студенты техникумов и молодые рабочие промышленных предприятий, во-вторых, в последние годы в государственных СМИ активно ведется пропаганда рабочих специальностей (что, в целом, неплохо), и, в-третьих, учреждения СПО (техникумы, лицеи) начали показывать довольно неплохие результаты (качество обучения и трудоустройство).

В то же время пенсионеры, в отличие от молодежи, более чем в 2 раза реже отмечали престижность в обществе рабочих специальностей (31,6%). По мнению людей старших возрастов, самые престижные профессии – это сфера технологий, *IT*, наука (программист, биотехнолог, химик и т.п.) (40,5%), тогда как среди молодежи так считают только 29,4%.

Как и следовало ожидать, почти половина молодых людей считают престижными такие профессии, как «ГМУ, госслужба, ИТР (президент, прокурор, полицейский и т.п.)» (46,6%), в то же время престижными эти профессии считаются только у 15,8% пенсионеров. Возможно, это тоже должно вызывать озабоченность, т.к. чиновники и силовики не должны играть первую скрипку в государстве, приоритет должен быть у профессий ученого, учителя, изобретателя.

Понятие «великая держава» часто ассоциируется с личностью, которая или возглавляла державу, или внесла значительный вклад в ее процветание. В связи с этим нами был задан вопрос: «Назовите трех самых эффективных руководителей России с древнейших времен».

Результаты ответов людей старших возрастов следующие: 84% – Петр I; 53% – В.В. Путин; 40% – Екатерина II; 31% – И.В. Сталин; 18% – Иван IV Грозный; 7% – Л.И. Брежнев; 6% – князь Владимир Святославович; 4% – Борис Годунов; 4% – В.И. Ленин; 4% – Николай II; 3% – Ярослав Мудрый; 3% – Александр III; 18% – другой вариант ответа (Иван Калита, Владимир Мономах, Ю.В. Андропов, Александр II, Н.С. Хрущев, М.С. Горбачев, Елизавета Петровна и др.).

Результаты ответов представителей молодого поколения на этот же вопрос таковы: 61% – Петр I; 40% – И.В. Сталин; 31% – Иван IV Грозный; 25% – В.И. Ленин; 21% – В.В. Путин; 16% – Екатерина II; 7% – Николай II; 7% – Александр II; 6% – М.С. Горбачев; 6% – Л.И. Брежнев; 6% – Б.Н. Ельцин; 6% – Ярослав Мудрый; 5% – Н.С. Хрущев; 4% – Иван III; 3% – Александр I; 3% – Д.А. Медведев; 2% – Александр III; 2% – Владимир Красное Солнышко; 2% – Екатерина I; 2% – Александр Невский; 4% – другой вариант ответа (Иван Калита, Анна Иоанновна, Елизавета II, Павел I, Николай I, Рюрик, Василий IV Шуйский и т.д.).

Пенсионеры указали в качестве первой пятерки (в порядке значимости) самых эффективных руководителей России следующих исторических персонажей: Петр I; В.В. Путин; Екатерина II; И.В. Сталин; Иван IV Грозный; молодые люди назвали Петра I; И.В. Сталина; Ивана IV Грозного; В.И. Ленина; В.В. Путина.

Здесь довольно можно отметить интересный результат. Если Петр I безусловно «лучший» у всех респондентов, то у пенсионеров В.В. Путин стоит на 2-м месте и на 4-м – И.В. Сталин, а вот у молодых людей И.В. Сталин на 2-м месте, а В.В. Путин – только на 5-м.

Здесь также может вызвать озабоченность факт популярности у наших респондентов руководителей государства авторитарного типа (Иван IV Грозный, И.В. Сталин, В.В. Путин) и «левых» убеждений (В.И. Ленин).

К тому же сегодня российская история во многом мифологизирована. Забывают, что при Екатерине II была самая мощная и самая длительная крестьянская война под руководством Емельяна Пугачева (1773–1775), и Петр I Великий некоторыми наши классиками «великим» не считался. Так, Л.Н. Толстой давал такую убийственную характеристику Петру I: «кровавое чудовище, погрязшее в пьянстве и разврате» [Толстой 1936: 568].

К результатам ответов на этот вопрос еще вернемся ниже. Следующий вопрос звучал так: «Назовите три исторических события в истории страны, которых Вы стыдитесь». Пенсионеры дали следующие ответы: 53% – распад СССР; 37% – сталинские репрессии; 19% – война в Афганистане; 13% – пенсионная реформа; 12% – раскулачивание в советское время; 10% – война в Чечне; 9% – расстрел царской семьи 17 июля 1918 г.; 7% – перестройка 1985–1991 гг.; 7% – дефолт 1998 г.; 6% – приватизация предприятий в России; 6% – ГУЛАГ; 4% – революция; 4% – расстрел Белого дома в Москве в 1993 г.; 3% – путч; 3% – подавление выступлений в Чехословакии. 16% указали: выборы 2018 г., присоединение Аляски к США, теракты, передачу Крыма Украине в 1954 г., напряженные отношения с Украиной в настоящее время, «холодную войну», крепостное право, теракты и др.

Молодые люди на вопрос о событиях, которые вызывают стыд, ответили так: 21% – распад СССР в 1991 г.; 10% – сталинские репрессии; 10% – Русско-японская война; 9% – присоединение Аляски к США; 7% – крепостное право; 7% – пенсионная реформа; 6% – состояние экономики страны на данный момент; 6% – Отечественная война 1812 г.; 6% – присоединение Крыма к России 2014 г.; 6% – революция 1917 г.; 4% – Великая Отечественная война; 4% – убийство царской семьи; 3% – напряженные отношения с Украиной; 3% – выборы

президента в 2018 г.; 3% – Гражданская война 1918–1922 гг.; 3% – Кровавое воскресенье 9 января 1905 г.; 3% – война в Чечне; 2% – война в Афганистане. 13% указали ГУЛАГ, войну в Сирии, внутреннюю политику страны, русско-финскую войну, татаро-монгольское иго, раскулачивание, крещение Руси, приватизацию, перестройку и др.

Примечательно, что на 1-м месте у всех групп респондентов вызывает сожаление (стыд) распад СССР. Но следующий в рейтинге вариант ответа вызывает удивление. На 2-м месте у пенсионеров и на 3-м месте у молодежи вызывают «стыд» сталинские репрессии, но в предыдущем вопросе они же указывали, что И.В. Сталин был довольно эффективным руководителем.

Впрочем, в процентном отношении по этим сложнейшим вопросам истории высказалось мало респондентов, но тема требует особого внимания. Так, в 2018 г. было опубликовано социологическое исследование ВЦИОМа, согласно которому почти каждый пятый россиянин не знает о сталинских репрессиях, а среди молодежи в возрасте от 18 до 24 лет этот показатель составляет 47%.

Эти результаты поразили даже президента РФ. На заседании Совета при Президенте РФ по правам человека (СПЧ) в декабре 2018 г. В.В. Путин, обращаясь к Н.К. Сванидзе, сказал: «Вы сказали, что многие, я даже записал – 47% – из молодых людей ничего не знают о репрессиях. Конечно, возникает тяжелое чувство»[1].

Интересно отметить, что у 13% пенсионеров пенсионная реформа вызывает стыд (хотя, вроде бы, им должно быть уже все равно?), а вот у молодежи пенсионная реформа вызывает отторжение только у 7%, возможно, потому, что для них это очень далекая перспектива.

На следующий вопрос: «Назовите три исторических события в истории нашей страны, которые у вас вызывают гордость», люди старших возрастов ответили: 82% – день Победы 9 мая 1945 г.; 63% – первый полет человека в космос 12 апреля 1961 г.; 54% – присоединение Крыма в 2014 г.; 15% – победа на Олимпиаде в Сочи в 2014 г.; 9% – Октябрьская революция 1917 г.; 6% – спорт в СССР; 7% – Отечественная война 1812 г.; 6% – освоение целины; 4% – выборы президента РФ в 2018 г.; 4% – Олимпиада 1980 г.; 3% – освоение Сибири; 3% – война в Сирии. 16% указали блокаду Ленинграда, отмену крепостного права, крещение Руси, укрепление внешней политики страны, войны в Афганистане и Чечне, развитие РПЦ, Чемпионат мира по футболу 2018 г. и т.д.

Представители молодежи на этот вопрос отметили: 87% – день Победы 9 мая 1945 г.; 36% – первый полет человека в космос 12 апреля 1961 г.; 18% – отмену крепостного права 1861 г.; 17% – присоединение Крыма к России в 2014 г.; 10% – Отечественную войну 1812 г.; 5% – Бородинское сражение 7 сентября 1812 г.; 5% – революцию 1917 г.; 4% – распад СССР в 1991 г.; 3% – крещение Руси; 3% – Русско-японскую войну; 3% – Чемпионат мира по футболу 2018 г.; 3% – Куликовскую битву; 3% – принятие Конституции РФ 12 декабря 1993 г.; 2% – Первую мировую войну 1914 г.; 2% – конец татаро-монгольского ига.; 2% – блокаду Ленинграда; 2% – перестройку; 2% – Северную войну; 2% – победу на Олимпиаде в Сочи 2014 г. 12% указали присоединение Сибири, войну в Афганистане, развитие РПЦ, выборы 2018 г., Гражданскую войну 1918–1922 гг., Олимпиаду 1980 г., реформы Петра I, запуск первого искусственного спутника, восстание декабристов, социалистические пятилетки и др.

Полученные результаты вполне ожидаемы и соотносятся с данными опроса, проведенного Левада-Центром в 2019 г., социологи которого констатировали:

[1] Путин заявил о необходимости рассказывать о сталинских репрессиях в школах. 2018. Доступ: https://vz.ru/news/2018/12/11/954886.html (проверено: 15.02.2020).

«Основными поводами для гордости у жителей России являются победа в Великой Отечественной войне, успехи в освоении космоса и произведения русской литературы... величие России у большинства опрошенных ассоциируется с историческими событиями»[1].

Наш опрос также показал, что люди старших возрастов и представители молодежи более всего гордятся Победой 9 мая и первым полетом в космос советского человека в 1961 г. Но вызывает озабоченность тот факт, что данные действительно великие события в истории нашей державы были очень давно, более полувека назад.

Соответственно, возникает вопрос: какие события, происшедшие за последние 60 лет, и личности, творившие на благо Отечества, могут вызывать гордость, восхищение (не считая присоединения Крыма – 54% пенсионеров и 17% молодежи, а также небольшой процент гордости за сочинскую Олимпиаду и Чемпионат мира по футболу)?

Поэтому, возможно, не случайно нами был выявлен невысокий уровень патриотизма у подрастающего поколения (несмотря на многие принятые программы). В одном из предыдущих опросов нами было выяснено, что только «53,6% наших респондентов считают себя патриотами (из них юноши – 57,1%, девушки – 48,4%) и 20,3% себя патриотами не считают (22,3% – юноши и 17,4% – девушки). 26,1% не задумывались над этим вопросом (20,4% – юноши и 34,2% – девушки)» [Шилов 2019: 146].

Понятие «великая держава» довольно расплывчато, и пока исследователи не выработали четкие общепризнанные критерии для данного термина, но стремление населения всех стран, как и руководителей государств мира, вроде бы общепризнанно – не только сделать свою страну комфортной для проживания, где подавляющая часть граждан (подданных) может реализовать свои заложенные природные способности, но и стать примером подражания для других народов.

Пути совершенствования работы социальных институтов общества требуют пристального внимания и вдумчивого, научно обоснованного подхода. Большую роль в этом сложном вопросе играют система образования, СМИ, общественные организации, политические партии. Динамичные общества постоянно активизируют и организуют самые различные ресурсы, одним из которых является молодежь, а отношение государства к старшему поколению – это не только показатель цивилизованности, гуманности общества; их богатейший жизненный и профессиональный опыт следует использовать на благо развития социума.

Данное исследование с анализом подобных исследований других регионов должно способствовать формированию исторической, экономической, правовой, информационной культуры граждан РФ указанными выше социальными институтами, что обеспечит сохранение и прирастание статуса «великой державы».

Список литературы

Бжезинский З. 2010. *Великая шахматная доска. Господство Америки и его геополитические императивы*. М.: Международные отношения. 256 с.

Вайнштейн О.Л. 1961. Леопольд фон Ранке и современная буржуазная историография. – *К критике новейшей буржуазной историографии:* сборник статей. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 113-149.

[1] Россияне ищут поводы для гордости в прошлом. 2019. Доступ: https://news.rambler.ru/sociology/41576181-rossiyane-ischut-povody-dlya-gordosti-v-proshlom/ (проверено 02.05.2020).

Ленин В.И. 1968. События на Балканах и Персии. – *Полное собрание сочинений:* в 55 т. М.: Изд-во политической литературы. Т. 17. С. 228-232.

Толстой Л.Н. 1936. Николай Палкин. – *Полное собрание сочинений:* в 90 т. М.: Художественная литература. Т. 26. С. 555-570.

Шилов В.В. 2019. СССР глазами молодежи индустриального города. – *Социс. Социологические исследования*. № 4. С. 146-149.

SHILOV Vladimir Viktorovich, *Cand.Sci. (Hist.), Associated Professor, Head of the Chair of General Education, Berezniki branch of Perm National Research Polytechnic University (10 Khimikov St, Berezniki, Perm Region, Russia, 618400; vvs595959@mail.ru); Member of the Board of the Russian Society of Sociologists (Perm Branch)*

HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL ASPECT OF THE CONCEPT OF GREAT POWER

Abstract. *The author considers the problem of status affiliation of developed countries of the world. On the base of applied sociological research in the industrial center of the Ural Region, the paper reveals the opinion of representatives of the young generation and older people about their feelings that cause pride and negativity about the pages of Russian history and about what they put in the concept of a great power. The author states the need for Russian social institutions to pursue a policy aimed at creating a historical, economic, legal, informational culture of citizens to improve the quality of life, to maintain and enhance the status of the Russian Federation in the international arena.*

Keywords: *developed countries, resources, status, youth, retirees, power, historical memory, heritage, patriotism, development perspective*

ПОМИГУЕВ Илья Александрович – *кандидат политических наук, научный сотрудник отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 15, корп. 2, pomilya@mail.ru); доцент департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49)*

АЛЕКСЕЕВ Дмитрий Владимирович – *аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82, mityaalexeev@yandex.ru)*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности изучения предметной области политологии, связанной с законодательным процессом и технологиями. Чаще всего в отечественном научном политологическом дискурсе эти понятия могут рассматриваться как правовые, однако это не совсем верно, поскольку именно законодательный процесс служит инструментом легитимации принимаемых на государственном уровне решений, структурирования взаимоотношений власти и общества. Законодательные технологии – это не юридическая техника или методики, а полноправная часть политических технологий, совокупность приемов и техник, посредством которых политические акторы могут воздействовать на законодательный процесс. Авторы приходят к выводу, что законодательные процесс и технологии – самостоятельный предмет исследований в российском политологическом дискурсе.*

Ключевые слова: *парламентаризм, законодательный процесс, законотворческий процесс, законодательные технологии, политические технологии, законодательная деятельность*

В процессе развития и структурирования политических систем современных государств появилась необходимость в демократических политических институтах, способных обеспечить определенный уровень представительства интересов широких групп населения. Одним из таких ключевых институтов выступил парламент, который выполняет сразу несколько важных функций, в первую очередь представительную и законодательную. И если политическая природа первой не подвергается сомнению, поскольку таким образом осуществляется обратная связь между обществом и властью, то законодательной приписывают разную сущность, и чаще всего она является предметом изучения правоведов [Законодательный процесс... 2000].

Однако законодательная функция имеет крайне важное политическое значение, заключающееся в создании условий, позволяющих легитимировать принятые решения путем строгого следования установленным правилам игры. В свою очередь, переплетение представительной и законодательной функции мешает политологам определиться с предметной областью исследования законодательного процесса и технологий.

Безусловно, в законодательном процессе присутствует внушительная юридическая составляющая. В конечном итоге, такие нюансы, как выверенность юридической техники, лингвистическая безупречность текста закона, его корректность и непротиворечие другим юридическим источникам формируют российское правовое поле. Законодательный процесс многогранен, поэтому свой предмет изучения в нем могут найти не только политологи и юристы [Исаков 2007], но и представители других наук, вплоть до лингвистов и даже представителей точных дисциплин [Оценка сложности... 2020; Алескеров и др. 2007].

Законодательный процесс как предмет исследования в российском политологическом дискурсе

Сложность определения законодательного процесса как отдельного предмета исследования в российской политической науке связано с тем, что это явление рассматривается сразу в рамках различных тематических направлений, в частности таких, как:

– изучение российского парламентаризма и его функций (А.М. Салмин, Ю.А. Игрицкий, В.Л. Шейнис и др.)[1];

– изучение политических элит (О.В. Гаман-Голутвина, Г.К. Ашин, А.В. Дука и др.);

– изучение процесса принятия политических решений (А.В. Соловьев, Л.В. Сморгунов, А.А. Дегтярев, Д.В. Сосунов и др.);

– изучение партий и партийных систем, в т.ч. в контексте выборов как инструмента отбора представителей в парламент (Ю.Г. Коргунюк, А.В. Кынев, Б.И. Макаренко, Р.Ф Туровский и др.);

– изучение взаимодействия групп интересов с органами государственной власти (А.П. Любимов, С.П. Перегудов, П.А. Толстых и др.), в т.ч. в рамках междисциплинарного направления экономической политологии, предложенного А.Д. Богатуровым [Экономическая политология... 2012].

Ко всему прочему, законодательный процесс может рассматриваться в контексте изучения особенностей политического режима, взаимодействия ветвей власти, причем как на общегосударственном, так и на региональном уровне (В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, О.И. Зазнаев, О.Г. Харитонова и др.). Именно в этой сфере исследования наиболее ярко выражена предметная область законодательного процесса как политического явления – выявление и анализ взаимодействия политических акторов в рамках деятельности парламента. Это вполне обоснованно, ведь он представляет законодательную, а не представительную ветвь власти.

Таким образом, законодательный процесс как политическое явление связан с деятельностью парламента, его взаимодействием с другими ветвями власти – судебной, исполнительной и в случае с Россией – президентской [Remington 2008]. На федеральный законодательный процесс могут влиять правительство (в ряде работ отмечается значительный крен в сторону исполнительной власти [Гельман 2013]), региональные парламенты, бизнес-объединения и др. Отдельной темой выступает изучение политического потенциала судов во взаимоотношениях с парламентом и в законодательном процессе в целом [Комшукова 2019].

Таким образом, законодательный процесс, будучи совокупностью строгих процедур в юридическом смысле, в то же время становится ареной противостояния и взаимодействия многих политических сил. Уже то, что на площадке парламента и именно в рамках законодательного процесса происходит коммуникация между многими политическими акторами, делает его интересным для политологов в качестве отдельного предмета исследования. Законодательный процесс раскрывался в ряде работ, в т.ч. и зарубежных авторов, которые рассматривали его как политическое явление [Глейзнер, Чейсти 1999; Chaisty 2008; Чейсти 2009; Шульман 2014].

Близость законодательного процесса к предметной области исследований политологов и юристов определяет необходимость междисциплинарного подхода к изучению этого явления. В политологической литературе можно встре-

[1] Например, в последнее время актуальным вопросом является «парламентская дипломатия» как самостоятельная функция парламента [Коньков, Чуков, 2020].

тить примеры выделения отдельного междисциплинарного поля – юридической политологии. Посредством права осуществляется влияние государства на общество, и оно же определяет границы деятельности, структуру и функции государственных институтов. В рамках этого направления можно рассматривать «концепцию универсальных прав человека, правосудие переходного периода, коррупцию и ее преодоление, суверенитет государств и глобализацию, "мягкое право"» [Сунгуров, Семикова 2017]. На наш взгляд, в это предметное поле вполне вписывается законодательный процесс как совокупность юридических и политических правил, практик и процедур.

Однако проблема концептуализации законодательного процесса в политологии даже сложнее, чем в юриспруденции. В частности, Е.М. Шульман его политическую природу раскрывает с помощью слова «законотворчество» [Шульман 2014]. Возможно, это удачный вариант избежать «юридических» вопросов к его определению, но сущностно законодательный и законотворческий процесс могут различаться, и это касается именно основного смысла действия.

Законотворческий процесс подчеркивает важность самого процессуального действия – способов и методов согласования интересов, законодательный же заостряет внимание на конечном результате – принятии или непринятии решения. Таким образом, второе понятие в большей мере отражает завершенность процесса; есть видимые цели, поэтому легче сконцентрироваться на технологиях влияния и оценке их эффективности.

В итоге законодательный процесс можно определить как поэтапную деятельность политических акторов по согласованию интересов в целях принятия политического решения, нормативно закрепляемого на общегосударственном уровне [Помигуев 2016].

При этом важно не только то, кто воздействует на законодательный процесс и процедуры с целью согласования интересов, а то, как и какими средствами он это делает. В этой связи необходимо обратить внимание на технологии и их место в рамках законодательного процесса.

Законодательные технологии как предмет исследования в политологии

Технология в широком смысле слова – это возможность применения научного знания к практическим целям человеческой жизни или способы по изменению окружающей реальности человеком[1]. Чуть более узко технологию определяют отечественные исследователи: как совокупность методов и инструментов для достижения необходимого результата[2].

Такое понимание технологий применимо и для сферы политики. В рамках борьбы за власть политические акторы ставят цели и применяют различные приемы для их достижения. Инструментами борьбы за власть, а также воздействия на политический процесс в целом являются политические технологии. По мнению отечественного ученого О.Ф. Шаброва, политические технологии – это «целенаправленно сконструированная совокупность приемов и способов достижения результата, использование которых затрагивает государство и несовпадающие интересы значимых социальных групп» [Шабров 2012].

Из этой дефиниции видно, что законодательный процесс вписывается в качестве объекта воздействия политических технологий. Как уже было упомянуто ранее, законодательный процесс, помимо юридической составляющей, имеет политическую сущность, т.к. в его рамках происходит взаимодействие таких

[1] Technology. – *Encyclopedia Britannica*. 1998. URL: https://www.britannica.com/technology/technology (accessed 17.05.2020).

[2] Некрасов С. И., Некрасова Н. А. 2009. *Философия науки и техники:* тематический словарь-справочник. М.: МИИТ. 424 с.

институтов, как Правительство, Президент, Совет федерации, Государственная дума и др. Приемы, техники и способы воздействия на законодательный процесс можно назвать законодательными технологиями.

Законодательные технологии важно не путать и не смешивать с лоббизмом и *GR*-коммуникацией, т.к. объектом влияния групп интересов являются не только законодательные органы власти, но и правительство, региональные органы власти, международные организации (например, в случае России – это ЕАЭС).

При этом если предположить, что законодательные технологии имеют место в рамках современного законодательного процесса, они являются составной частью совокупности политических технологий. При этом целесообразно выделить их в отдельную категорию, т.к. они имеют свою специфику и особенности.

Одной из таких главных специфических черт являются строгие процедуры, в рамках которых находится законодательный процесс. Они определены прежде всего регламентом Государственной думы. Ни одна законодательная технология не может нарушить разд. III Регламента «Законодательная процедура»[1]. Например, законопроект может быть принят только в трех чтениях (см. ст. 116, разд. III Регламента ГД РФ). Даже в сложных обстоятельствах, таких как стремительное распространение коронавирусной инфекции, профильное законодательство, связанное с противодействием угрозе и мерами поддержки населения, было принято в трех чтениях, пусть и в очень сжатые сроки. Законопроект был внесен 26 марта, уже 30 марта Государственная дума в течение пленарного заседания рассмотрела его сразу в трех чтениях[2]. В тот же день его рассмотрел Совет федерации, а уже 1 апреля он был опубликован в «Российской газете» и вступил в силу.

Следов применения технологий в российском законодательном процессе можно найти немало. В качестве относительно недавних примеров отметим внесение поправок «с голоса» на самом пленарном заседании. Так появляется шанс на «законодательный блицкриг»: быстрое принятие нужного решения на фоне эффекта неожиданности и недостаточной информированности парламентариев о внезапно возникшей инициативе. Именно так депутат А. Карелин внес поправку о досрочных выборах в Государственную думу. Впрочем, чуть позже она была отозвана автором[3].

Правительство также использует законодательные технологии. Например, оно может вносить законодательные инициативы через депутатов. Это нужно для того, чтобы при необходимости скорейшего принятия законопроекта обойти требование проведения оценки регулирующего воздействия, общественного обсуждения на портале *regulation.gov.ru*, рассмотрения проекта закона на заседании Комиссии по законотворческой деятельности.

Тема законодательных технологий практически не исследована в отечественной политической науке. В рамках данной статьи мы лишь немного прикоснулись к ней. При этом она достойна пристального внимания исследователей, т.к. именно при воздействии законодательных технологий меняется законодатель-

---

[1] Регламент Государственной Думы. Принят постановлением Государственной Думы ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-II ГД. Доступ: http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/ (проверено 18.05.2020).

[2] Законопроект № 931192-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (в части урегулирования отношений, возникающих в связи с необходимостью экстренного реагирования на вызовы, связанные с распространением новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCOV)». Доступ: https://sozd.duma.gov.ru/bill/931192-7 (проверено 18.05.2020).

[3] Досрочные выборы в Госдуму сорвались в последний момент из-за коммунистов. – *РБК*. 11.03.2020. Доступ: https://www.rbc.ru/politics/11/03/2020/5e6807139a7947ab213b93a6 (проверено 18.05.2020).

ный процесс, что может повлечь за собой некоторые трансформации политической системы в целом.

Выводы

Законодательные процесс и технологии неразрывно связаны. Для определения их в качестве отдельного предмета изучения политологов требуется глубоко разобраться в природе этих явлений, а также определиться с их основными политическими целями. В частности, законодательный процесс в политологии изучается как поэтапная деятельность политических акторов по согласованию интересов с целью принятия политического решения.

Законодательные технологии сущностно являются частью политических технологий. При этом они имеют свои особенности и специфику. В частности, речь идет о том, что они не могут противоречить процедурам законодательного процесса. В ряде случаев особенности этих процедур могут помочь тому, кто использует те или иные законодательные технологии.

В целом можно сказать, что законодательные процесс и технологии в российском политологическом дискурсе выступают самостоятельными предметами исследования, что предоставляет ученым широкое поле для изучения политических свойств этих явлений.

Список литературы

Алескеров Ф.Т., Благовещенский Н.Ю., Сатаров Г.А., Соколова А.В., Якуба В.И. 2007. *Влияние и структурная устойчивость в российском парламенте (1905–1917 и 1993–2005 гг.)*. М.: Физматлит. 309 с.

Гельман В.Я. 2013. *Из огня да в полымя: российская политика после СССР.* СПб: БХВ-Петербург. 256 с.

Глейзнер Дж., Чейсти П. 1999. *Российская Государственная Дума: структура, деятельность и эволюция в период 1993–1998 годов.* М.: Московский общественный научный фонд. 68 с.

Законодательный процесс. Понятие. Институты. Стадии: научно-практическое пособие (отв. ред. Р.Ф. Васильев). 2000. М.: Юриспруденция. 317 с.

Исаков В.Б. 2007. Приемы юридической техники на начальных стадиях законодательного процесса. – *Юридическая техника.* № 1. С. 172-177.

Комшукова О.В. 2019. Мыслит ли суд политически? Опыт Конституционного суда России. – *Политическая наука.* № 4. С. 312-331.

Коньков А.Е., Чуков Р.С. 2020. Парламентская дипломатия: развитие общественно-государственного взаимодействия на мегаполитическом уровне. – *Полис. Политические исследования.* № 1. С. 62-73.

Оценка сложности языка законов (Анализ существующих юридико-технических и лингвистических подходов к разработке проектов законодательных актов, выработка предложений по их корректировке). М.: НИУ ВШЭ. 2020. 23 с. Доступ: icef.hse.ru/data/2020/03/18/1567926862/Оценка%20сложности%20законов%20030320+%20(1).pdf (проверено 19.05.2020).

Помигуев И.А. 2016. *Роль вето-игроков в федеральном законодательном процессе в современной России*: дис. ... к.полит.н. М.: МГУ. 228 с.

Сунгуров А.Ю., Семикова А.Е. 2017. Юридическая политология, или политология права: эскиз исследовательского поля. – *Общественные науки и современность*. № 5. С. 83-93.

Чейсти П. 2009. Воздействие партийных рычагов власти Президента на законодательный процесс в посткоммунистической России. – *Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства* (ред.-сост. Е.Ю. Мелешкина, Г.М. Михалева). М.: ИНИОН РАН. С. 95-127.

Шабров О.Ф. 2012. Политические технологии. – *Знание. Понимание. Умение*. № 4. С. 328-330.

Шульман Е. 2014. *Законотворчество как политический процесс*. М.: Московская школа гражданского просвещения. 184 с.

Экономическая политология: Отношения бизнеса с государством и обществом (отв. ред. А.Д. Богатуров). 2012. М.: Аспект Пресс. 240 с.

Chaisty P. 2008. The Legislative Effects of Presidential Partisan Powers in Post-Communist Russia. – *Government and Opposition*. Vol. 43. No. 3. P. 424-453.

Remington T. 2008. Patronage and the Party of Power: President–Parliament Relations under Vladimir Putin. – *Europe-Asia Studies*. Vol. 60. No. 6. P. 959-987.

POMIGUEV Il'ya Alexandrovich, *Cand.Sci. (Pol.Sci.), Researcher of the Department of Political Science, Institute of Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (15 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218); Associate Professor of the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993; pomilya@mail.ru)*

ALEKSEEV Dmitry Vladimirovich, *postgraduate student at the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (bld. 1, 82 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; mity-aalexeev@yandex.ru)*

THE LEGISLATIVE PROCESS AND LEGISLATIVE TECHNOLOGIES AS A SUBJECT OF RESEARCH IN THE RUSSIAN POLITICAL SCIENCE DISCOURSE

Abstract. *The article discusses the features of the study of the subject area of political science related to the legislative process and technologies. Frequently, these concepts can be considered legal in the domestic scientific political science discourse, but this is not entirely true. The legislative process is a tool to legitimize decisions at the state level and the relationship between the government and society. Legislative technologies are not only a legal method. It is a part of political technology. They are a combination of methods through which political actors can influence the legislative process. The authors conclude that the legislative process and technologies are an independent subject of political study.*

Keywords: *parliamentarism, legislative process, legislative technologies, political technologies, legislative activity, political science*

НИКОЛАЕВ Владимир Константинович – кандидат экономических наук, проректор по развитию цифровых технологий Российской таможенной академии (105275, Россия, г. Москва, пр-кт Буденного, 51, корп. 6; nvk64@list.ru)

НИКОЛАЕВ Константин Алексеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Балаковского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (413865, Россия, Саратовская обл., г. Балаково, ул. Чапаева, 107; konstantin.nikolaev.49@mail.ru)

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА «ГОСУДАРСТВО»

Аннотация. *В статье анализируются широкий и узкий подходы к толкованию сущности термина «государство». Согласно авторской точке зрения, государство можно трактовать как организованное территориальное сообщество граждан, которое в целях обеспечения своего временно́го и пространственного воспроизводства, своего жизнеобеспечения, социально-экономического и духовного развития формирует и (или, в случае отсутствия народовластия) поддерживает политический механизм, регулирующий общественные отношения и объединяющий большинство людей, обеспечивая баланс социальных интересов посредством как достижения общественного согласия, так и легитимного принуждения. При этом под политическим механизмом понимается то, что в политологии или в теории государства и права вкладывается в содержание термина «политическая система».*

Ключевые слова: *государство, политический механизм, политическая система, признаки государства.*

Государство как сложный, многомерный социальный феномен, подвергаемый теоретическому анализу с позиций различных отраслей научного знания, до настоящего времени порождает разнообразные подходы с точки зрения как толкования процесса его возникновения, так и понимания его сущности. Многомерность государства, его многоаспектное проявление в общественной жизни и в человеческом сознании объясняется тем, что государство одновременно предстает как:

– целостное сообщество людей, объединенных и организованных посредством заданной системы общественных отношений, структурированное, упорядоченное и способное, в той или иной мере, к эффективному функционированию и развитию;

– территориальное образование, объединяющее людей, обладающих разными этническими, религиозными, социальными, демографическими характеристиками через институт гражданства, нормативно предписывающий обязательства как государства перед своими гражданами, так и граждан перед государством, а также вступающее во взаимоотношения с иными территориальными образованиями – странами и их объединениями;

– механизм закрепления воли большинства, отражающей общие потребности и интересы, в т.ч. посредством нормотворческой деятельности, и ее реализации в повседневной общественной жизни;

– система государственных и иных властно-управленческих структур, в рамках которых должностные лица, преимущественно на профессиональной основе, осуществляют властно-управленческую деятельность по обеспечению функционирования данного человеческого сообщества, его политического, социально-экономического, духовного развития [Атаманчук 2004: 65-69].

Тем не менее единого толкования того, что же собой представляет государство на настоящий момент, нет ни в научной литературе, ни в международном праве, ни в политической практике и публицистике [Чернышов 2017: 64].

В российской традиции сформировались два основных подхода к толкова-

нию термина «государство»: широкое – как некая коллективность, общность, и узкое – как совокупность институтов власти, властный аппарат [Черепанов 2019: 132].

При широком толковании государство есть политическое и правовое объединение граждан, высшая форма организации человеческих сообществ, политический союз людей, которые подчинены единой верховной власти, для обеспечения общих интересов, защиты прав и свобод человека [Зеркин, Игнатов 2007: 30; Кнорринг 2006: 13], политическая форма организации жизни общества, которая складывается как результат возникновения и деятельности публичной власти – особой управляющей системы, руководящей основными сферами общественной жизни и опирающейся в случае необходимости на силу принуждения» [Теория государства... 2011: 727]. Это «политическая целостность, созданная национальной или многонациональной общностью людей на определенной территории, где с помощью политической элиты, монополизирующей власть, поддерживается юридический порядок, включая законное право на применение насилия» [Василенко 2013: 81-82].

При узком толковании государство выступает как публичная и легитимная властная сила общества, система особого типа социальных институтов, которые организуют политическую власть [Атаманчук 2004: 69; Зеркин, Игнатов 2007: 31], единая политическая, властная организация общества, которая распространяет свою власть на всю территорию страны и ее население, обладает государственным суверенитетом и располагает специальным аппаратом управления и принуждения, издавая нормативные акты, устанавливающие обязательный для всех правовой порядок [Теория государства... 2011: 149; Теория государства... 2014: 74]. В современных условиях, связанных с масштабными процессами цифровизации, становления и бурного развития информационного общества, в рамках узкого подхода к толкованию рассматриваемого термина сформировалось представление о государстве как платформе, которая выступает основой для «представления государства в качестве пространства для гражданской активности», а также технологическим инструментом и базой «для использования больших данных в различных приложениях», причем фактически речь идет об электронном правительстве и способе сделать его еще более открытым, ответственным и чувствительным к потребностям людей [Сморгунов 2019: 10].

Наряду с этим встречаются своего рода компромиссные толкования содержания термина «государства». Наиболее ярко это выражено у В.Е. Чиркина, который считает, что государство – «это политическое сообщество граждан и одновременно универсальная политическая организация, обладающая особой (суверенной государственной) властью и специализированным аппаратом регулятивного воздействия на общество (в том числе путем легализованного принуждения), выполняющая общие для общества задачи, выражающая в процессе социального арбитража прежде всего волю доминирующего социального слоя, но учитывающая в определенной мере интересы других слоев» [Чиркин 2008: 145-146]. Близка к такому подходу и позиция Э. Хейвуда, согласно которому государство – это «политическая организация, обладающая суверенной властью в пределах определенной территории и отправляющая ее посредством постоянно действующих институтов», считающихся «публичными, так как отвечают за организацию коллективной жизни в обществе и финансируются из общественных средств» [Хейвуд 2005: 109].

Тем не менее, как отмечает А.Г. Чернышов, «все или почти все существующие определения государства, равно как и реальная практика, являются определениями государственной власти» [Чернышов 2017: 65].

Следует отметить, что узкое толкование термина «государство», фактически

отождествляющее его с государственной властью, невольно приводит к относительной отделенности государства от общества, народа, его населяющего: «в современных условиях государство не способно стать народом, оставаясь государством в сегодняшнем понимании» [Васильев, Зенин 2019: 4], а то и к прямому противопоставлению народа и государства, рассматриваемых как две различные и противоположные сущности [Черепанов 2019: 132]. В связи с таким толкованием и возникает, например, активно обсуждаемая в литературе проблема взаимоотношения государства и общества, государства и гражданского общества. Анализируя вопросы данных взаимоотношений, Ю.А. Красин, например, пишет о том, что «государство вынуждено считаться с гражданским обществом», которое имеет возможность влиять на принятие властных решений, оказывать давление на власть и контролировать ее» [Красин 2013: 51-52], а С.Н. Кожевников, в свою очередь, отмечая как единство, так и различия между государством и гражданским обществом, констатирует, что «гражданское общество – это система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений» [Теория государства... 2014: 194]. Более того, В.К. Бабаев, рассматривая проблемы правотворчества выделяет, например, такой его принцип, как народный характер и пишет: «...государство, стремящееся стать правовым, в своей законодательной деятельности должно быть тесно связано со своим народом» [Теория государства... 2014: 400]. Да и А.Н. Головистикова пишет: «Государство проявляет заботу об обществе или, напротив, паразитирует или даже сокрушает общественный организм» [Теория государства... 2011: 410].

Именно такая возможность отделения, даже противопоставления государства и общества, граждан, его составляющих, – «главная драма русской жизни – это пропасть между человеком и государством» [Чернышов 2017: 59], обусловливает не просто ограниченность, а нецелесообразность использования такого подхода к определению рассматриваемого термина. Говоря о государстве, оправданно обращаться к организованному определенным образом человеческому сообществу, осознающему обобщенные потребности в рамках конкретной территории, способному организовывать самое себя, формируя институт своего развития [Чернышов 2017: 65]. Не случайно, анализируя сущность народовластия или народного суверенитета, например, И.А. Умнова подчеркивает, что народ – «не простая совокупность граждан конкретного государства, обладающих политическими, в том числе избирательными правами, а сообщество граждан, объединенных общегосударственными или общенациональными интересами» [Умнова, Алешкова 2012: 149]. В этом плане представляется интересным предложение И.И. Кравченко трактовать государство как «совокупность людей, занимающих принадлежащую им территорию, организованная политической системой, сформированной этой общностью (обществом) или ее доминирующей частью (сообществом)», хотя в целом и признает, что государство и общество соотносятся в рамках субъект-объектных отношений [Кравченко 2007: 20-21]. В свою очередь, В.А. Черепанов полагает, что «государство – это не надстройка над обществом, а публично организованное общество, публично-властным образом организованный народ (государственно организованный народ, "коллективный гражданин")» [Черепанов 2019: 132]. Да и в зарубежной литературе, как свидетельствует В.А. Гуторов, встречается точка зрения, согласно которой государство есть соединение постоянных жителей определенной территории и правительства [Гуторов 2014: 96]. Э. Хейвуд замечает, что государство включает в свои границы все институты публичной сферы и охватывает всех членов общества в качестве своих граждан, в то время как правительство есть лишь часть государства [Хейвуд 2005: 109].

И еще одно важное замечание. При рассмотрении вопросов, связанных с сущностью государства, исследователи обращают внимание на то, что «через его структуры и механизмы формируется и закрепляется всеобщая воля» [Атаманчук 2004: 67], что государство есть «становой институт определенной системы, институт развития» [Чернышов 2017: 65], «орудие организационного угнетения... инструмент, удерживающий людей от междоусобиц» [Васильев, Зенин 2019: 5]. Иначе говоря, представляется возможным говорить о том, что государство, рассматриваемое прежде всего как система социальных институтов, выражающих государственную власть, властная сила общества, олицетворяемая государственными органами, управляющая система, по сути своей есть некий политический инструмент, политический механизм, позволяющий территориальному сообществу, выстраивая и регулируя общественные отношения, обеспечивать свое временно́е и пространственное воспроизводство, социально-экономическое и духовное развитие, объединяя людей, обеспечивая баланс социальных интересов посредством достижения общественного согласия. В Российской Федерации такое территориальное сообщество граждан – многонациональный народ, т.е. «не отделенная от государства сущность, а неразложимая далее структурная единица государственности» [Черепанов 2019: 132], как отмечено в преамбуле Конституции РФ. Он соединен скрепами общей судьбы на своей родной земле, сохранением исторически сложившегося государственного единства, памятью предков, передавших нынешнему и будущим поколениям любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость на основе общепризнанных принципов равноправия, суверенной государственности и незыблемости демократической основы существования российского общества.

Исходя из этого, предлагается рассматривать государство как такое организованное территориальное сообщество граждан, которое в целях обеспечения своего временно́го и пространственного воспроизводства, своего жизнеобеспечения, социально-экономического и духовного развития формирует и (или, в случае отсутствия народовластия) поддерживает политический механизм, регулирующий общественные отношения, объединяющий большинство людей, обеспечивая баланс социальных интересов посредством как достижения общественного согласия, так и легитимного принуждения.

Под политическим механизмом в данном случае предлагается понимать то, что вкладывается в содержание термина «политическая система»: в политологии – это целостная совокупность государственных, политических, общественных организаций и объединений, политических и правовых норм, принципов, в рамках которых организуется и реализуется политическая власть в обществе [Политология 2013: 219]; в теории государства и права – «совокупность институтов государственно-организованного общества», которые осуществляют «политические функции на основе идейных установок, принципов, политических и правовых норм, соответствующих форм сознания и культуры» в целях выстраивания и совершенствования отношений между публичной властью, общественными объединениями и гражданами [Теория государства... 2014: 152].

При рассмотрении вопросов, связанных с толкованием содержания термина «государство», как правило, указывают перечень основных признаков или характерных черт государства как политико-территориальной организации, посредством которых, собственно, и предлагается определять содержание рассматриваемого термина [Теория государства... 2014: 70]. Причем следует подчеркнуть: именно признаков, или черт, присущих государству, а не его элементов. О спорности традиционного представления государства в виде совокупности таких элементов, как территория, население, государственная власть и т.п.,

справедливо говорит В.А. Черепанов [Черепанов 2019: 130-131]. Что же касается наиболее очевидных основных признаков, или характерных черт такого феномена, как государство, то к таковым представляется целесообразным отнести:

– наличие территории как ограниченного государственными границами пространства, в пределах которого распространяется суверенитет государства и государственные органы осуществляют свои полномочия;

– наличие населения как организованного территориального сообщества людей, объединенных юридическим институтом гражданства, проживающих на территории государства (в некоторых источниках первые два признака объединяют в один – «территориальное деление населения» [Теория государства... 2011: 149], «территориальная организация населения» [Теория государства... 2014: 70] или «территориальная организация власти и населения» [Охотский 2015: 323]);

– функционирование политического механизма, и прежде всего – института (аппарата) государственной власти и управления, обеспечивающего способность, возможность и право определять общественное поведение и деятельность населения, проживающего на территории государства, в т.ч. с помощью легитимного права на применение насилия, которое выражается в возможности наложения уголовного наказания, административных, имущественных и иных санкций (иногда этот признак определяют как «легитимно узаконенную властную силу» [Охотский 2015: 323]);

– действие права как системы общеобязательных законодательно закрепленных правил поведения, которая является одним из важнейших средств управления;

– взимание налогов как общеобязательных и безвозмездных платежей в заранее установленных размерах и в определенные сроки, необходимых для содержания публичных органов власти и управления, поддержания жизнедеятельности общества (иногда данный признак определяют как систему налогов и займов [Теория государства... 2011: 149], государственную казну, связанную с налогообложением и взиманием налогов [Теория государства... 2014: 70]);

– государственный суверенитет как международную правосубъектность, способность государства проводить независимую внешнюю и внутреннюю политику, обеспечивать верховенство государственной власти на всей территории страны и независимость государства на международной арене, как способность защищать страну, четко выражать и отстаивать общенациональные ценности и интересы как внутри страны, так и на международной арене, принимать «ответственность за судьбы развития мировых процессов в созидательном русле» [Чернышов 2017: 58];

– вооруженные силы, которые выполняют функцию защиты государства от внешних угроз, защиты государственного суверенитета.

В заключение хочется подчеркнуть следующее. В предлагаемой дефиниции термина «государство» ключевым выступает не столько политический механизм, сколько территориальное сообщество граждан, или иначе, как определяет В.Е. Чиркин, территориальный публичный коллектив как объединение людей, имеющих общий или публичный характер, существование которого обусловлено прежде всего необходимостью своего жизнеобеспечения, а не идейными, политическими взглядами, не видами деятельности и не определенными склонностями [Чиркин 2008: 36]. Ключевая роль такого сообщества объясняется тем, что при ослаблении по каким-либо причинам скрепляющих его взаимосвязей, тем более при их распаде, политический механизм перестает эффективно функционировать, государство как территориальное сообщество начинает терять свою суверенность и тогда либо государство как таковое пере-

стает существовать, либо политический механизм начнет использовать чрезвычайные меры, в т.ч. диктатуру как форму принудительного соединения отдельных индивидов и их объединения в квазисообщество, либо территориальное сообщество тем или иным способом качественно переформатирует потерявший в его глазах легитимность ранее сформированный политический механизм.

Список литературы

Атаманчук Г.В. 2004. *Теория государственного управления*: курс лекций. 2-е изд., доп. М.: Омега-Л. 584 с.

Василенко И.А. 2013. *Государственное и муниципальное управление*: учебник для бакалавров. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. 495 с.

Васильев С.А., Зенин С.С. 2019. Народ и государство: конституционно-правовая парадигма взаимодействия. – *Государственная власть и местное самоуправление*. № 10. С. 3-8.

Гуторов В.А. 2014. К вопросу о происхождении государства: парадоксы и аномалии современных интерпретаций. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 91-110.

Зеркин Д.П., Игнатов В.Г. 2007. *Основы теории государственного управления*: курс лекций. 3-е изд., доп. и перераб. М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: ИЦ «МарТ». 544 с.

Кнорринг В.И. 2006. *Основы государственного и муниципального управления*: учебник. 3-е изд., доп. М.: Экзамен. 477 с.

Кравченко И.И. 2007. Государство и общество. – *Вопросы философии*. № 7. С. 19-35.

Красин Ю.А. 2013. Государство и общество: сдвиги во властном поле. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 51-58.

Охотский Е.В. 2015. *Теория и механизмы современного государственного управления*. В 2 т.: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. Т. 1. 479 с.

Политология: учебник для бакалавров (под ред. И.Е. Тимерманиса). М.: Юрайт. 701 с.

Сморгунов Л.В. 2019. Партисипаторная государственная управляемость: платформы и сотрудничество. – *Власть*. Т. 27. № 5. С. 9-19.

Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. (под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева). 2011. М.: Юрайт. 743 с.

Теория государства и права: учебник для бакалавров. 3-е изд., перераб. и доп. (под ред. В.К. Бабаева). 2014. М.: Юрайт. 715 с.

Умнова И.А. Алешкова И.А. 2012. *Конституционное право РФ*: учебник для бакалавров. М.: Юрайт. 578 с.

Хейвуд Э. 2005. *Политология*: учебник для студентов вузов (пер. с англ.; под ред. Г.Г. Водорезова, В.Ю. Бельского). М.: ЮНИТИ-ДАНА. 544 с.

Черепанов В.А. 2019. Народ и государство: о доктринальном толковании конституционной модели. – *Журнал российского права*. № 1. С. 129-141.

Чернышов А.Г. 2017. Современное государство: последний левиафан, фантом или мессия? – *Власть*. Т. 25. № 5. С. 57-67.

Чиркин В.Е. 2008. *Система государственного и муниципального управления*: учебник. 3-е изд., перераб. М.: Норма. 448 с.

NIKOLAEV Vladimir Konstantinovich, *Cand.Sci. (Econ.), Vice-rector for Digital Development at the Russian Customs Academy (bld. 6, 51 Budennogo Ave, Moscow, Russia, 105275; nvk64@list.ru)*
NIKOLAEV Konstantin Alekseevich, *Cand.Sci. (Philos.), Associate Professor at the Chair of State and Municipal Administration, Balakovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (107 Chapaeva St, Balakovo, Saratov Region, Russia, 413865; konstantin.nikolaev.49@mail.ru)*

ON THE MEANING OF THE TERM «STATE»

Abstract. *The article analyzes broad and specific approaches to the interpretation of the term «state» and points out the restrictions of such interpretation in the term's narrow sense – solely as a system of authority institutions, administrative apparatus, and legitimate power of authorities. The authors express an opinion that state may be seen as such an organized territorial community of citizens which pursue the goal of securing their temporal and spatial reproduction, their necessities of life, as well as social, economic and cultural development. It forms or (in a non-democracy) support the political framework that regulates social relations and unites the majority of people, while ensuring a balance of social interests by both achieving public consent and legitimate enforcement. The authors show that at the same time the political framework is the composition of state, political and public organizations that perform their political enforcement and administrative activities on the base of certain principles and values. To make such interpretation of the term «state» clearer, the paper provides a list of the basic features of the state: the presence of territory and population as a community of citizens, an apparatus of public authority and administration, legal and tax systems, with actual national sovereignty and armed forces available.*
Keywords: *state, political framework, political system, attributes of the state*

ЮСУПОВА Гурия Исламгараевна – *доктор философских наук, главный научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (367025, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45; huria@list.ru)*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ «ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. *Автор рассматривает институционализацию категории «этнополитическая безопасность» для анализа безопасности этнополитического пространства Северо-Кавказского региона с применением исследовательских возможностей институционального, системного подходов, принципа междисциплинарности. В статье предлагается авторское определение этнополитической безопасности, формулируются рекомендации, направленные на повышение эффективности этнополитической безопасности в условиях современных модернизационных вызовов и угроз.*
Ключевые слова: *национальная безопасность, Северный Кавказ, этнополитическая безопасность, конфликт, этнополитические отношения, риски и угрозы*

Актуальность темы исследования обусловлена расширением интереса к изучению различных аспектов национальной и региональной безопасности. Сегодня национальная безопасность является доминантным направлением формирования общероссийской гражданской идентичности, сохранения целостности российского социума, надежным инструментом устойчивого развития полиэтноконфессионального государства. В современном научном дискурсе актуализировались проблемы глобальной безопасности. В качестве угроз

глобальной безопасности рассматриваются проблемы бедности и безработицы, перенаселенности планеты, вооруженные, в т.ч. межэтнические, конфликты и т.д. [Яницкий 2018: 9].

Транснациональный характер приобрели проблемы информационного противоборства и информационной безопасности. Говоря о «балканизации Интернета», А.А. Нежельский отмечает, что «в основе логики разделения и сегментации Интернета лежат соображения по обеспечению государственной информационной безопасности» [Нежельский 2018: 71].

Концептуализация категории «национальная безопасность» в отечественной политологии приходится на 1990-е гг. Региональный аспект национальной безопасности стал объектом политологических исследований еще позже. В связи с этим в научный оборот вошло и такое понятие, как этнополитическая безопасность.

Методы исследования. Такая многоаспектная и сложная для объективного анализа проблема как этнополитическая безопасность требует применения нескольких методологических парадигм, что объясняется также междисциплинарностью самой исследуемой категории. Современное гуманитарное знание ориентируется на синкретический подход к выбору методологических критериев научного анализа. Для определения категории этнополитической безопасности автор применяет методологические подходы к дифференциации видов безопасности на основе горизонтального и вертикального срезов, основанных на институциональном и количественном подходах. Институциональный подход позволяет выделить и рассматривать именно безопасность в сфере межэтнических отношений, т.е. защиту от угроз и вызовов в сфере именно этнополитических отношений.

Количественный подход увязывает данное понятие с региональным аспектом, определяя этнополитическую безопасность как безопасность полиэтничного региона. В его рамках можно рассматривать этнополитическую безопасность региона, республики, города, района, т.е. любой социальной общности с полиэтничным составом населения.

Системный подход позволил рассматривать Северо-Кавказский регион как подсистему в рамках более крупной социальной системы – Российской Федерации. Автор применяет этногеополитический подход, заключающийся в увязке геополитики и этнополитики в единый методологический концепт. Он позволяет анализировать взаимодействие и взаимовлияние этнического, конфессионального факторов и геополитики.

По мнению исследователей, выстраивание современной стратегии национальной безопасности должно учитывать возрастание значения геополитического фактора. Особого внимания требуют регионы, где сталкиваются геополитические интересы ведущих стран [Блохин, Синицын 2018: 34].

Рассматривать этнополитическую безопасность Северо-Кавказского региона невозможно без учета геополитического фактора, т.к. геополитические трансформации последних десятилетий оказали существенное влияние на этнополитическую и этноконфессиональную ситуацию в регионе. Современные геополитические процессы исследуются в работах отечественных ученых В. Дергачева, А. Дугина, И. Василенко, Б. Исаева, К. Гаджиева, В. Колосова, Н. Мироненко, Н. Нартова, А. Цыганкова, П. Цыганкова и др. Изменение геополитического положения Северо-Кавказского региона актуализировало научный интерес к данной проблематике. Геополитика Каспийско-Кавказского региона в контексте национальной и региональной безопасности анализируется в многочисленных исследованиях И.П. Добаева, В.В. Черноуса, З.С. Арухова, В.Е. Мишина, В.Н. Рябцева, С.Н. Епифанцева, Д.В. Кротова, М.М. Шульги, И.В. Юрченко,

Г.И. Юсуповой, М.А. Аствацатуровой, Ю.Н. Белозерова, Г.Д. Гриценко, С.А. Ивановой и др.

Основные векторы российской геополитики и геостратегии на Северном Кавказе рассматривали М. Гусаев, З. Арухов, К. Ханбабаев, З. Махулова, М. Абакаров, Г. Юсупова. Для разработки понятия «этнополитическая безопасность» автор использовал достаточно большое число научных публикаций по проблемам геополитики, национальной безопасности и национальных интересов РФ на Северном Кавказе.

Региональный уровень национальной безопасности охватывает много аспектов. Данная константа позволяет нам выделить различные виды безопасности, основываясь на типологизации основных сфер жизнедеятельности социума.

Система национальной безопасности Российской Федерации включает различные уровни безопасности: личностный, региональный, государственный. Институциональный подход позволяет выделить военную, информационную, экономическую, экологическую, финансовую, продовольственную, духовную безопасность. Исследование проблем обеспечения безопасности полиэтноконфессионального региона логично помогает выделить такие понятия, как этнополитическая, этноконфессиональная и этнокультурная безопасность.

В 1990-х гг. в России возникла новая модель регулирования и развития межнациональных отношений – модель политического суверенитета регионов, инициированная сверху, своеобразная ложная эйфория свободы. «Однако реалии современного мира быстро отрезвили их, и у многих со временем такая эйфория исчезла» [Пещеров 2018: 17]. Выпячивание принципа этнической принадлежности привело к росту этнической дестабилизации и создало реальные угрозы для региональной и национальной безопасности. Предложенная Б.Н. Ельциным идея: «Берите суверенитета столько, сколько можете проглотить» реально совпадала с планами Запада расчленить (после удачного опыта с развалом Советского Союза) и Российскую Федерацию. Именно 1990-е гг. стали периодом наибольшего роста числа и ожесточенности этнополитических конфликтов.

Сама сфера этнополитических отношений стала на десятилетия источником конфликтов, локальных войн и нескончаемых противоречий. В сфере этнополитических отношений возникли реальные угрозы национальной безопасности как всего Российского государства, так и его отдельных регионов, где этнополитические противоречия проявились наиболее глубоко и болезненно, отразившись на судьбах миллионов людей.

Первое десятилетие после распада СССР характеризовалось тем, что на всем постсоветском пространстве резко увеличилось число межнациональных конфликтов, зачастую перераставших в локальные войны с многочисленными жертвами. Вырос также национализм, принявший формы откровенного фашизма во многих регионах бывшего СССР, где, к счастью, дело до войны не дошло. Началось ущемление прав некоренных национальностей, нагнетание антирусских, антисемитских, антикавказских настроений. Национал-экстремизм активно культивировался западными спецслужбами для дестабилизации обстановки в ряде регионов бывшего СССР. Этот период эксперты определяли как наиболее острый кризис в межнациональных отношениях.

Став правопреемницей Советского Союза, Российская Федерация получила в наследство исторически обусловленную систему национальных отношений. Наряду с достаточно прочным запасом позитивного опыта, данная система включала в себя и целый комплекс противоречий и конфликтов в сфере межнационального общения и национально-государственного строительства. Данный период был наиболее сложным для Северного Кавказа и для России

как независимого государства. Для этнополитической ситуации в регионе были характерны вооруженные конфликты, стремительный и неконтролируемый рост преступности, многочисленные попытки реализации разных форм этносепаратизма, выхода субъектов из состава РФ, стремление к внутренней суверенизации республик по национальному признаку.

Укрепление вертикали государственной власти в РФ начиная с 2000 г., формирование адекватной современным вызовам в сфере межнациональных отношений стратегии национальной политики привели к укреплению этнополитической стабильности в Северо-Кавказском регионе. Тем не менее опасность этнополитических противоречий, этнополитических, этнотерриториальных конфликтов в регионе по-прежнему сохраняется. Нулевые годы стали новым этапом в развитии межэтнических процессов в стране. Этот этап прежде всего характеризуется изменением государственной стратегии регулирования национальных отношений, главной целью которой стало обеспечение территориальной целостности, безопасности государства и стабильного развития его регионов.

Создана целостная система документов стратегического планирования, объединяющая базовые документы долгосрочного целеполагания на федеральном уровне (Стратегический прогноз РФ, Стратегия национальной безопасности РФ), документы стратегического целеполагания на региональном уровне, существенный пакет программно-плановых документов, включая государственные программы РФ [Назаров, Афиногенов 2020: 9]. В это же время в науке происходит расширение понятия национальной безопасности. Современные российские нормативно-правовые акты по вопросам национальной безопасности соответствуют научному пониманию этого понятия [Пономаренко 2017: 88].

Увеличилось число акторов системы обеспечения национальной безопасности. Каждая новая угроза безопасности требует самостоятельного анализа и особого пути реагирования и предотвращения возможной опасности, поэтому появляются все новые и новые модели безопасности. Изменилось и процентное соотношение внутренних и внешних угроз национальной безопасности. Вектор смещается в сторону увеличения внутренних угроз. А они, прежде всего, связаны именно с этнополитическими и конфессиональными проблемами.

Можно констатировать, что понятие «этнополитическая безопасность» вполне утвердилось в российском политологическом дискурсе. В целом ряде работ автор рассматривает проблемы этнополитической безопасности [Юсупова 2006; 2007а; 2007б; 2009], а также разрабатывает проект Концепции этнополитической безопасности Республики Дагестан [Юсупова 2006].

Предлагаем следующее авторское определение этнополитической безопасности. *Этнополитическая безопасность* – это составляющий элемент всей системы национальной безопасности в условиях полиэтничного социального пространства. Она представляет собой безопасное и устойчивое развитие представителей всех этносов, обеспечение благоприятных условий для сохранения этнокультуры, языка, этнической идентичности, этнической психологии.

Методологическая матрица изучения категории «этнополитическая безопасность» включает следующие методологические принципы: системность, комплексность, адаптивность, междисциплинарность. Можно выделить две приоритетные задачи обеспечения этнополитической безопасности в полиэтническом социуме. Первая задача предусматривает безопасное и устойчивое развитие представителей всех этносов независимо от национальной принадлежности. Вторая задача направлена на формирование и развитие общероссийской идентичности.

По мнению экспертов, в ближайшем будущем на Северном Кавказе ожидается рост напряженности. Негативные последствия, вызванные мировым кризисом, экономическими санкциями, а также непредсказуемость и запутанность международных внешнеполитических отношений неизбежно повлекут за собой этнополитическую нестабильность и усиление кризисных процессов в регионе [Авксентьев, Гриценко 2016: 92]. По нашему мнению, хотя этнополитическая и этноконфессиональная ситуация стала более стабильной, актуальными остаются опасности терроризма, религиозно-политического экстремизма и межэтнической напряженности.

Выводы. Институционализация понятия «этнополитическая безопасность» связана с расширением категории национальной безопасности. Наиболее удобным методологическим принципом для исследования этнополитической безопасности представляется системный подход.

Применение системного подхода позволяет в рамках системы национальной безопасности выделить подсистему этнополитической безопасности, субъектом которой может быть регион с полиэтничным составом населения, в частности Северо-Кавказский федеральный округ. В рамках данной социальной системы также могут быть выделены подсистемы.

Важным фактором укрепления этнополитической безопасности может стать формирование нового идеологического пространства, способствующего эффективному развитию общероссийской гражданской идентичности. Смысловыми символами нового идеологического пространства может стать синтез идей межэтнического, межконфессионального, внутриконфессионального согласия, патриотизма, этнополитической безопасности.

Серьезной угрозой этнополитической безопасности является кризис идентичностей. Поэтому современная государственная национальная политика должна быть достаточно эффективной и гибкой для поддержания исторических, культурных, духовных ценностей, глубокой мотивации совместного проживания и развития в рамках общего социокультурного измерения.

Формирование и развитие общероссийской гражданской идентичности должно быть обеспечено дальновидной государственной поддержкой, опираться на существующий культурно-цивилизационный тип народов, населяющих страну [Горшков 2013: 18]. Процесс развития общероссийского гражданского самосознания может стать позитивным политическим ресурсом, если он будет подкреплен социальным равновесием в обществе. Социальное равновесие может быть обеспечено решением таких актуальных на сегодняшний день задач, как уменьшение социальной поляризации населения, повышение уровня жизни граждан, создание многочисленного слоя среднего класса, уверенного в достойном будущем для себя и своих детей, создание и поддержание гарантированных социальных лифтов.

Эффективным ответом на современные вызовы этнополитической безопасности региона может стать также развитие инновационного потенциала региональных элит, умелое привлечение к решению важнейших общегосударственных задач регионального социального капитала.

Список литературы

Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д. 2016. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка. – *Социс. Социологические исследования*. № 1. С. 92-99.

Блохин К.В., Синицын И.М. 2018. «Стратегический терроризм» США как угроза национальной безопасности России: генезис и особенности. – *Власть*. Т. 26. № 5. С. 28-34.

Горшков М.К. 2013. Роль государства в сохранении и развитии национальной и гражданской идентичности и укреплении доверия в контексте глобальных процессов. – *Гуманитарий Юга России*. № 3. С. 16-18.

Назаров В.П., Афиногенов Д.А. 2020. Проблемы развития общей теории национальной безопасности в контексте корректировки Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. – *Власть*. Т. 28. № 1. С. 9-19.

Нежельский А.А. 2018. Теоретические основы исследования информационных войн и информационной безопасности государства. – *Власть*. Т. 26. № 6. С. 70-74.

Пещеров Г.И. 2018. Внешняя политика и проблемы национальной безопасности в современном мире. –*Власть*. Т. 26. № 6. С. 17-19.

Пономаренко Я.А. 2017. Эволюция теоретических представлений о понятии национальной безопасности. – *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. № 2. С. 88-93.

Юсупова Г.И. 2006. *Геополитические и этнополитические аспекты безопасности Юга России в условиях глобализации*. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН. 150 с.

Юсупова Г.И. 2007а. *Глобализация и трансформационные процессы в социально-политической сфере республик Северного Кавказа*. М.: Наука. 120 с.

Юсупова Г.И. 2007б. *Дагестан в новом геополитическом пространстве: конструктивный потенциал и конфликтогенные факторы*. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН. 152 с.

Юсупова Г.И. 2009. *Глобализация и этнополитическая безопасность Юга России»*. М.: Собрание. 320 с.

Яницкий О.Н. 2018. Дискуссия по проблемам глобальной безопасности. – *Власть*. Т. 26. № 5. С. 7-12.

YUSUPOVA Guria Islangaraevna, Dr.Sci. (Philos.), Chief Researcher of the Regional Centre for Ethno-Political Research, Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences (M. Gadzhieva St, 45, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia, 367025; huria@list.ru)

CONCEPTUALIZATION OF THE CATEGORY OF ETHNO-POLITICAL SECURITY IN MODERN POLITICAL SCIENCE DISCOURSE

Abstract. *The purpose of the article is the political analysis of the definition of ethno-political security. On the base of application of research opportunities of system-synergetic methodology to the analysis of safety of ethno-political space of the polyethnic region of the Russian Federation in the conditions of modernization challenges and threats, the author developed a methodological matrix of the category of ethno-political security. She considers modern threats to national security at the regional level. The article gives the definition of ethno-political security, and sets goals aimed at improving the efficiency of ethno-political security in the context of modern challenges and threats.*

Keywords: *national policy, regional security, North Caucasus, ethno-political security, conflict, ethno-political relations, region, risks and threats, stability, geopolitical factor*

КИСЛИЦЫН Сергей Алексеевич – *доктор исторических наук, профессор Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70; raven_serg@mail.ru; Kislizins@yandex.ru)*

ПИРРОВА ПОБЕДА И.В. СТАЛИНА (о книге «Контрпроцесс Троцкого. Стенограмма слушаний по обвинениям, выдвинутым на московских процессах 1930-х гг.»)

Аннотация. *Непричастность Троцкого к убийству Кирова и «вредительству» 1930-х гг. не вызывает сомнений, поэтому в статье анализируется рассмотрение в ходе судебного контрпроцесса Троцкого вопросов о мировой революции, о перерождении диктатуры пролетариата в деспотизм Сталина, характере построенного в СССР общества, роли троцкизма и сталинизма в истории СССР, последствиях разгрома троцкизма. Разгром троцкизма и достижение единства партии имело в т.ч. негативные последствия. Под предлогом борьбы с «пятой колонной» Сталин уничтожил в год 20-летия Октября не только троцкистскую контрэлиту, но практически всю большевистскую политическую и военную элиту. Автор выдвигает предположение, что просчет Сталина в определении сроков нападения Германии на СССР в 1941 г. стал еще одним из опосредованных следствий разгрома троцкизма. Стенограмма контрпроцесса Троцкого является важным источником при изучении истории политических репрессий в СССР, теории и практики коммунистического движения.*

Ключевые слова: *политическая история России, элиты, контрэлиты, сталинизм, контрпроцесс Троцкого, последствия разгрома троцкизма*

Изданная с большим опозданием на русском языке уникальная книга состоит из двух частей: стенограммы контрпроцесса и концептуального предисловия известного ученого С.С. Дзарасова, в котором анализируется значение контрпроцесса [Контрпроцесс... 2017]. Основные заключения контрпроцесса о непричастности Л.Д. Троцкого к инструктированию вредительства и террора, организации умерщвления политических оппонентов, к замыслу реставрации капитализма в СССР т.п. [Контрпроцесс... 2017: 578-579] стали практически общепризнанными и уже не дискутируются в научной литературе. Однако актуальными остаются вопросы об идеалах мировой революции, о перерождении диктатуры пролетариата в диктатуру Сталина, о характере построенного в СССР общества, месте и роли троцкизма и сталинизма в истории СССР, о значении разгрома троцкизма.

Стенограмма контрпроцесса свидетельствует о стремлении всех его участников к объективности при рассмотрении существа дела. Прежде всего, важно подчеркнуть авторитетный состав судебной комиссии Дж. Дьюи, ее развернутую политико-юридическую деятельность по рассмотрению обвинений в адрес Троцкого. С.С. Дзарасов считал, что в СССР такой судебный процесс был невозможен. Конечно, встает вопрос, не стал ли контрпроцесс заложником политической ситуации? Текст стенограммы свидетельствует, что, хотя влияние политической конъюнктуры, бесспорно, присутствует, тем не менее, выявленные фактологические и юридические несоответствия московских обвинений реальным фактам свидетельствуют, что задача контрпроцесса была в основном реализована.

Важной составляющей контрпроцесса, а также и предисловия С.С. Дзарасова [Контрпроцесс... 2017: 7-47], является освещение биографии Троцкого и его роли в истории РСДРП(б)–РКП(б)–ВКП(б) [Контрпроцесс... 2017: 53-152, 366-

400]. В связи с обвинениями в организации индивидуального террора Троцкий особо подчеркивает, что он, начиная с 1902 г., являлся принципиальным противником индивидуального террора. Возглавляя в 1905 г. Петроградский совет, издавая в эмиграции газету «Правда», руководя Петроградским ВРК в 1917 г., он был идеологом и организатором классовой политической борьбы. Отвечая на обвинения московского суда, он подчеркивал, что разногласия с Лениным по ряду вопросу были, но они на самом деле не носили стратегический характер. Он считал ошибкой, что с 1904 по 1917 г. был вне большевистской партии, пытаясь примирить большевиков и меньшевиков. При этом Троцкий заявлял, что, хотя в вопросе «перманентной революции» был все-таки прав он, а не Ленин, в целом вклад Ленина в марксистскую теорию «был неизмеримо больше». В отличие от сталинских судебных процессов, на контрпроцессе приводились исторические документы, исключавшие обвинения прокурора Вышинского. Например, на контрпроцессе цитировались две сугубо положительные оценки деятельности Троцкого, данные Лениным в 1917 г. и Сталиным в 1918 г., и многие другие.

Стенограмма показывает, что борьба в политической элите СССР носила, с одной стороны, личностный характер, т.е. преследовалась цель удержания личной власти и формирования единства партии вокруг лидера-победителя, но с другой – это была борьба концепций строительства социализма, причем вторая составляющая противоборства носила принципиальный характер. В ходе опросов выявились два аспекта рассмотрения этой проблемы. Первый относится к середине 1920-х гг., когда велась полемика по выбору планов индустриализации и коллективизации, второй – к середине 1930-х гг., когда давалась оценка практических результатов этих решений и процессов. Как явствует из протоколов контрпроцесса, Троцкий в середине 1920-х гг. выступал за ускоренную индустриализацию с темпом ежегодного роста в 9%, что было названо сверхиндустриализацией. Однако бюрократия предложила прирост в 20% и поставила задачу завершить пятилетку в 4 года. Троцкий считал это неправильным, т.к. это приведет к росту внутренних противоречий. Свое отношение к сталинской практике он сформулировал так: «...я защищаю советскую экономику от ее капиталистических и социал-демократических реформистских критиков, и я критикую бюрократические методы руководства» [Контрпроцесс... 2017: 279]. В ответ на сталинские обвинения в саботаже линии партии Троцкий язвительно спрашивал: «...как же, являясь сверхиндустриалистом, можно быть саботажником промышленности? Как из своей могущественной ссылки он дезорганизовал промышленность Советского Союза вопреки руководству страны?» [Контрпроцесс... 2017: 285]. Борьба с поспешной коллективизацией началась всего на год позже, чем против поспешной индустриализации. Троцкий объявил себя противником сталинских методов коллективизации, которые привели к истреблению миллионов крестьян. Он заявил, что коллективизация предполагает высочайший уровень активности или взаимозависимости крестьян, «надо объяснять им, учить их, завоевывать на свою сторону – а не убивать кулака». Но действия бюрократии состояли в том, чтобы убивать кулаков, выталкивая таким методами устрашения других крестьян в лагерь враждебных элементов» [Контрпроцесс... 2017: 281]. Конечно, Троцкий был известен как волевой администратор, и не случайно по вопросу коллективизации Троцкому обвинений в саботаже не предъявляли. Причем Н.И. Бухарин в своей полемике со Сталиным в конце 1920-х гг. предъявлял ему обвинения в скатывании в этом вопросе к троцкизму и требовал возврата к нэпу.

С. Дзарасов считал вслед за Троцким, что произошло «термидорианское» перерождение революции и что построенный под руководством Сталина тота-

литарный социализм был извращением «первоначального идеала, что привело в конечном счете к его дискредитации среди множества людей и отказу от него» [Контрпроцесс... 2017: 44]. Но о каком идеальном первоначальном варианте социализма идет речь у Дзарасова? Это идеи «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «военный коммунизм» или нэп? Мы солидаризуемся с мнением историков, что термин «термидор» притянут Троцким к проблеме искусственно, т.к. другого варианта революции и последующих преобразований в отсталой аграрной евроазиатской стране просто не могло быть в принципе. Не случайно Сталин и Троцкий оказались достаточно близкими друг к другу по ряду принципиальных вопросов организации террора в гражданской войне, методологии форсирования индустриализации и коллективизации. Модель сталинского социализма выполнила свою историческую задачу промышленного рывка и была аннулирована в ходе «перестройки» и последовавших реформ. Однако в рамках этого тренда были и другие тенденции, прежде всего развития контрэлитной оппозиционности.

Главной причиной своего поражения в 1927 г. Троцкий назвал борьбу против «новой правящей касты, новых привилегий и бесконтрольной власти». Слушания в ходе контрпроцесса показывали, что Троцкий являлся, во-первых, творческим интерпретатором марксизма, основателем определенного направления социалистической мысли, получившего название троцкизма. Трагедия заключалось в том, что в условиях внутрипартийной борьбы 1920-х гг. и последовавших в 1930-х гг. событий, это идеологическое явление стало обоснованием его якобы предательства и измены делу революции. В реальности Троцкий был, как это ни странно звучит, идейно-политическим лидером ленинского типа, противостоящим жесткому прагматику И.В. Сталину, практике тоталитаризма по всем направлениям его внутренней и внешней политики[1].

Значительная часть текста рецензируемой книги посвящена международным отношениям СССР. Обвинения московских прокуроров строились на признании борьбы Троцкого с СССР и с коммунистическим движением. В 1927 г. Троцкий в полемике со Сталиным заявил: «Когда враг будет в 109 км от Москвы, мы сделаем то, что сделал в свое время Клемансо, мы свергнем бездарное правительство, но с той разницей, что Клемансо удовлетворился взятием власти, а мы кроме того расстреляем эту тупую банду ничтожных бюрократов, предавших революцию. Да, мы это сделаем. Вы тоже хотели бы расстрелять нас, но вы не смеете. А мы посмеем, так как это будет совершенно необходимым условием для победы»[2].

И.В. Сталин запомнил это ставшее провокационным высказывание, и сам последовал ему в своей политике. Он посмел расстрелять в год 20-летия Октября практически всю большевистскую политическую элиту за некоторым исключением, считая это условием победы в предстоящей войне. Оправданием террора был троцкизм. Действительно, Троцкий в эмиграции создал новый, Четвертый интернационал и повел в коммунистическом движении решительную политическую борьбу против сталинизма, который, по его мнению, был извращением марксизма. В интерпретации Сталина борьба против его политической линии

---

[1] Представляется что С.С. Дзарасов придает слишком большое значение личным качествам вождей революции, особенно негативным качествам Сталина и позитивным качествам Троцкого, т.к., во-первых, оба они были очень сложными и противоречивыми личностями и, во-вторых, политическая борьба всегда сопровождается противостоянием личностей, преступающих нормы морали и нравственности.

[2] «Клемансистский тезис» Троцкого 1927 года. Доступ: http://www.famhist.ru/famhist/bajanov/00001c51.htm (проверено 26.04.2020).

являлась пособничеством капитализму и германскому фашизму, а в понимании Троцкого – все происходило диаметрально противоположно.

Троцкий писал, что после победы Гитлера и изменения политики Коминтерна Четвертый интернационал призвал создать «революционную партию в Советском Союзе», которая должна была бороться за политическую революцию как в СССР, так и во всем мире [Контрпроцесс... 2017: 299]. По его мнению, первая революция произойдет в Японии, вторая – в Германии [Контрпроцесс... 2017: 307]. При всем этом «защита Советского Союза от ударов капиталистических врагов независимо от обстоятельств и непосредственных причин конфликта является элементарной и настоятельной обязанностью каждой честной рабочей организации» [Контрпроцесс... 2017: 312]. Троцкий заклеймил позором политику Сталина в Испании во время гражданской войны и одновременно подверг критике партию ПОУМ, считавшуюся троцкистской организацией. Но поскольку мятеж ПОУМ в Барселоне способствовал поражению испанского правительства в борьбе с Франко, то в СССР троцкистов стали считать участниками предательской «пятой колонны». Этот феномен включал в себя, по мнению Сталина, легальных оппозиционеров, которые в решающий момент противостояния, в духе тезиса Клемансо, поднимут мятеж и захватят власть, даже ценой поражения Отечества в войне.

Из текста книги следует, что анализ международной политики Троцкий осуществлял с позиций идеала мировой коммунистической революции и собственной концепции перманентной революции. Эти идеи были широко распространены в 1920-х гг. в партии, Коминтерне и в среде советских разведывательных спецслужб. Основная западная агентура внешней разведки сотрудничала с СССР совершенно безвозмездно, на основе единства мировоззрения, т.е. ради идеалов мировой коммунистической революции. Для Сталина эти идеи стали в новых условиях олицетворением троцкизма – главного врага трансформировавшейся ВКП(б) и его лично. Все основные резиденты советской разведки как «зараженные троцкизмом» получили вотум недоверия, были вызваны в Москву и там расстреляны, за исключением Р. Зорге и некоторых других кадров, которые отказались приехать[1]. Для того чтобы понять отношение Сталина к разведчикам, как легальным, так и нелегалам, достаточно вспомнить его отношение к военачальникам в ходе Гражданской войны и в начальный период Великой Отечественной войны. Такое недоверие усугублялась тем обстоятельством, что И.В. Сталин и его близкие сподвижники были в прошлом революционерами-нелегалами, прошли тюрьмы и ссылки, работали в вынужденном взаимодействии с царской охранкой и считали себя знатоками подпольной деятельности. В отличие от В.И. Ленина и его эмигрантского окружения, большевики-почвенники типа И.В. Сталина или Я.М. Свердлова и другие маргинальные интеллигенты-разночинцы, рабочие от станка и крестьяне «от сохи», не имели высшего образования, не владели европейской культурой, не знали, как правило, иностранных языков, не имели иной профессии, кроме революционной деятельности [Кислицын 2016]. Они были замкнуты в своем кругу фанатиков, были категоричны в мышлении, жестоки в практике нелегальной борьбы и последовавшей Гражданской войны [Слезкин 2019]. Тот факт, что Сталин был эффективным нелегалом-революционером, дал ему уверенность в том, что он в состоянии и в новых условиях разбираться в технологиях разведывательной деятельности не хуже приглашенных «троцкистом» Я. Берзиным нелегалов-

[1] Из истории сталинского террора в советской разведке. Доступ: https://historical-fact.livejournal.com/114028.html (проверено 29.04.2020); Симбирцев И. *Спецслужбы первых лет СССР. 1923–1939: На пути к большому террору.* М.: Центрполиграф. 2008. 384 с.; Судоплатов П.А. *Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля.* М.: ТОО «Гея». 1996. С. 68-69.

разведчиков, самостоятельно разобраться в перипетиях политической борьбы за Западе. Инициированное им уничтожение интернациональных кадров разведки привело к падению качества поставляемой информации, снижению ее адекватности и идеологического качества. В ходе контрпроцесса Троцкий подчеркивал, что абсолютизация идеи строительства социализма в одной отдельно взятой стране привела к отказу от всякого интернационализма [Контрпроцесс... 2017: 423]. Сталин считал, что Троцкий и его единомышленники стремятся любой ценой столкнуть СССР и Запад, привести их к выгодной для него войне. Поэтому практически все предупреждения оставшихся резидентов разведки о предстоящем нападении Германии на СССР (а не на Англию) в июне 1941 г. он воспринимал с недоверием, даже как провокацию. Можно предположить, что стратегический просчет Сталина в определении сроков нападения Германии на СССР в 1941 г. стал, как это ни странно, в известной степени одним из опосредованных последствий разгрома троцкизма и как идеологии, и как течения в мировом коммунистическом движении. В заключительной речи на контрпроцессе Троцкий пророчески указал, что Сталин оказал огромную услугу Гитлеру своими московскими процессами [Контрпроцесс... 2017: 472].

Спустя год после контрпроцесса, в марте 1938 г., в Москве состоялся третий публичный судебный процесс над так называемым антисоветским правотроцкистским блоком[1]. Сталинизм бездоказательно и на основе понятно как полученных признательных показаний обвинял соратников Ленина Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, Н.Н. Крестинского, Х.Г. Раковского во всех смертных грехах, начиная от убийств, шпионажа и до заговора под руководством Троцкого. Комментируя этот процесс в статье в журнале «Бюллетень оппозиции», Троцкий утверждал, что вокруг «Каина-Джугашвили» в СССР накапливается народная ненависть[2]. В действительности развивалась не сознательная ненависть к диктатору и даже не всеобщий смертельный страх, а сформировавшаяся фанатичная вера трудящихся масс в своего харизматичного вождя. Эту веру можно называть слепой, глупой, даже аморальной и т.п., но она была. Часть общества, выражавшая сомнения или склонная к инакомыслию, была репрессирована или психологически подавлена. К тому же Троцкий своими намеками о его сторонниках в СССР опосредовано способствовал параноидальной подозрительности Сталина, укреплял его уверенность в правильности курса на очищение от троцкизма партии и государства. Сформировался порочный замкнутый круг «Сталин–элита–контрэлита–оппозиция–Троцкий–Сталин», который стал основой механизма репрессий. Причины кадрового террора Троцкий видел в том, что война СССР с Германией может вызвать негативную реакцию со стороны народа и крушение сталинизма. С другой стороны, он утверждал, что эта война активизирует международный пролетариат в борьбе за мировую революцию. Троцкий ошибался в обоих случаях (в разной степени), но в тот период его мнение учитывалось в той или иной степени и Сталиным, и всеми субъектами мировой политики.

Таким образом, разгром троцкизма и достижение единства партии имело

---

[1] *Судебный отчет по делу антисоветского правотроцкистского блока* (предисл. Н. Старикова). СПб: Питер. 2014. Стариков утверждает, что изучение этого и других московских процессов позволяет понять, что произошло в конце 1930-х гг. Он не объясняет отсутствие вещественных и документальных доказательств, фиксирует внимание на вербальном признании вины, хотя очевидна принудительная и циничная сделка подсудимых со сталинским режимом по принципу: «мы вам признание, вы нам жизнь». Стариков игнорирует итоги контрпроцесса Троцкого, завещание Бухарина и др. документы. Более того, он проводит странную параллель плана заговора троцкистов 1930-х гг. с происшедшими в конце перестройки событиями.

[2] Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Троцкий и Сталин. – *Смертельный конфликт личностей и позиций.* М.: Терра. 2018. С. 377-388.

в т.ч. и определенные негативные последствия. Стенограмма контрпроцесса Троцкого является важным историческим источником, который должен приниматься во внимание при изучении как стенографических отчетов всех московских процессов 1930-х гг., так всей истории СССР и КПСС, теории и практики социалистического и коммунистического движения в целом.

Список литературы

Кислицын С.А. 2016. *Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России*. М.: Ленанд. 512 с.

Контрпроцесс Троцкого: стенограмма слушаний по обвинениям, выдвинутым на московских процессах 1930- х гг. (пер. с англ; отв. ред., автор предисл. С.С. Дзарасов). 2017. М.: Ленанд. 608 с.

Слезкин Ю. 2019. *Дом правительства. Сага о русской революции*. М.: АСТ. 969 с.

KISLITSYN Sergey Alekseevich, Dr.Sci. (Hist.), Professor of the South-Russian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70 Pushkinskaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344002; Kislizins@ yandex.ru)

PYRRHIC VICTORY BY I.V. STALIN

(about the book «Trotsky's Counter-process. Transcript of hearings on charges brought in the Moscow trials of the 1930s»

Abstract. *Trotsky's non-involvement in the killing of Kirov and the wrecking of the 1930s is no doubt. That is why the article analyzes the consideration during the judicial counter-process of Trotsky of questions about the world revolution, the degeneration of the dictatorship of the proletariat into the despotism of Stalin, the nature of the society built in the USSR, the role of Trotskyism and Stalinism in the history of the USSR, the consequences of the defeat of Trotskyism. The defeat of Trotskyism and the achievement of party unity had, inter alia, negative consequences. Under the pretext of fighting the fifth column, Stalin destroyed in the year of the 20th anniversary of the October Revolution not only the Trotskyist counter-elite, but also practically the entire Bolshevik political and military elite. The author assumes that Stalin's miscalculation in determining the timing of the German attack on the USSR in 1941 became one of the indirect consequences of the defeat of Trotskyism. The shorthand record of Trotsky's counter-process is an important source in the study of the history of political repression in the USSR, and the theory and practice of the communist movement.*

Keywords: *political history of Russia, elites, counter-elites, Stalinism, Trotsky's counter-process, consequences of defeat of Trotskyism*

УДК 94(571.54)

ШАПОВАЛ Евгений Юрьевич – кандидат исторических наук, начальник отдела информационных архивных технологий Государственного архива Республики Бурятия (670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ленина, 54; ewgen8282@inbox.ru)

О РОЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАНИЯ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В 1920–1930-е гг.

Аннотация. *В статье на основе малоизученных архивных документов Государственного архива Республики Бурятия рассматриваются сущность и направления деятельности национального представительства Бурят-Монгольской автономии (БМАССР) в сфере развития народного образования в республике в 1920–1930-х гг.*

Представительство БМАССР являлось значимой структурой, связывающей центр и региональную власть в вопросе осуществления государственной национальной политики. Особое внимание автор уделяет практическим вопросам, решаемым представительством, для становления образования в советской Бурятии.

Ключевые слова: *Наркомнац РСФСР, ВЦИК, национальное представительство, БМАССР, образование*

Одним из направлений политики советской власти в области национально-государственного строительства в Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республике (БМАССР) в 1920–1930-х гг. стало внедрение социалистической модели образования, ликвидация неграмотности и рост уровня просвещения в многонациональной по составу республике.

С созданием 30 мая 1923 г. БМАССР из двух автономных областей начинает формироваться и конструкция советской власти. В этот период при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР (Наркомнац, НКН) создается институт национальных представительств автономий, призванный закреплять и развивать советское государственное устройство в национальных субъектах. Представительство БМАССР при Наркомнаце РСФСР в Москве было важным посредником в деле осуществления национальной политики государства. Подчеркивая важность этого управленческого института в рамках государства, отметим, что существование Бурят-Монгольского представительства своей историей доказывает конструктивный характер его деятельности, т.к. оно показало эффективные результаты в решении решения задач административной, социально-экономической и культурной направленности. С 1924 г. в связи с ликвидацией Наркомнаца РСФСР представительства были переданы в ведение ВЦИКа.

В Государственном архиве Республики Бурятия на хранении находится фонд Р-250 «Бурят-Монгольское представительство при ВЦИК»[1], документы которого помогают увидеть направления просветительного развития автономии в 1920–1930-х гг. и понять значение в этом национального представительства. Поэтому задачей статьи является анализ деятельности представительства в этом направлении.

10 августа 1923 г. в БМАССР учреждается Наркомат просвещения (Наркомпрос) – руководящий орган просвещения и народного образования

[1] Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-250 (Бурят-Монгольское представительство при ВЦИК РСФСР). Оп. 1. Ед. хр. 248; Оп. 2. Ед. хр. 90.

Бурят-Монголии. На территории республики начинает планомерно распространяться формат советской школы, юридически базирующийся на принятом 30 сентября 1918 г. положении «О единой трудовой школе РСФСР»[1], а также постановлении Наркомпроса РСФСР от 31 октября 1918 г. «О переустройстве школ национальных меньшинств»[2].

Опираясь на архивные документы фонда Бурят-Монгольского представительства, можно проследить, что в 1920-х гг. одной из ключевых задач в деле народного образования в республике стало строительство и ремонт старых школ, помещения которых зачастую были не приспособлены для обучения. Положение усугублялось нехваткой педагогических кадров, оборудования, учебников и т.д.

Национальное представительство БМАССР, в свою очередь, принимая различные запросы от автономии, отстаивало интересы республики и ходатайствовало перед центральными инстанциями. Спектр задач, стоящих перед представительством, варьировался от лоббирования на высшем уровне жизненно важных интересов региона до решения вопросов более узкого, частного профиля. Так, в отчете о деятельности представительства БМАССР за март 1923 г. приводятся данные о том, что для Бурятского отдела народного образования (отдел при Наркомпросе БМАССР) представительством было принято по разверстке: детское обмундирование в количестве 533 комплектов, 10 глобусов, 2 000 мелков, 1 000 фанерных досок и около 15 фунтов детской литературы.

В июле того же года представительство БМАССР получило для нужд республики из учрежденного в составе Наркомпроса РСФСР Главного управления социального воспитания и политехнического образования (Главсоцвос) 5 экз. руководства по дошкольному воспитанию, около 25 тыс. экз. книг для школьного возраста, а из Главного политико-просветительного комитета Наркомпроса РСФСР (Главполитпросвет) – 7 комплектов картограмм [Жалсанова, Курас, Шаповал 2018: 87].

Материалы статистического характера, содержащиеся в фонде Бурят-Монгольского представительства, позволяют проанализировать и состояние формирования сети образовательных учреждений в республике. Например, число школ 1-й ступени в Бурят-Монгольской автономии в 1923/1924 уч. г. составляло 438; в 1924/1925 уч. г. – 379; школ повышенного типа на 1 июня 1924 г. – 12; на 1 июня 1925 г. – 14. Можно заметить снижение числа школ 1-й ступени к 1925 г., что объясняется сокращением не функционировавших на тот период школ[3]. В целом к 1930 г. сеть учебных заведений выросла, укрепилась материальная база. Для примера приведем систему начальных школ, общая численность которых в 1916 г. составляла 381, а к 1930 г. их было 533[4].

В документах фонда представительства имеются сведения о числе учащихся. В школах 1-й ступени по республике насчитывалось в 1923/1924 уч. г. 18 536 чел., в 1924/1925 уч. г. – 19 580 чел.; в 7-летних школах в 1923/1924 уч. г. – 228 чел., в 1924/1925 уч. г. – 1 207 чел., в школах 2-й ступени в 1923/1924 уч. г. – 979 чел., в 1924/1925 уч. г. – 1 396 чел., в 9-летних школах в 1924/1925 уч. г. –

---

[1] 30 сентября. Положение ВЦИК об единой трудовой школе. – *Электронная библиотека исторических документов*. Доступ: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12521-30-sentyabrya-polozhenie-vtsik-ob-edinoy-trudovoy-shkole (проверено 09.03.2020).

[2] Постановление Наркомпроса РСФСР от 31.10.1918 «О школах национальных меньшинств». Доступ: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17280#03749736990440622 (проверено 01.05.2020).

[3] ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 339. Л. 3-4.

[4] ГАРБ.Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 65. Л. 55(об).

565 чел.[1] Как показатель динамики, общая численность учащихся по школам 1-й ступени в 1930 г. достигла 32 587 чел.[2]

Необходимо отметить, что подготовка учителей осуществлялась на краткосрочных курсах, организованных в г. Верхнеудинске (с 1934 г. – г. Улан-Удэ) и аймачных центрах. В 1923/1924 уч. г. на базе этих курсов формируется педтехникум, а в 1924/1925 уч. г. начинает функционировать второй – национальный – педтехникум, готовящий кадры для бурятских школ. Конечно, число выпускников этих заведений не могло обеспечить растущие потребности молодой республики в учительских кадрах[3].

10 февраля 1921 г. по постановлению ЦК РКП(б) при Наркомпросе РСФСР (декрет ВЦИК РСФСР от 21 апреля 1921 г.) на базе восточных курсов при Наркомнаце создается Университет трудящихся Востока (КУТВ), главной целью которого являлась подготовка политических работников из среды трудящихся восточных договорных и автономных республик, автономных областей, трудовых коммун и национальных меньшинств [Панин 2013: 201]. В 1923 г. университету присваивается имя И.В. Сталина. Документы фонда Р-250 свидетельствуют, что определенную роль в организации филиала КУТВ в г. Иркутске сыграло представительство Бурят-Монгольской республики, а в последующие годы представительство занималось уже организацией обучения в университете кадровых работников госаппарата Бурятии.

Образовательная сеть республики к середине 1920-х г. также обогатилась дошкольными учреждениями. В это время ввиду излишней концентрации детских домов в республике происходит сокращение их числа с 6 до 3 (к 1926 г. – до 2). В 1923/1925 уч. г. в Верхнеудинском уезде среди земледельческого населения была открыта школа рабочей молодежи (ШРМ), существовали 38 районных опорных школ с 97 школьными работниками, которые провели большую работу по организации районных педагогических коллективов и повышению квалификации работников просвещения[4].

С образованием республики представительство поставило перед Центральным Восточным издательством (позднее – Центральное издательство народов СССР) при Наркомнаце РСФСР важнейшие вопросы по организации при издательстве Бурят-Монгольского сектора – о предоставлении типографии и бурят-монгольского шрифта и в целом об оказании материально-финансовой поддержки Бурят-Монгольскому издательству. К 1930 г. в издательской работе БМАССР происходят как количественные, так и качественные изменения, значительно возрастает объем печатной продукции на родном языке[5]. По данным за 1923 г., из Главсоцвоса при содействии представительства было отправлено в столицу БМАССР г. Верхнеудинск около 40 пудов школьной литературы [Жалсанова, Курас, Шаповал 2018: 87]. Тем самым мерами организационно-административного и практического характера представительство способствовало осуществлению программы социокультурного и просветительного развития молодой бурятской автономии.

В период 1927–1930 гг. в республике наблюдается рост сети просветительных учреждений, вызвавший и укрепление материальной базы, состоявшей преимущественно из средств местного бюджета республики. В 1929/1930 уч. г. ассигнования на нужды просвещения составляли 4 598 200 руб.[6] При этом кадры для

[1] ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 339. Л. 3-4.
[2] ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 65. Л. 55(об).
[3] ГАРБ. Ф. Р-60. Оп. 3. Д. 1. Л. 23.
[4] ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 5. Л. 56.
[5] ГАРБ. Ф. Р-250. Оп.1. Д. 365а. Л. 1.
[6] ГАРБ. Ф. Р-250. Оп.1. Д. 65. Л. 55.

республики готовились и в находившихся за ее пределами учебных заведениях страны: вузах, рабфаках и техникумах. Система брони, действовавшая в стране в период 1920–1934 гг. при поступлении в учебные заведения, позволяла жителям Бурятии пользоваться некоторыми льготами.

Необходимо отметить огромную работу Бурят-Монгольского представительства в оказании содействия гражданам-бурятам в поступлении в учебные заведения. Представительство оказывало большую практическую поддержку бурятскому студенчеству путем выдачи субсидий и стипендий, обеспечения проездных документов, организации в Москве для студентов-бурят, обучающихся в московских вузах, студенческого землячества, помощи учащимся в засвидетельствовании различных документов, анкет, выдаче им справок вплоть до снабжения в отдельных случаях писчей бумагой для занятий и решения множества других вопросов[1].

Еще одной важной задачей народного образования республики было становление национальной школы. По документам фонда Р-250, сеть национальных учреждений Соцвоса в 1925/1926 уч. г. состояла из 202 школ 1-й ступени, 5 семилеток, двух школ 2-й ступени, одной школы крестьянской молодежи (ШКМ) и 8 договорных школ 1-й ступени (процент обеспечения учебниками на родном языке школ восточных аймаков составлял 60%)[2].

Из 222 бурятских школ в 1927/1928 уч. г. в 66 (29,8%) преподавание велось на родном языке с использованием старомонгольской письменности, в остальных – на бурятском и русском. Большая часть учителей-бурят не знали монгольской письменности, бурятские школы также были недостаточно обеспечены учебной и учебно-методической литературой на родном языке [История Бурятии 2011: 143]. В этой связи отметим такой факт, характеризующий работу представительства. 16 октября 1932 г. ЦИКом БМАССР было принято постановление № 148 о деятельности Бурятского госиздательства (Бургиз). Представительство инициировало процесс перевода русских учебников на родной язык с привлечением членов московского землячества, актива московского студенчества, в среде которых присутствовали квалифицированные научные кадры[3]. Этот момент, на наш взгляд, очень хорошо показывает разноплановость задач, решавшихся представительством республики.

25 июля 1930 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О всеобщем обязательном начальном обучении»[4]. В БМАССР создается Республиканский комитет по всеобучу. Данные за 1931 г. по всеобучу выглядят следующим образом: процент охвата детей начальным обучением (по 13 районам) составлял 95,3%, переростков – 71,4%, ФЗС – 95%, ШКМ (по 9 районам) – 100%.

Сетью учреждений ликбеза были охвачены: по неграмотности – 85,9% и малограмотности – 41,4%, из них на 1 декабря 1931 г. обучено неграмотных 41,1%, малограмотных – 33,4%. В отношении дошкольного воспитания и политико-просветительной работы наблюдался недостаточный уровень деятельности ввиду «отсутствия внимания к этому участку социально-культурного строительства»[5]. В это же время педагогические кадры начинают готовить в

---

[1] *РСФСР. Народный комиссариат по делам национальностей. Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац. 1917–1923 гг.*: (вместо отчета). М. 1924. С. 76.

[2] ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 339. Л. 69-69(об).

[3] ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 365а. Л. 6.

[4] О всеобщем обязательном начальном обучении (Постановление ЦК ВКП(б) от 25/VII 1930 г.). – *Электронная библиотека исторических документов*. Доступ: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136713 (проверено 09.03.2020).

[5] ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 91. Л. 13(об).

новых учебных заведениях – Агинском и Боханском педагогическом училищах, пединституте, открываются рабфак и учительский институт.

Таким образом, советская Бурятия вступала в дело масштабной перестройки хозяйства, индустриализации и культурной революции, что подразумевало в т.ч. ликвидацию неграмотности населения, создание социалистической системы народного образования и просвещения, формирование интеллигенции и др. Представительство Бурят-Монгольской автономии занималось воплощением в жизнь и защитой в центральных органах власти и учреждениях требований и решений республики законодательного, административно-политического, финансового и культурно-экономического характера. Участие в становлении и развитии сферы образования в БМАССР в 1920–1930-е гг. составило значимую часть деятельности национального представительства республики.

Список литературы

Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В., Шаповал Е.Ю. 2018. Документы Государственного архива Республики Бурятия о деятельности Бурят-Монгольского представительства при ВЦИК РСФСР. – *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН*. № 2(30). С. 81-91.

Панин Е.В. 2013. Коммунистический университет трудящихся Востока. – *Известия Московского государственного технического университета МАМИ*. № 4(18). С. 201-206.

История Бурятии: в 3 т. Т. 3. *XX–XXI вв*. 2011. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 464 с.

SHAPOVAL Evgeniy Yur'evich, *Cand.Sci. (Hist.), Head of the Department of Information Archival Technologies, State Archive of the Republic of Buryatia (54 Lenina St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 67000; ewgen8282@inbox.ru)*

ON THE ROLE OF THE NATIONAL REPRESENTATION IN THE DEVELOPMENT OF EDUCATION IN THE BURYAT-MONGOL ASSR IN 1920s–1930s

Abstract. *Based on the little-studied archival documents of the State Archive of the Republic of Buryatia, the article discusses the essence and directions of the national representation of the Buryat-Mongolian Autonomy (BMASSR) in the field of development of public education in the Republic in 1920s-1930s.*

The representative office of the BMASSR was a significant structure linking the center and regional authorities in the implementation of state national policy. The author pays special attention to practical issues solved by the representative office in the formation of education in Soviet Buryatia.

Keywords: *People's Commissariat of the RSFSR, All-Russian Central Executive Committee, national representative office, BMASSR, education*

УДК 340 [(47)+(51)] (091)

КУРАС Татьяна Леонидовна – *кандидат исторических наук, доцент кафедры судебного права Юридического института Иркутского государственного университета (664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; tanya_kuras@mail.ru)*

КУРАС Софья Леонидовна – *кандидат исторических наук, доцент кафедры таможенного дела и правоведения Иркутского государственного университета путей сообщения (664074, Россия, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15; kuras@list.ru)*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНЫХ ПАЛАТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ОРГАНОВ ТЮРЕМНОГО ВЕДОМСТВА НА СТРАНИЦАХ ПАМЯТНЫХ КНИЖЕК

Аннотация. *В статье исследуются памятные книжки как источник изучения судебных органов и органов тюремного ведомства Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Авторы анализируют количественный и персональный состав должностных лиц указанных органов, их изменения с годами, выявляют существенные отличия размещения информации о служащих данных органов в памятных книжках различных губерний и областей.*

Ключевые слова: *памятные книжки, суд, Судебная палата, тюрьма, тюремное ведомство*

Памятные книжки губерний и областей Российской империи представляют собой официальные справочные издания, включающие в себя широкий спектр сведений о губернии (области) за определенный год. Термин «памятная книжка» включает в себя издания, имевшие разные наименования. Чаще всего использовались заглавия, начинавшиеся словами «памятная книжка», «справочная книга», «календарь», «адрес-календарь». Они издавались в основном местными официальными учреждениями. Эти справочники представляют высокую ценность для исторической науки. Исследование и введение в научный оборот сведений из памятных книжек как важных источников истории Российской империи является значимой научной задачей.

Памятные книжки с годами изменялись и в разных губерниях имели особенности. В полном виде они включали четыре раздела: адрес-календарь (обычно содержал перечень губернских и уездных правительственных и общественных учреждений, их личный состав); административный справочник (как правило, включал сведения об административном делении губернии, почтовых и телеграфных учреждениях, маршрутах сообщения, промышленных и торговых предприятиях, больницах и аптеках, учебных заведениях, музеях, библиотеках и типографиях, периодических изданиях губернии и т.д.); статистический обзор (традиционно здесь содержалась статистика населения, сельского хозяйства, судебных органов, медицины, образования и др.); научно-краеведческий сборник (обычно включал источниковедческие, описательные, научно-исследовательские, археографические и библиографические материалы). Эти части придают изданиям значение комплексных первоисточников для исторических исследований в разных областях. Они помогают проанализировать специфику функционирования территорий империи в динамике.

Помимо прочего, памятные книжки представляют собой значимые источники изучения судебных органов, осуществлявших свою деятельность в Российской империи на основании Судебных уставов 1864 г. Изучаемые источники позволяют, в частности, определить количественный и персональный состав долж-

ностных лиц судов, проанализировать, как он изменялся с годами. Так, в памятных книжках соответствующих губерний и областей имеется информация о служащих судебных палат, занимавших высокое место в судебной иерархии. Кроме того, эти источники позволяют проследить процесс создания и реформирования тюремного ведомства.

Судебные палаты начали осуществлять свою деятельность в Российской империи в результате проведения Судебной реформы 1864 г. В настоящее время законодатель обоснованно обращается к историческому опыту России, чтобы избежать ошибок в этой области. Это позволяет усовершенствовать законодательство и практику его применения [Сапунков, Сапунков 2014: 194]. В соответствии с законом судебные палаты стали апелляционной инстанцией для окружных судов, а также рассматривали по первой инстанции важнейшие категории дел. Палаты возглавляли судебные округа, на которые была поделена территория страны. В начале XX в. свою деятельность осуществляли 14 палат: Санкт-Петербургская, Московская, Харьковская, Одесская, Казанская, Саратовская, Киевская, Виленская, Варшавская, Тифлисская, Иркутская, Омская, Ташкентская, Новочеркасская [Курас 2011]. По закону судебные палаты возглавлял старший председатель. В их составе работали гражданские и уголовные департаменты, они рассматривали соответствующие дела и возглавлялись председателями. Также при данных судах состоял прокурор, его товарищи, секретарь. В палатах были канцелярии, где работали секретари, их помощники, чиновники и писцы. При палатах состояли судебные приставы, кандидаты на судебные должности и иные лица.

Из памятных книжек можно получить информацию об адресах судебных и тюремных органов. Так, изучение данных изданий позволяет прийти к выводу, что большинство судебных палат и соответствующих окружных судов весь период своей деятельности работали по одному адресу и размещались в одном здании. К примеру, Московская судебная палата и Московский окружной суд размещались в Кремле, в здании судебных установлений[1]. Однако не во всех губерниях была возможность разместить соответствующие палаты и окружные суды по одному адресу[2]. Несомненно, размещение судебной палаты и окружного суда в разных зданиях, а также частые переезды дестабилизировали работу судов, создавали неудобства для населения, однако были обусловлены объективными сложностями.

По данным памятных книжек можно сравнить численный и поименный состав сотрудников тюремного ведомства разных губерний. Так, адрес-календарь Московской губернии содержит сведения о составе служащих в тюремном отделении Московского губернского правления, в нем числилось 15 чел.[3] В сибирских же тюремных отделениях численный состав каждого тюремного замка составлял не более 3 служащих [Курас Т.Л., Курас С.Л. 2020: 457]. Сведения о должностных лицах судов, ежегодно размещавшиеся в памятных книжках, позволяют исследователям проанализировать различные факторы в динамике. Среди прочего, какой период времени работало данное лицо в конкретном суде, насколько часто имели место перемещения судей и должностных лиц прокурорского надзора в другие судебные органы, как часто повышались в чине служащие палат.

Что касается присвоения чинов, то они в Российской империи давались за

[1] *Памятная книжка разных учреждений г. Москвы на 1873 г.* Типография вед. Моск. город. полиции. Год 2-й. С. 456.

[2] *Памятные книжки Виленской губернии на 1899, 1906, 1907 гг.* Вильна: Губернская типография: на 1899 г. С. 84-86; на 1906 г. С. 53; на 1907 г. С. 55-56.

[3] *Адрес-календарь Московской губернии на 1895 г.* М.: Типография Губернского правления. 1895. С. 7.

службу в порядке постепенности и обозначали степень подготовки служащих, их соответствие должностям. Необходимо было прослужить в каждом классе определенный минимум лет, за заслуги по службе срок мог быть сокращен [Шепелев 1999: 131-132]. Большинство членов судебных палат и должностных лиц прокуратуры палат имели высокие чины действительных статских советников и статских советников, старшие председатели палат нередко имели чин тайного советника. Это свидетельствует об опыте и служебных достоинствах должностных лиц судов. Кроме того, присвоение чинов являлось одной из мер воздействия самодержавия на служащих палат, рассматривавших дела о государственных преступлениях. Чины имели официальное и общественное значение, через них самодержавие стремилось воздействовать на судей, видя в них оплот существовавшего строя. В среднем члены палат обычно работали в одном чине 3–4 года.

В характеристике судебных органов в некоторых памятных книжках, помимо общих сведений о служащих судов, содержалась дополнительная информация о кандидатах на судебные должности. Кандидатура на судебные должности – значимый институт, направленный на подготовку профессиональных судейских кадров и созданный при проведении Судебной реформы 1864 г. Грамотное решение кадрового вопроса должно было стать залогом успешной реализации судебной реформы [Ильина 2010]. Кандидаты должны были отработать в суде некоторое время, получить опыт и далее могли занимать должности судей. Статус кандидатов регулировался законом, кандидаты делились на старших и младших. Старшие председатели и прокуроры палат определяли их в канцелярии судов, осуществляли общее руководство и контроль за ними, организовывали прием итогового экзамена [Курас 2010: 59-60]. Так, в составе Московской судебной палаты на 1872 г. находились 23 кандидата. При этом в справочной книжке г. Москвы помещена интересная информация о том, в каких учебных заведениях эти лица получали юридическое образование. Большинство из них обучались в Московском университете, некоторые – в лицее князя Безбородко и в училище правоведения[1]. Изучение памятных книжек позволяет выявить служащих судебного ведомства, которые благодаря упорному труду прошли длительный сложный путь от кандидатов на судебные должности до высоких должностей членов, председателей и прокуроров судебных палат [Курас Т.Л., Курас С.Л. 2020: 457-458]. В целом анализ памятных книжек и других источников позволяет сделать вывод, что, несмотря на недостатки правового регулирования, институт кандидатов на судебные должности имел преимущества, позволял молодым людям, получившим юридическое образование, принявшим решение связать свою судьбу с осуществлением правосудия, получить практические навыки, строить карьеру в судах.

Интересно, что в ряде памятных книжек, помимо сведений о фамилии, имени, отчестве и чине должностных лиц судебных органов, содержалась информация об их адресах. Представляется, что такие справки были предназначены, в частности, для ситуаций, когда необходимо было направить письмо служащему суда на личный адрес. В частности, информация о домашних адресах служащих судебных палат содержалась в отдельных памятных книжках Московской, Киевской, Одесской, Казанской, Омской и некоторых других губерний. Изучение указанных изданий за разные годы позволяет сделать вывод о том, насколько стабильной была жизнь должностных лиц судов и их семей, жили ли они длительный период по одному адресу или часто меняли место жительства. В среднем служащие судебных палат жили по одному адресу по 3–4 года.

[1] *Справочная книжка разных учреждений г. Москвы 1872 г.* Тип. вед. Моск. город. полиции. С. 380-382.

Интерес представляют и случаи, которые можно выявить при изучении памятных книжек, когда судья и должностное лицо прокуратуры данного суда проживали по одному адресу. Так, к примеру, член Виленской судебной палаты В.В. Луполов и товарищ прокурора данной палаты А.А. Степанов проживали в одном доме[1]. Такое совместное расселение члена судебной палаты и представителя прокуратуры данного суда, на наш взгляд, представляло собой некоторое нарушение принципа независимости судей (данный принцип был провозглашен в качестве одного из основных при проведении Судебной реформы 1864 г. [Щедрина 2014: 65]).

Однако через некоторое время после начала деятельности пореформенных судов власть стала ограничивать их самостоятельность, чтобы они исполняли самодержавную волю. Одним из способов воздействия на судей стал институт назначения на должности. К 80-м гг. XIX в. повышение по службе производилось уже в основном не по служебным заслугам, а по представлению прокуроров. Через них министерство юстиции собирало сведения о судьях, что создавало их фактическую зависимость от прокуроров [Курас 2019: 225]. Исходя из этого, думается, что расселение члена судебной палаты и товарища прокурора суда в одном доме следует расценивать как некоторое нарушение принципа независимости судей, однако такая ситуация была обусловлена объективными причинами, в.т. отсутствием необходимого числа жилых помещений для служащих судов. Особую роль прокуратуры можно выявить и при анализе памятных книжек. Так, в памятной книжке Виленской губернии на 1884 г. в отношении членов судебной палаты изложена только информация о фамилии, имени, отчестве и чине судьи. Что касается должностных лиц прокуратуры, также указано, какими орденами они награждены. Так, прокурор палаты А.В. Волков имел ордена Святого Владимира 3-й степени, Святой Анны и Святого Станислава 2-й степени[2]. Приведем еще пример: в памятной книжке этой же губернии за 1907 г. у членов палаты адреса не указаны, а у прокурора и его товарищей – указаны[3]. Таким образом, на наш взгляд, даже в изложении информации о составе судебной палаты косвенно подчеркивалось особое, привилегированное положение должностных лиц прокуратуры.

Интересные сведения содержали памятные книжки отдельных губерний. В них, помимо общей информации, описывалась общественная деятельность представителей судебных палат. Такие сведения содержали, в частности, памятные книжки Московской, Казанской, Саратовской, Киевской, Варшавской, Акмолинской, Новочеркасской губерний и областей. Служащие палат не только выполняли служебные обязанности, но и осуществляли общественную деятельность. Они, в частности, участвовали в работе губернских попечительных комитетов о тюрьмах; воспитательно-исправительных ремесленных приютов; российского общества Красного Креста; общества попечительства лицам, отбывшим наказание, и детям бесприютным. Кроме того, они поддерживали деятельность учебных заведений и научных обществ, занимались преподавательской работой. Общественная и педагогическая деятельность представителей судебных палат демонстрировала их активную жизненную позицию, способствовала повышению авторитета судебной власти.

По памятным книжкам как уникальным источникам можно увидеть и взаимосвязь деятельности судебного и тюремного ведомств. Так, в г. Канске Енисейской губернии председательствующим директором отделения

[1] *Памятная книжка Виленской губернии на 1899 г.* Вильна: Губернская типография. 1898. С. 380, 407.

[2] *Памятная книжка Виленской губернии на 1884 г.* Вильна: Типография губернского правления. 1883. С. 112-114.

[3] *Памятная книжка Виленской губернии на 1907 г.* Вильна: Губернская типография. 1907. С. 55-56.

Попечительного общества о тюрьмах был судья окружного суда, что давало возможность взаимодействия двух ведомств[1]. Также, к примеру, в г. Енисейске членом окружного отделения Попечительного общества о тюрьмах был судья окружного суда [Курас Т.Л., Курас С.Л. 2020: 460].

Таким образом, памятные книжки являются важными источниками изучения судов, созданных в Российской империи в соответствии с Судебными уставами 1864 г., а также органов тюремного ведомства. Данные источники позволяют определить количественный и персональный состав служащих судов и органов тюремного ведомства, проанализировать, как он менялся с годами, сравнить состав указанных органов в различных губерниях и областях страны. Также анализируемые издания позволяют выявить, что должностные лица судов, помимо службы, занимались общественной деятельностью, что демонстрировало их активную жизненную позицию.

Список литературы

Ильина Т.Н. 2010. Кадровое обеспечение судебных учреждений в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: институт кандидатов на должности по судебному ведомству. – *Администратор суда*. № 2. С. 31-34.

Курас Т.Л. 2010. Кандидаты на должности по судебному ведомству при судебных палатах Российской империи: общая характеристика, правовое положение. – *Вестник Бурятского государственного университета*. № 7. С. 58-63.

Курас Т.Л. 2011. Судебные палаты в Российской империи: создание, сравнительная характеристика. – *Вестник Иркутского государственного технического университета*. № 10. С. 308-310.

Курас Т.Л. 2019. Проблемы взаимодействия судебных палат и прокуратуры во второй половине XIX – начале XX в. в свете реализации принципа независимости судей. – *Власть*. Т. 27. № 2. С. 224-229.

Курас Т.Л., Курас С.Л. 2020. Памятные книжки Российской империи как историко-правовой документ. – *Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020*. Иркутск: Изд-во БГУ. С. 455-462.

Сапунков А.А., Сапунков Н.А. 2014. Правовые реформы как ответ на глобальные социальные вызовы (уроки судебной реформы второй половины XIX века в России). – *Научные труды Сибирского государственного университета физической культуры и спорта*. № 19. С. 188-195.

Шепелев Л. Е. 1999. *Чиновный мир России: XVIII – начало XX в*. СПб. 477 с.

Щедрина Ю.В. 2014. *Становление и развитие гарантий обеспечения независимости судей в России во второй половине XIX – начале XX в*.: дис. ... д.и.н. Курск. 536 с.

[1] *Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г.* СПб: Типография Иосифа Огризко. 1863. С. 28.

KURAS Tat'yana Leonidovna, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor of the Chair of Justice, Law Institute, Irkutsk State University (1 Karla Marksa St, Irkutsk, Russia, 664003; tanya_kuras@mail.ru)
KURAS Sofia Leonidovna, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor of the Chair of Customs Affairs and Jurisprudence, Irkutsk State Transport University (15 Chernyshevskogo St, Irkutsk, Russia, 664074; kuras@list.ru)

THE ACTIVITIES OF THE JUDICIAL CHAMBERS OF THE RUSSIAN EMPIRE AND BODIES OF THE PRISON DEPARTMENT ON THE PAGES OF COMMEMORATIVE BOOKS

Abstract. *The author examines commemorative books as a source of study of the judiciary and the prison authorities of the Russian Empire in the second half of the 19th and early 20th century. The authors analyze quantitative and personal composition of the officials of these bodies, their changes over the years and reveal significant differences in the placement of information about employees of these bodies in the commemorative books of various provinces and regions.*
Keywords: *commemorative books, court, Court Chamber, prison, prison department*

УДК 351.74
ГУРЛЕВ Игорь Валентинович – доктор технических наук, главный научный сотрудник Академии управления МВД России (125171, Россия, г. Москва, улица З. и А. Космодемьянских, 8; gurleff@mail.ru)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ НА ТРАНСПОРТЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1797–1917)

Аннотация. *В статье автор показывает эволюцию внутренних транспортных коммуникаций в России с конца XVIII до начала XX в.: от речного, морского и дорожного – к железнодорожному транспорту. Приведены официальные исторические документы, на основе которых власти страны создавали органы обеспечения безопасности на транспорте. Автор исследует деятельность полиции и жандармских полицейских управлений железных дорог, которые обеспечивали не только безопасность, но и бесперебойную работу сети железных дорог. На основе документов Временного правительства автор показывает негативное влияние Февральской революции, которая привела к ликвидации системы безопасности на транспорте.*
Ключевые слова: *водный, сухопутный, железнодорожный транспорт, жандармское полицейское управление*

Впервые пути сообщения в Российской империи выделились в особую отрасль управления при императоре Павле I.

27 февраля 1797 г. (все даты указаны по старому стилю. – *Авт.*) Павел I дал указ Сенату (закон № 17.848) «О препоручении водяных коммуникаций во всей Империи в главное ведение и управление Действительного Тайного Советника Сиверса; и о доставлении ему всех нужных по сей части сведений», которым Я.Е. Сиверсу поручалось подготовить предложения об улучшении всех водных коммуникаций в империи[1].

---

[1] *Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).* Т. XXIV. *С 6 ноября 1796 по 1798.* СПб. 1830. С. 504-505.

Ровно через год, 28 февраля 1798 г., именным указом Павла I главному директору водяных коммуникаций Я.Е. Сиверсу (Указ об учреждении департамента для произведения и правления всех дел по водяным коммуникациям; о бытии ему под ведомством Сената и произвождении дел по Регламенту Коллегий; закон № 18.403) был утвержден штат департамента, бюджет, выделены помещения и основано депо всех гидравлических карт по всей империи. Департамент водяных коммуникаций приравнивался к коллегии[1].

20 ноября 1809 г. манифестом Александра I (закон № 23.996) было создано Учреждение об управлении водяными и сухопутными сообщениями, согласно которому Департамент водяных коммуникаций преобразовывался в орган центрального управления путями сообщения – Дирекцию водных и сухопутных коммуникаций[2].

В манифесте говорилось, что «распространение земледелия и промышленности, возрастающее население столицы и движение внутренней и внешней торговли превосходят уже меру прежних путей сообщения». Это вызвало к жизни новые структуры: Экспедицию устроения дорог, Управление водными и сухопутными сообщениями, Корпус инженеров путей сообщения и институт при нем.

На новое ведомство возлагалась обязанность управления всеми водными и значительными сухопутными путями сообщения России. Одновременно с манифестом было утверждено Учреждение об управлении водяными и сухопутными сообщениями, в соответствии с которым вся территория страны была разбита на 10 транспортных округов. В каждом из них назначался специальный директор, при котором были сформированы подразделения «полицейских команд дирекции водных и сухопутных коммуникаций». Таким образом, в 1809 г. возникла транспортная полиция, задачами которой являлось обеспечение безопасности на речном и морском транспорте. Главная дирекция находилась в Твери, правления округов – в губернских городах. Например, Сибирь входила в 10-й округ путей сообщения, правление которого располагалось в городе Тобольске. Полицейские команды формировались окружным директором водных и сухопутных коммуникаций, подчинялись ему и действовали независимо от местной администрации, городской и сельской полиции. В задачу полицейских транспортных команд входило обеспечение безопасности на речном и дорожном транспорте, сопровождение и предотвращение хищений грузов.

Полицейские подразделения Дирекции водных и сухопутных коммуникаций, образованные в районах расположения золотых и платиновых приисков на Урале, в Западной и Восточной Сибири, назывались горно-полицейской стражей.

В промышленных районах России действовала фабрично-заводская полиция.

Приморские города нуждались в других направлениях правоохранной деятельности, и там была создана портовая полиция.

К первой половине XIX в., начиная с постройки Карлом Бердом в 1815 г. достаточно примитивного первого русского парохода, относится начало появления пароходств в России.

28 мая 1820 г. Александр I утвердил доклад главного директора путей сообщения Бетанкура «О новом образовании Главного Управления Путей Сообщения» (закон № 28.291), в соответствии с которым Дирекция водных и сухопутных

---

[1] *ПСЗРИ*. Т. XXV. 1798–1799. СПб. 1830. С. 109-110.

[2] *ПСЗРИ*. Т. XXX. 1808–1809. СПб. 1830. С. 1305-1339.

коммуникаций была преобразована в Главное управление путей сообщения с целым рядом структурных подразделений.

21 марта 1836 г. Николай I утвердил положение (закон № 9009) «Об учреждении Общества Акционеров для сооружения железной дороги от Санктпетербурга до Царского села с продолжением до Павловска». В компании «твердо решились вести построение таким образом, чтобы дорога от Фонтанки до Царского села была открыта, если можно, 1-го Октября текущего 1836 года»[1].

Длина первой в России железной дороги из Санкт-Петербурга в Царское Село составила 24 версты (около 25,6 км). Руководил строительством австрийский инженер Франц Герстнер. Железная дорога строилась с шириной колеи 1 829 мм (6 футов). Почти все необходимое для железной дороги закупалось за границей: были приобретены рельсы, стрелочные переводы, крепления, подвижной состав.

Первоначально Царскосельская железная дорога была проложена от Санкт-Петербурга до Царского Села, а позже была продлена до дачного городка Павловска, при этом общая протяженность трассы выросла до 27 км. Первая пробная поездка поезда с конной тягой между Царским Селом и Павловском состоялась 27 сентября 1836 г.

Тожественное открытие движения по Царскосельской дороге после построения вокзалов, паровозного депо и других необходимых сооружений состоялось 30 октября (11 ноября) 1837 г.

29 октября 1839 г. Николай I утвердил указ (закон № 12818) «О преобразовании Департамента Главного Управления Путей Сообщения и Публичных зданий», в результате чего было образовано Главное управление путей сообщения[2].

1 (13) ноября 1851 г. первый поезд отправился в путь по крупнейшей тогда в Европе железнодорожной магистрали из Санкт-Петербурга в Москву.

26 января 1857 . император Александр II утвердил указ Сенату (закон № 31448) «О сооружении первой сети железных дорог в России». Одновременно были утверждены Положение об основных условиях для устройства первой сети железных дорог в России и Устав Главного Общества Российских железных дорог[3].

В России началось массовое железнодорожное строительство с привлечением значительного числа людей. Одновременно бурно расцвели коррупция и казнокрадство и, как следствие, несоответствие качества железных дорог предъявляемым требованиям. Росла криминальная активность строительных рабочих. Они совершали преступления против личности, растаскивали материалы. Возникла проблема обеспечения общественного порядка и безопасности при строительстве железных дорог, а затем и обеспечения общественного порядка и безопасности при их эксплуатации.

Необходимо было решить, кто должен обеспечивать правопорядок на железной дороге. Были выделены необходимые средства, но в связи с тем, что железные дороги проходили по территориям различных губерний, нередко на большом удалении от населенных пунктов, общая полиция не могла выполнять эти задачи. Поэтому потребовалось создание специальных отрядов железнодорожных жандармов.

При строительстве первых железных дорог в середине XIX в. полицейский надзор за порядком на них осуществлялся жандармскими эскадронами и

---

[1] *ПСЗРИ-2.* Т. XI. Отд. первое. 1836. СПб. 1837. С. 225-229.

[2] *ПСЗРИ-2.* Т. XVI. Отд. первое. 1839. СПб. 1840. С. 798-799.

[3] *ПСЗРИ-2.* Т. XXXII. Отд. первое. 1857. СПб. 1858. С. 72-92.

командами, находившимися в оперативном подчинении департамента Главного управления путей сообщения.

В 1860-х гг. жандармские эскадроны и команды были преобразованы в управления. 27 июля 1861 г. Александр II утвердил Положение о жандармских полицейских управлениях Санкт-Петербургско-Варшавской и Московско-Нижегородской железных дорог (закон № 37289), в котором говорилось, что «для полицейского надзора по С.-Петербурго-Варшавской и Московско-Нижегородской железным дорогам учреждается особое для каждой линии Полицейское Управление, из чинов Корпуса Жандармов». На полицейские управления (ПУ) возлагались функции надзора и безопасности на железных дорогах: наблюдение за точным исполнением рабочими и подрядчиками взаимных обязательств, обеспечение сохранности имущества и порядка на железнодорожных станциях, рассмотрение жалоб рабочих, подрядчиков, служащих, проезжающих и проживающих на железных дорогах, контроль за паспортами, обеспечение «благочиния» и др.[1]

15 июня 1865 г. указом Александра II (закон № 42194), данным Сенату, Главное управление путей сообщения было преобразовано в Министерство путей сообщения[2].

Кроме военного министра и шефа жандармов, ПУ также подчинялись Министерству путей сообщения через инспекторов соответствующих дорог, безопасность которых они обеспечивали.

Согласно действовавшим в то время нормативным актам, сотрудники ПУ имели специфические обязанности и пользовались правами наружной полиции, принимая участие в охране общественного порядка, предупреждении и пресечении нарушений «общественного благочиния» и обеспечении безопасности на железных дорогах. Кроме того, жандармы были обязаны наблюдать за целостностью путей и дорожных сооружений, не допускать к ним посторонних, следить за чистотой и опрятностью носильщиков на вокзалах, а также проверять качество продуктов в станционных буфетах и др.

Основными силами «благочиния и порядка» были сотрудники патрульно-постовой службы. Патрулировались депо, мастерские, склады, подъездные пути. Один раз в месяц жандармы были обязаны обойти всю территорию обслуживаемого участка.

По признанию руководства корпуса жандармов, успехи жандармерии в борьбе с кражами грузов были весьма скромными. Частично это объяснялось отсутствием сыскной полиции и опыта оперативной работы. Кроме того, жандармам категорически запрещалось носить гражданскую одежду. Основной работой жандармерии считалось патрулирование. Полномочия жандармских патрулей были почти всеобъемлющими: проверка исправности люковых запоров и дверей вагонов, пресечение допуска к погрузке посторонних, присутствие при наложении пломб и замков при отправлении поезда, проверка в присутствии понятых сохранности груза при каждом подозрительном случае, выезд на место происшествия и т.д. Жандармы были обязаны требовать от начальника станции сосредоточенного размещения вагонов с грузом при длительных стоянках, обеспечения их охраны и освещения места стоянки.

31 декабря 1866 г. Александр II дал именной указ (закон № 44071) военному министру «Об обязанностях и подчинении Жандармских Полицейских Управлений железных дорог», в соответствии с которым полицейские управления были изъяты из ведения Министерства путей сообщения и полностью

[1] *ПСЗРИ-2.* Т. XXXVI. Отд. второе. 1861. СПб. 1863. С. 195-197.
[2] *ПСЗРИ-2.* Т. XL. Отд. первое. 1865. СПб. 1867. С. 644-645.

подчинены шефу жандармов. Вместе с тем в указе отмечалось: «...обязать чинов Полицейских Управлений железных дорог: а) исполнять все предписания Министра Путей Сообщения, обращенные к ним непосредственно, и б) исполнять все законные требования инспекций железных дорог, непротиворечащие их обязанностям, в смысле водворения нарушенного порядка, а равно успешного и безостановочного движения всех поездов»[1].

По сравнению с предыдущими ПУ на транспорте функции жандармских полицейских управлений железных дорог (ЖПУ ж.д.) были расширены – они должны были исполнять также обязанности общей полиции, пользуясь всеми присвоенными ей правами. Район действия ЖПУ ж.д. простирался на всю территорию, отведенную под железные дороги, на все находившиеся на этой полосе постройки и сооружения. ЖПУ ж.д. занимались «охранением внешнего порядка, благочиния» и общественной безопасности.

Порядок жандармского полицейского надзора на железных дорогах устанавливал, что в ведении каждого железнодорожного жандармского управления должен находиться участок пути в 2 000 верст. В свою очередь, это расстояние делилось на участки по 200 верст, находившиеся в ведении жандармского отделения.

16 марта 1867 г. высочайшим повелением Александра II были утверждены структура и штаты ЖПУ ж.д. Штат каждого железнодорожного жандармского управления состоял из начальника, его адъютанта и начальников отделений, а также до 300 унтер-офицеров. Хотя железнодорожные жандармские управления как составные части корпуса жандармов являлись органами политической полиции и финансировались из бюджета военного министерства, они не только обеспечивали военную охрану железнодорожных путей и сооружений (мостов, туннелей, вокзалов, депо и т.д.), но и обязаны были вести борьбу с уголовными преступлениями на территории железнодорожных сооружений и в полосе отчуждения железнодорожных путей, главным образом с хищениями грузов. Соответственно, они пользовались и всеми правами общей полиции.

Вследствие бурного развития железнодорожной сети ЖПУ ж.д. к началу XX в. стали самыми крупными подразделениями корпуса жандармов, превзойдя по численности личного состава все остальные части корпуса вместе взятые. Основной задачей жандармской железнодорожной полиции считалась борьба с хищениями грузов на железной дороге и предотвращение транспортных происшествий. В своей деятельности транспортная жандармерия руководствовалась Полицейскими железнодорожными правилами и наблюдала за их исполнением. Этот акт определял весь порядок работы железных дорог – от формирования поездов до способа подачи аварийных сигналов. Поэтому жандармы следили за исправностью пути, чистотой на перронах, правильностью составления грузовой документации, сохранностью пломб на дверях вагонов, имели право отстранить от работы поездную бригаду в случае ее нетрезвости и т.д. – словом, представляли собой как бы вторую администрацию дороги.

Во главе ЖПУ ж.д. стояли начальники на правах командиров полков в чине генерал-майоров или полковников, назначались они приказами по Отдельному корпусу жандармов. Личный состав жандармских подразделений состоял главным образом из офицеров и унтер-офицеров. Рядовых почти не было, т.к. младшие чины комплектовались преимущественно из прошедших срочную службу в кавалерийских частях – жандармы считались принадлежащими к кавалерии. Комплектование офицерского состава осуществлялось преимущественно офицерами гвардейской кавалерии. Жандармы получали

1 *ПСЗРИ-2.* Т. XLI. Отд. второе. 1866. СПб. 1868. С. 532.

оклады значительно более высокие, чем офицеры в полках, и, кроме того, в их распоряжении находились различные специальные ассигнования, о трате которых не требовался отчет.

В структуре МВД Российской империи и Департамента полиции, по свидетельству современников, жандармская железнодорожная полиция была самым дисциплинированным и профессионально подготовленным подразделением.

27 июня 1867 г. Александр II утвердил положение «Об устройстве речной полиции» (закон № 44774), согласно которому в Санкт-Петербурге был создан специализированный орган охраны правопорядка на водных магистралях столицы. Речная полиция входила в состав столичного полицейского управления и была призвана поддерживать общественный порядок, бороться с преступностью на акваториях. Она также обеспечивала надзор за точным исполнением действующих постановлений по судоходству и охране порядка как на воде, так и в береговых сооружениях; порядок следования судов для их беспрепятственного прохождения по рекам и каналам столицы; контроль за своевременной погрузкой и выгрузкой товаров на берег; принятие мер к спасению утопающих людей и погибающих судов; наблюдение за исправным содержанием паровых и гребных судов, предназначенных для случаев наводнения; общественный порядок на водах. Одновременно были утверждены штат и бюджет речной полиции[1].

В Российской империи специализированная речная полиция была организована в трех регионах: Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и Рыбинске. Деятельность указанных подразделений имела различное нормативно-правовое регулирование, а их структура и функции были неодинаковыми.

19 мая 1871 г. Александр II утвердил Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений (закон № 49615), которые закрепили порядок действия чинов ЖПУ ж.д. по расследованию преступлений в зоне их ответственности с предоставлением им всех прав «общей полиции»[2].

25 июня 1882 г. Александр III утвердил указ (закон № 992) «О распределении прав и обязанностей по управлению Отдельным Корпусом Жандармов между Министром Внутренних Дел и одним из Товарищей его, с присвоением сему последнему наименования Командира означенного Корпуса». Таким образом, общее руководство, или высшее «начальствование над отдельным корпусом жандармов» осуществлял министр внутренних дел Российской империи, ставший одновременно шефом жандармов[3].

К концу XIX в. строительство железных дорог приняло столь интенсивный характер, что стало не хватать рабочих. И тогда по решению правительства в марте 1894 г. на строительство были направлены лица, отбывавшие наказание в местах лишения свободы. Вполне естественно, что эта категория лиц часто совершала преступления, а потому требовала к себе особого внимания со стороны полиции.

С учетом увеличения числа железных дорог возрастало и число ЖПУ ж.д, которые учреждались в рамках одной или нескольких железных дорог. В целом, железнодорожная полиция решала задачи «охранения внешнего порядка, благочиния и общественной безопасности в районе действия жандармских полицейских управлений железных дорог» и защиты интересов железнодорожного

---

1 *ПСЗРИ-2.* Т. XLII. Отд. первое. 1867. СПб. 1871. С. 1053-1054.

2 *ПСЗРИ-2.* Т. XLVI. Отд. первое. 1871. СПб. 1874. С. 591-594.

3 *ПСЗРИ-3.* Т. II. 1882. СПб. 1886. С. 343-344.

транспорта от криминального воздействия посторонних лиц и от незаконных действий самих железнодорожников.

Однако сотрудников не хватало, и в течение 1900–1905 гг. Николай II принял более 20 решений (законов) о создании новых управлений или об увеличении численности существующих ЖПУ ж.д.[1]

В 1903 г. рассматривалось предложение о создании жандармской железнодорожной конно-полицейской стражи, но по финансовым соображениям от его реализации отказались. Зато некоторое распространение в последующие годы получило использование специально обученных сыскных собак, так называемых собак-сыщиков.

Вплоть до 1905 г. ЖПУ ж.д. не принимали непосредственного участия в производстве дознаний по государственным преступлениям, в политическом сыске и наблюдении. Однако революционное движение 1905 г. и его дальнейший рост, активная роль, которую сыграли железнодорожные рабочие и служащие в придании Октябрьской стачке в сентябре–октябре 1905 г. всероссийского и всеобщего характера, заставили правительство принять срочные меры и привлечь сотрудников ЖПУ ж.д к борьбе с революционными выступлениями.

На сотрудников ЖПУ ж.д были возложены обязанности производства дознаний обо всех «преступных действиях» политического характера, совершенных в полосе отчуждения железных дорог. При производстве дознаний начальники ЖПУ ж.д. подчинялись начальникам губернских жандармских управлений. В результате ЖПУ ж.д. стали выполнять также функции политической полиции. На железных дорогах был создан секретно-агентурный надзор, что обязывало ЖПУ ж.д. иметь собственную агентуру.

В начале 1917 г. в России насчитывалось 75 губернских и областных жандармских управлений, 33 ЖПУ ж.д., в состав которых входили 322 жандармских отделения: 3 дивизиона, 1 конная жандармская команда, 2 пеших жандармских команды, 2 портовых и 21 крепостная жандармская команда.

К февралю 1917 г. Россию захлестнула волна революционного движения. 27 февраля 1917 г. революционные отряды разгромили жандармское отделение Николаевского вокзала в Санкт-Петербурге.

В результате Февральской революции 2 марта 1917 г. власть в стране перешла к Временному правительству.

В принятом в первых числах марта документе (дата не указана) «5. О назначении Министров общественного Кабинета и о программе его деятельности» говорится, что «в своей настоящей деятельности Кабинет будет руководствоваться следующими основаниями: ...5) замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления»[2].

10 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление «8. Об упразднении Департамента полиции и об учреждении временного управления по делам общественной милиции»[3].

17 апреля 1917 г. было принято Постановление «80. Об учреждении милиции» и утверждено «Временное положение о милиции». Вместе с тем в п. VI Постановления было отмечено, что «впредь до подготовки опытных кадров речной милиции речная полиция в городах: Петрограде, Нижнем

---

[1] *ПСЗРИ-3.* Т. XX. 1900. Отд. I. СПб. 1902. Законы: 18464; 18609; 19043; 19046; 19157; 19163; 19199; 19138; Т. XXI. 1901. Отд. I. СПб. 1903. Законы: 19688; 19696; 20066; 20433; 20585; 20612; 20650; 20665; 20669; 20720; 20828; 20866; Т. XXV. 1905. Отд. I. СПб. 1908. Законы: 26168; 26896; 27078; 26783.

[2] *Сборник указов и постановлений Временного Правительства*. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917. Петроград. 1917. С. 7-8.

[3] Там же. С. 27.

Новгороде и Рыбинске продолжает исполнять свои обязанности, состоя в ведении Начальника городской милиции»[1].

Уже к середине марта в столицах (Санкт-Петербург, Москва, Варшава) процесс расформирования железнодорожной полиции практически был завершен, однако в связи с объективной необходимостью обеспечения безопасности на железнодорожном транспорте на территориях некоторых губерний она просуществовала под тем или иным названием до ноября 1917 г.

GURLEV Igor' Valentinovich, Dr.Sci. (Tech.Sci.), Chief Researcher of the Academy of Management, Ministry of Internal Affairs of Russia (8 Zoe and Alexander Kosmodemyanskih St, Moscow, Russia, 125171; gurleff@mail.ru)

ENSURING TRANSPORT SECURITY IN THE RUSSIAN EMPIRE (1797–1917)

Abstract. *The article considers the evolution of internal transport communications in Russia from the end of the 18th to the beginning of the 20th century: from river, sea and road transport to railways. The author presents official historical documents on the base of which the authorities of the country created transport security agencies. The article studies the work of police and gendarme police departments of the railways, which provided not only security, but also smooth operation of the railway network. Based on the documents of the Provisional Government, the author shows the negative impact of the February revolution, which led to the elimination of the transport security system.*
Keywords: *water, land, railway transport, gendarme police department*

[1] Там же. С. 185-192.

УДК 94(575.4)
ВОЛКОВ Иван Васильевич *– кандидат политических наук, доцент; ученый секретарь Общества изучения истории отечественных спецслужб (Россия, г. Москва; ivolga54@gmail.com)*

ОБ ОТЧУЖДЕНИИ ЗЕМЕЛЬ ПОД ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию вопроса изъятия царской властью земель под железнодорожное строительство в Средней Азии. Законодательные документы доказательно свидетельствуют, что отчуждение земель осуществлялось на основании именных царских указов и материального возмещения изъятого из казны. Автор считает, что ускорение экономического развития региона при русской власти явилось главным условием цивилизационной модернизации жизни коренного населения дореволюционной Средней Азии.*
Ключевые слова: *Русский Туркестан, железнодорожное строительство, отчуждение земель, «туземное» население, царская власть*

Важнейшим условием экономического перерождения Средней Азии стало появление в регионе российских железных дорог. Они стали основой проникновения в Туркестан капиталистических отношений и качественно новой цивилизации.

О строительстве железных дорог в Средней Азии написано немало. В каждой из академических «историй» республик Средней Азии и Казахстана приводятся сведения по данному поводу[1]. Проблеме железных дорог в Средней Азии посвятили параграф и современные российские авторитетные авторы[2]. Однако одним из вопросов, не получившим должной научно-исследовательской рефлексии и нормативно-правового обеспечения, является предоставление земель под железнодорожное строительство в регионе.

Буржуазная историография писала, что эти земли захватывались царским правительством без согласия коренного населения Средней Азии, т.е. наносило удар по коренным основам его традиционной цивилизации. Сегодня этот мотив перепевают националистически ориентированные историки некоторых стран региона. Законодательные документы доказательно свидетельствуют об ином. Важно отметить, что изъятие земель под строительство железных дорог в царской России осуществлялось только на основании именных царских указов. В начале 1887 г. император Александр III издал указ об отчуждении частных земель и имуществ под постройку Самаркандского участка Закаспийской военной железной дороги. В законе отмечалось, что изъятие земель под такое строительство надо осуществлять на основе имеющихся узаконений «об имуществах, отходящих из частного владения по распоряжению правительства»[3].

В начале июня 1895 г. новый царь Николай II именным указом разрешил отчуждать земли и имущества для устройства железнодорожной линии от Самарканда до Андижана Закаспийской железной дороги. Пояснялось, что владельцам отчуждаемых земель надо платить по существующим правилам, отчужденные земли описать и действовать на основании ст. 594 и 595 «Законов гражданских»[4]. Указанные статьи позволяли с «высочайшего соизволения» отчуждать частновладельческие имения в государственных интересах, но с материальным возмещением изъятого из казны[5].

Приведенные нормативно-правовые акты свидетельствовали об изъятии земель без указания их площади: предполагалось, что ее определят сами железнодорожные строители. Однако часто в такого рода документах указывались точные размеры отчуждаемых земель. В конце февраля 1897 г. последовал царский указ об отчуждении земель и других имуществ, потребных для сооружения Ташкентской и Ново-Маргиланской ветвей Самарканд-Андижанской железнодорожной линии, а также подъездных шоссейных путей к станциям Джизак, Коканд и Ходжент той же дороги[6]. Отмечалось, что под строительство Ташкентской ветви отчуждалось до 843 десятин, Ново-Маргиланской – до 75 десятин, а для подъездных шоссейных путей к станциям Джизак,

---

1 *История Киргизской ССР*. Т. 2. Фрунзе. 1986. С. 153-154; *История Узбекской ССР*. Т. 2. Ташкент. 1968. С. 60-62; *История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней*. Т. 1. Алма-Ата. 1949. С. 360-361 и др.

2 *Центральная Азия в составе Российской империи*. М.: Новое литературное обозрение. 2008. С. 143-145.

3 Именной, данный Военному Министру – Об отчуждении частных земель и имуществ под постройку Самаркандского участка Закаспийской военной железной дороги. 26 января 1887 года. – *ПСЗРИ-3*. Т. 7. СПб. 1889. № 4189. С. 22.

4 Именной, Высочайший указ, данный министру путей сообщения – Об отчуждении земель и имуществ для устройства железнодорожной линии от Самарканда до Андижана, Закаспийской железной дороги. 5 июня 1895 года. – *ПСЗРИ-3*. Т. 15. СПб. 1899. № 11791. С. 392.

5 Законы гражданские. – *Свод законов Российской империи*. Т. 10. СПб. 1900. С. 38.

6 Именной, Высочайший указ, данный Министру путей сообщения – Об отчуждении земель и других имуществ, потребных для сооружения Ташкентской и Ново-Маргиланской ветвей Самарканд-Андижанской железнодорожной линии, а также подъездных шоссейных путей к станциям Джизак, Коканд и Ходжент той же железной дороги. 24 февраля 1897 года. – *ПСЗРИ-3*. Т. 17. СПб. 1900. № 13778. С. 84.

Коканд и Ходжент Закаспийской военной железной дороги – до 60 десятин. Подтверждалось, что изъятие земель должно производиться на основании ст. 594 и 595 «Законов гражданских». В мае того же года царским указом были изъяты из владений города Мерва и частных лиц в Закаспийской области до 160 десятин земли под устройство Мургабской ветви Закаспийской военной железной дороги[1].

В феврале 1900 г. Николай II издал указ о дополнительном отчуждении земельных участков для потребностей строительства Мургабской ветви Закаспийской железной дороги. Документ отмечал, что для этого от станции Мерв до Кушкинского поста требуется занять дополнительно до 257 десятин земли. Подчеркивалось, что это надо сделать на основании «общих узаконений об имуществах, отчуждаемых по распоряжению правительства»[2]. Следует отметить, что указанная дорога к тому времени уже перестала быть военной, поскольку была передана из подчинения военного министерства в ведение министерства путей сообщения[3].

Вышеприведенные отчуждения были относительно небольшими по площади. Однако когда правительство приступило к строительству железной дороги из Оренбурга в Ташкент, потребовалось значительное изъятие земель. На основании царского указа от 8 июня 1901 г. под него было отчуждено свыше 20 тыс. десятин[4]. Естественно, что за все земли казна заплатила их владельцам по установленным кадастровым тарифам. В 1908 г. для сооружения ширококолейной железнодорожной линии от станции Коканд до города Намангана Ферганской области было изъято у населения до 750 десятин[5]. В 1912 г. правительство приступило к сооружению Семиреченской железной дороги, и в конце мая того же года последовал царский указ об отчуждении для сооружения ширококолейной железнодорожной линии от станции Арысь Ташкентской железной дороги до города Пишпека Семиреченской области до 5 000 десятин земли с вознаграждением владельцев на основании ст. 594 и 595 «Законов гражданских»[6]. В июле 1913 г. был издан закон об отчуждении 465 десятин земли для сооружения в Ферганской области ширококолейных железнодорожных линий[7].

Понимая цивилизационное значение железных дорог для развития всех сфер экономики, при организации Бухарской железной дороги, «Его Высочество

---

[1] Именной Высочайший указ, данный Военному министру – Об отчуждении земель под устройство Мургабской ветви Закаспийской военной железной дороги. 29 мая 1897 года. – *ПСЗРИ-3.* Т. 17. СПб. 1900. № 14174. С. 330.

[2] Именной, данный Военному министру – О дополнительном отчуждении земельных участков для потребностей Мургабской ветви Закаспийской железной дороги. 21 февраля 1900 года. – *ПСЗРИ-3.* Т. 20. Отд. 1. СПб. 1902. № 18177. С. 106.

[3] Высочайшее повеление, объявленное Министром путей сообщения – О передаче Закаспийской железной дороги в ведение Министерства путей сообщения. 18 декабря 1898 года. – *ПСЗРИ-3.* Т. 18. Отд. 1. СПб. 1901. № 16256. С. 1090.

[4] Именной, Высочайший указ, данный Министру путей сообщения – Об отчуждении земель и имуществ, потребных для сооружения Оренбургско-Ташкентской железной дороги. 8 июня 1901 года. – *ПСЗРИ-3.* Т. 21. Отд. 1. СПб. 1903. № 20308. С. 599.

[5] Именной, Высочайший указ, данный Сенату – Об отчуждении земли для сооружения ширококолейной железнодорожной линии от станции «Коканд» до города Намангана, Ферганской области. 14 июля 1908 года. – *ПСЗРИ-3.* Т. 28. Отд. 1. СПб. 1911. № 30818. С. 514.

[6] Именной, Высочайший указ, данный Сенату – Об отчуждении земли для сооружения ширококолейной железнодорожной линии общего пользования от станции Арысь, Ташкентской железной дороги до города Пишпека, Семиреченской области. 28 мая 1912 года. – *ПСЗРИ-3.* Т. 32. Отд. 1. СПб. 1915. № 37142. С. 486.

[7] Именной, Высочайший указ, данный Сенату – Об отчуждении земли для сооружения в Ферганской области ширококолейных железнодорожных линий. 12 июля 1913 года. – *ПСЗРИ-3.* Т. 33. Отд. 1. СПб. 1916. № 39885. С. 814.

Эмир выразил согласие даровать безвозмездно необходимые для проведения линий земли, в количестве 6 000 десятин, и принять на себя в случае образования общества Бухарской железной дороги одну четвертую часть расходов, могущих потребоваться от империалистического правительства по гарантии выпускаемых означенным обществом облигаций»[1].

В течение четверти века Закаспийская железная дорога была единственной магистралью во всем Туркестане. Рубеж XIX–XX вв. ознаменовался началом строительства Оренбургско-Ташкентской железной дороги. В апреле 1904 г. она была соединена с Оренбургской ветвью Самаро-Златоустовской магистрали под общим названием Ташкентской железной дороги[2]. Однако в полное действие дорога вступила только в 1906 г., поскольку на ее окончание, особенно в южной части, не хватало средств, что требовало от государственной казны дополнительного финансирования[3].

Железные дороги послужили толчком к цивилизационному преобразованию экономики Средней Азии, т.к. они способствовали ускоренному превращению натурального хозяйства в товарно-денежное, приобщению Средней Азии к российской капиталистической экономике. В 1891 г. из региона по Закаспийской военной железной дороге в Европейскую Россию было вывезено грузов объемом 4 497 тыс. пудов, а в 1892 г. – 4 718 тыс. пудов. Влияние Закаспийской железной дороги было не менее значимым для роста ввоза в Среднюю Азию российских товаров. С 670 тыс. пудов за 1891 г. ввоз уже к 1898 г. достигает 1 млн пудов, а к 1903 г. – 1 млн 300 тыс. пудов. С постройкой Ташкентской железной дороги объемы перевозимых грузов из Средней Азии в Россию еще более возросли.

Как отмечалось, железные дороги в царской России строились за счет государственных средств, что обходилось казне в огромные суммы. В июне 1905 г. на объединенном заседании правительства и Государственного совета были разработаны и узаконены меры по привлечению частных капиталов в дело железнодорожного строительства в России[4]. Принятый закон распространялся и на сооружение магистралей в Средней Азии. Следует отметить, что перед революцией 1917 г. протяженность железнодорожных линий в регионе составляла 5 284,5 км. Из них были 2 казенные железные дороги: Ташкентская – от Оренбурга до Ташкента протяженностью в 1 852 км и Среднеазиатская – 2 568,8 км; а также 3 частные железные дороги: Ферганская – протяженностью в 273 км, Бухарская – 450 км и Семиреченская – 79,1 км. Кроме того, в Ферганской долине было 60,8 км частных подъездных путей к хлопкоочистительным и маслобойным заводам.

Весной 1907 г. на имя министра торговли и промышленности была подана декларация влиятельной группы московских мануфактуристов товари-

---

[1] Обзор деятельности второго департамента Государственного совета по рассмотрению дел о частных железных дорогах за время с 1906 по 1913 гг. СПб. 1914. С. 253-254.

[2] Высочайшее повеление, объявленное Министром путей сообщения – О соединении Оренбургской ветви Самаро-Златоустовской железной дороги с Оренбургско-Ташкентской железной дорогой под общим названием «Ташкентской железной дороги». 16 апреля 1904 года. – *ПСЗРИ-3.* Т. 24. Отд. 1. СПб. 1907. № 24373. С. 356.

[3] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об отпуске из государственного казначейства средств на покрытие перерасходов по постройке Вологда-Вятской, южной части Оренбург-Ташкентской и Улуханлу-Джульфинской железных дорог. 21 июня 1910 года. – *ПСЗРИ-3.* Т. 30. Отд. 1. СПб. 1913. № 33862. С. 827.

[4] Высочайше утвержденное Положение Соединенного присутствия Комитета министров и Департамента Государственной экономии Государственного совета – О мерах к привлечению частных капиталов в дело железнодорожного строительства в России. 10 июня 1905 года. – *ПСЗРИ-3.* Т. 25. Отд. 1. СПб. 1908. № 26385. С. 447-448.

ществ «Эмиль Циндель», Викулы Морозова, Н. Полушина, И. Коновалова, Ярославской большой мануфактуры, Альберта Гюбнеро и др., желавших участвовать в железнодорожном строительстве. «Бесспорно, ресурсы казны ввиду событий последних лет, крайне истощены, – отмечалось в декларации, – но, с другой стороны, нельзя откладывать в дальний ящик столь важный вопрос, а посему необходимо привлечение к этому делу частной инициативы и капиталов»[1]. Руководствуясь законом от 10 июня 1905 г., правительство пошло навстречу этой группе предпринимателей. Следуя соответствующим государственным установлениям, она составила устав акционерного общества по строительству железной дороги между Кокандом и Наманганом, который получил законодательное утверждение в апреле 1910 г.[2] В итоге в 1912 г. открылось движение по частной линии Коканд – Наманган протяженностью в 89,6 км. В июле 1913 г. был издан закон о предоставлении обществу Коканд-Наманганской железной дороги правительственного разрешения на сооружение новых магистральных линий[3]. К началу октября 1917 г. общая протяженность частных железных дорог в Туркестане достигла 863 км.

Определяющую роль в частном железнодорожном строительстве в Средней Азии сыграли акционерные железнодорожные общества, финансируемые банковским капиталом. В этом отношении наиболее значительный вклад в сооружение частных стальных магистралей в Туркестане внес Русско-Азиатский банк, учрежденный в июне 1910 г. Он возник на базе слияния Русско-Китайского и Северного банков с новым уставом. Общий капитал банка устанавливался в 35 000 000 руб. Банку разрешалось выпускать акции, 1/4 которых оставалась у учредителей. Закон отмечал, что Русско-Азиатскому банку разрешается приобретать недвижимое имущество в Туркестанском крае[4].

Особенно большое внимание правительство уделяло строительству железной дороги в сторону Семиреченского региона, важного как в экономическом, так и военно-стратегическом отношении (как граничащего с Китаем). Решить эту задачу предполагалось посредством широкого привлечения именно частного капитала. В конце мая 1912 г. был утвержден Устав Семиреченской железной дороги[5]. Государство обеспечивало надзор за деятельностью частных железных дорог в Средней Азии. Так, в начале августа 1913 г. была учреждена Инспекция по наблюдению за строительством Семиреченской железной дороги[6]. Однако несмотря на то что частное российское железнодорожное строительство в

---

[1] Труды хлопкового комитета при М.З. Т. III. СПб. 1911.

[2] См.: Высочайше утвержденное Положение Второго департамента Государственного совета – Об утверждении нового Устава общества Кокандо-Наманганской железной дороги. 13 апреля 1910 года. – *ПСЗРИ-3.* Т. 30. Отд. 1. СПб. 1913. № 33356. С. 508; Высочайше утвержденный Устав общества Коканд-Наманганской железной дороги. 13 апреля 1910 года. – *ПСЗРИ-3.* Т. 30. Отд. 1. СПб. 1913. № 3357. С. 509-528.

[3] Высочайше утвержденное Положение Второго департамента Государственного совета – О предоставлении обществу Коканд-Наманганской железной дороги сооружения новых линий и об обращении подъездного пути частного пользования Чин-абад – Андижан в путь общего пользования и об утверждении дополнения к Уставу общества Коканд-Наманганской железной дороги и условий эксплуатации подъездного пути Чин-абад – Андижан. 12 июля 1913 года. – *ПСЗРИ-3.* Т. 33. Отд. 1. СПб. 1916. № 39888. С. 839-848.

[4] Высочайше утвержденное Положение Совета министров – Об учреждении акционерного коммерческого банка под наименованием «Русско-Азиатский банк». 14 июня 1910 года. – *ПСЗРИ-3.* Т. 30. Отд. 1. СПб. 1913. № 33788. С. 789.

[5] Высочайше утвержденный Устав Семиреченской железной дороги. 28 мая 1912 года. – *ПСЗРИ-3.* Т. 32. Отд. 1. СПб. 1915. № 37154. С. 524-545.

[6] Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – Об утверждении временного штата Инспекции за постройкой Обществом Семиреченской железной дороги железнодорожной линии Арысь-Пишпек. 2 августа 1913 года. – *ПСЗРИ-3.* Т. 33. Отд. 1. СПб. 1916. № 40041. С. 1019.

Средней Азии получило определенное развитие, оно так и не стало решающим фактором в формировании магистральной инфраструктуры. Ее становым хребтом оставались государственные железные дороги.

Таким образом, строительство российских железнодорожных коммуникаций в Средней Азии имело огромное значение – как военно-стратегическое, так и экономическое. Представляется очевидным, что ускорение экономического развития региона при русской власти явилось главным условием цивилизационной модернизации жизни коренного населения дореволюционной Средней Азии.

VOLKOV Ivan Vasil'evich, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor, Scientific Secretary of the Society for Studying Domestic Special Services History (Moscow, Russia; ivolga54@gmail.com)

ON ALIENATION OF LAND FOR RAILWAY CONSTRUCTION IN RUSSIAN TURKESTAN

Abstract. *The article is devoted to the study of the issue of seizure of land by the tsarist government for railway construction in Central Asia. Legislative documents prove that the alienation of land was carried out on the base of nominal royal decrees and material compensation withdrawn from the treasury. The author believes that the acceleration of the region's economic development under the Russian government was the main condition for the civilizational modernization of the life of the indigenous population of pre-revolutionary Central Asia.*

Keywords: *Russian Turkestan, railway construction, alienation of land, native population, royal power*

Ли Сюй – кандидат политических наук, старший преподаватель Института марксизма Восточно-Китайского университета политологии и права (200042, Китай, г. Шанхай, ул. Вань Хан Ду, 1575; lixu1210@mail.ru)

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА (на основе анкетных опросов в 5 университетах г.Шанхая)[1]

Аннотация. *В статье на основании исследования политических взглядов студентов 5 университетов Шанхая, проведенного путем анкетного опроса, проанализированы политические взгляды студентов, которые выросли в эпоху Интернета. Исследование также подтвердило, что Интернет оказывает значительное влияние на политические ориентации студентов.*
Ключевые слова: *Интернет, студент, политические взгляды*

Политические взгляды человека являются результатом его политической социализации и тесно связаны с его личным опытом, формой и содержанием его образования, а также внешней социальной средой. Наступление эры Интернета создало виртуальное публичное политическое пространство для пользователей сети, где информация, имеющая отношение к политике, передается, обменивается, оказывает влияние на политические взгляды интернет-пользователей. Какова же политическая позиция китайских интернет-пользователей в эпоху информационного взрыва в Интернете и одновременно его государственного регулирования?

Как особая группа, студенты университета сыграли важную роль в развитии китайской политической демократии. Тем не менее исследования политических ориентаций этой группы встречаются редко. В 1996 г. Эндрю Дж. Натан и Ши Тяньцзянь включили уровень образования в аналитические переменные исследования идеологии китайцев в эпоху Дэн Сяопина (начало 1990-х гг.). Автор этого исследования считает, что уровень образования является наиболее важной переменной, влияющей на политическую позицию студентов университетов [Nathan, Tianjian Shi 1996].

В рамках данного исследования был проведен анкетный опрос студентов 5 университетов Шанхая с целью эмпирического анализа политической позиции студентов в эпоху Интернета. Данное исследование в основном отвечает на 3 вопроса: во-первых, политическое восприятие студентов университетов, их политическая позиция и использование средств массовой информации; во-вторых, различия и взаимосвязь между разными аспектами политических взглядов студентов; в-третьих, степень влияния общения в Интернете на политическую позицию студентов.

Анкетный опрос был проведен анонимно, и в качестве респондентов были отобраны 500 студентов. Пять университетов, включенных в этот опрос, являются образцово-показательными (4 университета непосредственно подчиняются Министерству образования, один – муниципалитету Шанхая, включают

[1] Проект фонда. Эта статья была профинансирована в рамках исследовательской программы Восточно-Китайского университета (№ A-1401-19-002-25).

университеты общего профиля, специализирующиеся на науке и технике, инженерии, финансах и иностранных языках), и в целом могут полностью отражать состав студентов высших учебных заведений страны.

В опросе участвовали студенты, обучающиеся по гуманитарному и социальному профилю (80,3%) и обучающиеся по естественнонаучным и техническим дисциплинам (19,7%). С точки зрения политического статуса наивысшую долю составляют члены организаций (61,8%), вслед за ними идут вступающие в партию активисты (18,5%), члены партии (14,5%), затем остальные (5,2%). В их числе преобладают городские жители (73,8%), доля деревенских жителей составляет 10,8%. С точки зрения занятости родителей максимальную долю студентов составляют те, у которых родители – из числа руководящего персонала партийных и административных органов и бюджетных учреждений, далее – из рабочих и служащих предприятий; занимаются земледелием, лесоводством, рыбным хозяйством и животноводством не более 10% родителей опрошенных студентов.

Исследование политической грамотности и политического восприятия респондентов показало, что при овладении некоторыми базовыми политическими знаниями уровень правильности ответов студентов, изучающих гуманитарные и общественные науки, гораздо выше, чем у студентов, изучающих естественные и инженерные науки. Исследование показало различия в степени овладения некоторыми базовыми политическими знаниями среди студентов университетов с различным политическим статусом. Вопреки ожиданиям, политическая грамотность и безошибочность мнения среди членов партии даже ниже, чем у прочих категорий учащихся, что вызывает некоторые проблемы. Так, отвечая на вопрос: «Какой орган выдвинул Си Цзиньпина для избрания председателем государства», – только 58,6% членов партии ответили правильно, что является самым низким уровнем среди всех политических кате-

Таблица 1

Национализм в политических взглядах, %

Мнение	Полностью одобряю	Относительно одобряю	Нейтрален	Не одобряю	Категорически не одобряю
Китайская нация – лучшая нация в мире	29,7	22,4	33,8	10,8	3,3
Национальные праздники, такие как военный парад, посвященный Национальному дню, являются важным образовательным аспектом для стимулирования патриотизма	57,7	26,1	13,9	2,3	0
Западные страны, возглавляемые Соединенными Штатами, не хотят мириться с подъемом Китая	11,8	37,3	37,6	11,6	1,7
Бойкот японских товаров есть выражение патриотизма	7,3	13,5	28,8	31,5	18,9
При определенных условиях допускается максимально быстро применить военную силу для разрешения конфликта на островах Дяоюйдао и в тайваньском вопросе	6,2	12,4	30,5	36,9	13,9

Таблица 2

Либерализм в политических взглядах, %

Мнение	Полностью одобряю	Относительно одобряю	Нейтрален	Не одобряю	Категорически не одобряю
Такие общечеловеческие ценности, как свобода, демократия, права человека, не существуют	4,4	13,1	26,6	37,3	18,7
Правительство должно при любых обстоятельствах гарантировать гражданам права и свободы: свободу слова, право создавать общества, право выходить на демонстрации	24,3	34,6	28,6	11,6	0,8
Необходимо принять максимально жесткие меры, чтобы обуздать коррупцию в чрезвычайно короткий период	28,2	44,0	21,6	5,2	1,0
Национальные и коллективные интересы выше личных интересов	14,9	31,7	39,0	12,2	2,1

горий. По другим вопросам члены партии также не проявили отчетливое превосходство.

Анкета «Политическая позиция респондентов» отражала политическую позицию студентов университетов по 7 позициям: национализм, либерализм, рыночная экономика, политическая демократия, честность и справедливость, участие в политической жизни и политическое образование.

В табл. 1 обобщается отношение студентов к проблемам национализма. Можно увидеть, что большинство студентов университетов имеют сильное чувство национальной гордости, при этом тенденции к ультранационализму не проявляются. По утверждениям: «Китайская нация – лучшая нация в мире» и «Национальные праздники, такие как военный парад, посвященный Национальному дню, являются важным образовательным аспектом для стимулирования патриотизма» соотношение одобряющих составляет 52,1 и 83,8% соответственно, что намного выше, чем доля противников. В отношении тезиса о том, что «западные страны, возглавляемые Соединенными Штатами, не хотят мириться с подъемом Китая», соотношение одобряющих это мнение студентов и придерживающихся противоположного мнения приблизительно одинаковы. По утверждениям: «Бойкот японских товаров есть выражение патриотизма» и «При определенных условиях допускается максимально быстро применить военную силу для разрешения конфликта на островах Дяоюйдао и в тайваньском вопросе» подавляющее большинство студентов не согласны с данным мнением, а доля одобрений, выраженных в разной степени, составляла не более 20%. В целом, можно сказать, что современные студенты университетов являются рациональными патриотами.

Анкета оценивает либеральные тенденции студентов на основании информации об отношении студентов к свободе, демократии, правам человека, другим нравственным ценностям, личным и коллективным отношениям, государст-

Таблица 3

Отношение к рыночной экономике в политической позиции, %

Мнение	Полностью одобряю	Относительно одобряю	Нейтрален	Не одобряю	Категорически не одобряю
Земля должна принадлежать государству, а не быть предметом частной собственности	10,0	16,6	54,1	16,2	3,1
Защита развития национальной промышленности с помощью таможенных или импортных мер	7,5	27,4	39,8	20,5	4,8
Государственные предприятия должны всесторонне контролировать сферы экономики, имеющие отношение к национальной безопасности, планам развития экономики государства и улучшения благосостояния народа	7,5	20,5	39,4	26,6	6,0
Правительство должно расширять экономические реформы, а вмешательство в рыночную экономику должно быть как можно меньшим	14,3	22,4	40,9	19,9	2,5
Разрыв между богатыми и бедными и классовое расслоение является результатом рыночной экономики	7,1	21,0	39,2	28,6	4,1

венной власти. Как показано в табл. 2, студенты университетов демонстрируют некоторую неоднозначность мнений. С одной стороны, более 56% студентов университетов выступают против вывода о том, что «такие общечеловеческие ценности, как свобода, демократия, права человека, не существуют». Наряду с этим более 58% студентов считают, что «правительство должно при любых обстоятельствах гарантировать гражданам права и свободы: свободу слова, право создавать общества, право выходить на демонстрации». Это показывает, что современные студенты университетов имеют сравнительно высокую степень признания ценности прав человека и системы основных нравственных ценностей. С другой стороны, почти половина студентов согласились с тем, что «национальные и коллективные интересы выше личных интересов», и почти 3/4 студентов признают, что «необходимо принять максимально жесткие меры, чтобы обуздать коррупцию в чрезвычайно короткий период». Это, по мнению исследователей, результат не только прагматической позиции студентов по таким аспектам, как свобода, права человека, нравственные ценности, но и многообразия внутреннего понимания студентами свободы, демократии и прав человека.

Понимание рыночной экономики обычно тесно связано с либеральной позицией. Из данных табл. 3 следует, что позиция студентов в отношении рыночной экономики не демонстрирует ни явную поддержку, ни оппозицию. Путем анализа можно обнаружить, что, поскольку студенты университетов имели противоречивую позицию в отношении либерализма, существуют противоречия и в их понимании рыночной экономики. С одной стороны, студенты согласны с тем, что «земля должна принадлежать государству, а не быть предметом частной собственности», «правительство должно расширять экономические реформы,

Таблица 4

Политическая демократия в политической позиции, %

Мнение	Полностью одобряю	Относительно одобряю	Нейтрален	Не одобряю	Категорически не одобряю
Не следует публично и широкомасштабно обсуждать проступки политического деятеля Мао Цзэдуна	7,7	21,0	42,9	21,2	7,3
Конфуцианство и традиционная культура – пути решения проблем Китая	3,5	16,8	42,7	28,6	8,3
Разделение власти не соответствует требованиям Китая	13,9	36,9	34,0	12,2	2,9
Политическое развитие Китая должно гарантировать гражданские права, ограничивать государственную власть и обеспечивать верховенство закона	43,4	36,3	18,3	1,5	0,6
Китай должен идти по социалистическому пути под руководством марксизма-ленинизма	31,7	33,8	30,1	2,7	1,7
Электоральная демократия ложна, не отвечает требованиям Китая	8,5	11,2	30,1	38,4	11,8
Народная демократия по сравнению с западной демократией имеет больше преимуществ	14,9	20,3	47,5	13,7	3,5

а вмешательство в рыночную экономику должно быть как можно меньшим», доля согласных с утверждением, что «разрыв между богатыми и бедными и классовое расслоение являются результатом рыночной экономики», выше, чем придерживающихся противоположного мнения. С другой стороны, более высокая доля студентов считают, что «развитие национальной промышленности должно быть защищено с помощью таможенных пошлин или импортных мер» и что «государственные предприятия должны всесторонне контролировать сферы экономики, имеющие отношение к национальной безопасности, планам развития экономики государства и улучшения благосостояния народа».

Результаты исследования позиций студентов в отношении политической демократии демонстрируют данные табл. 4. Современные студенты нисколько не игнорируют политическое устройство западных стран, но в то же время полны уверенности в преимуществах существующей политической системы Китая. В ответах на 7 вопросов, затрагивающих эту тему, 79,7% студентов университетов выражают мнение, что «политическое развитие Китая должно гарантировать гражданские права и свободы, ограничивать государственную власть и обеспечивать верховенство закона», 65,5% студентов согласны с тем, что «Китай должен идти по социалистическому пути под руководством марксизма-ленинизма». В утверждениях, что «разделение власти[1] не подходит Китаю» и «народная демократия по срав-

[1] Прим. переводчика: на законодательную, исполнительную и судебную.

Таблица 5

Политическая позиция по участию в политической жизни, %

Мнение	Полностью одобряю	Относительно одобряю	Нейтрален	Не одобряю	Категорически не одобряю
Независимо от того, какая это партия или лидер, необходимо ограничивать их власть	39,6	39,6	17,2	2,9	0,6
Решения правительства и лидеров, как правило, безошибочны	7,5	10,4	31,5	37,8	12,9
До тех пор, пока правящая партия и ее лидеры бескорыстно служат обществу, простому народу нет нужды слишком много участвовать в принятии решений	8,1	7,9	17,8	43,4	22,8
Мнения экспертов и интеллектуалов следует учитывать в большей степени, чем мнение простого народа	9,3	18,5	28,2	32,2	11,8
Чтобы уменьшить ненужные неприятности, правительство старается не разглашать подробности конкретного процесса принятия решений	7,5	9,5	19,9	38,4	24,7

нению с западной демократией имеет больше преимуществ» хотя почти 1/3 студентов занимают нейтральную позицию, доля одобряющих по-прежнему превышает долю противников. Тем не менее по утверждениям: «Электоральная демократия ложна, не отвечает требованиям Китая» и «Конфуцианство и традиционная культура являются способом решения проблем Китая» доля противников выше (не считая нейтральных). Интересно отметить, что по утверждению: «Не следует публично и широкомасштабно обсуждать проступки выдающегося политического деятеля Мао Цзэдуна» позиция опрошенных студентов университетов показала нормальный характер распределения. В целом студенты университетов имеют сравнительно высокую уверенность в правильности собственного демократического пути Китая.

Исследование показало, что в социальных вопросах студенты университетов в целом обладают сильным чувством честности и справедливости. 76,6% студентов согласны с тем, что «дети трудящихся-мигрантов должны иметь равные права на образование», а 70,1% студентов университетов согласны с тем, что «правительство должно обеспечить минимальные социальные гарантии людям с низким уровнем дохода». Более половины студентов согласны с тем, что «повышение налогообложения богатых уменьшает неравенство».

Как показал опрос (см. табл. 5), современные студенты обладают довольно сильной степенью осознания участия в политической жизни и сохраняют определенный скептицизм в отношении роли правительства, его лидеров, экспертов, интеллигенции и других представителей элиты в политическом процессе, требуя, чтобы политический процесс был прозрачным и власть обращала внимание на мнение простых людей.

Опрос показал, что Интернет является основным каналом информации для

Таблица 6

Взаимосвязь между различными политическими позициями

		Участие в политической жизни	Честность и справедливость	Политическое образование	Либерализм	Рыночная экономика	Национализм	Политическая демократия
Участие в политической жизни	Коррелятивность	1	–.120**	–.158**	.360**	.277**	–.079	.522**
	Достоверность (двухсторонняя)	–	.008	.000	.000	.000	.085	.000
Честность и справедливость	Коррелятивность	–	1	.099*	–.055	–.112*	.072	–.252**
	Достоверность (двухсторонняя)	–	–	.030	.228	.014	.117	.000
Политическое образование	Коррелятивность	–	–	1	–.051	–.277**	.356**	–.392**
	Достоверность (двухсторонняя)	–	–	–	.265	.000	.000	.000
Либерализм	Коррелятивность	–	–	–	1	.354**	–.109*	.293**
	Достоверность (двухсторонняя)	–	–	–	–	.000	.017	.000
Рыночная экономика	Коррелятивность	–	–	–	–	1	–.185**	.397**
	Достоверность (двухсторонняя)	–	–	–	–	–	.000	.000
Национализм	Коррелятивность	–	–	–	–	–	1	–.381**
	Достоверность (двухсторонняя)	–	–	–	–	–	–	.000
Политическая демократия	Коррелятивность	–	–	–	–	–	–	1
	Достоверность (двухсторонняя)	–	–	–	–	–	–	–

Примечание: ** – показатель p< 0,01, * – показатель p< 0,05.

студентов, за ним следуют телевидение, газеты, журналы и радио. Студенты склонны использовать Интернет, когда нуждаются в активном понимании информации, однако в отношении авторитетности информации они больше доверяют телевидению как традиционному средству массовой информации. Несмотря на то что студенты пользуются Интернетом очень часто, число контактов и обсуждение политических вопросов в сети довольно ограниченно. 21,8% практически не затрагивают политические проблемы в социальных сетях, а 24,8% опрошенных никогда не участвовали в политических дискуссиях в социальных сетях. С 2009 г. все университеты Шанхая начали продвигать использование *Yiban* под руководством Департамента управления образованием, пытаясь сделать его сетевым интерактивным сообществом, объединяющим образование, преподавание, службу жизнеобеспечения, культурные развлечения, способным заменить *Weibo* и *BBS*. Тем не менее результаты опроса показали, что только 75,5% опрошенных студентов знают, что в университетах и институтах начало функционировать интерактивное сообщество *Yiban*, но редко его используют, в т.ч. 54,8% опрошенных никогда не пользовались *Yiban*. Опрос показал, что, по мнению студентов, обучающие и образовательные функции *Yiban* решительно не соответствуют требованиям и не могут заменить социальные и развлекательные функции, предоставляемые *Weibo* и *WeChat* на современном этапе.

Анализ политических взглядов студентов шанхайских университетов

На основе общей картины политических взглядов студентов в этом разделе сначала проводится факторный анализ, чтобы выбрать индикаторы измерения различных политических тенденций. Затем производится анализ отличий и взаимосвязь различных аспектов политической позиции студентов и, наконец, выявление корреляционной связи между степенью контактов в Интернете и политической позицией студентов. Анкета делит политические взгляды студентов по таким 7 позициям, как национализм, либерализм, рыночная экономика, политическая демократия, честность и справедливость, участие в политической жизни и политическое образование. Чтобы обеспечить единообразие измерений в каждом разделе и между разделами, в процессе анализа названия разделов в зависимости от их назначения корректируются, применяется метод анализа главных компонент в соответствии с величиной нагрузки по размеру объединений. При анализе политической позиции студентов семь влияющих факторов располагаются в зависимости от их вклада в нижеследующем порядке: участие в политической жизни, честность и справедливость, политическое образование, либерализм, рыночная экономика, национализм и политическая демократия (см. табл. 6).

Комбинируя взаимосвязь вышеуказанных аспектов политической позиции, мы можем в общих чертах судить о политических взглядах студентов университетов. Во-первых, чем более радикальна позиция студентов по отношению к национализму, тем более консервативна их позиция в вопросах либерализма, рыночной экономики, политической демократии. Во-вторых, чем более радикальна позиция студентов по отношению к либерализму, тем более радикальна их позиция по отношению к участию в политической жизни, рыночной экономике, политической демократии и, напротив, тем более консервативны будут их националистические взгляды. В-третьих, чем более радикальна позиция студентов университетов по отношению к рыночной экономике, тем более радикальна она и по отношению к участию в политической жизни, либерализму, политической демократии и, напротив более консервативна по отношению к национализму. В-четвертых, чем более радикальна позиция сту-

дентов в отношении политической демократии, тем более радикальна она и по отношению к участию в политической жизни, либерализму и рыночной экономике и, напротив, более консервативна в отношении честности и справедливости, политического образования и национализма. В-пятых, чем более радикально настроены студенты по отношению к честности и справедливости, тем более консервативны они в отношении рыночной экономики, политической демократии и участия в политической жизни, и, напротив, еще более подчеркивается необходимость и эффективность идейно-политического воспитания. В-шестых, чем более радикальными являются студенты университетов в плане участия в политической жизни, тем более радикальны они и в плане либерализма, рыночной экономики и политической демократии и, напротив, тем более консервативны по отношению к честности и справедливости, при этом больше внимания уделяется необходимости и эффективности идейно-политического воспитания.

В целом, позиция по отношению к участию в политике студентов, изучающих гуманитарные науки, по сравнению со студентами, изучающими точные и естественные науки, более радикальна; студенты университетов из сельской местности более радикальны в вопросе честности и справедливости; политические взгляды студентов из военных семей в целом более консервативны, а студенты, чей семейный годовой доход занимает крайне противоположные позиции, более радикальны по отношению к участию в политической жизни.

Связь между степенью интернет-общения и политической позицией

Как упоминалось ранее, Интернет является основным источником информации для студентов. Так существует ли определенная взаимосвязь между степенью их интернет-общения и политической позицией? С помощью анализа независимой выборки средней величины из статической суммы средних величин выяснилось следующее. Во-первых, ответы на вопросы: «Используете ли вы сеть в основном для понимания социальной динамики?» и «Используете ли вы сеть в основном для понимания текущей политики?» имеют серьезное влияние на политическую позицию по 5 аспектам политических взглядов: это участие в политической жизни, либерализм, рыночная экономика, политическая демократия. Студенты, которые «используют сеть в основном для понимания социальной динамики» и «используют сеть в основном для понимания текущей политики», более радикальны в отношении участия в политической жизни, либерализма, рыночной экономики, политической демократии и, наоборот, не соглашаются с необходимостью и эффективностью идейно-политического воспитания.

Во-вторых, на такие аспекты политических взглядов, как политическое воспитание и политическая демократия, оказывает серьезное влияние ответ на вопрос: «Будете ли вы доверять Интернету, если в отношении одного и того же публичного мероприятия СМИ публикуют противоречивые сведения?» Студенты, которые «доверяют», являются более радикальными в аспекте политической демократии и, напротив, не согласны с необходимостью и эффективностью идейно-политического воспитания. В-третьих, на такие аспекты политических взглядов, как участие в политической жизни, политическое образование, рыночная экономика, национализм и политическая демократия, оказывает серьезное влияние ответ на вопрос: «Если в обществе существует сравнительно большой спорный вопрос или трудное для понимания общественное мероприятие, склонны ли вы обратиться к Интернету для лучшего понимания вопросов?» Студенты, которые склонны обращаться к Интернету, оказываются более радикальными по отношению к участию в политической жизни, рыноч-

ной экономике, политической демократии и, напротив, в политическом образовании и национализме демонстрируют консерватизм.

Выводы.

Во-первых, некоторым студентам университетов не хватает базовой политической грамотности, особенно студентам естественнонаучных и технических дисциплин. В настоящее время студенты являются важным источником пополнения личного состава партийных кадров, однако данные опроса показывают, что члены партии, обучающиеся в вузах, не демонстрируют большей степени политической зрелости, чем другие группы студентов.

Во-вторых, студенты в целом выражают единство взглядов в отношении политической демократии, либерализма, рыночной экономики, участия в политической жизни. Однако студенты, которые более симпатизируют либерализму, политической демократии, рыночной экономике, имеют более слабые чувства справедливости, национальной идентичности, необходимости политического воспитания.

В-третьих, Интернет оказывает существенное влияние на политические взгляды студентов. Чем чаще студенты обращаются к Интернету для получения информации, тем более радикальна их позиция по отношению к политической демократии, либерализму, рыночной экономике и участию в политической жизни и тем менее они одобряют курс идейно-политического воспитания и его эффективность. Однако и те студенты, которые согласны с необходимостью и эффективностью идейно-политического воспитания, также уделяют большое внимание политике.

Понимание политического признания, политической позиции и возможных моделей поведения студентов может дать идеи для современной работы по идейно-политическому воспитанию в высших учебных заведениях. Опрос показал, что политические взгляды студентов шанхайских университетов, как правило, умеренные, без ультракрайних подходов. Студенты университетов обладают сравнительно сильным патриотическим духом, однако их любовь к родине не отличается фанатизмом и иррациональностью. Они имеют высокую степень признания ценности свобод, демократии, участия, а также сильное чувство честности и справедливости. Они отвергают западный либерально-демократический режим как чуждую губительную среду, в то же время преисполнены уверенности в правильности демократической политики и в политическом пути развития современного социалистического строя с китайской спецификой. Это показывает, что общая политическая позиция студентов университетов, выросших в эпоху Интернета, умеренная и рациональная.

Кроме того, исследование показало, что Интернет оказывает значительное влияние на политическую позицию студентов университетов. Попытки создать современную социальную сеть на территории университетских городков, которая обеспечила бы эффективную помощь Интернета студентам, по-прежнему необходимы.

Список литературы

Ле Юань, Ян Босю. 2009. Идеологическая позиция и политические фракции в национальном Интернете. – *Журнал «XXI век»*. № 4.

Чжан Миншу. 2013. *Какая демократия нужна китайцам*. Пекин: Академическое издательство по общественным наукам.

Ма Дэюн, Чжан Шуся. 2014. «Левые» и «правые» пользователи китайского Интернета. – *Журнал «XXI век»*. № 4.

Nathan A.J., Tianjian Shi. 1996. Left and Right with Chinese Characteristics: Issues and Alignments in Deng Xiaoping's China. – *World Politics*. Vol. 4. No. 48. P. 522-550.

Li Xu, Ph.D., Cand.Sci. (Pol.Sci.), Senior Lecturer at the Institute of Marxism, East China University of Political Science and Law (1575 Wanghangdu St, Shanghai, China, 200042; lixu1210@mail.ru)

STUDY OF THE POLITICAL POSITION OF UNIVERSITY STUDENTS IN THE INTERNET AGE (based on questionnaires from five universities in Shanghai)

Abstract. *Based on a survey of the political views of students at five Shanghai universities, this article summarizes the following: the political views of university students who grew up in the Internet age are generally moderate and rational, without a distinctly extreme position; they have a strong sense of patriotism, but without fanaticism or irrationality; they all have a fairly high degree of commitment to freedom, democracy, participation, and also have a fairly strong sense of justice; they reject the western liberal-democratic regime as an alien, destructive environment, at the same time they are full of confidence in the democratic policy and the political path of development of the modern socialist system with Chinese characteristics.*

Keywords: *Internet, student, political views*

ДЗЮБАН Валерий Валерьевич – доктор исторических наук, кандидат педагогических наук, профессор департамента социологии, истории и философии Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, 49; bryanskstud-zuban@mail.ru)

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТИ ПЕТРА I НА РЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ В РОССИИ

Аннотация. *Статья посвящена влиянию Петра I на решение социальных вопросов в России. Целью статьи является анализ влияния деятельности Петра I на социальную сферу жизни России в XVIII в. Результаты исследования подтверждают, что, с одной стороны, реформы царя привели к прогрессивным изменениям во всех сферах жизни общества, а с другой – были достигнуты тяжелейшими усилиями русского народа.*

Ключевые слова: *Петр I, царь-реформатор, реформы Петра I, социальные реформы*

Период правления царя-реформатора Петра I в истории нашей страны является одной из наиболее важных и значимых страниц. Именно при Петре страна пережила те изменения, которые кардинально изменили как ее внутреннюю сущность, так и внешний облик. Именно поэтому петровские преобразования уже не одну сотню лет будоражат умы отечественных и зарубежных историков.

Так, В.М. Живов отмечал, что в ходе Петровских реформ происходило не пустое копирование европейских моделей, а их переосмысление на русской почве [Живов 1996: 90-91]. Э. Зицер называет реформы Петра «преображением» России [Зицер 2008: 21]. В.С. Парсамов писал, что Петр стремился к утилитарности в отношении европейских заимствований в российскую практику [Парсамов 2001: 237]. П.Н. Милюков считал, что многие петровские преобразования оказались ненужным наростом на общей системе российской государственности [Милюков 1905: 83-84]. К.Д. Кавелин считал, что реформы не наступили в России внезапно, а были определены предшествующим временем [Кавелин 1897: 58].

По сей день не угасает интерес к предпосылкам, ходу и итогам петровских преобразований, к урокам, которые наше современное государство может вынести из этого сложного, противоречивого периода, значимость которого, тем не менее, трудно переоценить. Анализ государственной модернизации начала XVIII в. позволяет вынести ценный урок для модернизации, столь актуальной уже в наше время.

Петр I «сочинил из России самую метаморфозис, или претворение» – эти слова П.П. Шафирова, вице-канцлера петровских времен, из его трактата 1717 г. «Рассуждения о причинах Северной войны» дают представление о том, что уже современники отчетливо понимали значение происходящего на их глазах преображения России. Потрясение было особенно сильным потому, что в основе «метаморфозиса» лежала воля одного-единственного человека, подобно античному титану поднявшего непосильную тяжесть. И это несомненно, что бы мы ни говорили о роли его сподвижников, «производительных сил» и т.д. [Анисимов 1989: 7-8].

Грандиозность, всеохватность петровских преобразований такова, что спустя 300 лет и более они не стали только историей, а продолжают быть реальностью, живой жизнью, вошли в повседневный быт людей.

М.П. Погодин, историк, живший в пушкинские времена, писал в своем эссе

«Петр Великий»: «Мы просыпаемся. Какой ныне день? 1 января 1841 г. – Петр Великий велел считать годы от Рождества Христова, Петр Великий велел считать месяцы от января. Пора одеваться – наше платье сшито по фасону, данному Петром I, мундир по его форме. Сукно выткано на фабрике, которую завел он, шерсть подстрижена с овец, которых развел он. Попадается на глаза книга – Петр Великий ввел в употребление этот шрифт и сам вырезал буквы. Вы начинаете читать ее – этот язык при Петре I сделался письменным, литературным, вытеснив прежний церковный. Приносят газеты – Петр Великий их начал. Вам нужно искупить разные вещи – все они, от шелкового шейного платка до сапожной подошвы, будут напоминать вам о Петре Великом... За обедом, от соленых сельдий и картофеля, который указал он сеять, до виноградного вина, им разведенного, все блюда будут говорить вам о Петре Великом. После обеда вы едете в гости – это ассамблея Петра Великого».

Но если бы только шейные платки, соленые сельди да ассамблеи! Погодин продолжает: «Место в системе европейских государств, управление, разделение, судопроизводство, права сословий, Табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудокопство; садоводство, виноделие, торговля внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летоисчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академии – суть памятники его неутомимой деятельности и его гения» [Погодин 1846: 341-342].

Но чтобы молодая петровская Россия смогла занять достойное место в системе европейских государств, ей предстоял долгий и тернистый путь познания имеющегося передового опыта ведущих держав, который нужно было не только изучить, перенять, но и приспособить к российской действительности, а далее – и превзойти во многих направлениях своих бывших наставников.

Сама форма первых дипломатических отношений Петра Великого с Западной Европой отвечала еще обычаям прежней Руси и вполне выражала собою условия московского быта; а все подробности посольства, касающиеся участия в нем самого царя и его личной деятельности, указывают лишь на попытку реформатора Руси стряхнуть с себя иго исконной рутины и его пылкие и не всегда удачные стремления в поисках новых форм. Это картина первого непосредственного столкновения двух миров – русского и западноевропейского [Веневитинов 1897: 3-4].

Великое посольство Петра I в Западную Европу в 1697–1698 гг. – каким оно было? О значении этого дипломатического десанта России для международных отношений в Европе конца XVIII в. написано немало. Общепризнанно, что дипломатический результат Великого посольства как типичного азиатского посольского каравана (а таких караванов, прибывших из Персии, Турции, Китая, разъезжало по Европе в XVII–XVIII вв. довольно много), оказался практически нулевым. Ни одна из стран Европы не захотела тогда увязывать свои внешнеполитические планы с Россией и ее намерением воевать с Турцией, но главное значение Великого посольства – все-таки в той особой роли, которое оно играло в жизни Петра I и его страны.

В силу политических обстоятельств начала царствования Петр I был вынужден бороться за свое политическое и физическое существование, жить в мире ненависти и заговоров. Его активной натуре бойца была ближе европейская протестантская модель поведения с доминантой личного успеха, достигаемого трудом, борьбой и знанием. Он высоко ценил всякую технику, терпел религию и был равнодушен к искусству, если не видел в нем хотя бы педагогической пользы. В тогдашнем картезианском мире господствовал механический

детерминизм – общество, человек и природа казались людям разновидностями машин разного размера, когда в борьбе за существование побеждает тот, кто имеет лучшие машины. А лучшими они были в Голландии и Англии [Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. 2003: 5-6].

Кораблестроение, точнее, корабли, сыграли особую роль в жизни Петра I. Для него корабль был живым воплощением победы вооруженной знанием человеческой мысли над материалом, природой, вообще над хаотичной стихией. Как церковь в средние века мыслилась кораблем в мире вселенского зла, так и в механических конструкциях конца XVII в. таким кораблем представлялось Петру I государство, создаваемое им как разумным человеком [Анисимов 1989: 39-40].

Поэтому при упоминании о Великом посольстве 1697–1698 гг. речь идет прежде всего о путешествии за профессиональными знаниями, за информацией, в которой остро нуждалась Россия.

Может быть, Петр I впервые в русской истории показал, что знание – это сила, что с помощью знания можно достичь самых трудных политических целей. Поэтому Петр I представляется первым из людей прошлого, который по-своему посмотрел на эту проблему, увидел стратегическое значение информации и взял эту драгоценность в Европе бесплатно или за истинные гроши. Этот дар – видеть в простой на вид глине алюминий – дается не каждому. Он доступен только гению, каким и был Петр I [Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. 2003: 12].

Также очень важным для судьбы России было путешествие Петра I за границу в 1716 и 1717 гг., отличающееся и продолжительностью, и дальностью поездок по сравнению с 1711 и 1712 гг. Никогда Петр I так долго не находился за границей, как в это путешествие, относящееся к самому блестящему времени его внешней политики. В начале этого путешествия главное внимание обращает на себя свадьба племянницы царя Екатерины Ивановны с герцогом Макленбургским; затем следует пребывание Петра I в разных местах Германии и посещение царем Дании, где он, стоя во главе соединенных флотов различных держав, играл уже главенствующую роль.

Чуть ли не важнейшим результатом этого путешествия было сближение с Францией, с которой до лета 1717 г. отношения были весьма прохладными. Она нужна была и для содействия окончанию войны со Швецией. Громадное значение Франции в течение XVIII в. – ее участие в заключении Ништадского мира, сильное влияние, оказываемое Францией на Россию в эпоху после царствования Петра Великого, а именно во время царствования Елизаветы и Екатерины II, – придают этому посещению им Парижа особенное значение. Число русских туристов, отправившихся в Париж, быстро росло со времени пребывания там самого царя. До тех пор Англия, Голландия и Германия были главной школой для России. Теперь к наставникам присоединилась и Франция. Путешествие Петра I в Западную Европу в 1716 и 1717 гг. было последним в его жизни. Мало того, до нового посещения Западной Европы русским государем (Александр I) прошло почти 100 лет [Брикнер 1880: 567-568].

В 1697–1698 гг. на первом месте у Петра I было учение, теперь же главным стала война и политика. Петр за границей действовал уже как опытный дипломат и великий полководец [Брикнер 1880: 570].

Все эти события, совершавшиеся независимо от воли и желаний Петра, стали как бы фоном начальных лет жизни будущего реформатора России, и они же определили многое из того необычайного, что впоследствии составило его яркую индивидуальность.

По представлениям историков о жизни двора и царской резиденции, Кремль

XVII в. – это мир церемоний, традиций и условностей, столетних стереотипов поведения – в общем, система, мало способствующая развитию индивидуальности.

В силу сложившихся обстоятельств Петр был нечастым и не очень-то и желанным гостем в Кремле, однако ему все же приходилось появляться там в дни официальных праздников и аудиенций, но это было чуждо для него.

Преображенское, окруженное полями, лесами, с бытом летней царской дачи, способствовало резкому развитию его способностей в силу большой свободы времяпровождения и минимума обязательных занятий с максимумом игр, чаще всего носивших военный характер. Проходили годы, и вместе с ними менялись и игрушки: деревянные солдатики уступали место живым людям, игрушечные баталии на метровом клочке земли переходили в сражения, порой совсем не шуточные. Здесь проявились природные данные Петра: живость восприятия, неугомонность и энергичность, страстность и самозабвенная увлеченность игрой. Это и привело к тому, что «потешные» солдаты и английский бот не остались только игрушками, но стали началом будущих, без преувеличения грандиозных дел.

Также важно то обстоятельство, что рядом с Преображенским располагалась так называемая Немецкая слобода (Кукуй) – поселение иностранцев, приехавших в Россию из разных стран. Этот островок Европы, так не похожий на Москву, на Кремль, где жили бок о бок католики и протестанты, англичане и немцы, притягивал внимание юного Петра. Встречи и знакомства с иноземцами – умными и образованными людьми, такими как Франц Лефорт, Патрик Гордон, многоязычие и непривычные обычаи облегчили Петру преодоление высокого психологического барьера, разделявшего два противоположных мира – православной Руси и «богопротивной» Европы.

Петр приходит к власти летом 1689 г. Это было большей частью следствием хода событий, которые он не направлял.

Бесспорно, абсолютизм России того времени порождал различного рода рассуждения историков о личном вкладе царя в реформы. Большинство авторов дают в основном положительное психологическое описание противоречивой личности Петра. «Почти все эти характеристики возникли на основе априорного предположения, что незаурядная личность Петра наложила отпечаток на всю политическую деятельность правительства и в положительном, и в отрицательном смысле». Некоторые историки склоняются к мысли, что некоторая сумбурность, неусидчивость царя были причиной его недостаточной компетенции и ограниченного участия в преобразованиях. П.Н. Милюков, исследуя реформы в государственно-административной области, отмечает ограниченность сферы влияния Петра: реформы прорабатывались коллективно, и конечные их результаты не всегда осознавались царем в полной мере, да и то опосредованно – через ближайшее окружение. В итоге, Милюков обнаруживает длинный список «реформ без реформатора» [Милюков 1905: 123-124].

Другой же историк Н.П. Павлов-Сильванский делает вывод, что в области реформ Петр был побудительной и движущей силой, часто действовал без учета мнений ближайших советников [Павлов-Сильванский 1897: 200].

«Необходимость движения на новый путь развития была осознана, обязанности при этом определились: народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился», – это высказывание принадлежит известному историку XIX в. С.М. Соловьеву, который образно описывает ситуацию в стране накануне петровских преобразований.

Страна находилась на пороге великих преобразований, которые должны были свершиться неминуемо, иначе вставал вопрос о дальнейшем существо-

вании России как таковой. Россия на рубеже веков представляла собой огромнейшую страну с преобладанием аграрной экономики. Расширение границ, выход к морям, столь необходимым для установления успешных дипломатических связей, активное ведение внешней политики с отстаиванием своих национальных интересов были невозможными без укрепления экономики – развития промышленности, увеличения товарности существующих производств, распространения товарно-денежных отношений. Однако, как нам известно, все указанные выше явления не могут происходить в стране, не обеспеченной грамотно выстроенным государственно-административным управлением. Существующая система государственного управления не могла успешно контролировать процессы, развивающиеся в стране. Она уже не отвечала темпу и ходу дел нового времени, морально и физически устарела. Применяющийся в ней подход был неэффективен в ныне существующих условиях.

Однако стоит оценить конкретное положение дел в России накануне петровских преобразований, а не только критиковать его.

Основной отраслью экономики России оставалось сельское хозяйство, где продолжала господствовать трехпольная система земледелия. Главными земледельческими культурами были рожь и овес. Основными орудиями производства оставались соха, борона, серп, коса, медленно вводился плуг. Происходит интенсивное освоение новых посевных территорий на юге России, в Поволжье, Сибири. Наблюдается развитие промыслового хозяйства.

Развивается ремесленное производство. Углубляется разделение труда. В развитии ремесленного производства в конце XVII в. явно прослеживается тенденция превращения его в мелкотоварное производство (увеличивается число ремесленников, работающих на рынок). Развитие мелкотоварного ремесла и рост товарной специализации готовил почву для возникновения мануфактур. Их создание ускорялось государственными потребностями. Мануфактурное производство складывалось в местах развития товарного производства. Если западноевропейская мануфактура действовала на основе вольнонаемного труда, то русская мануфактура основывалась на труде крепостных крестьян, т.к. рынок вольнонаемного труда в России, где господствовало крепостное право, практически отсутствовал.

В конце XVII в. в России интенсивно развивалась торговля. Но на пути развития торговли и купечества имелись существенные препятствия. Остро стоял вопрос о выходе к морям, отсутствие которого тормозило развитие торговли. Иностранный капитал стремился захватить российские рынки, что вело к столкновению интересов с русскими купцами. Купечество России требовало от государства оградить их от конкуренции со стороны иностранных торговцев. В итоге был принят Новоторговый устав (1667), в соответствии с которым иностранным купцам была запрещена розничная торговля на территории России.

Также можно отметить, что во второй половине XVII в. в России развивается тенденция перехода от сословно-представительной монархии к монархии абсолютной. В стране усиливается власть царя (изменение состава Боярской думы в сторону дворянства; победа Алексея Михайловича над патриархом Никоном, стремившимся активно вмешиваться в управление государством; практическое прекращение созывов Земских соборов; отмена местничества, принцип занятия государственной должности в зависимости от знатности рода и служебного положения предков).

Остро стоял вопрос о реформировании вооруженных сил. Сухопутная армия строилась по устаревшим принципам и состояла главным образом из дворянского ополчения. Стрелецкие полки утратили свою боеспособность. Дворяне

неохотно покидали свои поместья для военных походов, их вооружение и военная выучка отставали от передовых европейских армий. Военная служба была для них обременительной.

Что касается внешней политики, то Россия потерпела поражение в войне с Польшей, также в 1687 и 1689 гг. были предприняты два неудачных похода против Крымского ханства. Поэтому необходимо было реорганизовать армию, построить флот, овладеть побережьем моря, создать отечественную промышленность, перестроить систему управления страной.

Подводя итог Петровским реформам в административной сфере и сфере государственного управления, можно отметить, что их результатом стала невиданная ранее централизация и бюрократизация государственного управления. Новая государственная машина работала гораздо эффективнее, чем старая. «Бюрократия, – пишет по этому поводу Е.В. Анисимов, – необходимый элемент структуры государств нового времени. Однако в условиях российского самодержавия, когда ничем и никем не ограниченная воля монарха – единственный источник права, когда чиновник не ответственен ни перед кем, кроме своего начальника, создание бюрократической машины стало своеобразной "бюрократической революцией", в ходе которой был запущен вечный двигатель бюрократии. Начиная с петровских времен, он начал работать по присущим ему внутренним законам – ради конечной цели – упрочения своего положения, – мобильно и гибко откликаясь на изменения жизни. Все эти черты созданной петровским режимом бюрократии позволили ей успешно функционировать вне зависимости от того, какой конкретно властитель сидел на троне – умный или глупый, деловой или бездеятельный. Многие из этих черт и принципов сделали сплоченную касту бюрократии неуязвимой и до сего дня» [Анисимов 2009: 430-431].

И вот такую во многом неоднозначную оценку известный историк дает великому преобразователю. «Противоречия, в какие он поставил свое дело, ошибки и колебания, подчас сменявшиеся малообдуманной решимостью, слабость гражданского чувства, бесчеловечные жесткости, от которых он не умел воздерживаться, и рядом с этим беззаветная любовь к отечеству, непоколебимая преданность своему делу, широкий и светлый взгляд на свои задачи, смелые планы, задуманные с творческой чуткостью и проведенные с беспримерной энергией, наконец, успехи, достигнутые неимоверными жертвами народа и великими усилиями преобразователя, – столь разнородные черты трудно укладываются в цельный образ» [Анисимов 2009: 350].

Несколько другой взгляд на государственно-административные преобразования Петра показывает Ханс Баггер. В целом реформы возымели положительный эффект. Их можно рассматривать как явления «относительной прогрессивности» в истории России, поскольку эти преобразования феодального характера способствовали развитию капиталистических отношений. Особым аспектом Баггер называет централизующий эффект реформ, а также развитие производственных сил страны путем создания новых органов управления [Баггер 1985: 75].

Список литературы

Анисимов Е.В. 1989. *Время петровских реформ*. Л.: Лениздат. 496 с.

Анисимов Е.В. 2009. *Петр Великий: личность и реформы*. Москва [и др.]: Питер. 446 с.

Баггер Х. 1985. *Реформы Петра Великого*. М.: Прогресс. 200 с.

Брикнер А.Г. 1880. Путешествия Петра Великого за границу 1711–1717 гг. – *Русский Вестник*. Т. 150. С. 567-597.

Веневитинов М.А. 1897. *Русские в Голландии (Великое посольство 1697–1698 гг.)*. М. 237 с.

Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. 2003. *Великое посольство*. СПб: Феникс. 305 с.

Живов В.М. 1996. *Язык и культура в России XVII в*. М.: ИД «ЯСК». 624 с.

Зицер Э. 2008. *Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого*. М.: Новое литературное обозрение. 238 с.

Кавелин К.Д. 1897. Взгляд на юридический быт древней России. – *Собрание сочинений*: монографии по русской истории. Т. 1. СПб: Типография М.М. Стасюлевича. 1052 с.

Милюков П.Н. 1905. *Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого*. СПб: Типография М.М. Стасюлевича. 688 с.

Павлов-Сильванский Н.П. 1897. *Проекты реформ в записках современников Петра Великого*. СПб: Типография В. Киршбаума. 240 с.

Парсамов В.С. 2001. В семиотическом пространстве русско-европейского диалога. – *Одиссей: человек в истории*. М.: Наука. С. 234-254.

Погодин М.П. 1846. *Петр Великий. Историко-критические отрывки*. М.: Типография Августа Семена. Т. 1. 464 с.

DZYUBAN Valeriy Valerievich, Dr.Sci. (Hist.), Cand.Sci. (Ped.), Professor of the Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, GSP-3, Russia, 125993; bryanskstudzuban@mail.ru)

INFLUENCE OF THE PERSONALITY OF PETER I ON THE SOLUTION OF SOCIAL ISSUES IN RUSSIA

Abstract. *The article is devoted to the influence of Peter I on the solution of social issues in Russia. The purpose of the article is to analyze the activities of Peter I in the social sphere of Russia in the 18th century. The study obtained some results: on the one hand, the reforms of the tsar had led to progressive changes in all spheres of life, and on the other hand, it had been achieved by the hardest efforts of the Russian people.*

Keywords: *Peter I, tsar-reformer, reforms of Peter I, social reforms*

ВАСИЛЬЕВ Юрий Альбертович – *доктор исторических наук, профессор Московского гуманитарного университета (111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5; region@mosgu.ru)*
КАСАНОВА ТОРРЕС Агустин Эмилиано *(Уругвай, Монтевидео) – аспирант кафедры истории и регионоведения Московского гуманитарного университета (111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5; region@mosgu.ru)*

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ КАК ОСНОВОПОЛОЖНИК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Аннотация. *В статье В.О. Ключевский утверждается в качестве основателя экономического направления в русской историографии, научной экономической истории в России. Авторы акцентируют внимание на положении, что экономизм Ключевского, в отличие от западной науки, связан не с юридическими формами хозяйства и не с развитием индустрии (как в марксизме), а с бытом и нравственными основами жизни. Обоснован авторский взгляд в отношении синтетического подхода В.О. Ключевского к разработке истории России, основанного на полифакторном методе. Авторы показывают, что данный исследовательский метод заключается не в приоритетности отдельных факторов исторического процесса, а в их взаимодействии.*
Ключевые слова: *история России, теория и методология истории, В.О. Ключевский, экономическая история, экономический материализм, материалистическое понимание истории*

Выдающийся представитель русской исторической школы В.О. Ключевский (1841–1911) осуществил разработку синтетического подхода, основанного на полифакторном методе и использовании достижений общественных наук. Его научный подход актуален и сегодня, однако не востребован в должной мере. По Ключевскому, содержание исторического процесса заключалось не в приоритетности факторов, а в их взаимодействии. Главное проявлялось не в том, вытекал ли политический фактор из экономического или наоборот. Важнее было то, что наступал момент, когда оба ряда факторов начинали действовать вместе, влияя друг на друга; на их взаимодействии созидался общественный порядок, характер которого зависел от вызванных этим взаимодействием новых сочетаний тех и иных факторов. На Руси издавна сложилось органическое единство труда и быта земледельца: они взаимодополнялись, перемежались, создавая своеобразный образ жизни, олицетворяемый понятием «крестьянский двор» [Васильев 1992: 3].

Ключевского современники называли основателем экономического направления в русской историографии, научной экономической истории в России. Исследователь признавал общность исторического процесса в мире, в котором важная роль отводилась экономическим и социальным явлениям. История России определялась как история страны, которая колонизуется. Колонизация (переселение) называлась основным фактом истории страны. В основе колонизации как явления русской истории, по Ключевскому, лежали экономический и хозяйственный факторы.

Обвинения в адрес Ключевского по поводу «эклектических сочетаний» социальных, экономических и политических процессов в истории народа обосновывались утверждением, что перечисленные процессы «оказывались в подчиненном положении» в отношении колонизационного процесса. Критики усматривали якобы теоретический парадокс в концепции Ключевского: колонизационные движения играли профилирующую роль в жизни народа, однако они не определяли социально-экономические явления в историческом процессе [Ключевский 1987: 368]. Однако в концептуальной схеме Ключевского экономические, политические, социальные процессы состав-

ляли содержание и характер колонизации на территории Русской равнины как комплексного явления, обусловили мотивацию всего колонизационного процесса. Ключевский рассмотрел не только последствия колонизации, но само ее многогранное экономическое, политическое, социальное, культурное содержание. Где же здесь парадокс, если колонизационный процесс можно одновременно рассматривать и как экономическую, и как политическую, и как социальную колонизацию?

Экономическую жизнь в период Руси Днепровской, городовой, торговой, по Ключевскому, определяла внешняя торговля с обусловленными ею лесными промыслами, звероловством и бортничеством. Основу экономической жизни Руси Верхневолжской, удельно-княжеской, вольно-земледельческой, составляла сельскохозяйственная, земледельческая эксплуатация верхневолжских земель посредством вольного крестьянского труда. Основной характеристикой экономической жизни Руси Великой, Московской, царско-боярской, военно-землевладельческой, оставалась сельскохозяйственная разработка прежнего верхневолжского суглинка, а также средневолжского и донского чернозема посредством вольного крестьянского труда. Наконец, в период всероссийский, императорско-дворянский, экономическую жизнь России определял земледельческий труд, окончательно ставший крепостным, который дополняла обрабатывающая, фабричная и заводская промышленность [Ключевский 1987: 51-53].

Идею торгового значения Киева (основную в его исторической схеме) Ключевский мог обнаружить у немецкого исследователя XVIII в. Г. Шторха, который связывал происхождение древнейшей городской и государственной жизни Руси с широким развитием внешней торговли с Константинополем и арабами, но считал эту торговлю транзитной, т.е. чуждой окружающим племенам. Однако постановка экономической темы у Ключевского представлена в органическом, а не только литературном происхождении. Ключевский занимался ее изучением по житиям русских святых и памятникам монастырского хозяйства. Он создал очерк монастырской колонизации Русского Севера, оставшийся в набросках нескольких лекций. Первая экономическая работа Ключевского – о Соловецком монастырском хозяйстве – была напечатана в 1869 г. В это время Ключевский не мог получить вдохновляющий импульс в западной историографии: он опередил расцвет исторического экономизма на Западе, поскольку историко-экономическая школа в Западной Европе (Родбертус, Инама-Штернегг, Роджерс) зародилась только в 1870-х гг. Кроме того, задолго до появления теории протестантской этики Макса Вебера Ключевский выявил религиозно-психологические основы церковно-бытового (православного) хозяйства.

В историографии отмечалось влияние на Ключевского русских предшественников – славянофилов-почвенников: интерес к быту, обрядам и этнографии в хозяйственном быту при изучении русской народности. Отказавшись, однако, в отличие от славянофилов, от идеализации народа, Ключевский рассматривал экономические основания расслоения народа на различные социальные группы, классы. Горизонтальное деление общества по экономическому основанию сочеталось с вертикальным делением общества по сословно-нравственному основанию.

Экономизм Ключевского, в отличие от западной науки, связан не с юридическими формами хозяйства и не с развитием индустрии (как в марксизме), а с бытом и нравственными основами жизни. Как отмечал известный российский экономист и публицист П.Б. Струве, «к числу тех историков XIX века, которые совершенно самостоятельно, по-видимому помимо каких-либо прямых, книжных или идеологических влияний, действием собственного углубленного

изучения фактов и собственной интуиции, пришли к признанию важности "экономического" фактора в процессе социального развития, принадлежит и В.О. Ключевский. Про свое поколение я смело могу сказать, что экономическому объяснению истории оно училось не только из "Капитала" Маркса, но и из "Боярской думы" Ключевского, где влияние хозяйственных сил и побуждений на социальную эволюцию русского допетровского общества было изображено с такой классической пластичностью, которою никогда не располагал Маркс» [Струве 1952: 332].

По признанию П.Н. Милюкова, понятие экономического материализма не отождествлялось с марксизмом: экономический материализм был в моде на Западе раньше, и независимо от Маркса. Отдельные теоретические сочинения западных специалистов в духе экономического материализма доходили и в Россию (Лориа, Торольд Роджерс), первый том «Капитала» Маркса в переводе Бакунина и во французском сокращенном изложении Малона появились позднее [Милюков 1991: 76].

Материалистическое понимание истории в историческом подходе Ключевского кардинально отличалось от марксистского материалистического монизма. В то же время, по мнению Г.П. Федотова, «если в России исторический марксизм нашел для себя сравнительно благодарную почву, то это потому, что она была подготовлена для него Ключевским. Экономический историзм его, столь жизненный и конкретный, предрасполагал ко всякому экономизму, даже материалистическому. Удача Ключевского вдохновляла на дерзание. Конечно, большинству за это дерзание пришлось заплатить самой дорогой ценой – ценой вульгарности. Но поскольку в революционной России разрабатывается русская история как наука – даже в марксистском освещении, – в ней доживает себя, изуродованная и стиснутая в колодки, школа Ключевского» [Федотов 1991: 346-347].

Первичными условиями экономической жизни русских славян, по Ключевскому, являлись сравнительная медленность их развития и сравнительная простота их общественного состава, а также значительное своеобразие и противоречие этого развития. В XI в. население Руси сосредоточивалось в черноземном Среднем Поднепровье, а к половине XV в. передвинулась в область Верхнего Поволжья. Казалось бы, в первом краю основанием народного хозяйства должно было стать земледелие, а во втором должны были получить преобладание внешняя торговля, лесные и другие промыслы. Но внешние обстоятельства сложились так, что, пока Русь сидела на днепровском черноземе, она преимущественно торговала продуктами лесных и других промыслов и принялась усиленно пахать, когда пересела на верхневолжский суглинок [Ключевский 2003: 12].

В первые века отечественной истории важнейшие реки южной Руси направляли русскую торговлю к черноморским, азовским и волжско-каспийским рынкам, где были востребованы преимущественно мед, воск, меха – продукты леса и в меньшей степени хлеб. Это сделало внешнюю торговлю господствующей силой в народном хозяйстве русских славян и вызвало усиленное развитие лесных промыслов, звероловства и бортничества. Но потом под давлением, шедшим из тех же степей, по которым пролегали пути русской торговли, главная масса русского населения передвинулась в область Верхней Волги. Удаление от приморских рынков ослабило внешний сбыт и сократило лесную промышленность, а это привело к тому, что хлебопашество стало основой народного хозяйства. Получилось, что на открытом днепровском черноземе Русь усиленно эксплуатировала лесные богатства и торговала, а на лесистом верхневолжском суглинке стала усиленно выжигать лес и пахать.

Внешние международные отношения, влиявшие на размещение населения в стране, переплетались с внутренними географическими ее особенностями в такой запутанный узел, что народный труд, подчиняясь одним условиям, получал направление, не соответствовавшее другим. Древняя Русь выработала свою форму торгового товарищества, в котором соединялись не капиталы, а лица на основе родства и нераздельности имущества. Так, из древнерусского родственного союза под действием экономической потребности выработалась идея торгового дома. Русская равнина своими реками мешала плотному расселению, лесами и болотами затрудняла хозяйствование среди соседей, чуждых по происхождению и низших по развитию, у которых нечего было позаимствовать и с которыми приходилось постоянно бороться [Ключевский 1987: 46, 48].

Связующим элементом в образовании государства служило уже не чувство кровного родства, а экономический интерес, вызванный к действию особенностями территории и внешними обстоятельствами. Южные реки втянули восточных славян в оживленную внешнюю торговлю. Эта торговля соединила разбросанные одинокие дворы в сельские торговые средоточия, погосты, впоследствии – в торговые города с их областями, которые превратились в политические центры, а их торговые округа стали их государственными территориями, городовыми областями. Городовая область стала первой местной политической формой, образовавшейся на Руси в середине IX в. Торговый округ управлялся укрепленным городом, который одновременно служил промышленным центром для данного округа. Большие города как центры городовых областей возникли в тех племенах, которые принимали наиболее активное участие во внешней торговле.

Некоторые из этих областей образовали княжества, а из их соединения образовалось Древнерусское государство. Такова связь экономических и политических фактов в начальной истории Руси: экономические интересы последовательно превращались в общественные связи, из которых вырастали политические союзы. Киев имел общерусское значение как узловой пункт торгово-промышленной деятельности и поэтому стал центром политического объединения всех русских земель. Экономический интерес направлял внешнюю деятельность первых киевских князей, в которой проявились две цели: достижение заморских рынков, обеспечение и охрана торговых путей, которые вели к рынкам. Византийские походы вызывались большей частью стремлением Руси поддерживать или восстановливать торговые отношения с Византией. Поэтому они обычно заканчивались торговыми договорами. Все договоры Руси с Византией X в. имели торговый характер [Ключевский 1987: 148-150, 161-162, 164, 167-168].

Русская Правда квалифицировалась Ключевским преимущественно как уложение о капитале. Капитал служил предметом особенно напряженного внимания для законодателя: человек рассматривался как орудие капитала. Капитал обусловил важнейшие юридические отношения, которые формулировал закон: по закону строже наказывались деяния, направленные против собственности, чем нарушение личной безопасности. Капитал служил также средством возмездия за преступления и гражданские правонарушения: на нем основана система наказаний и взысканий. Само лицо рассматривается в Русской Правде не столько как член общества, сколько как владелец или производитель капитала. Лицо, его не имеющее, теряло права свободного или полноправного человека [Ключевский 1987: 310].

Экономический фактор, по Ключевскому, оказал существенное влияние на последующее развитие русских земель. В Верхневолжской Руси, удаленной от приморских рынков, внешняя торговля не могла стать главной движущей

силой народного хозяйства. Данным обстоятельством объясняется сравнительно незначительное число городов в XV–XVI вв. Сельские поселения получили перевес над городами [Ключевский 1987: 310].

Основные положения теории истории, сформулированные В.О. Ключевским, позволяют определить его, наряду с Н.И. Кареевым, как основоположника нового «социологического направления» в исторической науке. Синтетические построения Ключевского позволили воссоздать единство исторического процесса, сформировать целостный взгляд на природу, общество и человека. На основе исторического материала исследователь русской истории поднялся до уровня обобщений, приобретавших философский смысл: в области теории исторического знания был выявлен и осмыслен целый ряд онтологических проблем, в теории исторического процесса – комплекс гносеологических и логических вопросов, в общей схеме социально-исторического процесса – аксиологических и праксиологических аспектов. Решительный поворот, осуществленный Ключевским в исторической науке, нашел отражение в русской общественной мысли в целом.

Список литературы

Васильев Ю.А. 1992. *Деревня на распутье. К возрождению села: формирование условий жизнедеятельности и культуры быта*. М.: Молодая гвардия. 146 с.

Ключевский В.О. 1987. Курс русской истории. – *Сочинения:* В 9 т. М.: Мысль. Т. 1. 430 с.

Ключевский В.О. 2003. Боярская дума древней Руси. – *О государственности в России*. М.: Мысль. С. 3-448.

Милюков П. Н. 1991. *Воспоминания*. М.: Политиздат. 528 с.

Струве П.Б. 1952. *Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего времени, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности*. Париж. 386 с.

Федотов Г.П. 1991. Россия Ключевского. – *Судьба и грехи России:* избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т. 1. СПб: София.

VASIL'EV Yuriy Albertovich, Dr.Sci. (Hist.), Professor of the Moscow University for the Humanities (5 Yunosti St, Moscow, Russia, 111395; region@mosgu.ru)

KASANOVA TORRES Agustin Emiliano, postgraduate student at the Chair of History and Regional Studies, Moscow University for the Humanities (5 Yunosti St, Moscow, Russia, 111395; region@mosgu.ru)

V. O. KLYUCHEVSKY AS THE FOUNDER OF THE ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

Abstract. *V.O. Klyuchevsky is approved as the founder of the economic direction in Russian historiography, and scientific economic history in Russia. The paper focused attention on the position that Klyuchevsky's economism, unlike western science, was not associated with legal forms of economy and with the development of industry (as in Marxism), but with everyday life and moral foundations of life. The author's view of V.O. Klyuchevsky' synthetic approach to the development of the history based on the multifactorial method is substantiated. The authors show that this research method did not consist in the priority of individual factors of the historical process (economic, social, political, etc.), but in their interaction.*

Keywords: *history of Russia, theory and methodology of history, V.O. Klyuchevsky, economic history, economic materialism, materialistic understanding of history*

ОСИПЕНКО Светлана Викторовна – кандидат исторических наук, доцент Военного университета Министерства обороны РФ (123001, Россия, г. Москва, ул. Садовая, 14; sv.osipenko2016@mail.ru)

ПРАВОВАЯ ШКОЛА М.М. СПЕРАНСКОГО: СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МОДЕЛИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Аннотация. *Научная концепция современной правовой политики государства ставит важную задачу перед научным сообществом – создание эффективной модели профессионального образования с опорой на исторический опыт. В статье представлен процесс становления и развития юридического образования в России первой половины XIX в., Автор отмечает вклад М.М. Сперанского в формирование процесса специализированной подготовки специалистов, преподавательского корпуса юридических учебных заведений в контексте исторических условий, влияния власти и общества на процесс реализации прогрессивного законодательного замысла, важной частью которого была реорганизация системы обучения.*

Ключевые слова: *юридическое образование, российское право, законоведение, студенты-правоведы, юридическая школа, юстиция*

Формирование российской правовой системы с учетом в первую очередь исторических и национальных особенностей и в сопоставлении со спецификой аналогичных мировых систем ставит перед исторической и юридической науками задачу по выработке научной концепции развития отечественной модели юридического образования. Проблема формирования исторического сознания в решении этого вопроса является ключевой. Без исторических знаний невозможно сформировать представление о культурных нормах, невозможно патриотическое воспитание, невозможен и сам процесс обучения, ибо в основе обучения любой науке лежит ее история. В исследовании внимание уделено вопросу становления отечественной модели юридического образования – правовой школы М.М. Сперанского.

Реформирование системы государственного управления в первой четверти XIX в. и последующие преобразования в системе законодательства приводят власть к осознанию необходимости перехода к подготовке для государственной службы чиновников, имеющих юридическое образование. Ранее правительственные меры были сведены к обеспечению минимальной юридической подготовки чиновников через среднее образование и введение «экзамена на чин», что, по сути, и явилось основой системы получения первоначальной правовой подготовки для лиц, претендующих на поступление на государственную службу.

Обеспечение кадрами развивающейся системы юридических учебных заведений (и учебных заведений в целом) в 1800–1850-х гг. являлось одним из приоритетных направлений в правительственной политике. Требовалось не только повышение уровня начальной профессиональной подготовки, но и создание системы специализированной юридической подготовки специалистов для качественного обучения законотворческой деятельности государственных служащих, которыми являлись ученые, учителя, врачи, инженеры, чиновники различного уровня.

Отсутствие единой программы в университетах, эклектический набор предоставляемых студентам-правоведам сведений из римского права, европейских теорий отдельных отраслей права и вольное комментирование из уст препо-

давателей и читаемых самими же студентами российских узаконений соответствовали хаотическому состоянию как в сфере законодательства, так и в сфере практической юридической деятельности[1] [Кодан 2005].

В 1827 г. министр народного просвещения А.С. Шишков представил императору Николаю I общие положения по подготовке «истинно русских» профессоров[2], разработкой части специальной подготовки занимался М.М. Сперанский. Реформатор особое внимание уделял проработке тех вопросов, которые ему не удалось реализовать в 1809 г.

Создание М.М. Сперанским при II отделении Собственной е.и.в. канцелярии (далее – СЕИВ) «школы профессоров российского права» явилось прорывом в кадровом обеспечении российского юридического образования. 22 января 1828 г. он представил Николаю I записку о необходимости реорганизации системы подготовки европейски образованных профессоров-юристов, призванных восполнить недостаток кадров в университетах России, по мнению реформатора, для организации процесса обучения и специализированной юридической подготовки в России достаточного числа специалистов с «обширными познаниями». Подготовку профессоров Сперанский предложил начать непосредственно в стенах II отделения, совмещая с посещением лекций в Петербургском университете [Майков 1899а]. М.М. Сперанский представил императору подготовленный II отделением еще один доклад «О кандидатах законоведения» об организации подготовки преподавателей для учебных заведений на базе II отделения и предложил из Московской и Санкт-Петербургской духовных академий отобрать лучших студентов[3]. В марте 1828 г. были открыты курсы для «студентов кандидатов правоведения» по учебному плану, разработанному на 3 года.

Обучение в Берлинском университете первой группы студентов-правоведов началось осенью 1829 г. под руководством Ф.К. Савиньи, разработкой программы обучения занимался Сперанский. По воспоминаниям студента первой группы К.А. Неволина, они прослушали также курсы по: 1) энциклопедии прав вообще; 2) философии права; 3) истории и теории государственного права; 4) праву римскому; 5) германскому; 6) прусскому частному; 7) германскому и прусскому в совокупности; 8) европейскому народному[4].

Осенью 1829 г. состоялся набор второй группы. Через 2 года, осенью 1831 г., они также отправились в Германию для дальнейшего обучения. В октябре 1832 г. в Россию возвратилась первая группа студентов-правоведов. Профессора Берлинского университета отказались принимать выпускные экзамены, поэтому экзамены решено было проводить в Петербурге, но затем их отложили на неопределенный срок, временно причислив студентов в апреле 1833 г. ко II отделению [Майков 1899б].

К 1834 г. М.М. Сперанский совместно с чиновниками II отделения и Министерства народного просвещения закончили разработку программы экзаменационного испытания для студентов-правоведов. В начале 1835 г. основные

---

[1] В 1801–1804 гг. Л.И. Цветаев, профессор Московского университета по кафедре теории законов с 1805 г., изучал этико-политические науки в Геттингенском университете, а затем слушал университетские лекции в Париже. В 1808–1813 гг. там же обучался и будущий профессор права Главного педагогического института и Царскосельского лицея А.П. Куницын.

[2] Предполагалось обучение в Дерпте – 2 года, затем в Париже и Берлине. См. ЦГИА. Ф. 418. Оп. 2. Д. 106. Л. 1-4(об).

[3] Из Санкт-Петербургской – С.О. Богородский, С.Н. Орнатский, А. Пешехонов; из Московской – А.А. Благовещенский, В.П. Знаменский, К.А. Неволин.

[4] Речь Бутырского – декана философско-юридического факультета Санкт-Петербургского университета – по случаю публичной защиты сочиненного рассуждения на степень доктора студентом законоведения К.А. Неволиным. – *Журнал Министерства народного просвещения*. 1835. № 2. С. 92.

положения программы экзаменационного испытания были утверждены императором[1].

Программа испытаний выглядела следующим образом:

«**Предметы испытания**.

A) Общее систематическое обозрение законоведения...

B) Законы, определяющие права и обязанности.

C) Законы, охраняющие права как государственные, так и гражданские.

D) Историческое изложение Римского законодательства.

E) Историческое изложение общего Немецкого законодательства» [Майков 1899б].

Юридическая школа Сперанского дала импульс к формированию преподавательского корпуса юридических учебных заведений[2]. Ее выпускники внесли весомый вклад в развитие российской юридической школы. Все они с честью выдержали испытания и защитили диссертации: С.О. Богородский – «О философии уголовных законов у древних и новых народов», К.А. Неволин – «О философии законодательства у древних», А.А. Благовещенский – «История и метод науки законоведения в XVIII в.». Для студентов второго набора было решено отказаться от защиты диссертаций по определенной и специально разработанной теме и ограничиться «экзаменом прямо на доктора прав» и защитой тезисов исследования по юридической проблеме[3]. Выпускники школы М.М. Сперанского были первыми специалистами-законоведами, получившими классическое университетское образование в Европе, с практической подготовкой и участием в систематизации законодательства во II отделении. В середине XIX в. на юридических факультетах российских университетов служили уже 44 преподавателя.

Становление и развитие юридического образования в России первой половины XIX в. в целом соответствовало общественно-политическим процессам, характеру юридической политики и осуществлялось под влиянием западноевропейской юриспруденции, основополагающими идеями которой был поиск идеала политического и правового устройства государства. Созданная в результате реформ образовательная система специализированной юридической подготовки чиновников для государственного управления, гражданской и военной юстиции, хозяйственного управления, подготовки юристов для различных сфер государственной деятельности способствовала эффективной реализации

[1] «Порядок испытания. 1. Испытание проводится через профессоров юридического факультета под председательством декана, вместе с депутатами от других факультетов и в присутствии управляющего II Отделением С.Е.И.В. Канцелярии и двух старших оного чиновников. 2. Испытание проводится в Российском законодательстве по-русски и в Римском по-латыни. 3. Вопросы могут быть исторические или догматические, или те и другие совокупно, по усмотрению испытующих. 4. Испытуемым предлагается такое число словесных вопросов, какое благоугодно будет испытующим, и, сверх того, предлагается по одному вопросу по жребию, из числа приготовленных заблаговременно двадцати вопросов. На сии письменные вопросы испытуемый в данный срок должен отвечать письменно. 5. По удовлетворительному разрешению испытуемыми сих вопросов, предоставляется им по всем предметам испытания извлечь положения, или тезы, объемлющие весь состав юридических наук... Испытуемый должен защищать их на публичном акте; после чего, если признан будет достойным, получает степень доктора. 6. Наконец, вменяется им в обязанность подготовить впоследствии диссертации и представить их куда следует на рассмотрение». Выписка из высочайше утвержденных правил для испытания на степень доктора прав, обучавшихся в Берлинском университете студентов законоведения II Отделения Собственной канцелярии его величества... ЦГИА. Ф. 418. Оп. 4. Д. 261. Л. 43-44.

[2] С 1834 г. Сперанский по поручению императора приступил к преподаванию основ права наследнику престола Александру Николаевичу [Федоров 1997].

[3] Выпускники были направлены: в Санкт-Петербургский университет – П.Д. Калмыков, А.И. Кранихфельд, Я.И. Баршев; в Московский – П.Г. Редкий, Н.И. Крылов, С.И. Баршев; в Харьковский – А.А. Федотов-Чеховской, А.В. Куницын, И.В. Платонов; в Киевский – К.А. Неволин, С.Н. Орнатский, С.О. Богородский, В.П. Знаменский – на кафедру законоведения.

юридической политики, повышению уровня правосознания и профессиональной квалификации чиновничества, увеличению их численности с 13 до 41,4% [Кодан 2005].

Список литературы

Кодан С.В. 2005. Государственно-правовая подготовка чиновников в России в 1800–1850-е гг. – *Чиновникъ*. № 1 (35). С. 18-35.

Майков П. 1899а. Сперанский и студенты законоведения. – *Русский вестник*. № 8.

Майков П. 1899б. Сперанский и студенты законоведения. – *Русский вестник*. № 10.

Федоров В.А. 1997. *Сперанский и А.А. Аракчеев*. М.: Изд-во МГУ. 255 с.

OSIPENKO Svetlana Viktorovna, *Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor at the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (14 Sadovaya St, Moscow, Russia, 123001; sv.osipenko2016@mail.ru)*

M. M. SPERANSKY LAW SCHOOL: FORMATION OF THE NATIONAL MODEL OF SPECIALIZED LEGAL TRAINING

Abstract. *The scientific concept of modern legal policy of the state defines an important task for the scientific community – the creation of an effective model of professional education based on historical experience. The article presents the process of formation and development of legal education in Russia in the first half of the 19th century. It also analyzes Speransky's contribution to the formation of the process of specialized training of specialists, the teaching staff of law schools in the context of historical conditions, the influence of the government and society on the process of implementing a progressive legislative plan, an important part of which was the reorganization of the training system.*

Keywords: *legal education, Russian law, law, law students, law school, justice*

КРАСИНА Евгения Александровна – *старший преподаватель кафедры английского языка факультета мировой экономики Дипломатической академии МИД России (119021, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1; lizza-sun@mail.ru)*

«СОСЕДЕЙ НЕ ВЫБИРАЮТ»: ВЗГЛЯД НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И ЕВРОСОЮЗА

Аннотация. *В статье говорится о том, что прагматичная Европа никогда не горела желанием помочь России в трудные периоды. Декларируемое на словах перспективное сближение за почти 30 лет совместной истории по многим позициям привело даже к отдалению из-за не оправданного ничем, кроме экспансии в ущерб России, расширения НАТО на Восток. Автор подчеркивает, что с отдельными странами Евросоюза наперекор Вашингтону и его сателлитам из стран Центральной и Восточной Европы (Польша и Прибалтийские республики) развивается успешное сотрудничество для улучшения обеспечения их энергоресурсами. В статье делается вывод, что выстраивание Россией защиты от приближения НАТО, оборонительные действия при грузино-осетинском конфликте и при кризисе на Украине (защита русского народа от бандеровских банд), преподнесенные Западом как агрессия, послужили поводом для изоляции России, беспрецедентной информационной войны, введения санкций. Автор приходит к выводу, что таким образом Запад проверял твердость намерений России отстаивать имеющиеся собственные интересы и желание проводить самостоятельную политику, провозглашенные В. Путиным на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 г. В статье подчеркивается, что Россия старается со всеми странами выстраивать дружественные, равноправные, взаимовыгодные отношения.*
Ключевые слова: *Европа, Россия и Евросоюз, Владимир Путин, мюнхенская речь, расширение НАТО, политика доминирования США, санкции, перспективы сотрудничества России и ЕС, Брексит, внешняя политика России, Польша и Прибалтийские республики, Германия, Франция, Вашингтон, энергоресурсы, США и Россия*

С соседом дружись, но за саблю держись.
(Русская народная пословица)

Все признают, что для того, чтобы иметь хороших соседей,
мы также должны быть хорошими соседями.
Это относится ко всем сферам человеческой деятельности.
Гарри Трумэн

Трудности во взаимоотношениях России с Евросоюзом

Взаимоотношения России с ЕС подвергались большим колебаниям из-за разного понимания процессов, происходящих в России и с участием России. В начале 1990-х при президенте Б. Ельцине Россия тяготела больше к США. Они, как отмечает китайский профессор Цзинь Цаньжун, оказали большое влияние на внедрение либеральной экономической модели, сопровождавшейся быстрым переходом к рыночным отношениям, «шоковой терапией», приватизацией государственных предприятий[1]. Пойдя по этому пути, Россия скатилась в экономический хаос, из которого не может выкарабкаться до сих пор. С Евросоюзом, отказавшим правительству Е. Гайдара в выделении стабилизационного кредита в 5–6 млрд долл., складывались отношения, опиравшиеся на предположение о постепенном сближении и более тесном взаимодействии с РФ при последовательной европеизации самой России. Б. Ельцин высказывал

[1] GT: высокомерие по отношению к России играет с Вашингтоном злую шутку. 27.02.2018. Доступ: https://russian.rt.com/inotv/2018-02-27/GT-visokomerie-po-otnosheniyu-k (проверено 27.04.2020).

пожелание даже о вступлении в ЕС, но «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве» (СПС, 1997 г.) не привело к росту торговых связей и улучшению взаимодействия. На это повлияла поддержка Брюсселем сепаратизма в Чечне, а также слабое здоровье российского президента.

В начале нулевых годов, после ухода Б. Ельцина, между Россией и Евросоюзом возросло сотрудничество в сфере экономики при том, что не происходило сближение политических и экономических систем, и даже увеличилось напряжение в политических отношениях между ними. С другой стороны, со странами – членами Евросоюза в большинстве своем у России складывались более успешные взаимоотношения на базе практического сотрудничества во всех сферах жизни, т.к. они основывались на взаимном прагматичном интересе. Эта специфика взаимоотношений со странами Евросоюза в рамках двустороннего сотрудничества возникла давно и действовала даже в период «холодной войны». Даже с некоторыми странами Центральной и Восточной Европы, с которыми у России традиционно складывались трудные отношения, торговля росла, как с ЕС в целом. Москве оказалось комфортнее иметь дело со столицами стран Евросоюза, чем с брюссельской бюрократией, ставившей интеграцию России в европейское экономическое пространство в зависимость от развития процессов демократизации при безусловном лидерстве ЕС в установлении правил игры.

Трудности в отношениях с Евросоюзом возникают к тому же из-за того, что почти все страны входят в военный Североатлантический блок – НАТО, который после распада СССР и роспуска Организации стран Варшавского договора очень быстро нашел объект противостояния в лице России. Поддержанное Вашингтоном нападение Грузии на Южную Осетию, приведшее к гибели российских миротворцев 8 августа 2008 г., средства массовой информации стран НАТО представили актом агрессии России. И только спустя целый год оголтелой антироссийской пропаганды специальная комиссия Евросоюза, возглавляемая Хайди Тальявини, возложила вину за разжигание вооруженного конфликта на отдавшего преступный приказ президента Грузии Михаила Саакашвили[1].

Государственный переворот на Украине, обернувшийся, по сути, гражданской войной, был поддержан США, Польшей, Германией и Францией. Об этом неоднократно говорил В. Путин, отмечая, что «Евросоюз и США не пожелали разобраться в подоплеке политического кризиса на Украине и поддержали силовой захват власти в стране»[2]. Е. Марков в своей работе «Истоки конфронтации со странами Запада и мюнхенская речь Владимира Путина» отмечает также то, что министр иностранных дел России Сергей Лавров называет свержение законной власти на Украине «позором Европы» [Марков 2019: 107]. Восстановление нормальных отношений с Россией и снятие санкций в настоящее время Евросоюз связывает с решением внутриукраинского конфликта и с выполнением минских соглашений, исполнять которые Киев, очевидно, не желает. Россия не является стороной конфликта, хотя и оказывает гуманитарную поддержку Донецкой и Луганской народным республикам.

На наш взгляд, взаимоотношения с ЕС у России значительно осложнились в 2004 г. после приема в него Польши, Латвии, Литвы и Эстонии, которые слепо подчинились Вашингтону и, зачастую в ущерб себе, стали занимать ярую антироссийскую позицию по всем вопросам сотрудничества. Профессор А. Валицкий, отвечая на вопрос: «Могут ли польско-российские отношения быть хорошими?» – в 2005 г. на страницах журнала «Аркана» не поддержал про-

[1] Косарев Д. Европравда. – *Российская газета*. 01.10.2009. Доступ: https://rg.ru/2009/10/01/gruzia.html (проверено 27.03.2020).

[2] Путин: ЕС и США поддержали государственный переворот на Украине. 15.06.2017. Доступ: https://tass.ru/politika/4337309 (проверено 27.03.2020).

водимую польскими политиками «концепцию осажденной крепости», оправдывающую полное подчинение США. Он писал: «В особенности важным было бы конструктивное подключение Польши к процессу расширения сферы российско-немецкого экономического сотрудничества. Это позволило бы направить внимание немцев на экономическую экспансию, к которой мы могли бы присоединиться, а также укрепить пропольские настроения в России и Германии, устраняя угрозу нового Рапалльского договора[1] и способствуя постепенному отказу немцев от выдвижения материальных претензий к Польше» [Пискорский 2019]. По прошествии почти 15 лет можно с уверенностью сказать, что к нему не прислушались, и польские политики при каждом удобном случае всеми силами стараются уязвить Россию, причем информационные вбросы осуществляются на государственные средства. Об этом поведал белорусский публицист, эксперт в области политики Алексей Дзермант. Он также заявил, что внешние силы в лице Украины, Польши и Прибалтики пытаются настроить граждан их республики против российских соседей, чтобы не допустить углубления сотрудничества и единения России и Белоруссии[2]. Анджей Валицкий, говоря об истоках современной антироссийской политики, которая соответствует целям политики и стратегии США в Восточной и Центральной Европе, упоминал труды З. Бжезинского, который еще в 1990-х гг. открыто заявлял, что государства этого региона должны играть роль вассалов и инструментов Вашингтона, а не выступать самостоятельными субъектами. Прослеживается аналогия с Восточным валом, выстраиваемым Гитлером по линии Пантера-Вотан от Азовского до Балтийского морей в 1943 г. на Восточном фронте «для защиты Европы от большевизма» [Пискорский 2019]. Исходя из этого, можно заключить, что не будь войны 08.08.2008 г., не будь Крыма, Донбасса, Сирии, антироссийские силы в вышеозначенных странах все равно бы вели русофобскую пропаганду, выполняя задачу быть барьером для желающих плодотворно и взаимовыгодно сотрудничать с Россией.

Перспективы налаживания добрососедских отношений России с Евросоюзом

После введения санкций Евросоюзом и ответных контрсанкций связующим звеном осталось снабжение Европы энергоресурсами и сырьем. Как в годы «холодной войны» Германия пошла, наперекор США, на небывалую сделку «газ в обмен на трубы», так и сейчас грандиозное противодействие Вашингтона и его сателлитов наталкивается на большое желание Германии и других стран старой Европы обеспечить себя бесперебойной поставкой дешевого трубопроводного газа по строящемуся «Северному потоку–2». Все другие интеграционные процессы, о которых было заявлено по инициативе ЕС на Санкт-Петербургском саммите (2003 г.): о создании четырех общих пространств – экономического; свободы, безопасности и правопорядка; сотрудничества в области внешней безопасности; науки и образования, включая культуру, остались в виде деклараций. Конкретные запросы России встречали в ЕС жесткий подход. Так, Россия с трудом добилась согласия ЕС на вступление в ВТО, а также приемлемых усло-

[1] Рапалльский договор 1922 г. – соглашение, установившее дипотношения между РСФСР и Германией, содержавшее порядок урегулирования разногласий, взаимный отказ от возмещения убытков во время Первой мировой войны. Германия отказывалась от претензий, вытекавших из нарушения в Советской России как прав немецких граждан, так и прав Германии, при условии, что РСФСР не будет удовлетворять аналогичные претензии других государств. Договор вызвал сильнейшее беспокойство среди западных стран.

[2] «Мы окружены с трех сторон»: белорусский эксперт заявил, что Украина, Евросоюз и Прибалтика пытаются отдалить Минск от Москвы. 10.02.2019. Доступ: https://vashinovosty.mediasalt.ru/my_okruzheny_s_trh_storon_belorusskiy_ekspert_zayavil_chto_ukraina_evrosoyuz_i_pribaltika_pytayutsya_otdalit_minsk_ot_moskvy (проверено 27.03.2020).

вий сухопутной транспортной связи с Калининградом. На это уходили годы. Брюссель занял жесткую экспансионистскую позицию, продвигая в зону жизненных интересов России проект «Восточное партнерство» и активно поддерживая «цветные революции» на постсоветском пространстве.

Европа очень негативно восприняла строительство В. Путиным вертикали власти, увязывая его со свертыванием демократии, а также установлением контроля государства над экономикой. В докладе «Имея дело с Россией: следующая фаза» в 2006 г. эксперты отметили, что если этот период будет «не преходящей фазой в переходе к рыночной экономике и демократии, а долговременной тенденцией, то приведет к государственно-корпоративной бюрократической стагнации под контролем небольшой корыстной и самоувековечивающейся группы» [Lyne, Talbott, Watanabe 2006: 73-74]. Тут есть над чем задуматься, особенно по прошествии 13 лет со времени этого доклада, которые были насыщены событиями, требующими принятия судьбоносных для России решений. Вряд ли без усиления государства во всех сферах жизни эти решения были бы такими, какие были приняты руководством в 2008 и 2014 гг. Хотя как раз они ожидаемо привели к ухудшению взаимоотношений с Евросоюзом в наибольшей степени, т.к. Брюссель вместо триумфального шествия Восточного партнерства и по Украине, получил головную боль, в т.ч. из-за своих непродуманных и несогласованных с Россией действий, игнорирующих ее интересы. Накопившийся в отношениях с Евросоюзом клубок противоречий решить в ближайшее время будет однозначно трудно, да и невозможно из-за позиции Брюсселя.

Не подлежит сомнению то, что Россия остается потенциальным стратегическим партнером Европы. Она играет существенную роль в обеспечении глобальной и европейской безопасности, остается четвертым по значимости экономическим партнером Европы после США, Китая и Швейцарии и, как уже отмечалось, надежным поставщиком энергоресурсов. Также у обеих сторон существует тревога за свое положение в мире в текущем столетии, что должно способствовать налаживанию отношений. К тому же для России Евросоюз является самым крупным торгово-экономическим партнером: в евро номинирована значительная часть наших золотовалютных резервов, хоть и медленно, но растет экономико-технологическое сотрудничество. Россия заинтересована в процветании Европейского союза, т.к. они имеют общую и богатую на события историю, близкие культуры, религию и географическое положение.

Претензии к России часто возникают из-за «блокового мышления», в основе которого находится приоритет силы военно-политического блока НАТО. «Попытки внедрять в общественное сознание негативную повестку, проводить политику, основанную на рецидивах блокового мышления, не могут не вызывать обеспокоенность, – сказал глава МИДа России С. Лавров, выступая на заседании форума общественности «Петербургский диалог» в Бонне 18 июля 2019 г. – Руководствуясь концепцией сдерживания, НАТО продвигает свою военную инфраструктуру к границам России, продолжает форсированное принятие в свой состав новых членов. А ведь достаточно взглянуть на данные о размерах военных бюджетов России и стран Альянса – у НАТО в двадцать раз больше – чтобы понять, кто кому угрожает»[1].

Все хорошо понимают, что в нарушение своих обещаний США стали принимать в НАТО не только восточноевропейские страны, но и бывшие советские республики, а озвученным намерением приема Грузии и Украины вообще поставили Россию в очень уязвимую позицию в сфере обеспечения своей бе-

[1] Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на открытии форума общественности «Петербургский диалог». Бонн, 18 июля 2019 г. 18.07.2019. Доступ: https://www.rus.rusemb.org.uk/article/319 (проверено 27.03.2020).

зопасности. Россия вынуждена была оказывать сопротивление высокомерной агрессивной политике стран англосаксонского мира. Напротив, в случае оказания реальной помощи России после распада СССР, включения ее на равных в систему международной безопасности, имея с ней настоящее партнерство и сотрудничество, Вашингтон и Евросоюз имели бы в лице России верного союзника, да и мир мог бы быть другим. Но ведя себя как победитель, демонстрируя свое всемогущество, диктуя условия «проигравшей стороне», Запад упустил шанс сделать мир лучше.

Евросоюз в своем становлении в настоящее время проходит тоже очень трудный период. Даже в Германии – основной движущей силе Евросоюза, получающей основные дивиденды, но и несущей большие расходы из-за санкционной экономической политики Вашингтона, появились признаки рецессии, а Брексит вынудит повысить расходы еще больше. Внутренние неурядицы Евросоюза, к которым в настоящее время добавилась эпидемия коронавируса, должны бы мотивировать Европу на улучшение отношений с Россией, чтобы снизить финансовые потери от взаимных санкций. Но этого не происходит. Так что состояние вялотекущего сотрудничества у Евросоюза с Россией продлится достаточно долго. Выйти из-под власти Вашингтона, когда 22 страны из 28, составляющих ЕС, являются членами НАТО, не позволят союзнические отношения в блоке. Зафиксировать смерть блока вслед за констатацией Э. Макроном «смерти мозга НАТО» они просто не решатся. Ангела Меркель заявила о большей необходимости НАТО, чем даже в период «холодной войны», и практически одновременно на съезде партии «Христианский демократический союз» (ХДС) высказалась за налаживание с Россией добрососедских отношений. Логику ее высказываний можно понять, если предположить, что в последнем случае она выступила только как канцлер Германии.

Можно предположить, что стимулирующим фактором по отношению к сотрудничеству Европы с Россией будет диверсификация Россией поставок углеводородов еще и в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Вступление в строй трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ТС ВСТО) и газопровода «Сила Сибири» уменьшают зависимость страны от западных партнеров. Нарастающее взаимодействие России с Китаем еще и в военной сфере, по словам почетного профессора стратегических исследований Пола Дибба из Центра стратегических и оборонных исследований при Австралийском национальном университете, может бросить вызов американской мощи. «На фоне постепенного экономического спада в России и быстрого роста в Китае можно было бы ожидать, что Москва поддержит усилия Запада, направленные на то, чтобы сбалансировать деятельность Китая, и не станет подрывать их. Однако появились многочисленные свидетельства того, что Россия и Китай продолжают укреплять свои отношения, что явным образом может иметь негативные геополитические последствия для Запада» [Белов 2019].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Первопричиной ухудшения отношений между Россией и Европой стало поспешное расширение НАТО на Восток при президенте Б. Клинтоне, случившееся вопреки заверениям Дж. Буша и госсекретаря Джеймса Бейкера, данным СССР при объединении Германии. Экспансия Евросоюза с Восточным партнерством не только без учета интересов России, но с большим желанием ущемить эти интересы, дополнила проблемы в сотрудничестве и выключила партнерство на неопределенный срок.

2. Отношения с Евросоюзом и даже с Польшей и Прибалтийскими республиками вполне могут стать добрососедскими на основе взаимовыгодного сотрудничества. Конфронтация и русофобия – их личный выбор. «Мы никогда

не инициировали какое-либо ухудшение, осложнение, даже минимальный откат в отношениях между нашей страной и ЕС», – сказал глава МИДа России С. Лавров[1].

3. России не стоит ожидать снятия всех санкций. Санкции будут, т.к. США всеми силами будут препятствовать возрождению России как великой мировой державы, и пока она будет проводить самостоятельную политику. Европейский бизнес надеется на снятие санкций Евросоюзом для улучшения условий сотрудничества. Гендиректор Ассоциации европейского бизнеса в РФ Франк Шауфф на Восточном экономическом форуме в сентябре 2019 г. заявил: «Я не знаю ни одну компанию ЕС, которая бы ушла из РФ из-за санкций»[2]. Вероятно, европейские компании опасаются потерять российский рынок из-за конкуренции.

4. Евросоюз, став неожиданным соседом России на севере, вполне может стать соседом вдоль всех западных границ. Превратившись в исторически короткий период в супергосударство с имперскими наклонностями, Евросоюз может выйти из-под жесткой опеки англосаксов после ухода Великобритании (Брексит) и охлаждения отношений с США из-за их протекционистской политики. Но эта империя нового типа будет стремиться к доминированию в отношениях с Россией, вовлечению ее в сферу своего влияния. Только близкие к союзническим отношения с Китаем могут умерить экспансионистский пыл Европы. Эта формула может работать и в обратном направлении. Сбалансированные отношения с Китаем и Евросоюзом позволят России с уверенностью смотреть в будущее.

Список литературы

Белов А. 2019. Strategist: предсказания Бжезинского начинают сбываться. 29.11.2019. Доступ: https://regnum.ru/news/polit/2793434.html (проверено 27.04.2020).

Марков Е.А. 2019. Истоки конфронтации со странами Запада и мюнхенская речь Владимира Путина. – *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Сер. Гуманитарные и общественные науки. № 1. С. 104-113.

Пискорский М. Myśl Polska (Польша): польский интеллектуал пишет правду о России (часть 1). 26.10.2019. Доступ: https://inosmi.ru/politic/20191026/246090082.html (проверено 27.04.2020).

Lyne R., Talbott S., Watanabe K. 2006. *Engaging with Russia*. *The Next Phase:* A Report to the Trilateral Commission. Washington; Paris; Tokyo. The Trilateral Commission. ix + 182 p. URL: http://svop.ru/files/meetings/m005013388828463.pdf (accessed 27.04.2020).

[1] Лавров сообщил, что Россия не станет сотрудничать с ЕС в ущерб взаимодействию с Китаем. 11.11.2019. Доступ: https://tass.ru/politika/7100733 (проверено 27.03.2020).

[2] Байназаров Э. «Я не знаю ни одну компанию ЕС, которая бы ушла из РФ из-за санкций». 09.09.2019. Доступ: https://iz.ru/918350/elnar-bainazarov/ia-ne-znaiu-ni-odnu-kompaniiu-es-kotoraia-ushla-iz-rf-iz-za-sanktcii (проверено 27.03.2020).

KRASINA Evgeniya Aleksandrovna, *Senior Lecturer at the Chair of English Language, Faculty of World Economy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (53/2 Ostozhenka St, Moscow, Russia, 119021; lizza-sun@mail.ru)*

«THEY DON'T CHOOSE NEIGHBORS»: A LOOK AT THE RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION

Abstract. *The article says that pragmatic Europe has never been eager to help Russia in difficult periods. The promising rapprochement declared in words over nearly 30 years of shared history in many positions has even led to a cooling in relations due to the expansion of NATO to the East, justified by nothing but enlargement to the detriment of Russia. The author also emphasizes that Russia is developing successful cooperation with individual EU countries to improve their energy supply in defiance of Washington and its satellites from Central and Eastern Europe (Poland and the Baltic republics). The article concludes that Russia's building up defense against NATO's approach, defensive actions during the Georgian-Ossetian conflict and Ukraine's crisis (protecting the Russian people from Bandera gangs), presented by the West as aggression, served as an excuse for the isolation of Russia, an unprecedented information war, and the introduction of sanctions. The author concludes that in this way the West checked the firmness of Russia's intentions to defend its own interests and the desire to pursue an independent policy proclaimed by V. Putin at the Munich Security Conference in 2007. The article emphasizes that Russia is trying to build friendly, equal, mutually beneficial relations with all countries.*
Keywords: *Europe, European Union and Russia, Vladimir Putin, Munich speech, NATO expansion, US dominance policy, sanctions, Russian-EU cooperation prospects, Brexit, Russian foreign policy, Poland and the Baltic republics, Germany, France, Washington, energy supply, USA and Russia*

УДК 325

ШОГУНЦ Анна Вардановна – *аспирант Института Европы РАН (125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, 11, стр. 3; annashoghunts@mail.ru)*

СОВРЕМЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ

Аннотация. *Целью данной статьи является рассмотрение политики в области миграции, проводимой правыми партиями в Италии в 2018–2019 гг. Метод исследования заключается в анализе решений, законов, мер, принятых первым правительством Дж. Конте в попытке ограничить массовый приток мигрантов. В статье автор исследует влияние итальянской миграционной политики на сокращение миграции из неблагополучных стран Африки, а также ее роль в увеличении популярности «Лиги» и ее лидера М. Сальвини. Результаты исследования вносят вклад в изучение итальянской миграционной политики на данном этапе и влияния на нее миграционного кризиса в Европейском союзе.*
Ключевые слова: *Италия, миграция, выборы, «Лига», Сальвини, Движение пяти звезд*

Исследование политики правых партий в области регулирования миграции в Италии в 2018–2019 гг. представляется актуальным в силу того, что, начиная с середины 2010-х гг., Италия переживает период экономической нестабильности и больших социальных потрясений, вызванных миграционным кризисом в Европейском союзе, кульминацией которого стало прибытие в Европу миллионов мигрантов, ищущих убежище от войн и преследований в своих родных странах (как правило, из региона Северной и Центральной Африки и Ближнего Востока). Целью исследования является выявление ключевых событий проводимой правыми партиями миграционной политики, а также влияния этих

решений на реальный процесс сокращения миграции. Для достижения цели проанализируем данные Международной организации по миграции (МОМ) о прибытии мигрантов в Италию с 2014 г. Согласно исследованиям МОМ, показатели прибывших в Италию за 2014–2016 гг. составляют в среднем выше 150 тыс. чел. в год[1]. В 2017 г. число прибытий сократилось до 119 тыс. чел.[2], а уже в 2018 г. число мигрантов пошло на спад – за год прибыли всего 23 тыс. чел.[3], что на 80% меньше по сравнению с предыдущим годом и на 87% меньше, чем в аналогичном периоде 2016 г. За 2019 г. МОМ опубликовала данные только с января по сентябрь, но уже сейчас понятно, что за эти месяцы произошел значительный спад числа прибывших в Италию – всего за 9 месяцев 2019 г. прибыли 7 633 мигранта[4], что на 67% меньше, чем за аналогичный период 2018 г. Стоит отметить, что такое резкое уменьшение числа прибывших мигрантов приходится как раз на 2018 г., когда пришла к власти и начала воплощать в жизнь свою миграционную политику коалиция правых партий «Лига» во главе с Маттео Сальвини и Движение пяти звезд (далее – ДПЗ) под руководством Луиджи Ди Майо [Алексеенкова 2019: 106].

По результатам анализа политики «желто-зеленого» правительства в области миграции в 2018–2019 гг. было выявлено, что важнейшим достижением политики М. Сальвини (бывшего в этот период министром внутренних дел Итальянской Республики) в области миграции стал курс на противостояние незаконным высадкам мигрантов путем закрытия портов для судов иностранных государств и НПО, спасающих мигрантов в море [Алонци, Любин 2019: 16]. Данная политика, разумеется, не получила одобрения международных организаций и защитников прав человека, но была положительно встречена итальянцами: по данным на январь 2019 г. каждый второй житель Италии (51%) поддерживал проводимую М. Сальвини политику в отношении мигрантов, и только 19% допускали принятие на территории страны спасенных на море мигрантов[5].

Вторым шагом в урегулировании ситуации с мигрантами стало принятие в октябре 2018 г. большинством в парламенте закона № 113[6], который увеличил сроки содержания мигрантов под стражей для идентификации личности и ограничил виды оказываемой помощи мигрантам, прибывшим из стран с относительно благополучными демократическими режимами. Также с принятием поправок к нему (закон № 132 от 1 декабря 2018 г.) было отменено одобрение заявок лиц, ищущих убежища по гуманитарной линии (по данному виду защиты происходило одобрение большинства заявок), и введены новые формы защиты – «специальная защита» и «особые случаи». Не все формы защиты позволяют осуществлять мигрантам трудовую деятельность и не предполагают воссоединение семей[7]. В целом этот закон можно считать способствующим ужесточению политики регулирования миграции или, как минимум, существенному

[1] В 2014 г. В Италию прибыли 170 тыс. чел., в 2015 г. – почти 154 тыс. чел., в 2016 г. – 181 тыс. чел.

[2] Mixed Migration Flows in the Mediterranean. Compilation of Available Data and Information December 2017. – *International Organization for Migration (IOM)*. 2017. P. 9.

[3] Mixed Migration Flows in the Mediterranean. Compilation of Available Data and Information December 2018. – *International Organization for Migration (IOM)*. 2018. P. 13.

[4] Mixed Migration Flows in the Mediterranean. Compilation of Available Data and Information September 2019. – *International Organization for Migration (IOM)*. 2019. P. 14.

[5] Libero quotidiano (2019) «Sondaggio Ipsos di Nando Pagnocelli: il 51 per cento degli italiani sta con Matteo Salvini sugli immigrati». 12 jennaio. URL: https://www.liberoquotidiano.it/news/politica/13418401/sondaggio-ipsos-nando-pagnocelli-51-per-cento-matteo-salvini-immigrati.html (accessed 08.01.2020).

[6] Conversione in legge, con modificazioni, del decreto-legge 4 ottobre 2018. N. 113 (2018). «Parlamento Italiano». URL: http://documenti.camera.it/leg18/pdl/pdf/leg.18.pdl.camera.1346_A.18PDL0037320.pdf (accessed 13.01.2020).

[7] Forme di protezione (2019). URL: https://www.sprar.it/attivita-e-servizi (accessed 12.12.2019).

сокращению прибытия мигрантов в Италию. По данным Института международных политических исследований, в связи с принятием данных мер за 2 года число мигрантов, получивших отказ в предоставлении убежища в Италии, может достичь 140 тыс. чел.[1]

Другим шагом в борьбе с нелегальной миграцией стали полицейские операции против некоторых представителей местных органов власти, способствующих нелегальному расселению мигрантов.

Третьей ключевой мерой политики регулирования миграции, проводимой М. Сальвини, стало принятие летом 2019 г. закона[2], согласно которому капитаны судов, привозящих в Италию нелегальных мигрантов, подвергались штрафу от 150 тыс. до 1 млн евро, а само судно – конфискации итальянскими властями[3]. Также в соответствии с законом министр внутренних дел наделяется полномочиями запрещать судам заход в территориальные воды Италии, а также транзит и остановку. Разумеется, принятие подобного закона, частично нарушающего некоторые международные нормы[4], было обеспечено большинством голосов на тот момент коалиции Движения пяти звезд и «Лиги». А постоянные разногласия между Брюсселем и Италией, с одной стороны, и странами Вышеградской четверки – с другой, относительно расселения уже принятых мигрантов согласно «принципу солидарности» вынудили лидеров правых партий в Италии прибегнуть не только к резкой риторике, но и перейти к самостоятельным действиям по регулированию миграции [Потемкина 2019: 58].

Сложно сказать, повлияла ли жесткая политика, проводимая правыми партиями в Италии, на фактическое сокращение числа прибывших мигрантов (на 86% с 2014 по 2018 г.) или пик кризиса прошел в 2014–2016 гг. Если посмотреть на динамику въезда мигрантов в масштабах всего Европейского союза, то мы увидим общий тренд на сокращение миграции. В 2018 г. и за 9 месяцев 2019 г. в ЕС также произошло существенное уменьшение миграционного потока – прибыли 144 тыс. чел. и 85 тыс. чел. соответственно, в то время как в период кульминации миграционного кризиса число мигрантов в Евросоюз достигало 400 тыс. чел. в год. В целом можно отметить, что число прибывших в ЕС сокращалось, но не такими темпами, как в Италии, т.е. отдельные шаги по регулированию миграционных процессов в Италии были более эффективными, чем миграционные усилия Европейского союза как единого образования.

Миграционная политика «Лиги» и ДПЗ оказалась настолько популярной среди избирателей, что на выборах в Европарламент в мае 2019 г. эти партии вновь набрали большинство голосов: «Лига» получила 34% голосов, а Движение пяти звезд – 17%[5].

Тем не менее к концу лета в отношениях двух партий наметился кризис. Формальным поводом стало противоречие относительно законопроекта о строительстве железнодорожной магистрали между итальянским Турином и французским Лионом, инвестиции Италии в которую оцениваются в 10 млрд евро. Этот проект поддержала «Лига», однако представители ДПЗ проголосовали

---

[1] Villa M. I nuovi irregolari in Italia, Istituto per gli studi di politica internazionale. URL: https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/i-nuovi-irregolari-italia-21812 (accessed 08.01.2020).

[2] DECRETO-LEGGE 14 giugno 2019. N. 53 (2019). – *Gazzetta ufficiale della Republica italiana*. URL: https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2019/06/14/19G00063/sg (accessed 08.01.2020).

[3] Il Giornale.it (2019). «Multe fino a un milione a navi: così la Lega vuol fermare Ong». URL: http://www.ilgiornale.it/news/cronache/multe-fino-milione-navi-cos-lega-vuol-fermare-ong-1723449.html (accessed 04.01.2020).

[4] Против этого закона выступил и итальянский Верховный суд.

[5] Results by national party. Italy. – *European Parliament*. 2019. URL: https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/italy/(accessed 01.02.2020).

против, что спровоцировало правительственный кризис. Кроме того, Движение пяти звезд поддержало кандидатуру немецкого политика Урсулы фон дер Ляйен на пост председателя Европейской комиссии, присоединившись к позиции консервативного блока Народных партий Европарламента. Все это привело к разрыву отношений с М. Сальвини и падению коалиции правых партий в августе 2019 г.

Последующее формирование кабинета, имеющего «желто-красный» цвет и фактически «не избранного» электоратом, Движением пяти звезд и Демократической партией, показывает, что в Италии возможны перемены в области политики регулирования миграции. Более того, партия «Лига», набравшая наибольшее число голосов на выборах в Европарламент, фактически перешла в оппозицию, не сумев договориться с бывшими партнерами из Движения пяти звезд.

Новый кабинет, благодаря участию левоцентристской Демократической партии, поспешил отказаться от многих непопулярных в наднациональных кругах ЕС мер в области миграции, принятых предыдущим правительством. Недаром второе правительство Дж. Конте уже в сентябре 2019 г. предпочло отказаться от закона, одним из положений которого является взимание огромных штрафов с капитанов судов, высаживающих на итальянский берег нелегальных мигрантов, как нарушающего права человека.

Также новая коалиция воспользовалась ситуацией, возникшей еще в июле 2019 г., когда Сальвини отказался принять 131 мигранта, которых спасли на море и доставили к берегам Сицилии на корабле итальянской береговой гвардии *Gregoretti*. Спустя нескольких дней пребывания на корабле им была разрешена высадка на территории Италии после получения гарантий от других европейских стран, что они примут мигрантов у себя. История получила свое развитие после того, как суд министров Катании предъявил Маттео Сальвини обвинение в превышении должностных полномочий и незаконном задержании людей. В начале февраля 2020 г. сенат Италии проголосовал за снятие неприкосновенности с Маттео Сальвини и продолжение расследования в отношении него. За продолжение судебного разбирательства проголосовали в т.ч. партии, входящие в новую правящую коалицию – Демократическая партия и бывшие союзники «Лиги» Движение пяти звезд. В случае признания вины Сальвини грозит тюремное заключение сроком от 3 до 10 лет, а также судебное разбирательство, что может помешать его участию в последующих выборах. Сам экс-министр внутренних дел Италии выразил готовность явиться в суд и дать показания по этому делу.

Ввиду такой ситуации можно предположить, что в связи со сменой политического расклада сил «Лига» во главе с Маттео Сальвини старается спровоцировать досрочные парламентские выборы, победа на которых ей практически гарантирована, если учесть недавние результаты на выборах в Европарламент в 2019 г. В этом контексте возбуждение расследования в отношении бывшего министра внутренних дел было бы на руку правительству, пытающемуся удержаться у власти.

Однако, несмотря на судебный процесс, М. Сальвини не ушел из политической жизни и еще может повернуть ситуацию в свою пользу, набрав новые имиджевые очки в качестве «защитника нации». Более того, правые партии «Вперед, Италия» в лице Сильвио Берлускони и «Братья Италии» в лице Джорджи Мелони поддерживают его, а союз правых сил во главе с «Лигой» набирает обороты, победив на последних региональных выборах в традиционно голосующей за левых области Умбрия, южной области Калабрия и составив достойную конкуренцию левоцентристской Демократической партии на выборах в тра-

диционно «красном» регионе Эмилия-Романья – второй по экономическим показателям области Италии с наименьшим уровнем безработицы.

В результате анализа ситуации, сложившейся в Италии после миграционного кризиса в ЕС, можно сделать вывод, что основными проблемами Италии стало то, что большинство прибывших мигрантов (93%) не имели оснований для предоставления им убежища, т.е. преследовали экономические цели миграции в Италию, а те заявки о предоставлении убежища, которые одобрялись, проходили в основном по линии гуманитарной защиты.

В попытках ограничить число прибывающих нелегальных мигрантов в конце 2018 г. министр внутренних дел М. Сальвини – лидер «Лиги» – инициировал ряд мер, отменивших право на гуманитарную защиту и установивший жесткие рамки для въезда на территорию страны.

При этом более половины населения поддерживают такую миграционную линию М. Сальвини, а его рейтинги постоянно растут, о чем свидетельствуют выборы в Европарламент в мае 2019 г. Несмотря на распад коалиции «Лиги» и ДПЗ в августе 2019 г., образование нового правительства в лице правого Движения пяти звезд и левой Демократической партии и отказ от некоторых непопулярных в наднациональных кругах ЕС мер, правые из «Лиги» победили на недавних региональных выборах в двух регионах, традиционно голосующих за левых, что означает, что М. Сальвини продолжит борьбу за высокие политические позиции, что подразумевает продолжение борьбы против потоков нелегальных мигрантов.

В данной ситуации возникают сомнения в том, удастся ли нынешней «желто-красной» коалиции сформировать сильную совместную повестку для Италии, в т.ч. в области регулирования миграции, что дало бы ей возможность продержаться до выборов 2022 г. На данный момент новое правительство больше занято тем, чтобы сгладить последствия политики Сальвини, чем реальным решением проблемы нелегальной миграции.

Список литературы

Алексеенкова Е.С. 2019. Страна победившего популизма: Италия после выборов. – *Современная Европа*. № 2. С. 106-117.

Алонци Р., Любин В.П. 2019. Политика «желто-зеленого» правительства Италии 2018–2019 гг. и его конфликт с ЕС. – *Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество*. С. 15-20.

Потемкина О.Ю. 2019. Достижения и разногласия по миграционным проблемам в период председательства Австрии. – *Европейский союз: факты и комментарии*. Вып. 94. С. 56-60.

SHOGUNTS Anna Vardanovna, postgraduate student at the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (bld. 3, 11 Mokhovaya St, Moscow, Russia, 125009; annashoghunts@mail.ru)

THE CURRENT DIMENSION OF ITALY'S MIGRATION POLICY

Abstract. *The current migration situation in Italy after the migration crisis in Europe has a great impact on the country's politics in social sphere. Against the background of mass migration and discontent among Italians, right-wing parties that came to power in 2018 continue to remain popular among voters. Their policy in the field of migration regulation has some benefits – since 2018, the influx of migrants has decreased significantly but it is causing frustration of the EU. The purpose of this article is to analyze the migration policy in the sphere of migration held by the coalition of right-wing parties League and Five Stars Movement in Italy in 2018–2019. The research method consists in analyzing the decisions, laws, and measures taken by G. Conte's first government, in an attempt to limit the mass influx of migrants. The article examines the impact of Italian migration policy on reducing migration from disadvantaged countries in Africa, as well as its role in increasing the popularity of the League and its leader Matteo Salvini. The research results contribute to the study of the Italian migration policy during this period and the impact of the migration crisis in the European Union on it. The author tries to analyze the further development of events in the political arena of Italy and answer to which direction the policy in the field of migration regulation will go.*
Keywords: *Italy, migration, League, elections, Salvini, Five Star Movement*

БАРАКАТ Ибрахим – *аспирант кафедры мировой дипломатии и международного права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2; ibrahem.asd.88@gmail.com)*

ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ В СИРИИ И ПРОБЛЕМА УРЕГУЛИРОВАНИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ Г. МОРГЕНТАУ ПО-ПРЕЖНЕМУ АКТУАЛЕН

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы урегулирования вооруженного конфликта на территории Сирии: выявляются бессилие ООН и большая роль нескольких значимых в регионе государств, таких как Российская Федерация, США, Турция и Иран, в преодолении кризиса; определяется верность концепции политического реализма при анализе развития международных отношений по сирийскому вопросу. Автор показывает, что идеи Г. Моргентау и его последователей не утратили своего значения и в современных реалиях и что понятия «национальный интерес» и «великая держава» более важны для анализа международных отношений, нежели универсальные моральные принципы.*
Ключевые слова: *Сирия, ООН, вооруженный конфликт, урегулирование, политический реализм, международные организации, акторы, успешность*

В настоящее время крайне значимые процессы, напрямую касающиеся мировой политики и международного права, протекают на Ближнем Востоке, причем едва ли не самые важные из них – в Сирии. Как известно, начиная с 2011 г. на территории данного государства ведутся активные боевые действия, в которых принимают участие, причем уже не один год, и вооруженные силы других стран.

Исследователи справедливо отмечали, что в период с 2011 по 2018 г. было принято около 40 резолюций Совета Безопасности ООН, а вопрос о полити-

ческой ситуации в Сирийской Арабской Республике выносился на обсуждение в Генеральной Ассамблее ООН, что показывает заинтересованность международного сообщества в происходящем сирийском кризисе и связанные с этим опасения [Петухова 2019: 398]. Добавим, что и в 2019 г. были приняты новые резолюции по сирийскому вопросу.

По нашему мнению, вполне уместно признать правоту донецкого исследователя А.И. Плотникова, отметившего, что, проанализировав резолюции СБ, деятельность ООН в отношении конфликта в САР до 2017 г. можно разделить на несколько условных периодов:

1) 2011–2012 гг. – отсутствует внимание к нарастающему конфликту;

2) 2012–2013 гг. – власти САР препятствуют деятельности по борьбе с вооруженной оппозицией;

3) 2013–2014 гг. – призыв к мировому сообществу о помощи в борьбе с международным терроризмом;

4) 2014–2016 гг. – призыв к перемирию и ведению переговоров (в связи с успешным наступлением ВС САР при поддержке ВКС России) [Плотников 2017: 322].

Применительно к 2017 и последующим годам скорее уместно заявить, что позиция СБ ООН принципиально не изменилась.

Иначе говоря, к сожалению, следует признать, что содержание резолюций Совета Безопасности ООН (во всяком случае, по Сирии) в основном написаны по принципу: за все хорошее, против всего плохого. В отдельных случаях в тексте резолюций ставятся на одну доску легитимный режим и террористы, причем никакой механизм расследования, позволяющий установить очень важную для всего международного сообщества истину, не прописан. Во многом права исследовательница Д.Ф. Савранская, писавшая, что ООН в каждой резолюции призывает к прекращению огня и налаживанию порядка внутри государства, но террористические группировки и мировое сообщество не торопятся выполнять эти требования [Савранская 2016: 45].

То есть, мы вынуждены признать, что на восьмом десятке своего существования ООН отнюдь не демонстрирует высокую эффективность. Уместно скорее вести речь даже не об эффективности, но о кризисе. Для сравнения: именно силовое вмешательство Москвы стало катализатором создания принципиально новых многосторонних форматов сирийского урегулирования, которые объективно отвечали тенденциям трансформации современного миропорядка [Ходынская-Голенищева: 2019: 25]. Добавим, что вмешательство и других государств, в первую очередь Ирана, Турции и США, сделало для улучшения ситуации на территории Сирийской Арабской Республики больше, чем ООН и связанные с ней специализированные учреждения.

Таким образом, вооруженный конфликт на территории Сирии наглядно демонстрирует, что в современных условиях политический реализм по-прежнему является актуальным при анализе международных отношений. Так, 90% исследований по проблемам мировой политики и международных отношений, проведенных после окончания Второй мировой войны и до конца 1970-х гг., велись в духе политического реализма [Мутагиров 2016: 22]. Однако затем ситуация изменилась. Либеральный институционализм и иные концепции, как казалось очень многим, потеснили политический реализм. Очень многим исследователям, равно как и лицам, принимающим значимые решения, стало казаться, что международное право, международные организации, универсальные ценности и т.п. куда важнее государств с их национальными интересами (последнее понятие вообще часто стали употреблять без должного научного наполнения [Акбаров 2014: 148]).

Но события, последовавшие в Сирии после начала Арабской весны, показали, что международные институты разработаны недостаточно, чтобы можно было в полной мере полагаться на их действие [Игнаткин 2013: 78], а правы были именно реалисты, которые, как известно, оценивают международную систему как анархическую, поскольку в ней отсутствует центральная принудительная власть. Поэтому функция регулирования международных отношений возлагается на единицы системы – государства. В отличие от представителей либерализма, реалисты не считают, что государства руководствуются в своих действиях некими универсальными ценностями, которые позволяют сформировать порядок в мире. Наоборот, они уверены, что отношения между государствами по своей природе конфликтны, поскольку в их основе лежат несовместимые интересы [Панченко 2009: 7]. Ответить в данном случае их оппонентам нечего: ООН с задачей прервать кровопролитие явно не справилась, универсальные ценности, такие как мир, демократия, правопорядок, мораль и т.п., также не остановили насилие. Улучшило ситуацию лишь вмешательство других государств, которые опять же руководствовались не столько универсальными ценностями, сколько национальными интересами. В частности, преследуя свои национальные интересы, РФ ввела ВКС в САР для борьбы с терроризмом и его дальнейшtuj нераспространениz. Это был обдуманный и последовательный шаг во внешней политике РФ. И с самого начала конфликта в САР в 2011 г. Россия проводила свою внешнюю политику через модель политического реализма [Антощенко 2019: 137].

Национальные интересы, являющиеся одним из стержней концепции политического реализма, выступают как способ анализа внешней политики: такой подход характерен, например, для школы политического реализма, и в частности для наиболее видного представителя политического реализма Г. Моргентау. В этом случае понятие национальных интересов соотносится с внешнеполитическим вариантом общественных интересов, поскольку обозначает наиболее адекватную для той или иной нации систему взаимоотношений с другими государствами [Трухачев 2010: 53]. Подчеркнем также, что национальный интерес состоит из трех факторов: природы интереса, который должен быть защищен, политического окружения, в котором действует интерес, и рациональной необходимости, ограничивающей выбор целей и средств [Лебедева, Устинкин 2000: 54; Саидов, Кашинская 2005: 120]. Укажем также, что высшей целью национального интереса любого развитого государства Г. Моргентау считал достижение региональной или мировой гегемонии, подчеркивая главенствующую роль национального интереса при реализации внешней политики государством, т.е. что внешнеполитические цели должны формулироваться через призму национального интереса и быть поддержаны адекватной мощью [Ткаченко 2008: 103].

Развитие ситуации в Сирии показывает также, что естественное следование государств своим национальным интересам затрудняет процесс окончательного урегулирования конфликта, ибо представления о желательном политическом развитии сирийской территории у государств – участников урегулирования (прежде всего Российской Федерации, США, Турции и Ирана) весьма различны, а понятия «мораль» и «нравственность», как уже отмечалось выше, к области внешней политики неприменимы [Акбаров 2014: 148]. Признáем в этой связи правоту американского сторонника наступательного реализма Дж. Миэршеймера, считающего, что государства никогда не могут быть уверены относительно намерений других акторов международной политики [Сетов 2011: 56].

Кроме того, в контексте современной сирийской ситуации по-прежнему

актуально понятие «великая держава», которое, по замыслам оппонентов политических реалистов, должно было уйти в прошлое. Упомянем, что Г. Моргентау писал, что великие державы формируют международную систему, и именно фокусирование внимания на них помогает понять правила игры на мировой арене: состояние системы напрямую зависит от взаимодействий великих держав, которые делают то, что могут, а остальные государства – то, что им позволяют великие державы. При этом великие державы могут игнорировать интересы других стран, вступая в альянсы друг с другом или участвуя в вооруженных конфликтах и пр. [Яшкова 2016: 50]. Хотим мы того или нет, но именно такая ситуация, когда великие державы и определяют положение дел в Сирии, и наличествует на сегодняшний день. Соответственно, доктрина политического реализма остается весьма актуальной и сейчас и не утратила свое значение после окончания «холодной войны».

Список литературы

Акбаров Ф.Х. 2014. Понятие «национальный интерес», его сущность и особенности. – *Вестник Таджикского национального университета*. Т. 1. № 3-8. С. 148-152.

Антощенко Д.В. 2019. Участие РФ в урегулировании конфликта в Сирии через призму политического реализма. – *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. № 7. С. 135-137.

Игнаткин О.Б. 2013. Идеи политического реализма в современных международных отношениях. – *Вестник РГГУ*. Сер. Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. № 21(122). С. 74-82.

Лебедева М.М., Устинкин С.В. 2000. *Мировая политика и международные отношения: ключевые слова и понятия*. Н. Новгород: ННГУ. 208 с.

Мутагиров Д.З. 2016. Есть ли, и может ли существовать научная теория международных отношений? – *Философия международных отношений. От теории к практике:* сборник статей (отв. ред. С.Н. Погодин, И.Д. Осипов). СПб: Изд-во СПбГУ. С. 17-42.

Панченко М.Ю. 2009. Реалистская парадигма международного порядка: Прошлое и настоящее. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 6-17.

Петухова Е.Н. 2019. Роль Организации Объединенных Наций в процессе урегулирования сирийского кризиса 2011–2018 годов. – *Евразийское научное объединение*. № 4-6 (50). С. 398-403.

Плотников А.И. 2017. Роль Организации Объединенных Наций в урегулировании вооруженного конфликта в Сирийской Арабской Республике (на основе резолюций Совета Безопасности ООН). – *Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации:* материалы международной научно-практической конференции X Научно-образовательного форума (под ред. В.В. Бобылева). С. 321-325.

Савранская Д.Ф. 2016. Деятельность ООН в урегулирование международных конфликтов. – *Инновационная наука*. № 5-3(17). С. 44-47.

Саидов А.Х., Кашинская Л.Ф. 2005. Национальная безопасность и национальные интересы: Взаимосвязь и взаимодействие (опыт политико-правового анализа). – *Журнал российского права*. № 12(108). С. 119-126.

Сетов Н.Р. 2011. Теория наступательного реализма Дж. Миэршеймера. – *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. Т. 7. № 1. С. 54-61.

Ткаченко М.А. 2008. Понятие «национальный интерес» в европейской государственно-правовой мысли. – *Философия права*. № 5(30). С. 102-105.

Трухачев В.В. 2010. Национальные интересы: теоретический дискурс про-

блемы. – *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер. Политология. № 1. С. 53-65.

Ходынская-Голенищева М.С. 2019. *Сирия: трудный путь от войны к миру. Многосторонняя дипломатия сирийского урегулирования*. М.: Абрис. 719 с.

Яшкова Т.А. 2016. Основные аспекты термина «великая держава». – *Новая наука: Современное состояние и пути развития*. № 3-2. С. 50-52.

BARAKAT Ibrakhim, *postgraduate student of the Chair of World Diplomacy and International Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (2 Ul'yanova St, Nizhny Novgorod, Russia, 603950; ibrahem.asd.88@gmail.com)*

THE ARMED CONFLICT IN SYRIA AND THE PROBLEM OF SETTLEMENT: POLITICAL REALISM OF MORGENTHAU IS STILL RELEVANT

Abstract. *The article deals with the settlement of the armed conflict in Syria. The author reveals the powerlessness of the UN and the large role of several states important in the region, such as the Russian Federation, the United States, Turkey and Iran in overcoming the crisis. The author determines the correctness of the concept of political realism in the analysis of the development of international relations on the Syrian issue. The article proves that the ideas of G. Morgenthau and his followers have not lost their significance in modern realities and that the concepts of national interest and great power are more important for the analysis of international relations than universal moral principles.*

Keywords: *Syria, UN, armed conflict, settlement, political realism, international organizations, actors, success*

Цуй Чжэн – *кандидат политических наук, доцент; заместитель директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета, Китай (cz197897@sina.com)*

ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ ВСЕСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПАРТНЕРСТВА В НОВУЮ ЭПОХУ[1]

Аннотация. *В статье представлен анализ состояния китайско-российских отношений в последние годы. Автор подчеркивает новое позиционирование китайско-российских отношений на современном этапе с учетом новых геополитических факторов. В статье отмечаются значительные успехи в развитии экономического и торгового сотрудничества Китая и России, однако автор выделяет риски и проблемные точки, которые должны быть учтены и решены для продвижения процесса китайско-российского экономического и торгового развития.*

Ключевые слова: *Китай, Россия, стратегическое взаимодействие и партнерство, новая эпоха, трансграничная торговля, китайско-российское экономическое и торговое сотрудничество, «один пояс, один путь»*

Политический анализ

Основные положения. Председатель КНР Си Цзиньпин во время своего визита в Россию в июне 2019 г. выдвинул отношения Китая и России на новый уровень связей двух стран, который получил название «всесторонних отношений стратегического взаимодействия и партнерства в новую эпоху». Слова «новая эпоха» сами по себе несут в себе два важных значения: во-первых, в настоящее время мир стоит перед лицом невиданных за последнее столетие перемен. Это означает, что сам мир вступает в новую эпоху. По этой причине китайско-российские отношения также встают перед лицом изменений и перед вопросом, каким образом реагировать на ситуацию в мире. Это объективно требует переориентации целей и позиций в китайско-российских отношениях. Во-вторых, и Китай, и Россия являются великими державами и постоянными членами Организации Объединенных Наций. Это оказывает серьезное влияние на изменения в мировой структуре, поэтому укрепление китайско-российских отношений важно не только для решения внутриполитических проблем двух стран (включая необходимость совместного развития экономики, достижения стабильности общества, предотвращения «цветных революций» и т.д.), но и для укрепления стабильности международного сообщества и установления нового мирового порядка. Председатель Си Цзиньпин отметил: «Совместное заявление об укреплении глобальной стратегической стабильности отражает дух ответственности Китая и России и позитивные результаты стратегического

[1] Данная статья является промежуточным результатом исследования проекта «Основные коррективы и последствия внешней политики России после возвращения В. Путина на пост президента Российской Федерации» (LNUJD201702) при Ляонинском университете на базе гуманитарных и социологических исследований Министерства образования КНР «13-я пятилетняя программа» и проекта Фонда общественных наук провинции Ляонин «Исследование роли России в китайско-американских конкурентных отношениях в период правления Д. Трампа» (L17BGJ004).

взаимодействия двух стран. В текущих условиях это имеет особое значение»[1]. Одним словом, новое позиционирование китайско-российских отношений играет значительную роль на международной арене.

Основные условия для продвижения китайско-российских всесторонних отношений стратегического взаимодействия и партнерства в новую эпоху. На сегодняшний день китайско-российские отношения находятся в лучшем периоде за всю историю и демонстрируют все более усиливающуюся тенденцию, которая обеспечивает благоприятные политические условия для развития торгово-экономического сотрудничества между двумя странами. Также следует отметить, что в 2018 г. товарооборот между Китаем и Россией превысил отметку в 100 млрд долл., а в 2019 г. отмечается 70-летие установления дипломатических отношений между Китаем и Россией. В целях консолидации и дальнейшего развития китайско-российских всесторонних отношений стратегического взаимодействия и партнерства в новую эпоху Китай и Россия пытаются еще больше повысить уровень торгово-экономического сотрудничества.

С точки зрения экономической ситуации укрепление торгово-экономического сотрудничества способствует экономическому развитию обоих государств. Китайская экономика переходит с этапа быстрого роста на этап качественного развития, что является важным пунктом на пути к структурной экономической перестройке. В течение этого периода темпы экономического роста замедлятся, но будут поддерживаться на определенном уровне, внутренний спрос будет расти, а спрос на энергию и другие ресурсы не будет уменьшаться. Российская экономика также начала улучшаться. Планируется, что российская экономика станет 5-й по величине экономикой в мире к 2024 г. Так как Россия столкнулась с экономическими санкциями Запада, в течение последних нескольких лет она акцентировала внимание на развитии реальной экономики, специальных отраслей обрабатывающей промышленности, создании агропромышленного комплекса. Вследствие этого «экономическое развитие Китая и России сталкивается с переходом на новую модель, которая характеризуется принципами "высокая эффективность, высокая производительность и высокая добавленная стоимость". В будущем экономическом сотрудничестве, с развитием науки и техники и структурной экономической перестройкой, обе стороны будут углублять интеграцию своих ресурсов, координировать экономическую структуру и осуществлять региональное развитие, обогащать взаимное сотрудничество, формировать новую эффективную модель китайско-российского экономического сотрудничества, которая будет приносить обеим сторонам взаимную выгоду и положительные результаты»[2].

Экономический анализ

Оценка роста объема трансграничной торговли между Китаем и Россией в 2018 г. свыше 100 млрд долларов США. Товарооборот между Китаем и Россией в 2018 г. достиг 108,779 млрд долл. США, увеличившись на 26% по сравнению с предыдущим годом. Экспорт из России в Китай составил 56,076 млрд долл. США, что составило 12,5% общего объема экспорта. В Россию из Китая было ввезено продукции на сумму 52,203 млрд долл. США, что составляет 22% общего объ-

[1] 习近平：70年是里程碑也是新起点. 人民网. 2019年6月6日 [Си Цзиньпин: 70 лет – знаменательный момент и новая отправная точка: интернет-версия «Жэньминь жибао». 6 июня 2019 г.]. Доступ: http://world.people.com.cn/n1/2019/0606/c1002-31123591.html (проверено 24.02.2020).

[2] 史春阳. 进一步深化中俄经贸合作. 中国社会科学网. 2019年2月14日 [Ши Чуньян. Дальнейшее углубление китайско-российского экономического и торгового сотрудничества. Китайская сеть социальных наук. Сайт Академии общественных наук Китая. 14 февраля 2019 г.]. Доступ: http://www.cssn.cn/zx/bwyc/201902/t20190214_4825053_1.shtml (проверено 24.02.2020).

ема импорта. Торговый профицит России с Китаем составляет 3,87 млрд долл. США. Китай во внешней торговле России занимает 1-е место с 2010 г. и сохраняет этот статус в течение 9 лет подряд. В 2018 г. товарооборот между Россией и Китаем превысил отметку в 100 млрд долл. и достиг самого высокого показателя в истории[1]. В определенном смысле можно сказать, что психологические барьеры в вопросе торговли между двумя странами были преодолены.

Далее приводятся авторские соображения по этому вопросу.

1. В 2018 г. объем торговли между двумя странами превысил 100 млрд долл. США. Следует сказать, что это большой шаг и серьезный прогресс в китайско-российских экономических и торговых отношениях, а также долгосрочная цель, которой Китай и Россия планировали достичь. В этом смысле можно назвать этот результат прорывом, который должен быть закреплен.

2. Этот результат является следствием постепенного развития торговли между двумя странами в последние годы. Как упоминалось выше, в 2017 г. объем товарооборота достиг 86,96 млрд долл. Согласно стоимостным показателям, в 2018 г. товарооборот между двумя странами увеличился на 26% по сравнению с предыдущим годом, тем не менее с точки зрения меновой торговли рост экспорта российских нефтегазовых ресурсов несколько ниже и составляет 20,2%. То же самое относится и к другим продуктам: например, в долларах США экспорт из России в Китай увеличился на 44%, а в реальном выражении – только на 14%. Поэтому резкий рост китайско-российской торговли в 2018 г. во многом связан с изменением курса рубля и более высокими темпами роста цен на энергоресурсы в 2018 г.

3. В 2018 г. китайско-российские экономические и торговые отношения не только достигли впечатляющих результатов, но и создали новые точки роста торговли. Российский экспорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья в Китай в 2018 г. составил 52,31 млрд долл. США, увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 26%, и стал третьей основной категорией российского экспорта в Китай. Обе страны также представили новые разработки в области электронной коммерции и организации рынка услуг.

4. Активно развивалось сотрудничество в ряде крупных стратегических проектов, таких как энергоресурсы, ядерная промышленность, освоение космоса, развитие инфраструктуры нейтральных территорий, а также в новых областях, таких как освоение Северного полюса, цифровая экономика и др. В совместной работе над этими проблемами страны также достигли определенного прогресса.

Перспективы развития китайско-российского торгово-экономического сотрудничества. Ради укрепления и дальнейшего развития партнерских отношений и стратегического взаимодействия и Китай, и Россия стараются и дальше развивать экономические и торговые отношения как экстенсивно, так и интенсивно.

Исходя из текущей ситуации и будущих прогнозов, существует много факторов, способствующих развитию сотрудничества между Китаем и Россией. Это проявляется в следующем.

Во-первых, как уже упоминалось ранее, Китай и Россия сталкиваются со сложной международной обстановкой, а в будущем ситуация будет только ухудшаться. Это благоприятный глобальный фактор для развития китайско-российского сотрудничества. Во-вторых, сейчас лучший период в истории китайско-российских отношений, и это также обеспечивает благоприятные политические условия для развития торгово-экономического сотрудничества

[1] 崔铮,王亚洁.全球政经大变局下的中俄合作.新华网. 2019年10月24日[ЦуйЧжэн, Ван Яцзе. Китайско-российское сотрудничество в условиях глобальных политических и экономических изменений. Xinhuanet. 24 октября 2019 г.]. Доступ: http://www.xinhuanet.com/globe/2019-10/24/c_138470422.htm (проверено 24.02.2020).

между двумя странами. В-третьих, после того, как Владимир Путин победил на выборах в марте 2018 г., появилась потребность в решении многих срочных проблем, в основном экономических. А решение экономических проблем требует большого объема капиталовложений. В президентском обращении 2016 г. Путин отметил, что главная проблема российской экономики заключается в «дефиците инвестиционных ресурсов»[1]. Вопрос в том, где взять средства, необходимые для решения экономических проблем? Фундаментальным путем решения финансовой проблемы является развитие экономики, однако текущее состояние и будущее развитие экономики зависит от объема инвестиций, который нужно увеличивать. Это трудно решить в краткосрочной перспективе. Россия стремится к привлечению иностранных инвестиций, постоянно улучшая инвестиционную среду и активно участвуя в реализации инициативы «Один пояс, один путь». Можно сказать, что это увеличивает вероятность привлечения китайских инвестиций.

Некоторые когнитивные проблемы, которые требуют своего решения в целях продвижения процесса китайско-российского экономического и торгового развития.

1. Существенных изменений в торговой структуре не произошло. В 2018 г. экспорт нефти и других сырьевых товаров из России в Китай составил 80% общего объема всего экспорта государства. В этом году Россия экспортировала в Китай 71,49 млн т нефти, что на 19,7% больше, чем в прошлом году[2]. Проблема в том, что международные тарифы на нефть безжалостны, как американские горки. Они зависят не только от спроса и предложения, но и от политических и спекулятивных факторов. Поэтому упор на сотрудничество в нефтегазовой сфере для обеспечения дальнейшего развития китайско-российских торгово-экономических отношений не является надежным путем.

2. В рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь» китайско-российское сотрудничество в области инфраструктуры не достигло значительных успехов. В последнее время сообщается, что проект высокоскоростного железнодорожного сообщения из Москвы в Казань может быть приостановлен по двум причинам. Одна из них связана с плохой экономической ситуацией в России и недостаточным объемом капиталовложений. В постройку железной дороги необходимо вложить 24 млрд долл. Даже при поддержке некоторых китайских фондов Россия не может позволить себе вкладывать столько денег в железную дорогу. Другая причина – это то, что Россия сомневается в должном обеспечении пассажиропотока железной дороги. Из-за высокой стоимости высокоскоростного железнодорожного транспорта цена билета также обречена быть высокой. В этом случае россияне будут выбирать более дешевые способы передвижения, что неизбежно скажется на пассажиропотоке. Согласно историческому опыту, большие проекты, например строительство моста Хэйлунцзян или моста Тунцзян, были отложены на много лет еще до начала реализации. Поэтому после подписания соглашений по некоторым крупным инфраструктурным проектам Китай и Россия не так легко начинают процесс реализации. По материалам «Российской газеты», опубликованным 29 декабря 2017 г., Китай в данный момент реализует 28 проектов общей стоимостью 4 млрд долл. США на Дальнем Востоке России. Проекты реализуются в разных областях, включая транспорт и логистику, туризм, лесное хозяйство, развитие энергетики, глубо-

[1] Послание Президента Федеральному Собранию. 1 декабря 2016 г. Доступ: http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379#sel=76:55:Wai,76:57:iaW (проверено 24.02.2020).

[2] 陆南泉. 俄罗斯经济：复杂又艰难的一年. 经济观察网. 2016年2月1日 [Лу Наньцюань. Российская экономика: сложный и трудный год. Экономическое наблюдение. 1 февраля 2016 г.]. Доступ: http://www.eeo.com.cn/2016/0201/282907.shtml (проверено 24.02.2020).

кую переработку стали и многие другие. В 2017 г. был также создан Китайско-российский фонд регионального развития с активом в 100 млрд юаней. За последние два года 80% азиатско-тихоокеанских инвестиций в дальневосточную экономику были внесены Китаем[1].

Будут ли эти проекты последовательно реализованы? Это вопрос, достойный внимания. Все помнят, что программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и северо-востока КНР была сформулирована совместно Китаем и Россией в марте 2007 г. и предусматривала реализацию 194 крупных и малых проектов. Однако подавляющая часть проектов не были реализованы. Именно по этой причине инвестиции со стороны Китая ограничены. В 2016 г. доля инвестиций в Россию по китайской программе инвестирования в странах, связанных с инициативой «Один пояс, один путь», составила 8,4%. В 2015 г. этот показатель составлял 16%. В 2016 г. инвестиции Китая в России сократились вдвое по сравнению с предыдущим годом и составили всего 1,29 млрд долл. США[2].

3. Взаимное политическое доверие между Китаем и Россией также нуждается в дальнейшем укреплении. В последние годы в России ослабевает мнение о Китае как о «территориальной угрозе», но отдельные эпизоды все еще присутствуют. Не так давно разгорелось недовольство по поводу китайской гидроэлектростанции на Байкале. Согласно новостям, более 50 городов России провели антикитайские демонстрации. Такие эпизоды неизбежно заставят китайские компании задуматься о безопасности инвестиций в России, что, естественно, сократит объем инвестируемых средств.

Cui Zheng, *Cand.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor, Deputy Director of the Center for Economic and Political Studies of Transition Economies, Liaoning University, China (cz197897@sina.com)*

POLITICAL ECONOMIC ANALYSIS OF SINO-RUSSIAN COMPREHENSIVE RELATIONS OF STRATEGIC INTERACTION AND PARTNERSHIP IN THE NEW ERA

Abstract. *The article presents an analysis of the state of Sino-Russian relations in recent years and emphasizes new positioning of Sino-Russian relations at the present stage, taking into account new geopolitical factors. The author notes significant successes in the development of economic and trade cooperation between China and Russia, but also shows risks and problems to be taken into account and resolved to advance the process of Sino-Russian economic and trade development.*

Keywords: *China, Russia, strategic interaction and partnership, new era, cross-border trade, Sino-Russian economic and trade cooperation, «one belt, one way»*

---

[1] Дробышева И. От локальных проектов к трансграничной кооперации. – *Российская газета*. 29.12.2017. Доступ: https://rg.ru/2017/12/29/kitaj-realizuet-na-dalnem-vostoke-28-proektov-na-4-mlrd-dollarov.html (проверено 24.02.2020).

[2] 中国对外投资合作发展报告（2013–2017）,中华人民共和国商务部 [Отчет о развитии сотрудничества в сферах иностранных инвестиций Китая. 2013–2017 гг. Министерство коммерции КНР]. Доступ: http://fec.mofcom.gov.cn/article/tzhzcj/tzhz/ (проверено 24.02.2020).

УДК 327.8

МЕДУШЕВСКИЙ Николай Андреевич – доктор политических наук, доцент кафедры культуры мира и демократии Российского государственного гуманитарного университета (115446, Россия, г. Москва, Коломенский пр., 21; Lucky5659@yandex.ru)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «COUNTERING SECTARIANISM IN THE MIDDLE EAST»

Аннотация. *Статья представляет собой рецензию на монографию коллектива авторов «Countering Sectarianism in the Middle East». Монография, название которой переводится как «Противодействие сектантству на Ближнем Востоке», посвящена проблематике религиозной нестабильности и связанной с ней политической и социальной нестабильности в исследуемом регионе. Монография содержит общую аналитическую часть, а также авторские главы по Ливану, Бахрейну, Сирии и Ираку.*
Ключевые слова: *секты, нестабильность, ислам, этнорелигиозный конфликт*

Монография «Countering sectarianism in the Middle East» [Countering... 2019], название которой дословно можно перевести на русский язык как «Противодействие сектантству на Ближнем Востоке», увидела свет в 2019 г. Книга стала результатом работы группы авторов, представляющих всемирно известный американский аналитический центр *RAND Corporation*. Все авторы, в числе которых *Jeffrey Martini*, *Dalia Dassa Kaye*, *Becca Wasser*, *Amanda Rizkallah*, *Justin Gengler*, *Kathleen Reedy* и *Ami Carpenter*, представляют действующий в корпорации Центр по вопросам государственной политики на Ближнем Востоке. Данное объединение влиятельно и авторитетно. В числе проектов, которыми занимается центр, можно назвать «Образование, здравоохранение и экономическое развитие на Ближнем Востоке», «Сирия, Ирак и ИГИЛ», «Иран», «Беженцы и миграция», «Израиль и израильско-палестинский конфликт», «Региональная политика и безопасность», «Ближневосточная молодежь» и «Художественная культура на Ближнем Востоке». Все перечисленные исследования оказывают определяющее влияние на политику США.

Не менее авторитетен и редакторский состав данной монографии. Так, к примеру, Джеффри Мартини является старшим исследователем Ближнего Востока в корпорации *RAND*, где он работает над политическими вопросами и вопросами безопасности в арабском мире. Мартини также провел год в качестве руководителя отдела Северной Африки в бюро операций по урегулированию конфликтов и стабилизации Государственного департамента. Он опубликовал статью о безопасности Арабского залива, стабилизации в Сирии, гражданско-военных отношениях в Египте и поколенческих разногласиях внутри «Братьев-мусульман».

Далиа Дасса Кайя является директором Центра государственной политики Ближнего Востока и старшим политологом Корпорации РЭНД. До прихода в *RAND* Кайя жила в Нидерландах, где работала в качестве члена Совета по международным отношениям и международным делам при Министерстве иностранных дел Нидерландов и преподавала в университете Амстердама. Она является лауреатом многих премий и стипендий, включая исследовательскую стипендию Института Брукингса и стипендию Джона У. Гарднера для государственной службы.

Третий редактор – Бекка Вассер – является старшим политическим аналитиком в корпорации *RAND*, где ее основные научные направления включают *wargaming*, международную безопасность, а также оборону и внешнюю поли-

тику США на Ближнем Востоке. До прихода в *RAND* Вассер работала аналитиком-исследователем в Международном институте стратегических исследований *(IISS*).

Таким образом, можно констатировать, что редакторами и авторами монографии «*Countering Sectarianism in the Middle East*» выступили действующие аналитики, формирующие политические взгляды на ближневосточную политику. Эти же взгляды они отразили и в самой работе.

Переходя к анализу текста самой работы, следует отметить, что «сектантство» – центральное понятие исследования – трактуется в работе как негативное явление, разрушающее регион Ближнего Востока. В то же время авторы констатируют, что вне зависимости от того, что является источником сектантства – религиозный раскол, большая политика или локальный сепаратизм, само сектантство является продуктом современного развития региона и обусловлено уровнем жизни и мировоззрением местных жителей, которые склонны трактовать меняющийся миропорядок через призму религиозных установок.

В то же время авторы не склонны абсолютизировать роль сектантства, которое скорее выступает в их работе в качестве общего знаменателя происходящих изменений. Они отмечают, что, несмотря на кровавые конфликты между этнорелигиозными группами, они, тем не менее, не идут по пути разрушения собственной идентичности и сохраняют потенциал, необходимый для компромиссного взаимодействия в будущем.

Так как сама работа является результатом исследования группы политологов-аналитиков, специализирующихся на разных кейсах, то вполне естественно, что в работе доминирует междисциплинарный и трансрегиональный подход. Так, в частности, исследование построено на обращении авторов к изучению четырех регионов Ближнего Востока: Ливана, Бахрейна, Сирии и Ирака. Применительно к каждому региону авторы изучают специфические кейсы, связанные, например, с выборами в Бахрейне, обстановкой в Багдаде или факторами внешней поддержки и гражданской войны в Сирийской Арабской Республике.

Кроме того, в первой главе большое внимание авторы уделяют общим вопросам и подробно говорят об неустойчивости межсекторального сотрудничества в арабских обществах, рассматривают литературу по сектантству и обращаются к взглядам ведущих политиков. В первой главе также проводится анализ принципов, которые способны, на взгляд авторов, стабилизировать ближневосточные общества. В числе данных принципов в первую очередь называется управление границами, которое должно препятствовать попаданию в тот или иной регион дестабилизирующих группировок, в т.ч. сектантской направленности.

Второй фактор – это роль политических лидеров, которые не должны терять легитимность. В противном случае это превращается в окно возможностей для радикалов. Для стабилизации режимов авторы считают необходимым некоторое открытие политического пространства, по крайней мере на местном уровне, для создания общественной дискуссии вокруг вопросов, которые выходят за рамки сектантства, будь то экономическое развитие, реформа образования, расширение прав и возможностей женщин или экологические проблемы. Это, в свою очередь, должно повысить уровень жизни граждан и сделать их менее восприимчивыми к радикальным идеям. Как пишут авторы, это не значит настаивать на выборах или поддерживать конкретных лидеров оппозиции или партий. Скорее акцент должен быть сделан на открытии пространства на местном уровне для вовлечения гражданского общества как мирного канала для выражения жалоб и обсуждения политических вызовов, которые пересекают сектантские повестки дня.

Отдельно следует отметить тезис авторов о необходимости ограничить зарубежное финансирование сектантских лидеров и партий, что должно лишить радикалов основных источников притока ресурсов.

Перечисленные факторы представляют лишь часть идей американских исследователей, но показательно, что даже эти перечисленные идеи в некоторых вопросах идут вразрез с американской политикой на Ближнем Востоке, которая как раз и основана на проницаемости границ, внешнем финансировании и поддержке конкретных лидеров.

Несмотря на обозначенный парадокс, книга, тем не менее, представляет огромный интерес в силу остроты изучаемой в ней проблемы, т.к. миротворческий процесс на Ближнем Востоке действительно невозможен без объединения усилий многих политических акторов и без выработки разумных и выверенных рецептов преодоления конфликтов, в т.ч. и в религиозной сфере.

В данной связи следует отметить, что книга «Countering Sectarianism in the Middle East», несомненно, будет интересна российским исследователям и может быть использована в процессе подготовки студентов – политологов и востоковедов.

Список литературы

Countering Sectarianism in the Middle East (ed. by J. Martini, D. D. Kaye, B. Wasser). Santa Monica, Calif.: RAND Corporation. 2019. 138 p.

MEDUSHEVSKY Nikolai Andreevich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of Peace Culture and Democracy, Russian State University for the Humanities (21 Kolomensky Pass, Moscow, Russia, 115446; Lucky5659@ yandex.ru)

BOOK REVIEW «COUNTERING SECTARIANISM IN THE MIDDLE EAST»

Abstract. *The article presents a review of the monograph by the authors' team, «Countering Sectarianism in the Middle East» (ed. by J. Martini, D.D. Kaye, B. Wasser). The monograph is devoted to the problems of religious instability and the related political and social instability in the Middle East Region. The monograph contains a general analytical part, as well as chapters on Lebanon, Bahrain, Syria and Iraq.*

Keywords: *sects, instability, Islam, ethno-religious conflict*

ВЛАСТЬ

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – **ООО «Редакция журнала «Власть»**
Издатель – **ООО «Редакция журнала «Власть»**

Исполнительный директор: Владимир Наумовский
Зам. исполнительного директора: Валерий Зотов
Верстка: Наталия Захарова

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает мнение редакции

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Власть» обязательна.

Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации Российской Федерации в 1993 г.
Свидетельство о регистрации (перерегистрация) ПИ № ФС77–19000 от 29 ноября 2004 г.
Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, офис 512, тел. (499) 125-5491.
E-mail: atro-valentina@yandex.ru
Сайты журнала: www.vlast.msk.ru, www.isras.ru

Представительства:
Дальневосточный федеральный округ – Яна Голобокова, тел. 8-924-103-7480
Центральный федеральный округ – Елена Комаровская, тел. 8-915-542-5051

Формат 70x100 1/16. Бумага офс. № 1. Печать офсетная. Объем 10 п. л. Тираж 550 экз. Заказ №
Отпечатано: ООО «Астра-полиграфия». Москва, ул. Полярная, д. 33 б. Тел. 8-495-476-7487
Подписано в печать 08.06.2020. Дата выхода 24.06.2020

В розницу – цена свободная

Содержание журнала «ВЛАСТЬ» за 2009–2019 годы опубликовано
на сайте издания www.vlast.msk.ru и www.isras.ru

© Власть, 2020